МВД России
Санкт-Петербургский университет

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы
международной научно-практической конференции
12 декабря 2025 года

Санкт-Петербург
2025

План-график 2025, поз. 136
План НД 2025, п. 11 раздела III

УДК 343.1
ББК 67.412
У26

У26 Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12 декабря 2025 года / сост.: А.Б. Судницын, А.И. Цыреторов, О.А. Чабукиани, О.И. Даровских, Е.С. Алексеева, Е.С. Кетенчиева, К.Р. Погорелова — Электрон. дан. (2,96 Мб). — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. — 1 электрон. опт. диск. — Систем. требования: ПК с процессором IntelCorei3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD–ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA800×600.16bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-00277-012-0
EDN: INCNMN

Сборник сформирован по материалам, представленным на V международную научно-практическую конференцию «Уголовное судопроизводство России и зарубежных стран: проблемы и перспективы развития» (Санкт-Петербург, 12 декабря 2025 г.).

В сборнике представлены научные статьи ученых и практиков, а также адъюнктов, курсантов и слушателей по актуальным вопросам российского и зарубежного уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики.

Издание рассчитано на преподавателей, адъюнктов, курсантов, слушателей и студентов образовательных организаций, а также практических работников правоохранительных органов.

Научные статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия:

Председатель:
Судницын А.Б., кандидат юридических наук, доцент.
Заместитель председателя:
Цыреторов А.И., кандидат юридических наук, доцент.
Члены редакционной коллегии:
Чабукиани О.А., доктор юридических наук, доцент;
Даровских О.И., доктор юридических наук, доцент;
Алексеева Е.С., кандидат юридических наук, доцент;
Кетенчиева Е.С., кандидат юридических наук.
Секретарь: Погорелова К.Р.

ISBN 978-5-00277-012-0

© Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025
© Авторский коллектив, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абрамова Л.Л. Об архаичности порядка вызова на допрос свидетелей и потерпевших в досудебном производстве 9

Алексеева Е.С. Направления совершенствования института неотложных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве 12

Большаков К.А. Прекращение уголовных дел о налоговых преступлениях в судебных стадиях 16

Брянская Е.В. Доказывание в уголовном судопроизводстве России: его основы и перспективы 20

Вастьянова О.Д. К вопросу о правовой природе норм УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном процессе 23

Гамзаева А.Б. Некоторые проблемы прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) в периоды мобилизации, военного положения либо в военное время 30

Зайцева Е.В. Возможности преодоления признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами 37

Захарова А.А. Правоприменительная практика установления оснований для возбуждения уголовного дела. Проблемы и пути решения 42

Зинчук А.В. Презумпция знания уголовного и уголовно-процессуального закона, ее практическое значение в уголовном судопроизводстве России 48

Ибраев Р.А. Защита прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве и некоторые способы профилактики их девиантного поведения 52

Калачева А.В. Задержание подозреваемого органом дознания как объект уголовно-процессуального регулирования 56

Кетенчиева Е.С. Современные технологии в уголовном процессе: электронные доказательства, блокчейн и искусственный интеллект 60

Кондрашин П.В. Некоторые проблемы реализации прав обвиняемого с ограниченными возможностями (на примере конкретного уголовного дела) ... 64

Кравченко М.В. Содержание и соотношение используемых в науке уголовного судопроизводства терминов, понятий и категорий, применимо к словосочетанию «правовая неопределенность» 68

Круглова К.Д. Способ совершения хищения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), как обстоятельство, подлежащее доказыванию 72

Кубрикова М.Е. Понятие и назначение уголовного процесса России и иных государств-участников СНГ 76

Кузнецова Е.В. О возможности наделения прокурора правом разрешения ходатайства на завершающем этапе предварительного расследования 80
Курбатова С.М. Вопросы обеспечения надлежащего участия в производстве по уголовным делам лиц с ограниченными возможностями: зарубежный опыт 84
Кутуев Э.К., **Исмагилов Р.А.** Процессуальные вопросы исполнения приговора в новых субъектах Российской Федерации, образованных в 2022 году 89
Лазарева Л.В. Использование специальных знаний в досудебном уголовном процессе: правомерность или злоупотребление правом 97
Лантух Н.В. Феномен общеправового понятия «иск» и его соотношение с уголовным преследованием и обвинением 103
Липинский А.П. Использование следователем специальных медицинских знаний при принятии процессуальных решений 111
Мезенцев И.В. Условное и безусловное право на переводчика в уголовном процессе 116
Мельникова С.В. Специальные знания в фокусе коллизии: соблюдение баланса прав и безопасности при назначении и реализации принудительных мер медицинского характера 119
Михайлова Т.Н. «Подотрасль права» как категория уголовно-процессуального права: забыта, едва появившись на свет 124
Мищенко Е.В., **Никурадзе Н.О.**, **Марина Е.А.** К вопросу об использовании в уголовном процессе «электронных» доказательств 128
Молунова Н.И. Выбор надлежащей процедуры принудительного изъятия, предметов, документов и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела 133
Монетов А.Г. К вопросу о некоторых проблемах производства следственных действий 139
Мухортова Ю.П. Правовые условия прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба или деятельным раскаянием в качестве альтернатив уголовному преследованию 144
Николюк В.В. Современное уголовно-процессуальное право России: внутренняя организация норм; общая и особенная части; институты (подинституты) и подотрасли уголовно-процессуального права; особые производства; межотраслевые связи; УПК и закон об ОРД 148
Оганесян А.Р. Некоторые вопросы уголовно-процессуального статуса розыскного производства 154
Огарь Ю.А. Презумпция отсутствия события преступления как общее условие стадии возбуждения уголовного дела 158
Первушина Е.С. Уголовно-процессуальные аспекты института прекращения уголовного дела 163

Петраков С.В. Трансформация презумпции невиновности в презумпцию виновности 167
Поликарпова О.С. Некоторые проблемные аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности в российском уголовном судопроизводстве 171
Прохорова Е.А. Являются ли постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками уголовно-процессуального права? 176
Редкоус В.М. О механизме судебного разбирательства по делам о коррупции и делам, связанным с коррупцией (опыт Республики Молдова) 182
Русаков А.Г. Универсальный институт доказательств в контексте концепции унификации доказательств 187
Сафронов Д.М. Иные виды государственной деятельности как источники информации для уголовного судопроизводства в особых условиях: совершенствование взаимодействия 193
Семенов Е.А., **Назарова М.Д.** Обеспечение возможности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности 198
Сотникова Ю.Н. Использование судами информационных технологий в уголовном судопроизводстве 207
Спирин А.В. О перспективах исследования уголовно-процессуального статуса прокурора 211
Степанова И.С. Использование специальных знаний при расследовании киберпреступлений, совершённых с использованием служебного положения 215
Судницын А.Б. Запрет на дачу ложных показаний обвиняемым 221
Татьянин Д.В. Дискуссионные вопросы использования технических средств и информационных технологий при рассмотрении судом ходатайств следователя о производстве следственных действий 227
Татьянина Л.Г. Особенности принятия решения об участии в судебном заседании лица, имеющего психическое расстройство психотического уровня, совершившего преступление, по законодательству РФ и Великобритании 232
Удовиченко В.С. О проблеме тайны в уголовном процессе 237
Удодов Г.А. О перспективных направлениях уголовно-процессуального сотрудничества в странах БРИКС 241
Хелефов А.М. Личность мошенника в сфере цифровых технологий как обстоятельство, подлежащее доказыванию по уголовному делу 245
Холзода У.Х. В отношении мигрантов в законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан необходимо предусмотреть новую меру пресечения – передачу под надзор полиции (милиции) 249
Хорев М.В. Международное сотрудничество в сфере получения электронных доказательств: новые вызовы и процессуальные механизмы 253

Цыреторов А.И. Судебная экспертиза как инструмент обеспечения и защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве 257
Шадрин В.С. Уголовно-процессуальная политика России и ее современные приоритеты 261
Шалагина З.А. Доступ к правосудию - принцип уголовного процесса..... 266
Шунк В.Э. Порядок проверки в уголовном процессе материалов оперативно-разыскной деятельности на предмет наличия оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий 269
Юшина К.А. Анализ современных проблем назначения и производства судебных экспертиз в отношении живых лиц 274
Якубук В.В. Прокурорский надзор и процессуальный контроль за законностью решения об отказе в возбуждении уголовного дела 279

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 284

Агаркова А.П., **Зотов Д.А.** Использование следователем специальных знаний о девиантности несовершеннолетних в рамках расследования преступлений 284
Бачо И.И. Процессуальный статус «заказчика» в уголовных делах о незаконной банковской деятельности 288
Васенин Т.А. Использование защитником средств аудио-фиксации в ходе следственных действий 293
Гладышева В.В. Ошибки следственных органов и процессуальные средства их выявления в процессе доказывания по уголовному делу 298
Гуц А.Ю. Правовая природа вещественных доказательств, связанных с использованием средств индивидуальной мобильности в уголовном судопроизводстве 304
Даршт Я.Р. Проблема перегруженности судов РФ при рассмотрении уголовных дел 309
Джанболатов А.Э. Нейрокогнитивная экспертиза в уголовном судопроизводстве: перспективы внедрения 313
Дорофеев И.В. Трансформация досудебной стадии уголовного процесса в контексте становления информационного общества 318
Дубский М.А. Способы обеспечения и защиты прав участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации 322
Евтуховская О.А. Взгляд на формы участия сведущих людей в отечественном уголовном судопроизводстве: от прошлого к настоящему 326
Журавлева М.Д. Отношение сотрудников следственных подразделений к использованию информационных технологий в расследовании преступлений 330

Зайцев Д. Особенности квалификации легализации доходов и иного имущества, полученных преступным путем, совершенные группой лиц по предварительному сговору 334
Иволгина В.Ю. Использование искусственного интеллекта в процессе реформирования уголовно-процессуальной деятельности следователя..... 340
Киселева Л.Ю. Обеспечение принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве 344
Конарева А.С. Ошибки следователя при интерпретации результатов судебных экспертиз: типы и последствия 348
Коростошевская Г.А. Осмотр мобильного телефона в следственной практике: проблемные аспекты 353
Лебедева К.А. Проблемы и перспективы интеграции инновационных технологий в методологию судебно-экспертной деятельности 357
Вяльдина П.А., **Лифанов А.А.** Обеспечение прав участников уголовного процесса при применении принудительных мер медицинского характера: проблемы реализации и пути совершенствования 363
Локтева А.А. Использование технологий распознания лиц в уголовном процессе (на примере системы «Оплата улыбкой» от Сбербанка)..... 369
Миронова Г.А. Анализ проблем применения запрета на общение с определёнными лицами в рамках запрета определённых действий как меры уголовно-процессуального принуждения 374
Москаленко Д.А. Некоторые аспекты взаимодействия дознавателя с экспертно-криминалистическими подразделениями при расследовании по уголовным делам, возбужденным по ст. 264.1 УК РФ 379
Нафигин Д.И. Риски признания результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми в уголовном судопроизводстве 383
Нестеров В.С. Способы фальсификации доказательств в досудебном производстве по уголовным делам..... 390
Нисневич А.К. Цифровые доказательства в современном судопроизводстве: аргументы в пользу формирования новой процессуальной категории 397
Новосельская Е.Р. Некоторые вопросы симуляции психического заболевания лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности..... 404
Погорелова К.Р. Реализация программ восстановительного правосудия при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ 410
Райская С.И. Правовые гарантии субъектам предпринимательской деятельности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по экономическим преступлениям..... 418
Рыбина Е.А. Об особенностях заочного обвинения в уголовном судопроизводстве России 423
Семенова К.В. Расследование киберпреступлений в современных условиях: вызовы, методы и правовые аспекты 428

Сидякова Д.Н. Некоторые проблемы приобретения статуса подозреваемого в порядке пп. 2,3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ 432
Филин М.В.Уголовно-процессуальные аспекты расследования преступлений, связанных с донорством и трансплантацией органов и тканей человека 436
Фок С.В. Дифференциация досудебного производства Итальянской Республики и Российской Федерации 442
Черкасова Ю.А. К вопросу о важности существования раздела II УПК РФ в контексте исследования категории участников, обладающих неопределённым процессуальным статусом 446
Шарыпкина С.Д. Некоторые проблемы назначения и производства экспертизы в уголовном судопроизводстве России 450
Шулятицкий И.А. In dubio pro duriore, или опыт европейского уголовного судопроизводства 455
Экгардт А.В. К вопросу о выделении уголовно-процессуальных гарантий правосудия из института уголовно-процессуальных гарантий в российском уголовном судопроизводстве 459

EDN: ZTYWJB

Абрамова Любовь Леонидовна,
начальник кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Об архаичности порядка вызова на допрос свидетелей и потерпевших в досудебном производстве

Аннотация: в статье анализируется действующий порядок вызова на допрос свидетелей и потерпевших в ходе предварительного расследования, который реализуется одним императивным способом – путём направления повестки, передаваемой лично под расписку, либо с помощью средств связи. Автором отмечается необходимость дополнения порядка оповещения возможностью вызова через мессенджеры мобильной связи или электронной почте. Указанное предлагается распространить и на другие институты – уведомление о принятых решениях, ознакомление с материалами дела.

Ключевые слова: вызов; допрос; повестка; средства связи; смс-оповещение; неявка; уважительные причины; иные меры процессуального принуждения.

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает в ст. 188 УПК РФ порядок вызова на допрос свидетелей и потерпевших в досудебном производстве. В качестве формы вызова на допрос предусматривается повестка, а порядок ее вручения заключается в передаче вызываемому лицу лично под расписку, либо с помощью средств связи.

Повестка, которой свидетель или потерпевший вызывается на допрос, служит официальным документом, порождающим правоотношение с субъектом, проводящим расследование. Во-первых, с момента её направления лицо приобретает статус свидетеля. Во-вторых, отметка на повестке органа расследования о периоде времени нахождения по вызову является основанием для отсутствия на работе, требования о выплате заработной платы за указанное время, а также для возмещения расходов, понесенных в связи с явкой.

Нормативно закреплено содержание повестки, указывается кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин.

В качестве способов вызова допускается направление повестки по почте, нарочным, с помощью средств связи. Однако, о каких именно средствах связи идет речь в тексте не сказано, что составляет неясность для правоприменителя.

Гарантией реализации порядка вызова на допрос является положение части 3 вышеуказанной статьи, предусматривающей, что в случае неявки без уважительных причин лицо, вызываемое на допрос, может быть подвергнуто приводу, либо к нему могут быть применены иные меры процессуального принуждения, предусмотренные статьей 111 УПК РФ.

Между тем, вызывающий на допрос должен получить подтверждение, что повестка дошла до адресата. Без этого подтверждения в случае неявки лиц принудительный привод на допрос будет недопустимым. Таким образом, при наличии неопределённости в вопросе о способах вызова на допрос механизм реагирования на неправомерное поведение в виде неявки по вызову нельзя считать совершенным.

По результатам проведенного анкетирования действующих сотрудников следственных подразделений СУ МУ МВД России «Красноярское», а также на основе анализа уголовных дел установлено, что в 95 % случаев, лица для производства следственных действий не вызывались по повестке, а их оповещение о необходимости явиться осуществлялось либо устно при личной встрече, либо посредством телефонной связи. Причем, в современной практике правоохранительные органы для вызова на допрос активно используют мессенджеры, такие как MAX, Telegram, WhatsApp. Хотя это и не предусмотрено законодательством напрямую, запрещенными такие действия интерпретировать нельзя. Но дело в том, что коль положения УПК РФ прямо не рассматривают данные способы в качестве надлежащего извещения, это не позволяет впоследствии использовать сведения о подобном вызове в качестве легитимных оснований применения привода.

В этой связи необходимо остановиться на ряде важных моментов, которые имеют сугубо практическое значение.

Итак, конкретные виды средств связи в УПК РФ не указаны. Согласно Федеральному закону от 07.07.2003 №126-ФЗ «О связи», средства связи определяются как технические и программные инструменты, используемые для создания, приёма, обработки, хранения, передачи и доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также другие устройства, применяемые при оказании услуг связи и функционировании сетей связи.

Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет понятие «организатор распространения информации в сети Интернет» как лицо, осуществляющее деятельность по поддержанию функционирования информационных систем и программ для ЭВМ, предназначенных для приёма, передачи, доставки и обработки электронных сообщений пользователей. Это определение соотносится с понятием «мессенджера» – сервиса для обмена мгновенными сообщениями.

Пункт 10 части 2 указанного закона определяет электронное сообщение как информацию, переданную или полученную пользователем через информационно-телекоммуникационную сеть. Пункт 11.1 той же нормы вводит понятие электронного документа как документированной информации в электронной форме, пригодной для восприятия человеком с помощью ЭВМ, а также для передачи по сетям или обработки в информационных системах.

Таким образом, проведенный системный анализ законодательства позволяет, по-нашему мнению, сделать вывод, что в рамках действующего законодательства мессенджеры могут рассматриваться как средства связи. При этом, по данному вопросу высказал свою позицию Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений указав, что использование мессенджеров для уведомления лиц о вызове на допрос допустимо только при условии согласия адресата на такой способ уведомления и при документальном подтверждении факта отправки и доставки извещения.

Согласие на получение извещения подтверждается распиской, где, помимо данных об участнике уголовного процесса и его согласия на уведомление через мессенджеры, указывается номер мобильного телефона, к которому привязано соответствующее программное обеспечение.

Следовательно, учитывая существующие механизмы оповещения участников в судебном производстве (гражданском, административном, арбитражном), при наличии соответствующего согласия, видится возможным разрешение обозначенных проблем. Таким образом, существующий в досудебном производстве порядок оповещения участников следует дополнить возможностью вызова по номеру телефона или адресу электронной почты, предоставленному в качестве контактного должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование.

Причём применение предложенных инструментов возможно распространить и на другие институты, таких как уведомление участников о принятых решениях, ознакомление с материалами уголовного дела и др. Перспективной площадкой для внедрения цифрового уведомления в уголовном судопроизводстве при должной технической проработке вопроса мог быть явиться Портал государственных услуг Российской Федерации.

В результате интеграции цифровых нововведений будут обеспечены:

1) реализация предусмотренных прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство;

2) возможность дальнейшего применения мер уголовно-процессуального принуждения к неявившимся по вызову;

3) предотвращение злоупотреблений со стороны властных участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС КонсультантПлюс.

©Абрамова Л.Л., 2025

EDN: ZIIVLQ

Алексеева Елена Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Направления совершенствования института неотложных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования и практического применения института неотложных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве. На основании проведенного исследования автором определены основные направления совершенствования данного института; обоснована необходимость развития нормативно-правовой базы и процессуальных механизмов, направленных на повышение оперативности и эффективности раскрытия преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс; орган дознания; следственные действия; неотложные следственные действия; эффективность расследования; совершенствование законодательства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство в главе, посвященной общим условиям предварительного расследования, закрепляет нормы, которые наделяют органы дознания полномочиями по возбуждению уголовных дел и производству неотложных следственных действий при наличии признаков преступлений, по которым является обязательным проведение предварительного следствия. Необходимость данного института обусловлена тем, что органы дознания в силу специфики своей деятельности имеют более широкие возможности по оперативному реагированию на совершенное преступное деяние, нежели органы следствия. Важно отметить, что данные полномочия реализуются ими в случаях, когда следователь по объективным причинам не может оперативно прибыть на место происшествия и приступить к производству расследования, что, в свою очередь, может поставить под угрозу сохранность доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

В настоящее время определение неотложных следственных действий закреплено в п. 19 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Как признается в правовой науке, сам факт включения данного термина в перечень основных понятий, используемых УПК РФ, свидетельствует о признании законодателем значимой роли неотложных следственных действий в структуре предварительного расследования.

Несмотря на то, что от качества производства неотложных следственных действий во многом зависит эффективность расследования уголовного дела и, как следствие, раскрытие преступления, анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показывает, что в настоящее время существует ряд проблем, препятствующих эффективной реализации норм, составляющих институт неотложных следственных действий.

В рамках данной работы выделим основные направления совершенствования рассматриваемого института. В первую очередь, отметим необходимость дальнейшей разработки понятийного аппарата. Согласимся с высказыванием А.С. Бахты о том, что «вряд ли есть предпосылки для того, чтобы считать бесспорно состоявшимся институт неотложных следственных действий, если ключевая категория этого института – неотложные следственные действия – получившая закрепление в п. 19 ст. 5 УПК РФ, имеет в юридической литературе десятки различных интерпретаций. Причем определение неотложных следственных действий дается в отсутствие в УПК РФ общего понятия следственных действий» [1, с. 17]. Данная проблема является одной из наиболее острых в уголовно-процессуальной науке. Попытки выяснить позицию законодателя относительно понятия и содержания следственных действий путем комплексного анализа норм УПК РФ еще больше запутывают ситуацию. Например, из ч. 1 ст. 164 УПК РФ следует, что законодатель под следственным действием, помимо прочего, понимает наложение ареста на имущество, что, в свою очередь, противоречит устоявшемуся в уголовно-процессуальной науке подходу, согласно которому следственным действиям, в отличие от других процессуальных действий, присущ познавательный характер. Возникает логичный вопрос: может ли орган дознания в рамках рассматриваемой нами деятельности инициировать принятие решения о наложении ареста на имущество в случаях, если есть основания полагать, что промедление спровоцирует риск его утраты? Не углубляясь в проблематику относительно правовой сущности данного термина, отметим, что для наиболее точного определения понятия и признаков неотложных следственных действий необходимо определить понятие и систему самих следственных действий как базовой категории анализируемого института.

В рамках данной работы нельзя не упомянуть более обширную проблему правового регулирования института неотложных следственных действий, а именно несогласованность отдельных положений УПК РФ, применяющих данный термин. Так, из определения, закрепленного в п. 19 ст. 5 УПК РФ, следует, что субъектом производства неотложных следственных действий является исключительно орган дознания. Вместе с тем, приведенная позиция законодателя противоречит другой уголовно-процессуальной норме - закрепленной в ч. 5 ст. 152 УПК РФ. В ней указывается, что в случае неподследственности уголовного дела неотложные следственные действия вправе проводить также следователь. Таким образом, налицо непоследовательность и внутренняя несогласованность норм, регулирующих применение термина «неотложные следственные действия».

Также нельзя не отметить, что в правоприменительной деятельности имеет место смешивание таких уголовно-процессуальных и криминалистических терминов как «неотложные следственные действия», «производство следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства», «следственные действия, производимые до возбуждения уголовного дела, в том числе, в случаях, не терпящих отлагательства», «первоначальные следственные действия». Данный вывод следует из анализа деятельности как органов предварительного расследования, так и судов. В свою очередь, очевидно, что речь идет о разных уголовно-процессуальных институтах. Как верно отмечается в правовой науке, «фактически сейчас складывается весьма опасная ситуация непонимания практическими работниками сущности и понятия неотложных следственных действий. Зачастую к ним относят все процессуальные действия, выступающие средствами доказывания, которые проводятся на первоначальном этапе расследования уголовного дела» [2, с. 149]. От себя добавим, что и не только на первоначальном этапе, если, например, речь идет о производстве следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства.

Безусловно, подобная ситуация крайне негативно сказывается на правоприменительной практике правоохранительных органов. Полагаем, в настоящее время очевидна необходимость в совершенствовании правового регулирования института неотложных следственных действий в целях обеспечения единства регулирующих его норм. Для реализации указанной цели предлагаем рассмотреть возможность разработки специального термина, обозначающего производство следственных действий по уголовным делам о преступлениях, неподследственных субъекту, его осуществляющих.

Далее обратимся еще к одному направлению совершенствования института неотложных следственных действий, необходимость в котором назрела достаточно давно. Дело в том, что на сегодняшний день анализируемому виду уголовно-процессуальной деятельности органа дознания в УПК РФ посвящена всего одна статья – ст. 157. Ее содержание позволяет сделать вывод, что в ней сформулированы лишь общие установки рассматриваемого уголовно-процессуального института, чего явно недостаточно для его успешного применения [3, с. 222]. В связи с этим, видится необходимыми разработка и законодательное закрепление таких аспектов как основания и условия производства неотложных следственных действий.

Помимо законодательных, отметим проблемы и прикладного характера. Так, анализ правоприменительной деятельности показывает, что в практике правоохранительных органов нормы, регулирующие производство неотложных следственных действий, преимущественно, не применяются, оставаясь лишь формальным провозглашением [4, с. 157]. Результаты, свидетельствующие о нераспространенности применения норм ст. 157 УПК РФ, были получены и в ходе опросов сотрудников правоохранительных органов г. Санкт-Петербурга, Республики Карелия, Псковской области. Подобное положение вещей подтверждается и эмпирическими данными, сформированными в ходе иных научных исследований [5, с. 222-234].

На наш взгляд, причины подобного игнорирования органами предварительного расследования возможностей неотложных следственных действий во многом объясняются несовершенством действующих уголовно-процессуальных норм, регулирующих анализируемый институт. В рамках данной статьи нами был выявлен ряд проблем, свидетельствующих о противоречивости и непоследовательности отдельных правовых положений УПК РФ, а также о наличии пробелов в вопросах правовой регламентации института неотложных следственных действий.

Поводя итоги, отметим, что, несмотря на важную роль такого направления деятельности органа дознания как производство неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, в настоящее время состояние данного института вряд ли можно назвать удовлетворительным. Решение данной проблемы видится, в первую очередь, в совершенствовании уголовно-процессуальных норм, регулирующих рассмотренный вид деятельности.

Список литературы:

1. Бахта А. С. О понятийном аппарате института неотложных следственных действий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 4(53). – С. 14-20.

2. Токарева Е.В., Хоршева В.С., Еремин С.Г. Неотложные следственные действия: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуальных норм, регламентирующих их производство // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2020. - № 1(52). – С. 145-153.

3. Седельников П.В. Правовое регулирование производства органом дознания неотложных следственных действий // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей / отв. ред. И.В. Чаднова. Том 71. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2016. – С. 221-226.

4. Гриценко Т.В. Проблемы определения сущности и места неотложных следственных действий в структуре уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с УПК РФ // Юристъ-Правоведъ. - 2018. - № 4. - С. 157-162.

5. Калачева А.В. Орган дознания как субъект уголовно-процессуальных правоотношений: дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2023. – 241 с.

© Алексеева Е.С., 2025

EDN: ZBNZPV

Большаков Кирилл Артемович,
руководитель третьего отдела
по расследованию особо важных дел
(с дислокацией в городе Санкт-Петербург),
Западное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации

Прекращение уголовных дел о налоговых преступлениях в судебных стадиях

Аннотация: автор охарактеризовал судебно-процессуальный механизм разрешения судом уголовно-правого налогового спора путем прекращения уголовного дела. Особое внимание уделено тем нереабилитирующим основаниям прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях, которые можно отнести к компенсаторно-договорным. Сделан ряд предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего порядок прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях в суде.

Ключевые слова: налоговое преступление; прекращение уголовного дела; нереабилитирующее основание; судебные стадии.

К настоящему времени законодателем создан достаточно эффективно работающий уголовно-процессуальный механизм мирного разрешения уголовно-правового конфликта между государством и налогоплательщиком, совершившим налоговое преступление, который полностью возместил причиненный ущерб. Центральной деталью этого уголовно-процессуального механизма являются нормы статьи 28^1 УПК РФ, регулирующие правоотношения между субъектами как в досудебных стадиях, так и в стадиях судебных. В любой части уголовного судопроизводства лицо, совершившее налоговое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если полностью возместит вред, причинный бюджету в результате нарушения законодательства о налогах и сборах.

Назначение данного уголовно-процессуального механизма состоит в максимально быстром разрешении уголовного дела, то есть еще в досудебных уголовно-процессуальных стадиях, в том числе и в стадии возбуждения уголовного дела. Именно для этого законодателем в последние годы вносились многочисленные изменения в статью 28^1 УПК РФ и статью 76^1 УК РФ.

Впрочем, действие данного компенсаторно-договорного процессуального механизма распространяется и на все судебные стадии, которые может проходить уголовное дело. На любой из них виновник налогового преступления может

быть освобожден от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 76^1 УК РФ.

Помимо норм статьи 28^1 УПК РФ, в анализируемый компенсаторно-договорной уголовно-процессуальный механизм разрешения уголовных дел о налоговых преступлениях входят и нормы других статей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов России. По нашему мнению, в их числе можно назвать нормы, содержащиеся в пунктах 2-4 ст. 24, п. 3 ст. 27, 28, 28^1, 28^2 УПК РФ, а также статьи 75-76^1, 78^1 УК РФ. В то же время, основание прекращения уголовного дела (преследования), предусмотренное статьей 25^1 УПК РФ, не может быть применено в суде, если оно было направлено с обвинительным заключением (обвинительным актом). Таким образом, в стадии предварительного расследования уголовное дело о налоговом преступлении может быть прекращено по основанию, предусмотренному ст. 76^2 УК РФ, ст. 25^1 УПК РФ, и оно образует досудебный уголовно-процессуальный механизм разрешения уголовных дел о налоговых преступлениях. Аналогичный же судебно-процессуальный механизм разрешения уголовных дел о налоговых преступлениях по данному основанию не действует.

В уголовно-процессуальной литературе справедливо указывается на следующее свойства судебного уголовно-процессуального механизма разрешения уголовных дел о налоговых преступлениях по договорно-согласительным основаниям. Прежде всего, надо иметь в виду материально-правовые, то есть уголовно-правовые, основания, о которых говорилось выше. В стадии предварительного расследования набор таких оснований наибольший. Во-вторых, даже если брать одни и те же основания прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях, которые действуют, как в досудебном, так и судебном уголовном производстве, то имеются особенности их применения на различных стадиях. В-третьих, на порядок прекращения уголовного дела в судебных стадиях накладывает общий отпечаток судебная форма, для которой характерны состязательность, равноправие сторон. Решение о прекращении уголовного дела о налоговым преступлении в судебной стадии является *актом правосудия*, правомерность которого в свою очередь обеспечивается вышестоящими судебными инстанциями. В-четвертых, как правильно указывают многие авторы, в судебных стадиях стороны являются субъектами диспозитивности, каковым можно считать и государственного обвинителя. Государственный обвинитель свободен в рамах закона и с учетом установленных в суде фактов по делу распоряжаться обвинением в такой форме, как отказ от поддержания обвинения (ч. 7 ст. 246, п. 2 ч. 1 ст. 254 УПК РФ). Согласие государственного обвинителя на прекращение уголовного дела можно считать отказом от поддержания государственного с целью привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания в общем порядке. Такая разновидность отказа от поддержания обвинения и продолжения судебного разбирательства должен иметь под собой одно из материально- уголовно-правовых оснований, о которых велась речь выше. В-пятых, как государственный обвинитель, так и суд отвечают за полное соблюдение всех условий, с которыми сопряжено применение того или иного из нереабилитирующих (согласительно-компенсаторных) оснований прекращения уголовного дела

о налоговом преступлении. Помимо полного возмещения ущерба, причиненного налоговым преступлением бюджетной системе, подсудимым (осужденным) или юридическим лицом (налогоплательщиком), всегда необходимо согласие подсудимого (осужденного) на такой исход дела [1, с. 23-26; 2, с. 632].

В этой связи не можем не поддержать предложения наших коллег по повышению гарантий выполнения правового требования о получении согласия стороны защиты на такой исход дела, но также и участия подсудимого, его защитника в выработке условий мирного, договорного разрешения уголовного дела в суде. Мы поддерживаем предложение о внесении в статьи 239 и 254 УПК РФ нормы о том, что прекращение в судебных стадиях уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 3-4 ст. 24, п. 3 ст. 27, 28, 28^1, 28^2 УПК РФ, возможно только с согласия подсудимого [1, с. 23-26].

Следует подчеркнуть приоритетное значение в действии анализируемого уголовно-процессуального – судебного – механизма освобождения от уголовной ответственного лица, совершившего налоговое преступление двух моментов: во-первых, полное возмещение ущерба, причиненного этим преступлением, на момент принятия судом решения о прекращении уголовного дела (преследования) и, во-вторых, согласия подсудимого (осужденного) с прекращением уголовного дела по нереабилитирующему основанию, которое должно быть выражено им в форме, не порождающих разумных сомнений в добровольности волеизъявления и понимании лицом правовых последствий своего согласия на такой исход процесса.

Особый порядок судебного разбирательства, регулируемый нормами главы 40 УПК РФ, принято считать упрощенным способом разрешения уголовных дел по существу в связи с констатацией отсутствия спора сторон по существу дела, в том числе и дела о налоговом преступлении. Поэтому долгое время считалось, что иного исхода, кроме вынесения обвинительного приговора в такой уголовно-процессуальной форме не может быть.

Однако после разъяснений Пленума Верховного Суда России известно, что особый порядок судебного разбирательства, регулируемый нормами, которому может предшествовать досудебное производство в порядке главы 40^1 УПК РФ, может завершиться прекращением уголовного дела, а не только обвинительным приговором. Федеральным законом от 20.07.2020 № 224-ФЗ судьям предоставлены полномочия на прекращение уголовных дел, в том числе и о налоговых преступлениях, по основаниям, приводимым в статье 239 УПК РФ. Поэтому и по уголовным делам о налоговых преступлениях, разрешаемых в порядке главы 40 УПК РФ, возможно прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренными 28^1, 28^2 УПК РФ. Что подтверждается примерами судебных решений по конкретным уголовным делам о налоговых преступлениях практикой.

Таким образом, в настоящее время мирный, согласительно-компенсаторный механизм разрешения уголовно-правовых конфликтов между уголовно-преследуемым налогоплательщиком, преступно нарушившим законодательство о налогах и сборах, действует во всех судебных стадиях и при производстве по делу как в общем, так и особых порядках. Закон предоставляет лицу, совершившему налоговое преступление, в любой момент производства по делу согласиться на

возмещение причиненного им вреда бюджетной системе, что порождает обязанность и суда, и государственного обвинителя прекратить уголовное по одному из предусмотренных для данной ситуации оснований.

Список литературы:

1. Уголовный процесс (судебные стадии и производства): учебник для образовательных организаций высшего юридического образования / колл. авторов; под общ. редакцией канд. юрид. наук, доцента Г.Х. Шаутаевой и докт. юрид. наук, профессора Н.Н. Ковтуна. – Нижний Новгород: Изд-е Нижегородской академии МВД России, 2018. – 523 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / [Бобров В.К. и др.]; под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – 6-е изд., доп. и перераб. – Москва: Юрайт, 2010. – 1209 с.

© Большаков К.А., 2025

EDN: YPBWEO

Брянская Елена Васильевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Доказывание в уголовном судопроизводстве России: его основы и перспективы

Аннотация: центральным звеном любой процессуальной отрасли права выступает доказывание. Мы задаемся вопросом, что такое доказывание и какие есть современные концепции, раскрывающие его сущность в условиях состязательности, которая предполагает активность сторон и формы использования доказательств. В связи с чем нами приводятся позиции, убеждающие в необходимости понимания процесса доказывания, не ограничивая его собиранием, проверкой и оценкой доказательств.

Ключевые слова: доказывание; судопроизводство; этапы процесса доказывания; доказательства; использование доказательств; оперирование доказательствами.

Понимание того, что такое процесс доказывания является вопросом, которым мы задаемся не первые десятки лет. Однако, в уголовно-процессуальной литературе все в большей степени проблематика сводится к целям доказывания, его этапам, к вопросам неравноправия в возможностях собирания доказательств сторонами, тонкостям бремени доказывания и обеспеченности принципа презумпции невиновности. Непосредственно к проблемным вопросам доказывания относятся и вопросы источников доказательств, их значимости и специфики оценки в общей совокупности, когда заранее ни одному из них не придается преимущественное значение. В этой связи прежде чем рассматривать проблематику реализации процесса доказывания, необходимо разобраться, что изначально закладывала процессуальная наука и законодатель в основу понимания доказывания.

Интерес видится в том, что представители уголовно-процессуальной науки отождествляли понятие доказывания и познания, писали о доказывании как «процессе познания истины»; познание в уголовном судопроизводстве реализуется посредством процесса доказывания [1, с. 295].

В 1980 году известный сибирский учёный А.С. Козлов предложил свою концепцию процесса доказывания. Во-первых, он рассматривал доказывание, как такую деятельность, которая формируется на основе гносеологических и юридических признаков тех явлений, которые в итоге именуются доказательствами. Во-

вторых, все доказательства должны восприниматься однотипно, имея подразделения на устные, письменные, вещественные. В-третьих, процесс доказывания демонстрирует, как доказательство, имеющее определённую внутреннюю структуру, а также и внешнюю процессуальную форму в качестве источника, функционирует в различных звеньях механизма познавательной доказательной деятельности, которая должна протекать в рамках действующего законодательства [2, с. 18].

Большая часть ученых рассматривает доказывание в свете законодательной дефиниции, рассуждая о необходимости более расширенного перечня этапов процесса доказывания. Так, на основании ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Тогда как С.А. Шейфер в качестве дополнительного этапа процесса доказывания выделял представление доказательств [3, с. 73]. Мы в своих трудах неоднократно обосновывали необходимость законодательной регламентации такого этапа процесса доказывания, как исследование доказательств. Интерес представляет позиция Р.С. Белкина, который развивал тенденцию необходимости законодательной регламентации не только этапов собирания, исследования и оценки доказательств, но и их использования [4, с. 258], И.А. Грудинин предлагает в качестве этапа процесса доказывания закрепить их использование [5, с. 14], К.Н. Горбачев писал об установлении и использовании доказательств [6, с. 186].

С.Н. Чурилов в основе процесса доказывания рассматривал цель изобличения лица, причастного к совершению преступного деяния, в связи с чем возникает необходимость оперирования доказательствами. Так, автор писал: «Осуществление уголовного преследования путем изобличения лица в совершении преступления является в соответствии со ст. 21 УПК РФ обязанностью стороны обвинения. В процессуальном аспекте задача по изобличению лица в инкриминируемом ему деянии непосредственно связана с решением задачи по раскрытию преступления. Изобличение лица в совершении преступления – это процесс, связанный с использованием собранных по уголовному делу доказательств, это оперирование доказательствами» [7, с. 64]. Мы согласны с данной позицией.

Детализация процесса доказывания помогает наиболее тонко понимать его сущность и позволяет эффективно достигать назначение уголовного судопроизводства. Оперирование доказательствами делится на определенные формы, поэтому мы в качестве необходимого элемента процесса доказывания рассматриваем обоснование, именно тогда, когда необходимо строить процесс доказывания на основе логически взаимосвязанных и непротиворечивых доказательств. В связи с чем мы полагаем, что доказывание является такой деятельностью, которая формируется не только на основе философской теории познания в свете гносеологических начал воспроизведения сведений в ретроспективе, но и на основе логических правил, которые позволяют в зависимости от предмета доказывания по делу формировать алгоритм непротиворечивых, допустимых, достаточных, достоверных и относимых доказательств. При рассмотрении уголовного дела в условиях обоснованности доказательств оперирование может выражаться в

форме аргументации, когда стороны процесса посредством сформированной совокупности доказательств строят тактику убеждения через судоговорение. Следовательно, доказывание вполне может быть рассмотрено не только в качестве познавательной, а если быть точнее, в логико-познавательной мыслительной деятельности субъектов, которая находит свое развитие посредством норм процессуального законодательства, в рамках полномочий в пределах собирания, исследования, проверки, оценки и использования доказательств в целях наиболее эффективной убедительности суда при рассмотрении дела по существу в центральной стадии судопроизводства, в общем порядке суда первой инстанции для формирования законного, обоснованного и справедливого решения по делу. Таким образом, мы полагаем, что регламентация законодательных норм о доказывании нуждается в совершенствовании, а именно в части исследования и форм использования доказательств.

Список литературы:

1. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
2. Козлов, А.С. Актуальные проблемы теории доказательств в науке гражданского процесса: учебное пособие / А.С. Козлов. – Иркутск: ИГУ, 1980. – 86 с.
3. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2009. – 125 с.
4. Белкин, Р.С. Собирание, проверка и оценка доказательств / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – 296 с.
5. Грудинин, И.А. Средства доказывания в уголовном производстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / И.А. Грудинин. – Екатеринбург, 2012. – 26 с.
6. Горбачев, К.Н. Понятие и предмет уголовно-процессуального доказывания / К.Н. Горбачев // Молодой ученый. – 2020. – № 17 (307). – С. 184-187.
7. Чурилов, С.Н. Оперирование доказательствами как элемент доказывания / С.Н. Чурилов // Вестник Московского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2021. – С. 63-70.

© Брянская Е.В., 2025

EDN: YRUOKP

Вастьянова Олеся Дмитриевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

К вопросу о правовой природе норм УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном процессе

Аннотация: Институт реабилитации в российском уголовном процессе представляет комплексный механизм защиты прав лиц, незаконно подвергшихся преследованию. В тексте рассмотрены проблемы разграничения реабилитации и возмещения вреда, актуальные вызовы правоприменения и предложены новые подходы для совершенствования института в свете практики Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: реабилитация; уголовный процесс; возмещение вреда; уголовно-процессуальное право; конституционные гарантии.

В современном российском законодательстве институт реабилитации получил оформление в 2001 году в момент принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Предпосылкой к его введению выступила необходимость в законодательном закреплении норм права, регулирующих возможность обеспечения имущественных прав и законных интересов граждан, вовлеченных в производство по уголовным делам в качестве подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля или иных субъектов уголовного судопроизводства. Институт реабилитации представляет собой важный механизм защиты прав и свобод лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. Особое внимание данный правовой феномен, получивший развернутое законодательное регулирование в рамках отдельной главы 18 УПК РФ, привлекает к себе и по настоящее время. Невзирая на достаточно длительный период существования данных правовых конструкций, объединенных потенциалом в виде возможности получения защиты прав и законных интересов лиц, организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, порождает дискуссии не только у правоприменителя, но и в научных кругах.

Правовая природа норм, регулирующих институт реабилитации в уголовном процессе, отличается комплексным характером, объединяя в себе элементы уголовно-процессуального, гражданского и конституционного права. Конституционные основы реабилитации закреплены в ряде статей Конституции РФ (ст. 2, 17, 21, 46, 52, 53), предусматривающих обязанность государства компенсировать

вред, причиненный незаконными действиями или бездействиями органов государственной власти и их должностных лиц. В этом контексте реабилитация выступает как важный механизм реализации конституционных гарантий защиты прав личности.

Уголовно-процессуальные нормы, в частности глава 18 УПК РФ, детально регламентируют порядок реализации института реабилитации, его основания, круг субъектов, наделенных правом на реабилитацию, а также процедуру возмещения вреда. Реабилитация трактуется как процессуальный институт, ориентированный на полное восстановление прав и свобод лиц, незаконно подвергшихся уголовному преследованию.

Вместе с тем, гражданско-правовые аспекты реабилитации проявляются через обеспечение компенсации имущественного и морального ущерба, причиненного незаконными действиями государственных органов, что подчеркивает межотраслевой характер данного института. При этом порядок возмещения вреда регулируется процессуальными нормами уголовного судопроизводства, что обеспечивает специализированное рассмотрение и разрешение подобных споров.

Одной из ключевых проблем теории и практики применения норм о реабилитации является разграничение самого института реабилитации и возмещения вреда, вызванного противоправными действиями государственных органов. Согласно частям 2 и 3 статьи 133 УПК РФ, право на реабилитацию имеют подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и осужденные лица, в отношении которых уголовное преследование было прекращено или вынесен оправдательный приговор. Параллельно право на возмещение вреда распространяется и на иные категории лиц, не включённые в список субъектов реабилитации (например, свидетелей, потерпевших и иных лиц, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения), которым в результате уголовного судопроизводства причинён вред.

Данное разграничение подкреплено разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, который выделил различия в юридическом статусе субъектов института реабилитации и правоотношений возмещения вреда. Таким образом, институт реабилитации выступает как процессуальный механизм восстановления прав и свобод лиц, незаконно привлекаемых к уголовному преследованию, а институт возмещения вреда реализует межотраслевой подход к компенсации ущерба, причинённого в ходе уголовного судопроизводства как лицам с процессуальным статусом, так и лицам, не наделённым таким статусом.

В целом, данное комплексное правовое регулирование подчёркивает важность института реабилитации как гаранта защиты личности от неправомерных уголовно-процессуальных действий, в то же время выявляя необходимость дальнейшего совершенствования законодательной и методической базы для более чёткого разграничения и эффективного применения норм, регулирующих восстановление прав и возмещение вреда в уголовном процессе.

Пристальное внимание к разрешению вопросов, возникающих у судов при применении норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих возмещение вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, обратил Пленум Верховного Суда. С учетом разъяснений анализируемых

норм, физические лица, не указанные в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями или бездействиями суда, органов, осуществляющих уголовное преследование, имеют право на возмещение вреда в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ (ч. 3 ст. 133 УПК РФ, ст. 139 УПК РФ).

Несмотря на детальное законодательное регулирование, практика применения норм о реабилитации выявляет ряд значимых проблем, среди которых особенно выделяется неоднозначность субъектного состава. В частности, вызывает вопросы определение круга лиц, которые могут быть признаны субъектами реабилитации или обладать правом на возмещение вреда. В практике возникают сложности с определением права на компенсацию свидетелей, а также лиц, подвергшихся оперативно-розыскным мероприятиям до возбуждения уголовного дела, поскольку их статус в процессуальных отношениях не всегда однозначен. Эта неопределенность приводит к правоприменительным коллизиям и требует тщательного анализа с учётом как норм уголовно-процессуального, так и гражданского права, чтобы обеспечить эффективную и справедливую защиту прав потерпевших от незаконных действий государственных органов и определить границы применения института реабилитации и возмещения вреда.

Возмещение вреда при отсутствии права на реабилитацию. Помимо прочего, ст. 133 УПК РФ предусматривает ч. 3, в контексте которой право на возмещение вреда имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. Из данного положения следует, что помимо лиц, прямо поименованных в ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию имеют лица, не имеющие установленного процессуального статуса в уголовном деле, однако которым причинен вред действиями органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора или суда. Таким образом, приходим к выводу о том, что отсутствие у лица права на реабилитацию в его классическом понимании, предусмотренном гл. 18 УПК РФ, не исключает возможности возмещения ему вреда. По данному поводу в научных кругах сложилась полемика, направленная на установление субъектов, которые могут обратиться в суд с целью восстановления нарушенных прав. Так, если вред был причинен лицу, при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, либо лицу, право которого на реабилитацию прямо не установлено законом (свидетелю, в отношении которого фактически осуществлялось уголовное преследование), при производстве выемки, обыска, наложением ареста на имущество, денежные средства.

Пленум Верховного Суда указал на категорию лиц, не имеющих право на реабилитацию на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ, но имеющих возможность возмещение вреда, причиненного действиями дознавателя, следователя, прокурора, суда в порядке гражданского судопроизводства. К такой категории возможно отнести лиц, которым причинен вред при производстве оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, а также лиц, к которым при производстве по уголовному делу непосредственно меры процессуального принужде-

ния не применялись. Таким образом, Верховный Суд разграничил круг субъектов, имеющих право на реабилитацию и на возмещение вреда, причиненного при осуществлении уголовного судопроизводства.

Сложности, связанные с доказыванием незаконности действий государственных органов и причинённого вреда, создают значительные препятствия для лиц, желающих получить компенсацию, что нередко затрудняет защиту их прав в ходе судебного разбирательства. Дополнительные трудности возникают из-за разграничения уголовно-процессуального и гражданского порядка, поскольку вопросы возмещения вреда лицам, не являющимся субъектами реабилитации, часто рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства, что приводит к усложнению правоприменительной практики и необходимости применять разные процедуры доказывания. Анализ судебной практики также выявляет серьезные недостатки, среди которых ключевая проблема — неполнота предварительного расследования, являющаяся одной из главных причин вынесения оправдательных приговоров. Это указывает на существование системных проблем в работе органов следствия и дознания, что требует совершенствования процессов для повышения качества уголовного судопроизводства и обеспечения надежной защиты прав участников процесса.

По информации о причинах вынесения судами реабилитирующих решений и недостатках, допускаемых при обжаловании постановлений о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования за 2023 год основной причиной вынесения оправдательных приговоров явилась неполнота предварительного расследования, выразившаяся в отсутствии достоверных и достаточных доказательств, подтверждающих совершение лицом инкриминируемого ему преступления. При этом практически в половине случаев по таким делам суды признали недопустимыми доказательствами протоколы явки с повинной и показания подсудимых, данные ими в статусе свидетелей, учитывая, что изложенная в указанных процессуальных документах информация получена в отсутствие адвоката и без разъяснения опрашиваемым лицам прав и обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

В том числе прокуратурой Красноярского края проанализирована судебная практика по делам о возмещении вреда за счет казны Российской Федерации, причиненного гражданам в результате осуществления незаконного уголовного преследования. Приведенный анализ показал, что в 2023 году незначительно снизилось количество дел, рассмотренных судами по требованиям граждан к Министерству финансов Российской Федерации о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного осуждения, привлечения к уголовной ответственности, при этом увеличилась сумма взысканий. Так, в порядке гражданского судопроизводства судами Красноярского края в 2023 году рассмотрено 42 дела о компенсации морального вреда, причиненного гражданам незаконным привлечением к уголовной ответственности и (или) осуждением. В большинстве случаев судами определялась соразмерная компенсация морального вреда с учетом принципов разумности и справедливости, а также обстоятельств дела [1].

Научный интерес, направленный на разрешение вопросов обоснования независимости от института реабилитации уголовно-процессуальной конструкции возмещения вреда, подвергнуты научному анализу, что в том числе свидетельствует об отсутствии единых подходов к пониманию сущности реабилитации и ее последствий. В доктринальных исследованиях обсуждается возможная двойственность института реабилитации. Отдельного внимания заслуживает точка зрения, представленная в трудах А.А. Орловой, согласно которой из положений ст.ст. 133, 134 УПК РФ необходимо исключить термин «право на реабилитацию» и заменить его понятием «правом на возмещение вреда». В трудах автора прослеживается заключение о наличии в гл. 18 УПК РФ двух различных по правовой природе институтов: уголовно-процессуального института «Реабилитация» и межотраслевого правового института «Возмещения вреда пострадавшим от действий должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства» [2,23]. Аналогичной точки зрения придерживается В.С. Раменская, полагая, что институт реабилитации в своих нормах фактически предусматривает два самостоятельных института – «классической» реабилитации и восстановления прав и законных интересов, нарушенных в процессе привлечения к уголовной ответственности [3, 8]. На наш взгляд с такой точкой зрения сложно согласиться. Реабилитация в уголовном судопроизводстве в ее широком понимании трактуется как порядок восстановления прав и свобод лица, вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования со стороны органов государственной власти и их должностных лиц, впоследствии возмещение причиненного ему вреда. Подтверждением выдвинутых нами доводов служит мнение Н.С. Стрекалова. Автор, полагает что первичной целью реабилитации является восстановление невиновного в нарушенных правах, а возмещение причиненного вреда, как содержание мер реабилитации – вторично [4, 289-291].

Полемизируя с изложенными авторскими позициями, отметим, хотя данная норма и включена в главу 18 УПК РФ именуемую «реабилитация», однако отличается от классического понимания данного института, задумана законодателем как автономный правовой инструмент защиты конституционных прав граждан и юридических лиц, от незаконных действий или бездействий органов государственной власти или их должностных лиц, вызвавших причинение вреда с последующей возможностью его возмещения государством.

Анализируя правовую природу отношений по возмещению вреда, установленную гл. 18 УПК РФ, Р.А. Прощалыгин приходит к выводу о гражданско-правовой природе данных отношений, полагая, что в момент вынесения управомоченным субъектом решения о прекращении уголовного преследования и признания за лицом права на реабилитацию, возникают новые отношения по возмещению вреда [5, 214], видя решение в последующем отказе от уголовно-процессуальной процедуры в пользу гражданского судопроизводства [6, 24-25]. В свою очередь Ю.О. Максимихина, сопоставляя нормы ч. 1 и ч. 3 ст. 133 УПК РФ приходит к выводам об уголовно-процессуальной природе института реабилитации и гражданско-правовой природе института возмещения вреда [7, 54-58].

На наш взгляд институт реабилитации представляется достаточно сложным в процессе правоприменения, поскольку является примером явного взаимодействия норм уголовно-процессуального, гражданского, конституционного права. На наш взгляд, выделение и рассмотрение вопроса о реабилитации в раках уголовно-процессуальной деятельности видится более благоприятной, в связи с тем, что достаточно прозрачно изложен процессуальный порядок возмещения вреда по правилам гл. 18 УПК РФ. При рассмотрении вопроса о реабилитации лица, не являющегося участником уголовного судопроизводства, однако же получившему вред действиями или бездействиями органов государственной власти или их должностных лиц, было бы логично рассматривать в рамках действия уголовно-процессуальных норм, а не переходить в иное производство с совершенно иным способом доказывания.

Институт реабилитации в уголовном процессе является важным механизмом защиты прав личности, обеспечивающим восстановление нарушенных прав и возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов. Однако его правовая природа остается предметом научных дискуссий, а практика применения сталкивается с рядом проблем, связанных с неоднозначностью субъектного состава, сложностями доказывания и разграничением уголовно-процессуального и гражданского порядка. Для совершенствования данного института необходимы дальнейшие исследования и разъяснения со стороны Верховного Суда РФ.

Список литературы:

1. Информационное письмо «О причинах вынесения судами реабилитирующих решений и недостатках, допускаемых при обжаловании постановлений о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования» за 2023 г. (информация получена с сайта).

2. Орлова, А.А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2013. – 58 с.

3. Раменская, В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

4. Стрекалов, Н.С. Этапы становления и развития института реабилитации в уголовном процессе России / Н. С. Стрекалов // Молодежь и наука: шаг к успеху: Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах, Курск, 19–20 марта 2020 года / Ответственный редактор А.А. Горохов. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 288-291. – EDN VGTJBN.

5. Прощалыгин, Р.А. Правовая природа отношений по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия / Р. А. Прощалыгин // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 213-216.

6. Прощалыгин, Р.А. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук . – Екатеринбург, 2010. – 26 с.

7. Максимихина Ю.О. Институт реабилитации в уголовном процессе России / О.Ю. Максимихина // Актуальные проблемы уголовного процесса России: межвуз.сб.науч.ст./ под ред. В.А. Лазаревой. – Самара, 2009. – Вып. 4 – С. 54-58.

© Вастьянова О.Д., 2025

EDN: YUIHEN

Гамзаева Асель Бержановна,
дознаватель отделения методического обеспечения
отдела организации дознания
УТ МВД России по СЗФО

Некоторые проблемы прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) в периоды мобилизации, военного положения либо в военное время

Аннотация: актуальность углублённого научного исследования института прекращения уголовного преследования, связанного с призывом на военную службу или её прохождением в условиях введения особых правовых режимов таких как мобилизация, военное положение или военное время, продиктована императивом совершенствования уголовно-процессуального законодательства и повышения качества правоприменительной практики, в том числе деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; прекращение уголовного дела; приостановление уголовного дела; освобождение от уголовной ответственности; специальная военная операция, заключение контракта на военную службу.

Современная Россия переживает глубокие трансформации в социально-экономической и политической сферах, что объективно обуславливает необходимость модернизации уголовно-процессуального законодательства. В центре современных преобразований уголовно-процессуального порядка укрепление социальной функции правосудия, развитие его гуманистической и демократической основы, расширение спектра процессуальных прав и гарантий для всех участников уголовного судопроизводства, а также повышение качества и результативности прокурорского надзора. Особое значение придаётся дифференциации процессуальных механизмов с учётом характера и обстоятельств конкретного преступления.

Особую значимость с точки зрения защиты прав и свобод личности имеет деление оснований прекращения преследования на реабилитирующие и нереабилитирующие. Как отмечает Г.П. Химичева, именно такое разграничение позволяет наиболее полно раскрыть правовую природу института прекращения уголовного преследования, а также понять его содержание и последствия [4].

Реабилитирующие основания свидетельствуют либо об отсутствии самого события преступления, либо о том, что деяние не содержит признаков состава

преступления, либо о непричастности конкретного лица к совершённому правонарушению. По сути, такие основания полностью снимают с подозреваемого (обвиняемого) любые подозрения в виновности.

Соответственно, прекращение дела по реабилитирующим основаниям влечёт за собой право лица на реабилитацию в порядке, установленном главой 18 УПК РФ.

В отличие от них, нереабилитирующие основания не влекут права на реабилитацию и компенсацию вреда. Они применяются в тех случаях, когда вина лица в совершении преступления доказана, однако существуют обстоятельства, исключающие необходимость дальнейшего уголовного преследования и освобождающие лицо от уголовной ответственности. К таким основаниям как раз и относится призыв на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время и другие.

Следует подчеркнуть, что речь идёт не о формальном освобождении от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции (СВО), а о целостной системе критериев, подлежащих выяснению в ходе досудебного расследования. Уголовное дело в таких случаях временно приостанавливается на период прохождения военной службы, а его дальнейшее разрешение напрямую зависит от поведения лица в условиях выполнения воинского долга. Если служба завершается с положительной характеристикой, например, в связи с увольнением по почётным основаниям или вручением государственной награды, производство по делу прекращается. В противном случае, при выявлении негативных обстоятельств, расследование возобновляется в полном объёме.

При этом приостановление дела является обязательным этапом, особенно с учётом возможного отсутствия ходатайства со стороны командования воинской части – документа, предусмотренного законом и необходимого для реализации процедуры.

Особенно заметное влияние СВО оказало на порядок прекращения уголовного преследования в отношении лиц, участвующих в ней. Первоначально данный порядок регулировался отдельным нормативным актом, который утратил силу – Федеральным законом № 270-ФЗ от 24 июня 2023 г. «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». С одной стороны, принятый закон установил более определённый правовой механизм, с другой, его сжатая редакция, не дополненная необходимыми корректировками в УК и УПК РФ, создаёт правовые пробелы и коллизии норм права для органов правоприменения. О наличии разночтений в понимании норм свидетельствует уже сложившаяся судебная практика.

Анализ пока немногочисленных, но показательных решений судов, вынесенных в связи с применением Федерального закона № 270-ФЗ, выявляет существенные расхождения: одни суды допускают применение ст. 80.1 УК РФ на стадии судебного разбирательства, другие – ограничивают её действие исключительно досудебными этапами.

Вероятно, при разработке норм исходили из их временного характера, обусловленного сроками проведения СВО. Однако для устранения неопределённостей целесообразно дополнить специальное регулирование прямыми отсылками к положениям УК и УПК РФ, регулирующим основания и порядок прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности. Дополнительную ясность могли бы внести разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, особенно учитывая уже существующие судебные прецеденты, связанные с реализацией нового закона.

Эти изменения в законодательстве отражают стремление адаптироваться к условиям, вызванным СВО, и обеспечивают готовность правовой системы поддерживать тех, кто защищает национальные интересы в военное время. Закрепление подобных норм помогает сохранять правовую стабильность и обеспечивает баланс между необходимостью обеспечения правосудия и поддержанием национальной безопасности [7].

Современная правовая система предусматривает целостный механизм освобождения от уголовной ответственности участников СВО. Данный правовой институт представляет собой взаимосвязанную систему, включающую материально-правовые и процессуальные аспекты (приостановление и прекращение уголовного дела), которые находятся в тесной взаимосвязи и образуют единый юридический комплекс [5].

Таким образом, законодатель стремится создать юридическую платформу для ситуаций, когда неподтвержденная возможность участия лица в судебном процессе связана с военными обязанностями. Однако новая регламентация вызвала необходимость более глубокого анализа и разработки рекомендаций для практического применения данных положений. Ведь когда подозреваемый или обвиняемый убывает на военную службу или заключает контракт для участия в СВО, это приводит к ряду сложных вопросов. Такие лица, уходя в состав воинских формирований, могут столкнуться с проблемами или оказаться в процессуальных «тупиках», связанных с их текущей уголовной ответственностью, наказанием, а также погашением судимости [6].

В частности, возникает вопрос: как обеспечить соблюдение прав этих лиц и не оставить их уголовные дела в подвешенном состоянии? Конечно, теоретически процедура приостановления и последующего прекращения уголовного дела должна быть прозрачной и предсказуемой. Однако на практике это требование может стать сложным из-за множества факторов, таких как неопределенность срока службы, возможность участия в следственных действиях и сроки давности по уголовным делам.

С учетом высокой значимости правоприменительной практики в данной области, важно разрабатывать дополнительные рекомендации для правоприменителей, которые помогут избежать ситуаций, когда дальнейшее продвижение в рамках процессуальных действий, предусмотренных законом, невозможно или крайне затруднено, и защитят права как подозреваемых и обвиняемых, но и других участников уголовного судопроизводства. Обеспечение баланса между необ-

ходимостью выполнять государственные оборонные обязательства и сохранением прозрачности уголовного процесса является важной задачей для законодателей и правоприменителей в современных условиях.

Так, согласно правовой статистике МВД России за 2024 г. было приостановлено 10 111 уголовных дел, предварительное расследование по которым производилось в форме дознания, 17828 уголовных дел – в форме предварительного следствия, так же за указанный период прекращено 51 и 41 уголовных дел соответственно по основанию, предусмотренному ст. 28.2 УПК РФ. А в последующим предполагается резкое увеличение подобных процессуальных решений.

Что же касается текущего правоприменения, то в отношении него в доктрине высказываются различные позиции.

В частности, В-Т.С. Скрибайло полагает, что касательно специального закона речь идет о норме прямого действия, соответственно, имеется возможность его непосредственного применения безотносительно наличия ссылок в кодифицированных актах; в то же время норму ст. 80.1 УК РФ можно рассматривать по смыслу как основание для освобождения от уголовной ответственности [1].

Как верно указывает М.Э.У. Джамалдаев, основание освобождения от уголовной ответственности показывает, почему возможно такое освобождение [2].

Согласно тексту закона, в рамках материала проверки или возбужденного уголовного дела, должностное лицо, уполномоченное проводить предварительное расследование разъясняет в соответствии с протоколом подозреваемому (обвиняемому) лицу положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ в части приостановления предварительного расследования, а также прекращения уголовного преследования в связи с прохождением военной службы. Подозреваемый (обвиняемый), в свою очередь, после ознакомления, собственноручно подписывает протокол и отражает в нем свою готовность к заключению контракта на военную службу.

В случае положительного результата лицо, осуществляющее предварительное расследование в форме следствия или дознания, передает информацию в соответствующее подразделение Министерства обороны, исходя из оперативных, кадровых и стратегических соображений, принимает решение о целесообразности привлечения указанного лица к исполнению воинского долга с учетом таких критериев, как состояние здоровья, возраст, морально-психологические качества и иные факторы, определяющие возможность доверия оружия и включения в состав воинского подразделения.

Следует подчеркнуть, что указанное решение носит исключительно административно-распорядительный и военно-организационный характер и не затрагивает компетенции органов уголовного преследования. Оно не влечёт автоматического прекращения уголовного дела, а лишь открывает возможность для его приостановления. В случае принятия положительного решения соответствующим военным органом последний в установленном законом порядке направляет ходатайство о приостановлении производства по уголовному делу следователю, дознавателю или в суд — в зависимости от стадии уголовного судопроизводства.

Дальнейшая судьба уголовного дела зависит от поведения лица в ходе прохождения военной службы. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения воинского долга производство по делу подлежит возобновлению, или же напротив, при добросовестном исполнении обязанностей служит основанием для прекращения уголовного дела и освобождения лица от уголовной ответственности.

В этой связи представляется корректной позиция И.Э. Звечаровского, подчеркивающего, что юридическим основанием освобождения от уголовной ответственности выступает не сам факт поступления на военную службу, а именно последующее выполнение воинского долга в условиях СВО, подтверждённое объективными правовыми фактами (например, государственной наградой или увольнением с военной службы по почётным основаниям) [3]. Таким образом, призыв или заключение контракта являются лишь условием для приостановления уголовного преследования, тогда как основанием его окончательного прекращения выступает иное юридическое событие.

Системно-правовой подход позволяет рассматривать данный механизм как единый комплекс, элементы которого, приостановление производства по делу и последующее прекращение уголовного дела в связи с освобождением от уголовной ответственности находятся в тесной функциональной взаимосвязи.

Несмотря на относительно недавнее введение в правовое поле норм, регулирующих рассматриваемый институт (в частности, ст. 28.2 УПК РФ), в правоприменительной практике уже возник ряд проблемных вопросов. Одним из наиболее дискуссионных аспектов является круг субъектов, имеющих право на применение данного механизма. Согласно Указа Президента РФ от 07.05.1992 № 466, перечень формирований, относящихся к Вооружённым Силам Российской Федерации, чётко определён. Однако в ходе СВО активное участие принимают также подразделения иных силовых структур – в частности, войск национальной гвардии (Росгвардии), органов Федеральной службы безопасности, пограничной службы и др. Вопрос о том, распространяется ли действие ст. 28.2 УПК РФ на военнослужащих и сотрудников указанных ведомств, остаётся открытым и требует законодательного уточнения. Целесообразно исключить привязку нормы исключительно к Вооружённым Силам РФ и расширить её применение на все воинские формирования, участвующие в СВО в рамках установленного законом порядка.

Дополнительную неопределённость вносит вопрос о субъекте, уполномоченном инициировать прекращение уголовного преследования. Хотя закон прямо указывает на право командования воинской части или военного комиссариата подавать соответствующее ходатайство, на практике возникают сложности в определении конкретного органа, особенно в случаях, когда лицо проходит службу в составе временных или межведомственных формирований. Данная неясность также требует нормативного урегулирования с целью обеспечения единообразия правоприменения и защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Однако, до сих пор до конца процессуально не урегулирован вопрос взаимодействия с воинскими частями и сопровождения лица, в отношении которого

возбуждено уголовное дело и которое изъявило желание исполнить свой гражданский долг и заключить контракт с Вооруженными Силами РФ, непосредственно с момента заключения самого контракта, прохождения военно-врачебной комиссии и его прибытия в расположения воинской части. Остается непонятным кто в данном случае несет ответственность за то, чтобы подозреваемое лицо в момент транспортировки не скрылось от сопровождающих его лиц к месту несения службы? А в случае вынесения отрицательного решения по результатам военно-врачебной комиссии и вывода о том, что кандидат не годен к прохождению службы, кто несет ответственность за его передвижения уже под надзор лица, осуществляющего уголовное судопроизводство? И перечень подобных вопросов с ростом фактов применения данной нормы, продолжает увеличиваться.

Кроме того, неоднозначно толкуется само условие прекращения дела-награждение государственной наградой. В практике уже встречались случаи, когда ходатайства подавались на основании ведомственных наград Минобороны. Однако закон чётко указывает: освобождение возможно только при наличии государственной награды, учреждённой Указом Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы РФ».

Также дискуссионным остаётся определение «дня награждения»: следует ли считать таковым день издания Указа Президента, приказа министерства или день фактического вручения награды? Наиболее обоснованным представляется считать днём награждения момент издания правового акта, поскольку именно с этого момента лицо официально признаётся награждённым.

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности – это самостоятельная правовая система, закрепленная в положениях Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ, комплекс юридических норм, устанавливающих виды, основания и условия освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем механизм прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) в периоды мобилизации, военного положения либо в военное время ввиду поспешности введения в сферу уголовно-процессуального регулирования еще не располагает надлежащей доктринальной основой. В частности, на сегодняшний день не выявлена его подлинная правовая природа. Не спрогнозированы перспективы востребованности такого основания для прекращения уголовного преследования после завершения специальной военной операции, не установлено его влияние на изменение криминогенной обстановки. Кроме того, четко не определены способы обеспечения и защиты прав потерпевших и других невластных субъектов уголовного судопроизводства, в первую очередь возмещения им причинённого ущерба. Не разработан продуктивный порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) со органами дознания, предварительного следствия, прокуратурой и судами по вопросам прекращения уголовного преследования в связи с поступлением на военную службу (прохождением военной службы) в периоды мобилизации, военного положения либо в военное время.

Список литературы:

1. Скрибайло В-Т.С. Закон об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Применение в суде // Уголовный процесс. 2023. – № 11 (227). – С. 34-35.

2. Джамалдаев, М. Э. У. Понятие, основания и условия освобождения от уголовной ответственности / М. Э. У. Джамалдаев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 71.

3. Звечаровский И. Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. – 2024. – № 10. – С. 48-49.

4. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. – М., 2003. – 350 с.

5. Беляев М.В., Качалова О.В. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении участников СВО: практика Республики Татарстан / М.В. Беляев, О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2024. – № 2. – С. 73-77.

6. Головко, Л.В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы / Л.В. Головко // Уголовный процесс. – 2023. – № 11. – С. 26-28.

7. Чукин, Д.С. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции (комментарий к Федеральному закону от 24 июня 2023 года N 270-ФЗ) / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правое обозрение. – 2023. – № 9. – С. 102-108.

© Гамзаева А.Б., 2025

EDN: XTWGUS

Зайцева Елизавета Владиславовна,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Возможности преодоления признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами

Аннотация: в статье анализируются требования, предъявляемые к протоколам следственных действий, как к доказательствам по уголовному делу. Автором определена роль протоколов следственных действий в уголовном деле, выявлены особенности признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами. Анализ норм уголовно-процессуального законодательства, следственной и судебной практики позволил определить пути преодоления признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами с целью недопущения ошибок в деятельности органов предварительного расследования при разрешении уголовных дел по существу.

Ключевые слова: следственное действие; протокол; доказывание; недопустимое доказательство; законность.

В соответствии с современным уголовно-процессуальным законодательством, ни одно из доказательств по уголовному делу не имеет заранее установленной силы. В перечень доказательств законодатель, согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) включил показания различных участников уголовного процесса в зависимости от занимаемого ими процессуального положения, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, иные документы, а также протоколы следственных и судебных действий. Несмотря на многообразие установленных видов доказательств, практика расследования преступлений позволяет выделить в качестве одного из наиболее распространенных видов доказательств, без которого не осуществляется производство по уголовному делу, – протоколы следственных действий.

В некоторых случаях процесс разрешения уголовного дела по существу может сопровождаться рядом сложностей, связанных, при этом, не с оценкой содержания полученных доказательств, а с полнотой и качеством оформления протоколов следственных действий, результаты проведения которых должны быть зафиксированы надлежащим образом. Неправильное оформление протоколов следственных действий, отсутствие в них обязательных реквизитов, а также иные ошибки или неточности могут повлечь за собой признание протоколов

следственных действий, и как впоследствии, результатов этих следственных действий, недопустимыми доказательствами. Признание доказательства недопустимым предопределяет отсутствие у него юридической силы, невозможность его использования при вынесении приговора, а в ряде случаев неполноту расследования и возвращение уголовного дела прокурором или судом следователю или дознавателю.

В этой связи представляется целесообразным обозначить ряд проблем, связанных с оформлением протоколов следственных действий, а также их возможные пути преодоления.

Протокол следственного действия в уголовном судопроизводстве представляет собой процессуальный документ, в котором осуществляется фиксация хода и результатов следственного действия. При этом, протоколы следственных действий важно отличать от иных видов протоколов, которые могут быть составлены в ходе производства по уголовному делу, по признаку фиксации обстоятельств и фактов, установленных в ходе расследования, которые будут являться доказательствами [1, с. 69]. В частности, в качестве доказательств по уголовному делу к категории протоколов следственных действий не будут относиться протокол задержания, протокол уведомления об окончании следственных действий, протокол ознакомления с материалами уголовного дела, протокол ознакомления с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта. Вместе с тем, несмотря на то что показания участников судопроизводства выделены законодателем в качестве отдельного вида доказательств, они также должны быть зафиксированы в протоколе следственного действия – допроса. Поэтому при определении проблем оформления протоколов следственных действий и путей их преодоления будет использоваться расширительное понятие протокола следственного действия как процессуального документа.

Протокол следственного действия как письменная форма фиксации доказательств известен давно. С возникновением письменности на Руси протоколы в уголовном процессе получили широкое распространение, однако формальных требований оформления не имели либо эти требования были минимальными. Дальнейшее свое развитие протокол следственного действия как процессуальный документ получил после судебной реформы 1864 года. В этот период запротоколированные записи о произведенных осмотрах, обысках, «распросах» служили единственным видом доказательств для суда [2, с. 64]. Однако, законодательное закрепление ведения следствия посредством протоколирования имело значительные пробелы и недостатки, что негативно отражалось на принятии решений по существу уголовного дела. С принятием и введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 года, для протоколов следственных действий впервые легально были утверждены требования и порядок составления, которые в большей степени касались содержательной стороны.

Принятие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года предопределило законодательное признание протоколов следственных действий основой материалов уголовного дела. К их оформлению стали предъявляться более строгие требования, большое внимание стало уделяться последовательности фиксации хода и результатов следственного действия.

В настоящее время к протоколам следственных действий законодатель предъявляет ряд требований, закрепленных в ст.ст. 166-167 УПК РФ.

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства, а также следственной и судебной практики, позволяет выделить следующие требования, предъявляемые к форме, содержанию и порядку оформления протокола:

1. машинописный или рукописный способ оформления;

2. возможность использования технических средств, фиксирующих ход и результаты следственного действия, с обязательным приложением носителя и предупреждением участвующих лиц о применении технических средств;

3. последовательность изложения производимых действий;

4. изложение заявлений, замечаний и дополнений, заверенных подписями участников следственного действия;

5. разъяснение участникам следственного действия их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, удостоверенное подписями этих лиц;

6. наличие обязательных реквизитов (ч. 3 ст. 166 УПК РФ):

- дата, место, начало и окончание следственного действия с точностью до минуты;

- данные должностного лица, составившего протокол;

- личные данные участников следственного действия в объеме, зависящим от вида и характера производимого следственного действия.

Несоблюдение хотя бы одного из указанных требований влечет признание протокола следственного действия недопустимым доказательством. При этом, важно учитывать, что наряду с требованиями к оформлению протоколов следственных действий, с целью преодоления признания указанного доказательства недопустимым, также должны быть соблюдены общие правила производства следственных действий, установленные ст. 164 УПК РФ [3, с. 187].

С учетом требований к оформлению процессуальных документов и условий производства следственных действий, можно определить ряд рекомендаций, направленных на недопущение признания протокола следственного действия недопустимым доказательством.

1. Согласно требованиям законодательства, ряд следственных действий могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя, а также по разрешению суда (ч. 1, 2 ст. 164 УПК РФ). Поэтому еще до составления протокола и производства следственного действия указанные процессуальные документы в необходимых случаях должны быть оформлены, обуславливая возможность производства следственных действий, в соответствии с требованиями УПК РФ.

2. Следственное действие в ходе предварительного расследования по уголовному делу может быть произведено следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, в чьем производстве находится уголовное дело, или сотрудником органа дознания в случаях выполнения поручения. Соответственно, протокол следственного действия в обязательном порядке должен быть составлен одним из указанных лиц, то есть уполномоченным лицом.

3. В следственном действии, в зависимости от его вида и обстоятельств доказывания, должны принимать участие только те участники, процессуальное положение которых допускает такую возможность. При этом, законодателем разрешено привлечение специалиста, а также сотрудника оперативного подразделения к участию в следственном действии в необходимых случаях. Важно учитывать, что в протоколе в качестве участников следственного действия в дополнение необходимо указание тех субъектов уголовно-процессуальной деятельности, чье участие является обязательным в силу имеющихся особенностей характеристики лица, совершившего преступление, потерпевшего или свидетеля. В частности, в ряде случаев в протоколе следственного действия должно быть удостоверено участие переводчика для лиц, не владеющих или не в полной мере владеющих русским языком, защитника при выполнении требований ст. 51 УПК РФ, а также законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля и педагога-психолога. Указанным лицам, наряду с другими участниками, должны быть разъяснены их права, обязанности и ответственность, заверенные соответствующими подписями. Аналогичное правило должно распространяться и на тех участников следственного действия, чье процессуальное положение не выделено законодателем в отдельную норму. К таким участникам относятся заявитель, очевидец или лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении. В таком случае требуется соблюдение положений, установленных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

4. При привлечении к участию в следственном действии понятых или иных лиц, их данные должны быть указаны полно, с целью недопущения искажения личностей участников.

5. Предупреждение о применении в ходе следственного действия технических средств осуществляется до начала следственного действия. Соответствующая запись в обязательном порядке должна быть отмечена в протоколе. В случаях, когда применение технических средств сопровождается необходимостью получения согласия участника следственного действия (в частности, при производстве освидетельствования с обнажением частей тела), оно также должно быть отражено в протоколе и заверено подписью этого участника.

6. Протокол следственного действия должен быть составлен таким образом, чтобы исходя из его содержания не усматривалось нарушение порядка и результатов проведения конкретного следственного действия:

- права, обязанности и ответственность разъясняются участникам следственного действия до начала его производства;
- заявления могут быть сделаны на протяжении всего периода проведения следственного действия;
- недопустимость производства следственного действия в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательств;
- замечания и дополнения к протоколу могут быть сделаны участниками следственного действия по результатам ознакомления с протоколом;
- необходимо учитывать вид производимого следственного действия для соблюдения порядка его проведения, установленного УПК РФ;

- обстоятельства производства следственного действия отражаются максимально полно.

7. При оформлении протокола на типографском бланке-образце возможно его дополнение рукописными записями. Важно учитывать, что эти записи также должны быть в необходимых случаях удостоверены подписями участвующих лиц.

Таким образом, признание протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами связано с несоблюдением требований к их оформлению и нарушением порядка производства следственного действия. Вместе с тем, знание норм законодательства, а также грамотные действия уполномоченных лиц при проведении следственных действий создают возможности преодоления признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами, то есть осуществления доказывания по уголовному делу надлежащим образом.

Список литературы:

1. Долгаев В.В. Общие требования к протоколу следственного действия: проблемы правовой регламентации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (77). – С. 69-72.

2. Закатова О.В. Генезис протоколов следственных и судебных действий // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2. – С. 59-68.

3. Ахмедов У.Н. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 186-191.

© Зайцева Е.В., 2025

EDN: XUWGMA

Захарова Анастасия Алексеевна,
заместитель начальника
контрольно-методического отдела
Следственного управления УМВД России
по Ярославской области

Правоприменительная практика установления оснований для возбуждения уголовного дела. Проблемы и пути решения

Аннотация: в настоящей статье предпринята попытка осветить ряд практических проблемных вопросов, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела, связанных с требованием возбуждения уголовных дел при наличии признаков преступления и влияния этого требования на процессуальные сроки и соблюдение прав участников уголовного процесса. Научная новизна работы заключается в конкретных и актуальных сформулированных предложениях по совершенствованию служебной деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное следствие; стадия возбуждения уголовного дела; признаки преступления; состав преступления; процессуальный срок.

Стадия возбуждения уголовного дела, являясь первой, оказывает непосредственное влияние на все остальные стадии уголовного процесса. От того насколько законно и своевременно собран материал доследственной проверки, по которому правоприменителю предстоит принять одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ, напрямую зависит соблюдение прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса. Принятие любого из предусмотренных указанной нормой уголовно-процессуального закона решений, отражает позицию государственного органа по конкретному прецеденту, что влияет на отношение общественности и уровень доверия к правоохранительным структурам и государству в целом. Соблюдение процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе, с позиции их разумности, по указанным выше причинам крайне важно.

Судья Конституционного Суда Российской Федерации Н.В. Витрук полагал, что возбуждение уголовного дела является первоначальной и самостоятельной стадией уголовного процесса, не связанной с формулированием и объемом обвинения. На первой стадии процесса правомочные на то представители государственных органов лишь фиксируют факт обнаружения признаков преступления, что и является необходимым законным основанием для инициирования

предварительного расследования. Понятие признаков преступления, по его мнению, не может быть тождественным понятию состава преступления. Состав преступления (все его элементы) устанавливается уже в ходе предварительного расследования, результатом которого становиться формирование и предъявление компетентным должностным лицом государственного органа обвинения, либо фиксируется факт отсутствия состава преступления и уголовное преследование прекращается [1].

С.Н. Хорьяков отмечает, что на стадии возбуждения уголовного дела, уполномоченные должностные лица правоохранительных органов, выявившие готовящееся, совершаемое или уже совершенное преступное деяние, определяют поводы и основания, достаточные для инициирования уголовного преследования. На первой стадии уголовного процесса правоотношения между его участниками регулируются как федеральным законом, так и ведомственными нормативными актами [2].

М.С. Строгович полагал, что «возбуждение уголовного дела составляет начальный момент уголовного процесса, существо которого заключается в решении органа расследования о необходимости реагирования на тот или иной факт как на преступление» [3, с. 150]. Интересно отметить, что данное определение предложено ученым в период, когда возбуждение уголовного дела не выделялось уголовно-процессуальным законом в отдельную стадию процесса, а производство инициировалось при наличии повода для возбуждения уголовного дела [4, с. 59-60].

М.А. Ажибеков и М.О. Румянцева, формулируя определение первой стадии уголовного процесса, акцентируют важность рассмотрения вопроса о целесообразности уголовного преследования с позиции наличия или отсутствия признаков преступления в сообщении, поступившем для рассмотрения в компетентный орган [5, с. 6-10].

Ученые сходятся во мнении, что на стадии возбуждения уголовного дела определяющее значение имеют именно признаки уголовно наказуемого деяния, определяя поводы и основания к уголовному преследованию, тогда как состав преступления должен устанавливаться непосредственно в ходе предварительного расследования.

Мнение научного сообщества, безусловно, мотивированно и верно, однако, стоит заметить, что правоприменитель в своей практической деятельности, оценивая поступившее сообщение о преступлении, решая вопрос о возбуждении уголовного дела, все же оценивает материалы и с позиции наличия состава преступления, а иногда и судебной перспективы, что в совокупности влияет на решение, принимаемое в соответствии со ст. 145 УПК РФ. Автор, имея большой практический опыт работы в следственных подразделениях, неоднократно сталкивался с подобной ситуацией.

С точки зрения теории права подобную позицию правоприменителя можно считать явно спорной и даже не в полной мере обоснованной, однако, стоит учитывать, что практическая деятельность обрамлена контрольными и надзорными

требованиями, необходимостью принимать во внимание данные государственной статистической отчетности, не говоря уже про немалую нагрузку на следователей и руководителей следственных органов.

К сожалению, ведомственные нормативные акты не обеспечивают правоприменителя конкретными алгоритмами действий на первой стадии уголовного процесса.

Приказом от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (п. 43) уполномоченное лицо, на которого возложена функция проведения проверочных мероприятий, обязано проверить действительность факта обращения заявителя и достоверность его личных установочных данных, а также в случае их неполноты – принять меры к установлению [6]. В нашем представлении, само понятие проверки «действительности факта обращения» достаточно абстрактно, что дает правоприменителю возможность проводить проверку сообщения о преступлении в объемах и границах, трактуемых сложившейся практикой конкретного правоохранительного подразделения, что в итоге не способствует соблюдению законности и разумных сроков на первой стадии уголовного процесса. Унификация действий должностных лиц, уполномоченных проводить доследственную проверку, по нашему мнению, могла бы способствовать решению этой проблемы.

Нормативная регламентация правоохранительных органов по данному направлению демонстрирует различный подход к рассматриваемой проблеме. Так, например, в Следственном комитете Российской Федерации приказом от 09.01.2017 № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» (п. 1.8) закреплено требование о незамедлительном возбуждении уголовных дел при наличии достаточных данных, свидетельствующих о наличии в деянии признаков преступления [7]. Данный документ указывает правоприменителю на необходимость конкретно выполнять требования закона, возбуждая уголовные дела при наличии только признаков преступления, не углубляясь в вопросы состава на первой стадии уголовного процесса. На наш взгляд, целесообразно перенять положительный опыт и рассмотреть вопрос о внесении указанного положения в нормативную документацию МВД России, например, в приказ от 29.08.2014 № 736, дополнив его аналогичным требованием.

Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, утвержденном совместным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 (п. 30), установлено, что должностное лицо, уполномоченное на проведение или организацию проведения проверочных мероприятий по сообщению о преступлении, обязано незамедлительно принять меры по предотвращению и пресечению преступления, а так же по обнаружению его признаков, сохранению и фиксации следов и доказательств, подлежащих незамедлительному изъятию и закреплению; провести розыскные и

оперативно-розыскные мероприятия в целях установления и задержания по «горячим следам» лиц, причастных к готовящемуся, совершаемому или уже совершенному преступлению [8]. На наш взгляд, рассматриваемый нормативный акт также недостаточно детализирован, не предоставляя правоприменителю подробного алгоритма действий при проведении проверочных мероприятий. С одной стороны, правоприменитель имеет возможность по своему усмотрению толковать объем необходимых проверочных мероприятий для принятия процессуального решения, но с другой, если имеет место недобросовестный подход к исполнению служебных обязанностей, подобная свобода действий может привести к нарушениям прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, выражающихся, например, в нарушении сроков (в том числе с позиции разумности) проведения проверки по сообщению о преступлении. Осмелимся предположить, что правоприменитель зачастую ориентирован на организацию проведения и само проведение в пределах компетенции проверочных мероприятий, позволяющих оценить с точки зрения дальнейшей перспективы поступившее сообщение о преступлении, принимая при этом процессуальное решение не только ввиду наличия признаков преступления, но и его состава.

На местах практика также идет по пути более тщательной проверки поступивших сообщений о преступлениях. Например, на основании приказа Следственного управления УМВД России по Ярославской области от 31.01.2019 № 4 «О совершенствовании ведомственного и процессуального контроля при рассмотрении материалов проверок о преступлениях экономической и коррупционной направленности» материалы доследственных проверок по сообщениям о преступлениях указанных категорий тщательно изучаются в аппарате Следственного управления, по результатам изучения и доклада, формируется сопроводительный документ, содержащий либо требования о доработке по материалу и проведении дополнительных проверочных мероприятий, либо рекомендации о направлении в конкретное следственное подразделение для принятия решения в соответствии со ст. 144-145 УПК РФ. Рассматриваемая категория сообщений о преступлениях, как правило, имеет повышенную сложность и даже при наличии формально признаков преступления, материалы изучаются дополнительно, что на практике полностью оправдано. Некачественная проверка, выразившаяся, например, в отсутствии бухгалтерского документального исследования, основанная лишь на полученных сведениях о наличии признаков преступления, может привести к негативным последствиям, выражающимся в нарушении прав участников процесса.

Подобная практика по рассмотрению сообщений о преступлениях с позиции признаков преступления и состава преступления, существует повсеместно и законодательно этот вопрос не урегулирован. Закон не уточняет итоговую цель деятельности правоприменителя по рассмотрению материала проверки, давая возможность принять одно их нескольких возможных процессуальных решений, минуя решение о возбуждении уголовного дела ввиду неполноты проведенной проверки. Подобная практика привела к стиранию границ между понятием признака преступления и признака состава преступления, что, зачастую, восприни-

мается идентично. Так, Егорова Р.Е. в своем исследовании о соблюдении принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела, ссылается на данные анкетирования сотрудников МВД России, уполномоченных проводить проверки по сообщениям о преступлениях. В подавляющем большинстве случаев, согласно данным опроса, доследственная проверка продолжается до установления всех элементов состава преступления, за исключением «очевидных» преступлений, выявленных «по горячим следам». [9, с. 68] Подобная практика пользуется одобрением руководителей следственных подразделений, что, по нашему мнению, связано со стремлением к соответствию требованиям закона в целях исключения необоснованного возбуждения уголовных дел. Помимо этого, неустановление в ходе доследственой проверки обстоятельств, указывающих именно на элементы состава преступления, и возбуждение при этом уголовных дел, может быть чревато существенными нарушениями прав участников уголовного процесса, включая и необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Таким образом, по нашему мнению имеет место некая неопределенность в нормативно-правовых актах и отсутствие унифицированного алгоритма действий уполномоченных должностных лиц при организации и проведении доследственной проверки по сообщениям о преступлениях, а также объема проводимой проверки. Представляется целесообразным разработать не только нормативно-правовой документ, предписывающий установление конкретных обстоятельств при проведении проверочных мероприятий по разным категориям преступлений, подлежащих установлению на стадии возбуждения уголовного дела, но и внести изменения в уголовно-процессуальный закон, например, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дополнив её пунктом 1.3, указав конечную цель рассматриваемой стадии, по достижению которой правоприменитель будет обязан незамедлительно принять одно из процессуальных решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ. Такой целью мы видим проведение объективной проверки по сообщению о преступлении с позиции выявления обстоятельств, препятствующих принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Осмелимся предположить, что такая мера качественно повлияет на соблюдение процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела.

Список литературы:

1. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.В. Витрука // Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно - процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» электронный источник https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25945/97d279ed6957b1e62f87b41953afdbf21d113561/ (дата обращения 20.08.2025).

2. Хорьяков С.Н. Уголовно-процессуальные нормы: понятие, виды, структура, их толкование и применение // Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) учебник // Электронный ресурс: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/up_uch/public_html/page15.html (дата обращения 21.08.2025).

3. Строгович М.С. Уголовный процесс: учебник для юридических высших учебных заведений. – М., 1990. – 310 с.

4. Алексеенко Л.И. К вопросу о необходимости стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. – 2018. – № 23 (209). – 455 с.

5. Ажибеков М.А., Румянцева М.О. Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела // Вестник института мировых цивилизаций. – 2017. – № 14. – С. 6-11.

6. Приказ от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» СПС «Консультант Плюс»: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976/ (дата обращения 24.08.2025).

7. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации», СПС «Консультант Плюс» https://base.garant.ru/71667580/ (дата обращения 26.08.2025).

8. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 СПС «Консультант Плюс»: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-n-39-mvd-rf/#100052 (дата обращения 24.07.2025).

9. Егорова Р.Е. Соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 4 (59). – С. 68-73.

© Захарова А.А., 2025

EDN: WZYFOI

Зинчук Алексей Валерьевич,
депутат Законодательного Собрания
Санкт-Петербурга 7-го созыва

Презумпция знания уголовного и уголовно-процессуального закона, ее практическое значение в уголовном судопроизводстве России

Аннотация: с каждым годом не угасают вопросы эффективности действующего уголовного законодательства. В связи с тем, что современная уголовно-процессуальная политика не освобождает от ответственности в связи с незнанием закона, а уголовно-процессуальный закон не может обеспечить всю полноту конституционных гарантий граждан, их полноценную реализацию, мы решили рассмотреть актуальный вопрос уголовного и уголовно-процессуального права о несостоятельности презумпции знания действующего законодательства.

Ключевые слова: знание закона; классификация знания; уголовное право; уголовно-процессуальное право; законодательная информация; добросовестность и разумность применения закона; неопределенность закона.

«В семантическом понимании знание – это соответствующая реальности истинность, обоснованная рациональной убежденностью субъекта познания. В общетеоретическом понимании выделяют различные классификации знаний: во-первых, такие знания, которые имеют место в сознании субъекта; во-вторых, в научной литературе рассматривают объективированные знания, которые находят себя в доктрине; в-третьих, выделяют знания-умения, которые воплощаются в жизни посредством опыта; в-четвертых, знание в форме информации, которая реализуется в суждениях» [1].

В юридическом смысле для нас очевидно то, что знание подразумевает определенный пласт законодательной информации, который необходим в целях соблюдения правопорядка в государстве. Априори получается так, что знание закона обусловлено требованием нашей уголовно-правовой политики: «незнание закона не освобождает от уголовной ответственности». Таким образом формируется презумпция знания действующего законодательства. Следовательно, напрашивается вопрос: что является знанием, а что можно рассматривать в качестве незнания закона, понимая фактический уровень знаний в свете профессиональной компетенции или же обывательского представления.

В нашей правоприменительной системе мы неоднократно слышим и такой афоризм, который укоренился веками в нашей правоохранительной дея-

тельности: «разрешено то, что не запрещено законом». Такое изречение является принципиальным и нашло свое отражение в международных документах, в частности, именно благодаря Великой французской революции, оно регламентировано в ст. 5 Декларации прав человека и гражданина, принятой 26 августа 1789 года: «Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом» [2].

Таким образом, мы понимаем, что презумпция знания закона тесным образом связана с презумпцией добросовестности гражданской правопослушности. Данный вопрос тесным образом связан с нравственными основами уголовного права и уголовного судопроизводства. Отечественный законодатель не регламентирует такие определения, как «добросовестность» или «совесть». За рубежом добросовестность рассматривается в качестве конституционного принципа, как «естественный оплот свободы, как следствие порядочности» [3, с. 320]. В отечественном уголовном судопроизводстве о совести мы можем рассуждать, когда открываем ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). В частности, свобода оценки доказательств видится в свете закона и совести.

Добросовестность тесным образом связана с разумностью. Разумность является понятием сугубо философским, которое рассматривается в качестве осознанности выбора в принятии решений. «Разумность реализуется в зависимости от того, какой цели желают достичь, какие способы являются наиболее благоприятными для ее достижения. Когда речь идет о деятельности правоприменителей, ее цели определяются исходя из интересов общества и государства. При этом закон должен предусматривать определенные границы, в рамках которых будет строиться такая деятельность. Вместе с тем любые предписания закона – это всего лишь набор инструментов, грамотность использования которых целиком и полностью зависит от уполномоченных на то лиц» [4, с. 94].

Значит, напрашивается умозаключение о том, что знание закона выступает перспективой законопослушного поведения, основанного на добросовестности и разумности в реализации своих процессуальных решений.

Однако, насколько совершенен наш отечественный закон. Тогда как «уголовный процесс – одна из основных, фундаментальных отраслей права, имеющих большое значение для современной юриспруденции. Тем не менее, как и в любой другой отрасли в ней есть несовершенства, в частности, пробелы в законе» [5, с. 280]. При самом лучшем знании и соблюдении действующего законодательства, мы убеждаемся в его несовершенстве. Следовательно, мы приходим к уязвимости такого понятия, как «знание закона». Свидетельством чему являются факты следственных и судебных ошибок, которые порой совершаются правоприменителем неумышленно. Так, А.Д. Назаров к числу процессуальных ошибок относит те, которые обусловлены «качеством законодательных актов» [6, с. 12]. Качество нашего законодательства не отличается универсальностью и «беспробельностью». Кроме того, имеет место неопределенность процессуальной нормы, а также «норма может быть сформулирована понятно, но реальные

жизненные обстоятельства, к которым она должна быть применена, остаются непонятными; другими словами, до конца остается неясным, при каких обстоятельствах нужно следовать законодательно закрепленному правилу, а когда оно не применяется; здесь возможны следующие ситуации: непонимание, в каком случае правильно применять установленную норму; непонимание, к каким обстоятельствам данная норма присуща, для того чтобы она имела смысл» [7, с. 104]. Как видим, в уголовно-процессуальной науке презумпция знания закона зависит от семантической неясности действующего законодательстве, а также от позиции прагматики применения правового положения. Такие факторы приводят к неопределенности закона, который познать и грамотно применить достаточно сложно.

Например, неопределенностью закона характеризуются нормы такой стадии в уголовном процессе, как возбуждение уголовного дела. В частности, такой повод для возбуждения уголовного дела, как явка с повинной, компенсируется по критериям применения позициями Конституционного Суда РФ. В частности, именно в положениях судов вышестоящих инстанций, мы наиболее обстоятельно видим и можем понимать условности признания допустимой явки с повинной в процессе доказывания. В частности, обращаясь к ст. 142 УПК РФ, мы понимаем, что заявление о явке с повинной рассматривается в качестве добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении, которое может быть представлено, как в устном виде, так и в письменном. Позиции вышестоящих инстанции вносят свои восполнения в пробелы законодателя процессуальными гарантиями в целях соблюдения конституционных прав участников уголовного судопроизводства (определение 1 КСОЮ от 07.07.2022 № 77-2984/2022, 77-3009/2022; постановление 2 КСОЮ от 28.07.2022 № 77-2427/2022; определение 4 КСОЮ от 15.02.2022 № 77-969/2022; определение 5КСОЮ от 10.02.2022 № 77-303/2022; постановление 6 КСОЮ от 30.06.2022 № 77-3431/2022; определение 7 КСОЮ от 18.08.2022 № 77-3756/2022; определение 8 КСОЮ от 06.07.2022 № 77-2932/2022; определение 9 КСОЮ от 05.07.2022 по делу № 77-1158/2022).

Следовательно, можно поставить вопрос: каждый ли участник, задействованный в уголовно-процессуальные отношения, может знать позиции судов вышестоящих инстанций. Значит, если мы не можем обеспечить качество закона и его правильное применение профессиональными юристами, можем ли мы тогда закладывать презумпцию знания закона обычными людьми, не имеющими специальных юридических знаний. Более того, если вопрос касается недопонимания, незнания уголовного закона, то в условиях не освобождения их от уголовной ответственность в связи с незнанием, ситуация может быть показателем необъективности. Таким образом, мы понимаем, что только совершенный в практической реализации закон может создавать условия презумпции знания в свете применения санкций за его неисполнение.

Список литературы:

1. Большая Российская энциклопедия: сайт. – URL: https://bigenc.ru/c/znanie-127e4e (дата обращения: 24.07.2025).

2. Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года // Факультет истории, политических наук и культурологии: сайт. – URL: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/ (дата обращения: 26.07.2025).

3. Основные начала российского и французского права / под ред. Г. А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена. – Москва : Проспект. – 2012. – 424 с.

4. Волынец, К. В. Разумность правоприменителя / К. В. Волынец // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1 (3). – С. 94-96. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razumnost-pravoprimenitelya (дата обращения: 24.07.2025).

5. Вострикова, А. М. Поводы для возбуждения уголовного дела: пробелы в законе и способы их решения / А. М. Вострикова // Вопросы Российской юстиции. – 2023. – № 29. – С. 279-286.

6. Назаров, А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный порядок их устранения: концептуальные основы: специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Назаров Александр Дмитриевич. – Санкт-Петербург, 2017. – 357 с.

7. Леонова, Ю. А. Пробелы в законе и неопределенность права / Ю. А. Леонова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2019. – № 1. – С. 102-111.

© Зинчук А.В., 2025

EDN: XKMVJN

Ибраев Рахат Арстанбекович,
МВД Республики Кыргызстан

Защита прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве и некоторые способы профилактики их девиантного поведения

Аннотация: статья посвящена профилактике девиантного поведения несовершеннолетних и защите их прав в уголовном судопроизводстве. Применен комплексный подход к проблеме подростковой преступности, сочетая криминологическую профилактику с совершенствованием уголовно-процессуальных механизмов защиты прав детей. Междисциплинарный подход позволяет одновременно решать задачу снижения девиантного поведения несовершеннолетних и обеспечивать более бережное отношение к правам детей в правосудии.

Ключевые слова: девиантное поведение несовершеннолетних; подростковая преступность; виктимизация несовершеннолетних; депонирование показаний; наставничество.

Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних и предупреждение подростковой преступности относятся к приоритетным направлениям государственной политики в сфере обеспечения правопорядка и защиты детства. Несмотря на определенное сокращение общей преступности среди несовершеннолетних в последние годы, ситуация остается сложной: ежегодно десятки тысяч подростков совершают преступления, значительная их часть имеет рецидивный характер. Так, например, в 2024 г. осуждено 11,9 тыс. лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте (из них 3,8 тыс. достигли совершеннолетия на момент вынесения приговора) [4]. Одновременно сохраняется высокая виктимность детей и подростков – количество преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, стабильно превышает 100 тыс. случаев в год. Таким образом, актуальна задача совершенствования комплексной системы профилактики, способной не только снизить уровень подростковой преступности, но и защитить права самих детей, ставших жертвами противоправных посягательств. Большое значение в такой работе приобретают меры защиты прав несовершеннолетних, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Государственная система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации имеет сложившуюся нормативную базу (Федеральный закон от 24.06.1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2] и

др.), предусматривающую межведомственное взаимодействие органов и учреждений образования, опеки, внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и других субъектов профилактики. Вместе с тем качество профилактики остается недостаточным: на сегодняшний день более 400 тыс. подростков состоят на различных профилактических учетах, причём каждый четвертый из них совершает повторное правонарушение.

Особую обеспокоенность вызывают тяжкие и особо тяжкие преступления, совершаемые несовершеннолетними. По данным доклада Уполномоченного по правам ребенка, в 2022 г. число особо тяжких преступлений, совершенных подростками, выросло на 22,5% (2256 случаев – максимум за пять лет) [8]. В 2023-2024 гг. эта негативная тенденция продолжилась: согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ [4], отмечается прирост числа тяжких и особо тяжких деяний несовершеннолетних почти на треть; значительно возросла подростковая насильственная преступность, в том числе число изнасилований; существенную долю составляют групповые преступления (более 40% всех преступлений, совершенных несовершеннолетними), что указывает на влияние асоциальных молодежных группировок и интернет-общностей.

Для предупреждения таких явлений требуется усиление адресной профилактической работы: социального патроната семей группы риска, психологической помощи и наставничества для «трудных» подростков. Позитивным шагом является внедрение в 2024 г. в России института наставников – опытных взрослых, которые будут индивидуально работать с несовершеннолетними правонарушителями, помогая им социализироваться. По инициативе Следственного комитета Российской Федерации, предложен соответствующий законопроект о наставничестве [5], который может снизить уровень рецидива и эффективно ресоциализировать таких детей.

Одной из процессуальных мер защиты несовершеннолетнего, направленной на уменьшение девиантного поведения, является возможность следователя выделить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство. Эта мера направлена на минимизирование взаимодействия несовершеннолетнего со взрослыми соучастниками преступления. Полагаем, что в законодательстве необходимо предусмотреть особый статус такого участника не только при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56^1 УПК РФ), но и во всех иных случаях выделения уголовного дела в отношении подозреваемого, обвиняемого в отдельное производство.

Не меньшую проблему представляет преступность против несовершеннолетних, что требует повышения эффективности мер виктимологической профилактики – защиты потенциальных жертв. К ним относят просветительскую работу с родителями и детьми, раннее выявление случаев насилия (службами опеки, образовательными организациями), усиление контроля за соблюдением прав детей. Однако важнейшее значение имеет совершенствование уголовно-процессуальных механизмов, обеспечивающих охрану прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на стадии предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает особые правила участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Установлены ограничения на допросы малолетних (обязательное участие педагога или психолога, запрет допросов в ночное время и т.п.), возможность проведения закрытых судебных заседаний по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, особый порядок оглашения показаний несовершеннолетних потерпевших в суде (например, согласно ст. 281 УПК РФ [1] возможно оглашение ранее данных показаний, если явка в суд невозможна или вредна для несовершеннолетнего). Тем не менее, правоприменительная практика показывает, что многократное воспроизведение травмирующих событий в ходе расследования и судопроизводства ведет к феномену вторичной виктимизации потерпевших – усугублению психологической травмы ребенка вследствие неделикатного обращения в правоохранительной системе. Современные подходы к правосудию, дружественному к детям, требуют минимизировать контакты несовершеннолетнего потерпевшего с обвиняемым и защитить его от излишнего процессуального давления [6]. Исходя из этого, предлагается внедрять специальные процессуальные механизмы фиксации показаний несовершеннолетних на ранних этапах расследования, с тем чтобы избежать их повторного допроса в будущем [7].

Одним из таких механизмов является депонирование показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей – допрос потерпевшего или свидетеля, проведенный следственным судьей в порядке досудебного производства, с целью заблаговременного закрепления (сохранения) доказательств. Так, например, Главой 26 УПК Кыргызской Республики [3]: предусмотрено депонирование показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетеле й, которое производится по ходатайству стороны в исключительных случаях, когда существует опасение, что допрос ребенка на последующих этапах будет затруднителен или причинит ему существенный вред. Процедура осуществляется специально уполномоченным следственным судьей, который единовременно допрашивает несовершеннолетнего потерпевшего либо свидетеля в щадящих условиях, с обязательной видеофиксацией. Таким образом достигается двуединая цель: с одной стороны, охрана психического и физического здоровья ребенка за счет минимизации его контактов с обвиняемым и неоднократного переживания травмирующей ситуации, с другой – соблюдение прав обвиняемого, который может участвовать при депонировании и реализовать право на защиту, задав через судью вопросы потерпевшем.

В целях адаптации зарубежной практики к российским условиям могут быть предложены изменения в УПК РФ. Возможно введение новой статьи, устанавливающей порядок предварительного судебного допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля по постановлению суда (дежурным судьей по аналогии со следственным судей) при наличии достаточных оснований. Такое постановление могло бы выноситься по ходатайству следователя (в том числе в связи с удовлетворением ходатайства стороны защиты), если дальнейший непосредственный допрос ребенка представляется проблематичным (например, по делам

о сексуальном насилии, тяжких преступлениях против жизни и здоровья, когда повторное участие травматично для психики ребенка).

Проведенное исследование показывает, что эффективная профилактика девиантного поведения и преступности несовершеннолетних требует комплексного подхода, объединяющего социальные, воспитательные и правовые меры. Одним из ключевых нововведений, направленных на решение обозначенных проблем, должно стать внедрение в российское законодательство механизма депонирования показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей дежурным судьей суда общей юрисдикции. Данный институт, апробированный за рубежом, позволит минимизировать травматическое воздействие уголовного судопроизводства на ребенка и обеспечить полноту и достоверность доказательственной базы при соблюдении прав всех участников процесса.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 24.06.1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. № 129 [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/3-37/edition/2086/ru
4. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023-2024 годы - Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://cdep.ru/index.php?id=79
5. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: Внесен законопроект о наставничестве для детей в трудной жизненной ситуации. Он предполагает создание специального реестра лиц, допущенных к наставнической деятельности [Электронный ресурс]. // Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/59005/.
6. Николюк В. В., Судницын А. Б. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть 1) // Общество и право. – 2021. – № 4 (78). – С. 50-58.
7. Николюк В. В., Судницын А. Б. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть 2) // Общество и право. – 2022. – №1 (79). – С. 40-46.
8. Панченко Л. В 2022 году в РФ выросло число совершенных подростками особо тяжких преступлений // Московский комсомолец. – 30.07.2023.

© Ибраев Р.А., 2025

EDN: XKZVDX

Калачева Алина Владимировна,
старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России
кандидат юридических наук

Задержание подозреваемого органом дознания как объект уголовно-процессуального регулирования

Аннотация: рассматриваются вопросы разграничения уголовно-процессуальных полномочий органа дознания по задержанию подозреваемого с полномочиями полицейского характера по принятию сопутствующих мер, подлежащими осуществлению теми же органами, иногда теми же должностными лицами, но в ином, не предполагающем уголовно-процессуальной формы правовом режиме. Обосновывается необходимость отнесения к непосредственному ве́дению органов дознания лишь процессуальных компонентов работы с задержанными лицами, связанных с применением данной меры принуждения в формальном смысле.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; орган дознания; подозреваемый; полномочия органа дознания; уголовно-процессуальные полномочия; фактическое задержание.

В публикациях ученых-процессуалистов справедливо обращается внимание на многогранность сущности задержания подозреваемого, отмечается о предрасположенности данного феномена к пониманию, по крайней мере, в четырех связанных с уголовной юстицией смыслах [2, с. 107; 3, с. 16 и др.]. Указывается на возможность понимания задержания: 1) как одной и мер уголовно-процессуального принуждения, то есть правового способа принудительного воздействия на поведение подозреваемого; 2) как процессуальной комбинации, сводящейся к предусмотренному УПК РФ комплексу взаимосвязанных процессуальных действий, обусловленных решением о задержании подозреваемого (разъяснения лицу прав, его допроса и т.д.); 3) как тактической операции, состоящей в совокупности процессуальных действий, оперативно-розыскных и прочих непроцессуальных мероприятий, включая фактическое задержание (захват) человека и его доставление в орган предварительного расследования; 4) как совокупности режимных мероприятий, связанных с помещением задержанного в изолятор временного содержания (ИВС) и его кратковременным нахождением под стражей [4, с. 20–21].

Не согласиться с подобными взглядами достаточно сложно. Но даже если условно допустить их ошибочность и неприемлемость для дальнейшего развития правовой доктрины, то не признать правовую неоднородность различных этапов деятельности, направленной на задержание лица по подозрению в совершении преступления, все равно невозможно. В противном случае ни ученые, ни практические

работники просто не сталкивались бы с целым рядом присущих задержанию подозреваемого и никак не поддающихся разрешению проблем, противоречий и шероховатостей; не возникали бы и многие связанные с ними споры и полемические обсуждения. В первую очередь, не существовало бы известной дискуссии о правовой природе фактического задержания (захвата) и его места в общем механизме кратковременного ограничения конституционного права личности на свободу и неприкосновенность. Не было бы никакой потребности в поиске более или менее приемлемого для правоприменительной практики подхода к устранению неопределенности, связанной с превращением фактического захвата в своеобразный «нулевой» этап всей процедуры задержания подозреваемого.

Правда, в условиях правоприменительной практики органов дознания данные проблемы, противоречия и шероховатости, на первый взгляд, могут не показаться такими уж существенными и заметными. По крайней мере, подобное впечатление может создаться при беглом сравнении их полномочий с полномочиями органов предварительного следствия. Ведь если признавать органами дознания соответствующие органы исполнительной власти в полном составе (как бы исходить из формулы «орган дознания = орган исполнительной власти») – именно этот подход и вытекает из буквального толкования закона (ч. 1 ст. 40, ч. 2 ст. 157 УПК РФ), – то любые понимания задержания лица по подозрению в совершении преступления прекрасно укладываются в сферу их компетенции. И фактические захваты, и последующие доставления лиц для дальнейших разбирательств, и прямо предусмотренные гл. 12 УПК РФ процессуальные действия и решения, и даже режимные мероприятия, связанные с помещением задержанных в изоляторы временного содержания и их кратковременным нахождением под стражей полностью отнесены к ве́дению органов внутренних дел и других органов исполнительной власти, легально признаваемых органами дознания.

Однако такой подход к пониманию органов дознания видится далеко не самым правильным. Он является чрезмерно широким и расплывчатым. В связи с чем результаты его внедрения в уголовно-процессуальное законодательство в свое время поспособствовали появлению упомянутых выше ч. 1 ст. 40, ч. 2 ст. 157 УПК РФ и ряда других предрасположенных к вариативности толкования и вызывающих немалые практические трудности положений Кодекса. Очевидные изъяны подобного понимания органов дознания неоднократно подмечались и другими авторами [1, с. 29–30; 5, с. 118–119].

К слову, причины возникновения такого подхода вполне понятны и закономерны. Подобные аномалии правового положения органов дознания напрямую связаны с многолетними тенденциями развития национальной системы досудебного производства, состоящими в постепенном сближении и переплетении функций «полиции» и «юстиции», то есть полицейских и следственных (судебно-следственных) полномочий, в частности в инкрементальной процессуализации органов дознания, в их превращении в полноценных, наделенных подлинной юрисдикционной правосубъектностью участников уголовно-процессуальных правоотношений. По всей вероятности, законодателю просто не удалось должным образом отразить произошедшие метаморфозы в положениях УПК РФ – нормативно отграничить аутентичные,

то есть уголовно-процессуальные полномочия органов дознания от оперативно-розыскных, административно-правовых, организационно-обеспечительных и тому подобных полномочий соответствующих органов исполнительной власти, в первую очередь органов внутренних дел, подлежащих осуществлению не в уголовно-процессуальном, а в иных правовых режимах.

Поэтому гораздо более разумным представляется несколько иной, сугубо процессуальный подход к пониманию органов дознания, предполагающий ограничение сферы их компетенции исключительно осуществлением доследственных проверок и разрешением сообщений о преступлениях, производством неотложных следственных действий, проведением ординарных и сокращенных дознаний и исполнением поручений следователей (других органов дознания и дознавателей), то есть реализацией уголовно-юрисдикционных, во многом квазиследственных полномочий в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. А ценность данного подхода видится именно в индивидуализации подлинно дознавательских, то есть уголовно-процессуальных полномочий в условиях интеграции функций «полиции» и «юстиции», в их обособлении от иных полномочий, возлагаемых на те же самые органы исполнительной власти, иногда на тех же самых должностных лиц. Во всяком случае, на сегодняшний день термин «орган дознания» и его множественная форма «органы дознания» для доктринальных и нормативно-правовых основ иных (за исключением уголовного процесса) видов правоохранительной деятельности явно не характерны. Исходя из подобного понимания органа дознания, говорить о нахождении в его компетенции всех составляющих многокомпонентного механизма задержания человека по подозрению в совершении преступления – от фактического захвата до физического освобождения из изолятора временного содержания – уже не приходится.

Таким образом, к непосредственному ве́дению органов дознания надлежит относить лишь процессуальные компоненты работы с задерживаемыми (вернее, уже с фактически задержанными) лицами, связанные с применением данной меры принуждения в формальном (процессуальном) смысле. Другими словами, их полномочия в части задержаний подозреваемых надлежит ограничивать лишь оформлением соответствующих протоколов, выполнением иных установленных ст. 92 УПК РФ предписаний (разъяснениями прав, допросами подозреваемых и пр.), а также принятием последующих решений об освобождении задержанных – в предусмотренных ч. 1 ст. 94 УПК РФ случаях неподтвержденности подозрения, отсутствия оснований для заключения человека под стражу и признания произведенного задержания незаконным. Тогда как связанные с задержаниями подозреваемых непроцессуальные действия и решения: фактические задержания (захваты), доставления, прочие приемы сугубо полицейского и характера (оперативно-розыскные, административно-правовые и тому подобные мероприятия), а также применяемые к содержащимся в изоляторах временного содержания лицах известные режимные меры – к компетенции органов дознания не могут иметь никакого отношения. Все эти мероприятия должны находится в ведении иных субъектов публичных правоотношений – может быть, тех же самых государственных органов, а иногда и тех же самых должностных лиц, но действующих в принципиально ином правовом режиме, то есть не вступа-

ющих в предопределенные уголовно-процессуальным законодательством правоотношения, связанные с конкретизированным уголовным преследованием человека (in personam) в совершении некоего криминального деяния.

Список литературы:

1. Абрамова, Л.Л., Логинова Н.Г., Судницын А.Б. Взаимодействие следователя с органом дознания: законодательное регулирование и правоприменительная практика: учеб. пособие / Л.Л. Абрамова, Н.Г. Логинова, А.Б. Судницын; под общ. ред. А.Б. Судницына. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2021. – 104 с.

2. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – М.: ЮрИнфор, 1999. – 541 с.

3. Россинский, С.Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 16–20.

4. Россинский, С.Б. Многогранная сущность задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2016. – № 22. – С. 18–22.

5. Шпагина, Ю.В. О сущности и понятии дефиниции «орган дознания» / Ю.В. Шпагина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (34). – С. 115–121.

© Калачева А.В., 2025

EDN: XLEVZU

Кетенчиева Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Современные технологии в уголовном процессе: электронные доказательства, блокчейн и искусственный интеллект

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу современных технологий в уголовном процессе, в частности, электронным доказательствам, блокчейн-верификации и применению искусственного интеллекта в расследовании преступлений. Автором проанализированы современные подходы к модернизации уголовного процесса, выявлены сильные и слабые стороны предложенных в научных работах изменений современного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; блокчейн; искусственный интеллект; доказательства; электронный доказательства.

Современный этап развития уголовного процесса характеризуется активной интеграцией цифровых технологий, что обусловлено ростом количества преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, а также необходимостью пересмотра процесса доказывания. В условиях цифровой трансформации правовой сферы возникает ряд новых вызовов, связанных с обеспечением достоверности, целостности и допустимости электронных доказательств.

Электронные доказательства в современном уголовном процессе занимают все более значимое место, однако их использование сопряжено с рядом существенных проблем. Как отмечает Ю.И. Андреева, «электронные доказательства обладают специфическими свойствами, которые создают определенные сложности в их признании допустимыми и достоверными» [1, с. 147]. К числу таких свойств относятся высокая изменчивость, зависимость от программного и аппаратного обеспечения, а также сложность идентификации источника информации.

А.И. Туршин в своей работе указывает на недостаточную надежность используемых электронных носителей, сложности с ознакомлением с ними из-за консервативных требований об их хранении в запечатанном виде в качестве материального предмета при уголовном деле [3, с. 132]. Действительно, традиционные методы приобщения электронных носителей к делу не обеспечивают достаточной защиты от изменения информации и создают препятствия для эффективного ознакомления с этими доказательствами.

Однако представляется, что авторы несколько преуменьшают роль существующего законодательства в регулировании вопросов электронных доказательств. Следует отметить, что УПК РФ содержит ряд норм, регулирующих обращение с электронными доказательствами (ст. 164.1 УПК РФ), что частично решает проблемы их фиксации и хранения. Тем не менее, как справедливо отмечает Ю.И. Андреева, «существующая правовая база не в полной мере учитывает специфику электронных доказательств и требует дальнейшего развития» [1, с. 150].

Одним из перспективных направлений решения проблем электронных доказательств является применение технологии блокчейн. Как указывает А.А. Шурдумов , «система блокчейна является одной из технологических новинок последних лет, потенциально отвечающих запросам процессуальных и криминалистических целей» [4, с. 226]. Основное преимущество блокчейна заключается в его неизменяемости – каждая запись в цепочке блоков имеет криптографическую связь с предыдущей, что делает подделку информации практически невозможной.

Также А.А. Шурдумов отмечает, что «внедрение данной технологии обеспечит максимальный уровень защиты от фальсификации доказательств по уголовным делам» [4, с. 228]. В этом заключается значительное преимущество блокчейна перед традиционными методами хранения информации. В настоящее время в России уже реализуются пилотные проекты по использованию блокчейна в правоохранительной деятельности, в частности, «проект на базе Следственного комитета Российской Федерации по делам о кибермошенничестве» [4, с. 228].

Однако необходимо критически оценить утверждение о том, что блокчейн может полностью решить проблему достоверности электронных доказательств. Технология блокчейн обеспечивает неизменность данных после их внесения в систему, но не гарантирует их достоверность на момент внесения. Если исходные данные были искажены или сфальсифицированы до внесения в блокчейн, то технология лишь зафиксирует эту ложную информацию как достоверную. Таким образом, блокчейн решает проблему целостности данных, но не проблему их первоначальной достоверности.

Еще одним перспективным направлением является применение искусственного интеллекта (ИИ) в криминалистике. ИИ может быть использован для анализа электронных доказательств, в частности, для обработки больших объемов цифровых данных, выявления связей между различными доказательствами, прогнозирования развития преступной ситуации. А.Г. Себякин рассматривает ИИ как «систему поддержки принятия решений» в криминалистике [5, с. 275], что представляется наиболее корректным подходом к использованию этой технологии.

Однако необходимо учитывать и риски применения ИИ в уголовном процессе. А.В. Кокин и Ю.Д. Денисов обращают внимание на проблему «алгоритмической предвзятости» систем искусственного интеллекта [2], которая может привести к искажению результатов анализа. Кроме того, М.В Мокшанов указывает на то, что «современные системы ИИ не обладают достаточной прозрачностью алгоритмов, что затрудняет проверку их выводов» [5, с. 277].

Следует согласиться с позицией, что ИИ не может заменить криминалиста, а лишь выступает вспомогательным инструментом. Как справедливо отмечает Е.С. Васькин и М.И. Пилякин, «искусственный интеллект в криминалистике должен рассматриваться как средство усиления человеческого интеллекта, а не его замены» [5, с. 274].

Рассмотренные аспекты модернизации уголовного судопроизводства приводят к неизбежности поднятия вопросов о разработки концепции электронного уголовного дела. В настоящее время концепция электронного уголовного дела как инструмента хранения электронных доказательств активно обсуждается в научной литературе. А.И. Туршин утверждает, что «формат электронного уголовного дела позволяет нивелировать недостатки применяемых сегодня электронных носителей: неустойчивость к внешним повреждениям (оптические диски), неспособность обеспечить достаточную защиту от изменения (флешнакопители), существенные ограничения при ознакомлении с записанной на упомянутые носители информацией на досудебном этапе» [3, с. 133].

Действительно, переход к электронному уголовному делу может решить ряд проблем, связанных с хранением и использованием электронных доказательств. Однако, как указывает А.И. Туршин, существуют и риски такой трансформации, в частности, «угроза несанкционированного доступа к информации, риск утраты данных при технических сбоях» [3, с. 132].

Следует отметить, что автор несколько преувеличивает возможности электронного уголовного дела в плане обеспечения безопасности данных. Хотя современные технические решения действительно позволяют «обеспечить надёжное хранение доказательственной и иной информации без риска её утраты» [3, с. 131], они не могут полностью исключить риски кибератак или технических сбоев. Более того, централизация всех материалов дела в единой системе может создать «точку единого отказа», что увеличит потенциальные последствия возможного взлома.

Анализ современных технологий в уголовном процессе позволяет сделать следующие выводы. Применение блокчейна для верификации электронных доказательств представляет собой перспективное направление, однако требует дополнительного правового регулирования и технической доработки. Искусственный интеллект может стать эффективным вспомогательным инструментом в криминалистике, но его использование должно сопровождаться мерами по минимизации рисков алгоритмической предвзятости и обеспечению прозрачности анализа.

Что касается электронного уголовного дела, то его внедрение действительно может решить ряд проблем, связанных с хранением и использованием электронных доказательств, но требует комплексного подхода к обеспечению информационной безопасности.

Важно отметить, что ни одна из рассмотренных технологий не может полностью заменить традиционные методы доказывания. Цифровые технологии должны рассматриваться как дополнение к существующим процессуальным инструментам, а не их замена. Перспективы дальнейших исследований в данной

области связаны с разработкой единых стандартов использования цифровых технологий в уголовном процессе, созданием комплексных систем, интегрирующих блокчейн, искусственный интеллект и другие современные технологии для обеспечения максимальной эффективности и безопасности доказывания.

Список литературы:

1. Андреева Ю.И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. – 2025. – № 8. – С. 147-152.

2. Кокин А.В., Денисов Ю.Д. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – № 18 (2). – С. 30-37.

3. Туршин А.И. Электронное уголовное дело как инструмент хранения электронных доказательств // Юридические исследования. – 2025. – № 1. – С. 29-39.

4. Шурдумов А.А. Блокчейн-верификация доказательств в уголовном процессе // Закон и право. – 2025. – № 8. – С. 226-230.

5. Шурдумов А.А. Искусственный интеллект как криминалистический инструмент // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 6. – С. 273-278.

© Кетенчиева Е.С., 2025

EDN: WKUCEK

Кондрашин Павел Викторович,
доцент Юридического института
Сибирского федерального университета,
кандидат юридических наук

Некоторые проблемы реализации прав обвиняемого с ограниченными возможностями (на примере конкретного уголовного дела)

Аннотация: в современном обществе вопросы защиты прав человека становятся все более актуальными и значимыми. Люди с ограниченными возможностями по-прежнему остаются уязвимой группой населения. В частности, проблемы реализации прав обвиняемых с ограниченными возможностями являются одной из наиболее сложных областей в уголовном судопроизводстве, ведь эти лица сталкиваются со множеством трудностей при прохождении через систему уголовного правосудия. Они часто испытывают сложности в понимании своих прав, доступе к качественной юридической помощи и адаптации к процессу судебного разбирательства. В данной статье произведен анализ некоторых проблем, возникающих при реализации своих прав указанными участниками процесса, на примере конкретного уголовного дела.

Ключевые слова: обвиняемый с ограниченными возможностями; реализация прав; право на защиту; переводчик; специалист; законный представитель.

В правосудии, где справедливость и равенство являются краеугольными камнями, особую актуальность приобретает вопрос защиты прав лиц с ограниченными возможностями. Когда такое лицо оказывается в статусе обвиняемого, на него ложится двойная нагрузка: необходимость доказывать свою невиновность и преодолевать физические, когнитивные или психосоциальные барьеры, которые могут препятствовать полноценному участию в уголовном процессе. К сожалению, на практике реализация прав обвиняемых с ограниченными возможностями часто сталкивается с серьезными проблемами, требующими пристального внимания и системных решений.

Лица с ограниченными возможностями – это «лица, которые в силу личностных особенностей физического и (или) когнитивного характера не могут самостоятельно в полной мере осуществлять свои процессуальные права и исполнять обязанности» [1, с. 395-396].

Ограниченные возможности – это широкий спектр состояний, каждое из которых может по-разному влиять на способность обвиняемого понимать происхо-

дящее, выражать свою позицию и пользоваться своими правами, что может усугубляться, если у лица одновременно присутствуют несколько из них. Обвиняемые с такими нарушениями нуждаются в сурдопереводе или тифлосурдопереводе; когнитивные нарушения (интеллектуальные нарушения, расстройства аутистического спектра, психические заболевания): это, пожалуй, наиболее сложная категория. Обвиняемые с такими нарушениями могут испытывать трудности с пониманием абстрактных понятий, логических связей, юридической терминологии. Им может быть сложно давать последовательные показания, понимать последствия своих действий или бездействия, а также осознавать свои процессуальные права.

Однако, до настоящего времени нормы российского уголовно-процессуального закона не предусматривают особенностей участия обвиняемых из числа указанной категории лиц, равно как и механизма реализации прав таких участников процесса [3, с. 306; 4, с. 109].

Тем не менее, на практике регулярно встречаются ситуации, когда в качестве обвиняемых выступают лица с ограниченными возможностями, в том числе проявляемые комплексно.

Проанализируем их на примере конкретного дела. По уголовному делу № 1-63/2022 в отношении Т. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, рассмотренному Дудинским районным судом Красноярского края в 2022 году в одном из северных районов Красноярского края, судом было установлено, что подсудимый является инвалидом, страдает глухонемотой, обучения в школе не проходил, образования не имеет, всю жизнь ведет кочевой образ жизни, традиционный для коренных народов Севера, работает оленеводом, читать и писать не умеет, общается языком простых жестов (не на языке глухих) и только со своими родственниками. Кроме того, с учетом заключения нескольких психолого-психиатрических экспертиз у него выявлено психическое расстройство. При этом степень данного расстройства не удалось установить в виду отсутствия контакта с этим лицо.

То есть, по сути, с Т. не могли установить контакт ни защитник (не смог согласовать позицию защиты), ни сурдопереводчики (которые не могли понимать Т., а значит переводить, поэтому заявили отводы, удовлетворяемые судом), ни комиссия экспертов, которые проводили психолого-психиатрическую экспертизу данного лица (в виду невозможности установления контакта с ним).

Данный пример позволяет обозначить несколько проблем:

1) Насколько мог в принципе Т. реализовывать свои права, в том числе право на защиту, ведь даже защитник в такой ситуации не может оказать ему помощь в этом, поскольку не может выяснить позицию подзащитного, выстроить линию защиты?

2) Каким образом устанавливать контакт с Т., если он не способен к общению и не владеет языком сурдоперевода?

3) Каким образом обеспечить ему право на перевод и какого специалиста приглашать в качестве переводчика?

4) В качестве кого могут участвовать родственники Т., которые относительно нормально понимают его изъяснения жестами и звуками: могут ли они быть переводчиком, или специалистом, или законным представителем?

В качестве переводчика, скорее всего, в силу ст. 59 УПК РФ, не сможем, поскольку указанная норма предусматривает, что переводчиком является лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. В нашем случае Т. не владеет никаким языком, даже жестовым языком.

Как специалиста также нельзя допустить родственника, так как согласно ст. 57 УПК РФ специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Тогда возникает вопрос, а если допустить этих лиц в качестве законных представителей, как можно тогда в процессуальном порядке закрепить данные обвиняемым показания, можно ли будет доверять такого рода «переводу» с только им понятных жестов, и самое главное, будет ли в таком случае обеспечены его права.

Предлагаем предусмотреть в уголовно-процессуальном кодексе РФ возможность и порядок осуществления перевода допущенными лицами в таких случаях, либо как переводчика (при этом в понятие переводчика нужно внести соответствующие изменения), либо как законного представителя, предусмотрев такие полномочия данного лица.

Следует отметить, что подобного рода случаи, как в описанном выше примере, к сожалению, не редки и встречаются среди представителей коренных малочисленных народов Севера, что, в том числе, следует из опыта работы автора настоящей статьи, работавшего в следственных органах прокуратуры в районах Крайнего Севера в Красноярском крае.

В завершение хотелось бы отметить, что проблем, связанных с участием в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями много. Существует множество обстоятельств, препятствующих реализации этими лицами своих прав. В настоящей статье были обозначены лишь некоторые из них, поэтому необходимо и дальше исследовать данные вопросы.

Список литературы:

1. Курбатова, С. М. Некоторые вопросы предмета доказывания по уголовным делам с участием лиц с ограниченными возможностями / С. М. Курбатова, А. Г. Русаков // Устойчивое развитие России: правовое измерение: Сборник докладов X Московского юридического форума. В 3-х частях, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 06 августа – 08 2023 года. – Москва: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 395-397.

2. Курбатова, С.М. О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями в производстве по уголовному делу / С.М. Курбатова // Современный ученый. – 2020. – № 2. – С. 305-309.

3. Судницын, А.Б. Механизм исключения психотравмирующего воздействия на несовершеннолетних потерпевших и свидетелей / А. Б. Судницын //

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 18–19 июня 2021 года. Том Часть 2. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. – С. 109-112.

© Кондрашин П.В., 2025

EDN: WLTAEA

Кравченко Мария Владимировна,
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Содержание и соотношение используемых в науке уголовного судопроизводства терминов, понятий и категорий, применимо к словосочетанию «правовая неопределенность»

Аннотация: в статье обращено внимание на различные подходы ученых к использованию терминологии, непосредственно связанной с таким явлением в уголовном судопроизводстве как правовая неопределенность и вытекающими из него правовые категории, оценочные понятия и термины. Аргументируя свое мнение, автор приходит к выводу, что соотношение и взаимосвязь указанных названий от общего к частному проявляется в следующем порядке: правовая неопределенность, правовые категории, понятия, термины.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; правовая неопределенность; термин; оценочные понятия; правовые категории.

В научных публикациях, посвященных терминологии, употребляемой законодателем, особое внимание ученых уделено таким терминам, содержание которых не нашло своего определения и ясности в тексте закона. Одним из таких терминов является словосочетание «оценочные понятия» либо «оценочные категории».

Сущность данного феномена в уголовном судопроизводстве проявляется в том, что данные словосочетания выступают формой проявления правовой неопределенности, т.е. появляются тогда и там, когда законодатель не может четко, ясно изложить в тексте закона некую информацию, обеспечивающую единообразное правовое регулирование общественных отношений, что позволяет правоприменителям учитывая общую направленность закона, его дух, самостоятельно оценивать ситуацию, явления, понятия при вынесении окончательного решения по уголовному делу. Примером может служить такое словосочетание как «достаточные данные», применимо к составлению уведомления о подозрении в совершении преступления. Такие данные в каждом конкретном случае могут быть различные: показания свидетелей или иных участников уголовного судопроизводства, сведения, выявленные при совершении следственных и процессуальных действий, обнаружение предметов, указывающих на причастность лица к совершению преступления. Данный перечь является открытым, поскольку законодатель указал что и другие данные могут выступать основаниями для того, чтобы

подозревать лицо в совершении преступления. Сущность этих «других» обстоятельств законодатель не раскрыл, что наложило на сотрудников правоохранительных органов и суд обязанность с учетом конкретных обстоятельств дела оценивать их с точки зрения могут ли конкретные выявленные по делу обстоятельства служить основаниями к признанию лица подозреваемым.

Словосочетание «оценочные понятия», «оценочные категории» применяются практически во всех отраслях права, в силу чего заслуженно могут именоваться общеправовыми. В тоже время в доктрине не сложилось единого мнения относительно правильного, единообразного его наименования.

Поскольку в тексте законодательных актов законодатель не применяет указанное словосочетание и не раскрывает его содержание, в доктрине до настоящего времени не устоялось единообразное мнение относительно его наименования. В доктрине можно выделить несколько направлений или методологических подходов к выработке данного понятия и пониманию его сущности.

Во-первых, данное словосочетание правильно именовать «оценочные понятия», об этом в своих научных работах писали Т.В. Кашанина, П.В. Фетисов, Г.Е. Агеева, Д.Р. Касимов, С.С. Безруков и ряд других ученых [1, 2, 4, 5, 6];

Представители другого подхода полагают, что речь должна идти не о понятии, а об оценочной категории, такой точки зрения придерживаются Р.М. Нигматуллин, А.С. Рясина, К.А. Белоусова [3, 8, 9];

В-третьих, ряд ученых, например Е.В. Кобзева полагают, что следует говорить об оценочных признаках [7], а не о понятиях или категориях.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова указывается, что «понятие» это «..логически оформленная общая мысль о классе явлений, предметов», а «категория» это «..общее понятие отражающее наиболее существенные связи и отношения реальной действительности», термин – это слово либо словосочетание – название определенного понятия, а признак – это показатель, примета, знак по которым можно узнать, определить что-нибудь [10, с. 271, 559, 589, 793]. Исходя из этой логической посылки полагаем, что соотношение данных понятий их взаимосвязь проявляется таким образом: категория - понятие-термин. Все указанные составляющие обладают определенными признаками, позволяющими отнести их к той либо иной группе.

Применимо к обозначенной нами теме статьи, категорией, представляя собой общее положение, общее понятие, выступает такое явление в уголовном судопроизводстве как правовая неопределенность, являясь, по-сути, антонимом словосочетанию «правовая определенность», понимаемая в уголовном судопроизводстве как ясное, точное, непротиворечивое изложение нормы закона. Правовая неопределенность нормы проявляется в неточных формулировках, расплывчатых выражениях, двусмысленных словах, наличии пробелов, коллизиях различных норм, что затрудняет правоохранительным органам и суду применять соответствующую норму закона. Для устранения данной проблемы в доктрине предложено именовать ряд таких неопределенностей, требующих индивидуальной оценки правоприменителя, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела «оценочными понятиями».

Оценочные понятия в тексте закона представляют только часть элементов правовой неопределенности, которая шире по своему содержанию и охватывает ряд других понятий, таких как неточная формулировка или пробел в законе и т.д.

Слово или словосочетание, которое мы определяем как «термин» обозначает, конкретное понятие, применяемое в конкретной сфере деятельности, охватывающее наиболее общие признаки этих явлений и процессов. Применимо к нашему исследованию термином будут обозначены конкретные виды оценочных понятий, например, «злоупотребление правом», «достаточность доказательств», «справедливость», «неотложность следственных действий» и т.д. Это термины, которые представляют собой оценочные понятия, не раскрыты законодателем и требующие самостоятельной оценки правоприменителями. В судебных решениях по уголовному делу должностные лица, которые выносят постановления, определения и приговоры, должны приводить доводы, указывать причины почему и как они оценивают определенное обстоятельство. Например, причины, почему неоднократный отказ обвиняемого от ознакомления с материалами уголовного дела под надуманными (состояние здоровья), не подтвержденными (наличие справки медицинского работника о состоянии здоровья, позволяющего участвовать в данном процессуальном действии) предлогами, оценивается следователем как злоупотребление своим правом.

Конкретное понятие, квалифицируемое как оценочное, может именоваться и оценочным термином, хотя такое словосочетание не особо популярно и в научных трудах, посвященных данной теме, практически не употребляется хотя бы потому, что исследователи чаще обращаются не к конкретным понятиям, которые можно именовать оценочными терминами, а к данному явлению в целом.

Таким образом на основании проведенного исследования, используя логический метод от общего к частному, можно прийти к выводу, что взаимосвязь указанных наименований проявляется в следующем соотношении: правовая определенность как требование предъявляемое к закону, встречающаяся правовая неопределенность, как недоработка законодателя, правовые категории, как обобщенные группы тех недоработок законодателя, требующих принятия дополнительных мер при их использовании, правовые понятия, в том числе и «оценочные понятия» это, по своей сути, наименование одного из видов, составляющих категории правовая неопределенность, а термином обозначается то конкретное правовое оценочное понятия о котором может идти речь, при непосредственном применении конкретной нормы закона.

Список литературы:

1. Агеева, Г.Е. Оценочные понятия процессуального права: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / Г.Е. Агеева. – Белгород, 2014. – 21 с.

2. Безруков, С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.С. Безруков. – Омск, 2002. – 24 с.

3. Белоусова, К.А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / К.А. Белоусова. – Белгород, 2019. – 21 с.

4. Касимов, Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / Д.Р. Касимов. – Екатеринбург, 2014. – 21 с.
5. Кашанина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / Т.В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 16 с.
6. Фетисов, П.В. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / П.В. Фетисов. – Тамбов, 2009. – 23 с.
7. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / Е.В. Кобзева. – Саратов, 2002. – 31 с.
8. Нигматдинов, Р.М. Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / Р.М. Нигматов. – Саратов, 2004. – 32 с.
9. Рясина, А.С. Оценочные категории общетеоретический и нравственно-правовой аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / А.С. Рясина. – Саратов, 2012. – 26 с.
10. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и допол. – М.: Рус.яз., 1989. – 921 с.

© Кравченко М.В., 2025

EDN: WNZQRD

Круглова Кристина Дмитриевна,
следователь Следственного Управления
УМВД России по Московскому району г.Санкт-Петербурга

Способ совершения хищения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), как обстоятельство, подлежащее доказыванию

Аннотация: в статье приводится статистика по количеству совершения хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, тем самым определяется актуальность выбранной темы. Проводится классификация по способу совершения хищений, в виду чего перечисляются разные методы доказывания. Указываются тонкости составления процессуальных документов для расширения доказательственной базы. Автор обозначает практические методы, применяемые в настоящее время следователями для борьбы с мошенничествами в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: мошенничество; способ; информационно-телекоммуникационные технологии; ИТТ; доказывание.

В 2025 году материальный ущерб по хищениям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее ИТТ) составил 119,6 млрд рублей. Согласно данным ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, за первое полугодие 2025 года в Санкт-Петербурге мошенники дистанционно совершили более 15,5 тыс. преступлений, то есть на 15% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Больше половины ИТ-преступлений (51,8%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (220,1 тыс.). По сравнению с прошлым годом их число выросло на 7,4%. Изучая официальные сведения о состоянии преступности на территории Санкт-Петербурга можно сделать вывод о том, что треть преступлений в настоящее время совершается в сфере ИТТ.

В связи с большим количеством уголовных дел данной категории, в следственных подразделениях актуален вопрос о способе совершения хищений. Из-за специфичности и массовости, создано отдельное направление деятельности следственных подразделений, с целью организации раскрытия и расследования мошенничеств. Если говорить о начальной схеме совершения преступлений данной категории, то она, чаще всего, однообразна. Сначала злоумышленником осуществляется звонок потерпевшему с условной легендой, под предлогом сохранения денежных средств и перевод на безопасные счета, якобы осуществления спонсирования ВСУ и т.д. После этого, в зависимости от личности потерпевшего, его физических возможностей и развития ситуации в целом, преступником

выбирается дальнейший алгоритм. Жертвами становятся люди любого уровня образования и дохода, различных социальных слоев, профессий. Часто мошенники используют базовые механизмы социального влияния, которые встроены в человеческий мозг и работают даже у самых рациональных людей.

Мошенничество можно поделить по способу на «контактное» и «бесконтактное». При контактном способе происходит прямая передача наличных денежных средств курьерам («дропперам»).

Дропперы - это люди, которые выступают в роли посредников в нелегальных схемах, связанных с финансовыми операциями. Они соглашаются получить на свой счёт деньги, добытые незаконным путём, и затем перевести их другим лицам, чаще всего за определённое вознаграждение.

Потенциальным дропперам предлагаются заманчивые условия: минимум усилий, большой заработок, отсутствие требований к кандидатам. Обычно их ищут через мессенджеры и соцсети, приглашая на вакансию «обычного курьера», и учитывая, что они очень востребованы *(на момент написания статьи в г. Санкт-Петербурге зарегистрировано более 3000 вакансий курьера – прим. К.Д. Круглова)*, люди соглашаются на преступную деятельность, гоняясь за указанными выше условиями.

Контактный способ мошенничества выбирается, чаще всего, в случае если потерпевший пенсионер, придумывая легенду о сохранении денежных средств и передаче курьеру-инкассатору Центрального Банка, ФСБ, МВД и т.д. В этом случае потерпевший может описать «лже-курьера» и участвовать в опознании при установлении лица, совершившего преступления.

Нередко для изобличения «дроппера» используются камеры видеонаблюдения. Так, согласно постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 25.08.2016 №759, на территории города создан Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», через который следственным органам предоставляется доступ к записям с камер видеонаблюдения. Для установления всех обстоятельств произошедшего, следователь в составе следственно-оперативной группы выезжает на место происшествия, где производит осмотр места происшествия (далее ОМП). При ОМП ведется фотофиксация, чаще с участием потерпевшего, который указывает на обстоятельства произошедших событий. В ходе ОМП проводится визуальный осмотр на наличие системы видеонаблюдения на придомовых территориях, лестничных площадках и лифтах. Зная примерное время совершения преступления, можно сформировать запрос и изъять протоколом выемки информацию, интересующую следствие, если при ОМП это сделать не представляется возможным.

После изъятия видеозаписи, следователем оформляется протокол осмотра предметов и документов, после этого видеозапись приобщается к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. На практике, осмотр видеозаписи чаще всего осуществляется с подозреваемым/обвиняемым с целью закрепления доказательственной базы.

В виду высокой раскрываемости контактных мошенничеств, злоумышленники прибегают к этому виду получения денежных средств, в крайнем случае.

Лица пожилого возраста, редко используют мессенджеры и социальные сети, однако более подвержены чужому влиянию.

Мошенники чаще подводят жертву к бесконтактной передаче денежных средств, при которой потерпевший сам перечисляет на счет «дропперу» деньги. Существует огромное количество бесконтактных мошенничеств, но есть наиболее распространенные, совершающиеся по следующим схемам.

Среди молодежи чаще всего происходит знакомство в чатах социальных сетей с целью общения. В ходе переписки, злоумышленник завоевывает доверие и демонстрирует результаты своего инвестирования в проекты и предложением заработать таким же способом. Жертва соглашается, перечисляет денежные средства на «крипто-биржу», таким образом, деньги оказываются на счету «дроппера».

Кроме этого распространено интернет-мошенничество «фишинг». Когда злоумышленники похищают личные данные (логины, пароли, номера банковских карт) под видом надежных организаций или сервисов, таких как Госуслуги, Авито, МВидео.

В 2025 году появился новый вид мошенничества на базе легитимного приложения NFCGate. Она позволяет им дистанционно эмулировать т.е. подделывать или копировать что-то, чтобы оно вело себя как оригинал. В этом случае эмулируют банковские карты пользователей-жертв через их смартфоны, направляя средства на счета «дропов».

В настоящее время существует сложность по раскрытию данного вида преступлений в виду неочевидности и массовости. Движение денежных средств происходит по цепочке из нескольких «дропов». Деньги перетекают через крипто-биржи, вследствие чего теряется конечный получатель денежных средств, а, следовательно, и организатор преступления.

Для выявления серий противоправных действий злоумышленников, коллегией МВД РФ была создана база данных ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество». Программа позволяет осуществить сбор, систематизацию, обработку и анализ сведений, которые собираются в рамках расследования уголовных дел о преступлениях, совершенным дистанционным способом, в которых используются информационно-телекоммуникационные технологии.

Также созданы базы данных между основными банковскими организациями, сотовыми операторами и следственными подразделениями, для оперативного отправления и получения информации. До конца текущего года Министерство Внутренних дел анонсировало выпуск мобильного приложения «Антимошенник», которое при звонке или смс от неизвестных абонентов, будет оповещать пользователя о том, что номер ранее использовался для совершения противоправных действий.

Однако, методы, используемые в следственных подразделениях, не приводят к желаемому результату - снижению преступности. Считаю, что на законодательном уровне следователям нужно расширить полномочия для более оперативного получения данных о «преступных счетах», о мобильных абонентах и иных сведений, представляющих следственный интерес. Для эффективной ра-

боты следователей, необходимо разработать и проходить дополнительную профессиональную программу повышения квалификации «Расследование хищений денежных средств, совершенных дистанционным способом» с участием финансовых организаций и компаний работающих в сфере обеспечения информационной безопасности. Налаживать взаимодействие с указанными организациями с целью перенимания знаний и практических советов по поиску цифровых следов совершения преступлений в различных операционных системах.

Список литературы:

1. Попов, В. А., Рудавин, А. А. Особенности планирования расследования по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // В сборнике: Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2023. – С. 165–181.

2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 15-23.

© Круглова К.Д., 2025

EDN: RPNDWB

Кубрикова Мария Евгеньевна,
судья Заднепровского районного суда
города Смоленска,
кандидат юридических наук

Понятие и назначение уголовного процесса России и иных государств-участников СНГ

Аннотация: в настоящей статье впервые проанализированы дефиниции уголовного процесса, его задачи, регламентированные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве государств-участников СНГ. Автором сформулировано свое определение уголовного процесса как сложного и многоаспектного понятия с раскрытием цели и задач, подлежащих решению при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности на началах солидарности.

Ключевые слова: уголовный процесс; дефиниция; назначение уголовного судопроизводства; цель; задача; солидарность.

Центральными терминами научной доктрины уголовно-процессуального права выступают «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Большинство ученых находят их тождественными. Мы разделяем такой подход, однако существуют и иные суждения. В качестве примера можно привести взгляд доктора юридических наук Н.В. Азарёнка, полагающего верным использовать термин «уголовное судопроизводство» лишь для обозначения судебных стадий и предлагающего понятие «уголовное производство», которое будет относиться ко всему уголовному процессу [1, с. 207].

Примечательно, что в различные исторические периоды научные определения уголовного процесса различались, в связи с чем, профессор А.М. Баранов дифференцировал их по группам:

- уголовный процесс рассматривается как теория отношений;
- уголовный процесс толкуется как гарантия от необоснованного уголовного преследования;
- уголовный процесс представляет собой вид государственной деятельности;
- нормативная доктрина [2, с. 371].

Представляется важным отметить, что трактовка исследуемого понятия учеными-процессуалистами современности сводится, по сути своей, лишь к раскрытию его сущностного отличия, которым является законность. В свою очередь, в

российском законодательстве не дано развернутого определения термина «уголовный процесс», не сформулированы его цель и задачи, а в пункте 56 ст. 5 УПК РФ лишь формально указаны две его стадии.

Необходимо заметить, что давняя научная полемика о назначении уголовного судопроизводства сводится к рациональной критике статьи 6 УПК РФ, в которой это назначение исчерпывается защитой только интересов лиц, признанных потерпевшими, с одной стороны, и привлекаемых к уголовной ответственности, с другой.

Как раз отсутствие законодательного толкования анализируемого понятия и целеполагания, соответствующих современным тенденциям развития нашего общества, приводит к непреодолимым трудностям в организации эффективной уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц. Деятельность без конкретно обозначенной цели отличает формальный подход, что, по нашему глубокому убеждению, подрывает доверие граждан к правоохранительным органам. Данный пробел процессуального регулирования должен быть устранен.

Верным будет начать с того, чтобы определить, какой уголовный процесс мы хотим иметь в нашей стране, какие результаты мы ожидаем получить от уголовно-процессуальной деятельности. Представляется ошибочным, что перед уголовным процессом современной России на законодательном уровне не поставлена цель по защите общества и государства, это требует корректировки.

Полезно в этой связи проанализировать законодательство государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ).

Так, в Азербайджанской Республике, Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Молдова, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан задачи уголовного процесса регламентированы законодателем и включают в себя не только защиту отдельной личности, но, что примечательно, общества и государства.

При этом уголовно-процессуальные кодексы Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана не содержит дефиниции уголовного процесса либо уголовного судопроизводства.

В УПК Кыргызской Республики, как и в России, определение уголовного процесса ограничено лишь формальным указанием двух его стадий – досудебного и судебного производств.

Интересно, что в УПК Азербайджанской Республики законодатель толкует понятие «уголовный процесс» уже, чем «уголовное судопроизводство», поскольку в трактовке законодателя уголовное судопроизводство охватывает и досудебное и судебное производства, ставя задачу по защите как личности, так общества и государства от преступных посягательств, а уголовный процесс ограничен лишь процедурой уголовного преследования.

Также в ст. 1 УПК Республики Молдова приведена дефиниция уголовного судопроизводства как деятельности.

Вышеприведенные законодательные положения зарубежных стран могут быть учтены при разработке российским законодателем дефиниции уголовного процесса.

Вместе с тем, заимствуя процессуальный опыт других стран, важно учитывать наши собственные обычаи, исторический опыт, традиционные духовно-нравственные ценности, поскольку без учета последних мы одновременно с этим заимствуем и ошибки, и недостатки иностранного законодательства, что, в свою очередь, может повлечь недостаточную независимость, самобытность национального уголовного процесса и негативно отразиться на проведении государством всесторонней суверенной политики. Особое значение это имеет в условиях антироссийского курса ряда зарубежных стран.

По нашему мнению, в определении термина «уголовный процесс» должна найти свое закрепление солидарность, являющаяся традиционной для российского общества, в которой русский философ права Е. Н. Трубецкой видел основное нравственное начало, отсутствие которого приведет к вражде «против всех и всех против каждого» [3, с. 44-45].

Уголовно-процессуальная гармонизация частных и публичных интересов будет способствовать консолидации нашего общества в актуальной как никогда борьбе с ежегодно растущей коррупцией и организованной преступностью.

Принцип солидарности, о котором профессор Л.Н. Масленникова писала еще в 2000 году [4], с 01.07.2020г. закреплен в статье 75.1 Конституции РФ, однако, к сожалению, на сегодняшний день он не нашел своей регламентации в УПК РФ.

Судебная практика Конституционного и Верховного Судов РФ, ориентирующая на соблюдение баланса частных и публичных интересов при разрешении уголовных дел, без соответствующего изменения процессуального законодательства не окажет должного воздействия.

Таким образом, резюмируя изложенное, одной из перспектив национального уголовного судопроизводства должно стать совершенствование формулировки, содержащейся в пункте 56 ст. 5 УПК РФ, для чего предлагаем необходимым изменить подход законодателя.

Любые изменения уголовно-процессуального законодательства должны являться результатом национально ориентированного мышления и критического взгляда на международные правила; гарантировать защиту и уважение интересов личности, общества и государства в равной мере; опираться как на традиции, так и на новации. Особую помощь в подготовке законопроектов могут оказать ведущие научные школы уголовного процесса Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Краснодара, Нижнего Новгорода, Омска, Саратова, Томска, Челябинска и др., чье мнение и всесторонний анализ, безусловно, окажет положительное влияние на качество таких законопроектов.

Считаем, что новая дефиниция уголовного процесса, в отличие от уже существующих в науке уголовно-процессуального права определений уголовного процесса либо как юридической формы [5, с. 28], либо как вида государственной деятельности [6, с. 23], либо как уголовно-процессуальных отношений [7, с. 15], должна описывать не какую-то его отдельно взятую сторону, а раскрывать всю многогранность и системность данной категории одновременно в нескольких значениях (деятельность, отрасль права, наука, учебная дисциплина), а также формулировать цель и задачи с учетом принципа солидарности.

Так, уголовный процесс – это сложное многоаспектное понятие, понимаемое как вид государственной деятельности, как самостоятельная отрасль права, как наука, как учебная дисциплина. Цель уголовно-процессуальной деятельности состоит в защите и уважении интересов индивида, общества в целом и государства в равной мере. Для достижения указанной цели должны разрешаться следующие задачи: своевременно выявить и раскрыть преступные деяния, изобличить и привлечь к ответственности виновных, а также установить и устранить причины совершения деяния, условия, способствовавшие его совершению.

Данная дефиниция носит дискуссионный характер, однако развернутое определение уголовного процесса, регламентированное на законодательном уровне, позволит заложить основы современной концепции уголовной политики в контексте проводимого процесса суверенизации политики Российского государства, имеющей особое значение для обеспечения безопасности нашего государства и общества. Правильное целеполагание будет способствовать формированию правосознания лиц, ответственных за принятие законов и за их применение.

Список литературы:

1. Азарёнок, Н. В. О необходимости научной разработки и использования в УПК РФ термина «уголовное производство» / Н. В. Азарёнок // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 203-209.

2. Баранов, А. М. Понятие уголовного процесса / А. М. Баранов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – № 4 (95). – С. 369-372.

3. Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – М., 2013. – 226 с.

4. Масленникова, Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дисс. … докт. юрид. наук / Л. Н. Масленникова. – М., 2000. – 555 с.

5. Смирнов, А. В. Уголовный процесс. 2-е издание / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб., 2005. – 272 с.

6. Уголовный процесс: учебник / В. Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М., 2023. – 960 с.

7. Основы уголовного судопроизводства: Учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. О. В. Качаловой. – М., 2024. – 460 с.

© Кубрикова М.Е., 2025

EDN: UBEJFE

Кузнецова Елена Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России

О возможности наделения прокурора правом разрешения ходатайства на завершающем этапе предварительного расследования

Аннотация: в настоящей статье автор констатирует, что на сегодняшний день прокурор лишён возможности рассматривать и разрешать ходатайства, заявляемые участниками уголовного судопроизводства по делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, актом (постановлением). В связи с этим обосновывается необходимость наделения прокурора соответствующим полномочием, что позволит не только эффективно гарантировать права участников уголовного процесса на завершающем этапе предварительного расследования, но и в полной мере достигнуть назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокурор; завершающий этап предварительного расследования; ходатайство; полномочия.

В соответствии с действующим уголовно процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) прокурор не имеет полномочий на завершающем этапе предварительного расследования на разрешение ходатайств по уголовному делу, которое поступило к нему обвинительным заключением, актом (постановлением) (ст. 220, 226, 226.8 УПК РФ).

В соответствии с п. 1.17 приказа Генерального прокурора № 544 прокурорам предписано, в случае если в жалобе наряду с другими доводами содержатся ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий, в постановлении о разрешении жалобы отражать свое мнение об их обоснованности и направлять для дальнейшего рассмотрения в соответствующие следственные подразделения с одновременным извещением заявителей о принятом решении. Уведомляя заявителя об этом, разъяснять, что в соответствии со статьями 119 и 120 УПК РФ разрешение таких ходатайств относится к компетенции следователя или руководителя следственного органа [1].

Законодатель ни в УПК РФ, ни в ведомственных нормативных актах не дает прокурору возможности на рассмотрение и разрешения ходатайств.

А.В. Спирин полагает, что решение законодателя лишить прокурора права разрешения ходатайств[2] лишает прокурора важного источника информации о возможных нарушениях уголовно-процессуального закона [3, с. 120].

На практике в поступающих прокурору жалобах на действия (бездействие) и решения следователя, руководителя следственного органа зачастую содержатся ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий, но прокурор в настоящее время лишен права не только разрешить это ходатайство, но принять его к рассмотрению.

Проблемы разрешения ходатайств и жалоб на этапе направления уголовного дела прокурором в суд проанализировал и предложил пути решения А.А. Волков [4]. Автор в диссертационном исследовании этап направления прокурором уголовного дела в суд считает специфическим, характеризующимся отсутствием лица, в производстве которого находится уголовное дело, а такое построение препятствует реализации права на ходатайство и жалобу. Недостатки правового регулирования данного института автор видит в следующем:

- ч. 4, 5 ст. 217 УПК РФ не исчерпывается возможный предмет ходатайств на завершающем этапе предварительного расследования;

- после ознакомления с материалами дела у лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, могут появляться новые требования, основанные на изученных материалах, однако уровень регламентации заявления, рассмотрения и разрешения таких ходатайств оставляет желать лучшего [5, с. 145];

- статьи 225, 226.7 УПК РФ не упоминают отдельно права на заявление ходатайств при окончании дознания (кроме ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ), но общие нормы УПК РФ не исключают такой возможности;

- статья 219 УПК РФ требует от следователя, а части 7–9 ст. 226.7 УПК РФ от дознавателя, разрешения заявленных ходатайств. Однако, несмотря на указанное требование, далеко не все ходатайства могут быть разрешены до направления уголовного дела прокурору полноценно, особенно, в связи с ограниченным сроком расследования, имеющимся у следователя (дознавателя);

- анализ доказательств участниками процесса требует времени и может выявить существенные нарушения, требующие обжалования ещё на этапе проверки прокурором. Если отложить рассмотрение таких требований до передачи дела в суд, ключевые недостатки расследования останутся неустранёнными, что создаст риски для законного и объективного разрешения дела [4, с. 140-141].

Д.Е. Любишкин, обращая внимание на данную проблему и анализируя судебную практику [6], приходит к выводу, что прокурор не теряет права на обязательное и своевременное разрешение ходатайств в досудебном производстве [7].

Из-за отсутствия у прокурора права рассматривать ходатайства негативные последствия видятся в следующем:

- участники уголовного судопроизводства лишаются возможности защитить свои процессуальные интересы, попросив о дополнении расследования (например. приобщении необходимых документов), что приводит к необходимости возвращения дела для дополнительного расследования;

- сторона защиты лишается эффективного механизма защиты своих прав в момент, когда принимаются ключевые процессуальные решения по уголовному делу;

- прокурор лишается важного инструмента предупреждения и своевременного устранения нарушений перед направлением дела в суд;

- отсутствие возможности рассмотрения ходатайств прокурором приводит к поверхностной проверке материалов без учета актуальных требований участников уголовного судопроизводства;

- необходимость возвращения дела для рассмотрения ходатайств приводит к нарушению разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Отвечая на вопрос, почему прокурору все-таки необходимо данное право на завершающем этапе предварительного расследования необходимо учесть следующее:

- Ходатайство прокурору может быть заявлено повторно (после следователя), следовательно, прокурор, рассматривая данное ходатайство, одновременно проверяет, законно ли следователем было отказано в удовлетворении ходатайства. Если ходатайство было незаконно отклонено следователем, это является существенным нарушением УПК, которое может повлечь возвращение уголовного дела прокурором и судом для дополнительного расследования.

- Прокурор, который будет поддерживать обвинение в суде, должен быть готов ко всем возможным процессуальным действиям стороны защиты. Ходатайство о признании доказательства недопустимым может быть заявлено прокурору на завершающем этапе предварительного расследования, однако разрешить его он не сможет. Если такое ходатайство впервые будет заявлено в суде, это может серьезно ослабить позицию обвинения. Получив и рассмотрев такое ходатайство на исследуемом этапе, прокурор может его удовлетворить и исключить доказательство еще до суда, тем самым укрепляя обвинение; может подготовить контраргументы для суда, если считает отклонение ходатайства обоснованным.

- Если прокурор на завершающем этапе предварительного расследования разрешил какое-то ходатайство (например, о возврате изъятого имущества), это снимает необходимость его заявления в суде. Если же он мотивированно отклонил ходатайство, которое затем дублируется в суде, суду будет известна позиция прокурора и понимание, что вопрос уже был предметом рассмотрения. Полагаем, что это будет способствовать соблюдению принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

- Если обвиняемый дублирует ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке или проведении предварительного слушания (ч. 5 ст. 217), отправляя его не только непосредственно в дело, но и прокурору, то в данном случае мнение прокурора также имеет большое значение, однако на сегодняшний день он не имеет права разрешать подобного рода ходатайства.

Ввиду обозначенных обстоятельств считаем оправданным согласится с мнением авторов и предложить решение данной проблемы путем включения в перечень ч. 2 ст. 119 УПК РФ прокурора, наравне с дознавателем, следователем и судом. Право прокурора рассматривать ходатайства на завершающем этапе предварительного расследования – это не дублирование функций следователя, а важнейший надзорный механизм. Он позволяет устранить ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования до передачи дела в суд, укрепить обвинение, гарантировать права участников процесса и в конечном итоге повысить качество и эффективность всего уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/.

3. Спирин, А. В. Полномочия прокурора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук / А.В. Спирин. – Екатеринбург, – 2014. – 273 с.

4. Волков, А. А. Ходатайства и жалобы на этапе направления прокурором уголовного дела в суд: дисс. ... канд. юрид. наук / А.А. Волков. – Ульяновск, – 2024. – 266 с.

5. Алимамедов, Э.Н., Пушкарев, В.В. Актуальные вопросы теории и практики заявления и разрешения ходатайств, заявленных по окончании ознакомления с материалами уголовного дела / Э.Н. Алимамедов, В.В. Пушкарев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 11. – С. 143-146.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 4; Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 № 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

7. Любушкин, Д.Е. Полномочия прокурора по рассмотрению и разрешению ходатайств в досудебном производстве / Д.Е. Любушкин // Законность. – 2011. – № 5. – С. 48-51.

© Кузнецова Е.В., 2025

EDN: TSOBBZ

Курбатова Светлана Михайловна,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Сибирского федерального университета
доктор юридических наук, доцент

Вопросы обеспечения надлежащего участия в производстве по уголовным делам лиц с ограниченными возможностями: зарубежный опыт

Аннотация: Рассмотрены некоторые вопросы правового урегулирования участия в уголовном судопроизводстве ряда государств лиц с ограниченными возможностями. Отмечены роль и значение концепции уязвимости отдельных социальных групп населения для совершенствования уголовно-процессуального законодательства в направлении обеспечения надлежащего участия в процессуальных действиях лиц с ограниченными возможностями (уязвимых категорий лиц).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; участники уголовного судопроизводства; лица с ограниченными возможностями; уязвимые категории населения; обеспечение прав.

Понимание того, что люди не равны по физическим, психическим и социальным характеристикам в контексте развития идей гуманизма, правового и социального государства привело к тому, что в целом ряде государств в начале XXI в. появилась и получила распространение концепция уязвимости.

Суть данной концепции сводится к тому, что если лицо в силу особенностей физического или психического здоровья или состояния либо вследствие социальных факторов (например, невладение языком данного государства) не может самостоятельно должным образом реализовывать свои права и обязанности участника правоотношений, то государство должно предоставить ему, по возможности, дополнительные гарантии, нивелирующие данную уязвимость [1].

В основе концепции лежат положения Конвенции ООН «О правах лиц с ограниченными возможностями» («Convention on the Rights of Persons with Disabilities»), принятой в 2006 г. (далее – Конвенция). В России при переводе на русский язык был использован термин «инвалиды», что исказило смысл словосочетания «a person with disabilities», которым оперирует данная Конвенция, и которое значит «лица с ограниченными возможностями», что гораздо шире по смыслу, чем «инвалиды». Конвенция изменила модель инвалидности, в основе

которой лежал медицинский критерий, и сформировала идеи концепции уязвимости, заложив три критерия ограниченных возможностей человека в социуме – медицинский, социальный и философский [2].

Распространяясь на все большие сферы общественных отношений, данная концепция стала применяться в разных странах, в том числе, и в уголовном судопроизводстве Австралии, Австрии, Великобритании, Ирландии, Канаде, США и т.д. В результате законодательно в этих государствах были закреплены определенные меры, направленные на обеспечение участия в уголовно-процессуальных отношениях лиц с ограниченными возможностями, и разработаны механизмы по реализации этих мер.

Следует отметить, что между этими странами нет единства ни в том, какие именно категории населения относятся к уязвимым участникам уголовного судопроизводства, ни в том, какие меры специального характера должны им предоставляться и каким образом [3]. Так, во Франции и в Австрии в уголовно-процессуальном законодательстве используются термины «уязвимые» и «особо уязвимые», однако четко они не раскрываются. При этом в УПК Австрии также встречаются формулировки «особо пострадавшие потерпевшие», «иждивенцы лица, смерть которого наступила в результате совершения против него преступления», «особо уязвимые жертвы» - вследствие возраста или тяжелой болезни, в том числе психической (§ 65 Z 1a, 1b; § 66a УПК Австралии). В УПК Азербайджана это «недееспособные и лица с ограниченной дееспособностью» (ст. 100). В Болгарии также присутствует такая терминология (ст. 101 УПК Болгарии), а также: «потерпевший с особыми потребностями в защите» и «лица с физическими и психическими недостатками» (ст.ст. 67a и 118 УПК Болгарии).

Для англо-саксонских стран характерно выделение таких категорий уязвимых участников уголовного судопроизводства, как: люди с физическими и сенсорными нарушениями; с интеллектуальными нарушениями; страдающие психическими заболеваниями; с хроническими заболеваниями, которые могут привести к ограничениям в повседневной деятельности; а также дети и запуганные свидетели.

В последние годы все чаще используется терминология «когнитивные ограниченные возможности» как объединяющая многие психические и социальные факторы (престарелый возраст, принадлежность к коренным народам, статус иностранца, не владеющего языком данного государства, лицо с психическими расстройствами, например, затяжное горе или депрессия, и т.д.). Так, в Уголовно-процессуальном законе Австралии существует отдельный раздел, посвященный возможным когнитивным нарушениям участников процесса, их видам, особенностям получения показаний от таких лиц и т.д. (раздел 306M(2) УПК Австралии).

Относительно специальных мер, предоставляемых государствами для обеспечения надлежащего участия в уголовно-процессуальных действиях лиц с ограниченными возможностями, то наибольшее распространение получили следующие:

- приглашение посредника между следователем (судом) и данным лицом (родственник; психолог; социальный работник; представитель органа власти или общественной организации; и др.);

- предоставление технических средств, с учетом вида ограниченных возможностей конкретного лица (слуховые аппараты, гаджеты с программами для слабовидящих и др.);

- создание психологически благоприятной обстановки для получения показаний от такого лица (специально оборудованная психологическая комната для допроса; производство допроса вне стен полицейских участков и зданий судов; проведение процессуальных действий в неофициальном формате – так называемая процедура снятия париков и мантий; и др.);

- применение специально разработанных тактик производства следственных и судебных действий (например, минимум вопросов открытого типа).

Эти и другие средства направлены на снижение страха у лица с определенной формой уязвимости перед представителями официальных государственных структур с соответствующей атрибутикой (форма, мантии, служебные кабинеты и пр.) и самой уголовно-процессуальной системой [4].

В странах, где модель уязвимости отдельных категорий населения нашла свое применение в уголовно-процессуальной сфере, проводится множество разных исследований, разрабатываются и апробируются различные пилотные проекты, с учетом этого совершенствуется законодательство. И как итог – повышается эффективность участия в производстве по уголовным делам лиц с ограниченными возможностями.

Что касается России, то в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует системный подход к правовому регулированию особенностей участия в процессуальных действиях лиц с ограниченными возможностями [5]. Двух только специальных глав, 50 и 51 УПК РФ (о производствах в отношении несовершеннолетних и о применении принудительных мер медицинского характера, соответственно), явно недостаточно, учитывая разнообразие обстоятельств, ограничивающих возможности физических лиц участвовать в уголовном судопроизводстве. Тем более, что относительно содержания этих глав имеется много вопросов и замечаний [6, 7, 8]. В УПК РФ присутствуют и иные нормы социально-значимого характера, однако они бессистемно расположены по тексту кодекса, не взаимосвязаны, не раскрыты, а иногда еще и несут в себе дискриминационный подтекст, как например, в п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, где речь идет о подозреваемом, обвиняемом «с физическими и психическими *недостатками*» (*выделено автором*). Соответственно, не приходится говорить и о системе уголовно-процессуальных мер специального характера, предоставляемых лицам с ограниченными возможностями в случае вовлечения их в уголовно-процессуальную сферу.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что развитие российского уголовно-процессуального законодательства в направлении обеспечения надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лицам с ограниченными

возможностями будет закономерным следствием реализации в нашем государстве модели правового социального государства, закрепленной в Конституции РФ [9]. Учитывая наличие соответствующего положительного зарубежного опыта в решении данного вопроса, представляется обоснованным обращение к нему с целью изучения и возможного применения с учетом исторических особенностей нашего государства. Безусловно, данная тенденция совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства будет способствовать развитию гуманистических начал и соблюдению прав человека в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Asquith N., Bartkowiak-Théron I. Conceptual Understandings of Vulnerability. Policing Practices and Vulnerable People. 2017 [Электронный ресурс] https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-62870-3_2 (дата обращения: 03.09.2025).
2. Weller P. The Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the Social Model of Health: New Perspectives // SSRN Electronic Journal. 2011 [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/256032898_The_Convention_on_the_Rights_of_Persons_with_Disabilities_and_the_Social_Model_of_Health_New_Perspectives (дата обращения: 03.09.2025).
3. Perepravina J.O. Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment // Psychology and Law. 2025. 15(2):107-123.
4. Herrington V., Roberts K., Addressing Psychological Vulnerability in the Police Suspect Interview. Policing. 2012. 6, 2. p.177-186.
5. Курбатова, С. М. О проблемах неурегулированности особенностей участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями / С. М. Курбатова // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 257-261.
6. Колмаков, П. Некоторые проблемы производства по применению принудительных мер медицинского характера / П. Колмаков, Ж. Бажукова // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 73-76.
7. Нехороших, М. Е. Некоторые проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / М. Е. Нехороших // Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 декабря 2023 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. – С. 95-99.
8. Шарипкулова, А.Р. Проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / А.Р. Шарипкулова // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: мат-лы Всерос. научно-практ.

конф. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 372-375.

9. Bertovsky L., Kurbatova S., Protecting the Rights of Persons With Disabilities as a Constitutional Value. Conference: XIV European-Asian Congress "The value of law" (EAC-LAW 2020) [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/347874189_Protecting_the_Rights_of_Persons_With_Disabilities_as_a_Constitutional_Value (дата обращения: 02.09.2025).

© Курбатова С.М., 2025

EDN: UZZPBU

Кутуев Эльдар Кяримович,
и.о. заведующего кафедрой
уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник в сфере образования Российской Федерации;
Исмагилов Ринат Альбертович,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества
юридического факультета Университет ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент

Процессуальные вопросы исполнения приговора в новых субъектах Российской Федерации, образованных в 2022 году

Аннотация: в статье раскрываются особенности правого регулирования стадии исполнения приговора на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, порядок приведения приговора в соответствие с российским уголовным законодательством в указанных регионах, проблемные вопросы правоприменения и пути их решения.

Ключевые слова: исполнение приговора; новые субъекты Российской Федерации; переходной период; переводчик; пересмотр судебных актов; приведение приговора в соответствии с российским уголовным законодательством.

4 октября 2022 г. Президентом РФ подписаны федеральные конституционные законы о вхождении в состав Российской Федерации (далее – РФ) четырех новых субъектов, а именно:

- Донецкой Народной Республики (№ 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики») [1];
- Луганской Народной Республики (6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики») [3];
- Запорожской области (№ 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области») [2];

- Херсонской области (№ 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области») [4].

В соответствие со статьей 4 вышеуказанных федеральных конституционных законов, законодательные и иные нормативные правовые акты РФ действуют на территориях Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), Запорожской области, Херсонской области со дня их принятия в состав РФ, то есть с 30 сентября 2022 г. Нормативные правовые акты указанных субъектов РФ, принятых ими до вступления в состав РФ, действуют до окончания переходного периода (до 1 января 2026 г.) или до принятия соответствующего нормативного правового акта РФ и (или) нормативных правовых актов данных субъектов РФ. Нормативные правовые акты ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, противоречащие Конституции РФ, не применяются.

В связи с возникновением проблемных аспектов применения норм Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) на территориях новых субъектов РФ, 31 июля 2023 г. был принят Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (далее – Федеральный закон от 31.07.2023 № 395-ФЗ) [8], который вступил в силу со дня официального опубликования, то есть 31 июля 2023 г.

Таким образом, переходной период, предусматривающий применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства, принятых до 30 сентября 2022 г. в указанных регионах, завершился 31 июля 2023 г.

Согласно статье 8 указанного федерального закона, судебные решения, вступившие в законную силу и принятые на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области до 30 сентября 2022 г., имеют ту же юридическую силу (в том числе для целей исполнения уголовного наказания), что и судебные решения, принятые на территории РФ. Жалобы, представления на судебные решения, принятые на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области до 30 сентября 2022 г., рассматриваются в порядке и сроки, которые установлены УПК РФ, с учетом соответственно положений статьи 10 Федеральных конституционных законов от 4 октября 2022 г. о принятии новых регионов в состав РФ. Вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные по уголовным делам на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области до 30 сентября 2022 г., признаются в части, касающейся их исполнения на территории РФ, в соответствии с законодательством РФ. В случае, если УК РФ предусматривает более мягкое наказание либо иным образом может улучшить положение осужденного, по его ходатайству или представлению прокурора, учреждения или органа, исполняющего наказание, судебное решение приводится в соответствии с законодательством РФ в порядке, установленном статьями 397 и 399 УПК РФ.

В соответствии со статьей 9 Федерального закона от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ в случае, указанном в части 2 статьи 2 настоящего Федерального закона, осужденный, его законный представитель, защитник, руководитель учреждения или органа, исполняющего наказание, либо прокурор вправе обратиться в районный суд по месту отбывания осужденным (исполнения) наказания или по месту жительства осужденного с ходатайством (представлением) об отмене вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного по уголовному производству судом Украины (далее – ходатайство (представление).

Таким образом, на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г. порядок уголовного судопроизводства установлен законодательством РФ. Федеральным законом от 31.07.2023 № 395-ФЗ также разъяснён порядок применения в новых субъектах РФ положений УК РФ и УПК РФ.

Несмотря на интеграцию новых субъектов в правовую систему РФ, при исполнении приговора, пересмотре судебных актов возникают отдельные юридические коллизии, споры. Авторами изучены особенности правого регулирования стадии исполнения приговора на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, проанализирована судебная практика по затронутой проблеме, проведено анкетирование отдельных сотрудников территориальных органов ФСИН России новых субъектов РФ, на основании которых выявлены и обобщены ряд проблемных вопросов, на которые в рамках данного научного исследования будут сформулированы возможные пути их решения.

1. *Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 31.07.2023 № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» вступившие в законную силу судебные решения, принятые на территории Донецкой Народной Республики до 30.09.2022, имеют ту же юридическую силу (в том числе для целей исполнения уголовных наказаний), что и судебные решения, принятые на территории Российской Федерации.*

Считаем, что в любом случае приговоры, вынесенные на территориях новых субьектов РФ до 30.09.2022 необходимо привести в соответствие с законодательством РФ. Приведение приговора в соответствии с российским уголовным законодательством, вынесенного до 30.09.2022 в новых регионах, направлено на решение следующих задач:

- верному определению категории преступления в соответствии со статьей 15 УК РФ, исчислению сроков наказания, погашения судимости, даты, с которой могут быть применены условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его замена более мягким видом, определению рецидива преступлений;

- правильное применение норм Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ;

- при исполнении положений Федеральных законов РФ от 23.03.2024 № 61-ФЗ [6] и от 23.03.2024 № 64-ФЗ [5], в части выборки лиц, которые

по формальным признакам подпадают под действие указанных Законов.

2. *Представления сотрудников уголовно-исполнительной системы РФ о приведении приговоров в соответствие с российским законодательством, согласно п.1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ районным судом оставлены без рассмотрения, в связи с тем, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст.105 УК РФ подсудны областному суду.*

Подсудность уголовных дел установлен статьями 31 - 32 УПК РФ. В соответствии со статьей 36 УПК РФ споры о подсудности между судами не допускаются. Любое уголовное дело, переданное из одного суда в другой в порядке, установленном статьями 34 и 35 УПК РФ, подлежит безусловному принятию к производству тем судом, которому оно передано. В связи с чем, материалы с представлением о приведении приговора в соответствие с законодательством РФ необходимо подать в суд, который указан в определении судьи об ставлении прелставления без рассмотрения. При повтороной подаче материалов в суд, в представлении необходимо ссылаться на определение суда об оставлении представления без рассмотрения в связи с нарушением правил подсудности, приложить копию данного определения. В дальнейшем по этому основанию суд представление вернуть не сможет, так как споры о подсудности недопустимы.

При подаче новых материалов в суд необходимо обращать внимание на подсудность, исходя из квалификации преступлений, личного, профессионального или социального статуса субъекта преступления, места совершения преступления. Кроме того материалы в суд подаются с учетом требований ст.ст. 396-397 УПК РФ.

Приведем пример для удобства восприятия: П.А.Г. осужден 06.07.2021 Лутугинским районным судом по ч. 2 ст. 276 УК ЛНР к 5 годам лишения свободы со штрафом в виде трех минимальных размеров оплаты труда в сумме 8268 российских рублей в доход государства. На основании ст. 75 УК ЛНР условно осужден с испытательным сроком 3 года. В соответствии с УК РФ указанный состав преступления предусмотрен ч. 2 ст. 228 УК РФ. Диспозиция ч. 2 ст. 276 УК ЛНР полностью соответствует диспозиции ч. 2 ст. 228 УК РФ. В данном случае с представлением сотруднику УИИ необходимо обратиться в порядке п. 15 ст. 397 УПК РФ с суд, постановивший приговор, а именно в Лутугский районный суд ЛНР.

3. *Представления сотрудников новых территариальных органов ФСИН России судами возвращались без рассмотрения, в связи с тем, что к представлениям приобщены документы, выполненные на украинском языке, перевод указанных документов на русский язык не выполнен, что лишает суд возможности ознакомиться с их содержанием.*

Согласно нормативным правовым актам Российской Федерации, регламентирующих деятельность уголовно-исполнительной системы, сотрудники учреждений, исполняющие наказания и иные меры уголовно-правового характера не наделены правами и обязанностями по исполнению переводов приговоров.

В соответствии с Квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденным Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37, минимальные требования к должностным обязанностям переводчика включают в себя высшее профессиональное образование

без предъявления требований к стажу работы, а также определенные знания и навыки (знать иностранный язык; методику научно-технического перевода; действующую систему координации переводов; специализацию деятельности предприятия, учреждения, организации; терминологию по тематике переводов на русском и иностранных языках; словари, терминологические стандарты, сборники и справочники; основы научного и литературного редактирования; грамматику и стилистику русского и иностранного языка; основы экономики, организации труда и управления; основы трудового законодательства; правила внутреннего трудового распорядка; правила и нормы охраны труда).

В соответствии с положениями статьи 6 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [9], должности в уголовно-исполнительной системе учреждаются в целях реализации полномочий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Перечень типовых должностей в уголовно-исполнительной системе утверждается Президентом Российской Федерации. Типовыми структурами и типовыми штатными расписаниями территориальных органов ФСИН России должность переводчика в уголовно-исполнительной системе не предусмотрена.

Кроме того переводчик, в соответствии с УПК РФ, относится к иным участникам уголовного судопроизводства и не должен быть заинтересован в исходе дела. Таким образом, привлечение сотрудников ФСИН России к работе по переводу процессуальных документов, составленных на украинском языке, считаем нецелоссообразным. Переведенные сотрудниками ФСИН России документы, в последующем могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

В соответетствии с п. 25. Постановления Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 [7] возмещение процессуальных издержек, в том числе вознаграждение переводчику, производится на основании постановления дознавателя, следователя, прокурора, судьи или определения суда. Сотрудника УИС в данном перечне нет.

Таким образом, по материалам о приведении приговоров в соответствие с законодательством РФ, только суды обладают полномочиями привлекать переводчиков за счет средств федерального бюджета. Денежные средства в данном случае переводчику выплачиваются на основании определения суда, что регламентировано статьями 131, 132 УПК РФ, а также вышеуказанным постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240.

В связи с вышеизложенным, необходимости перевода администрациями учреждений УИС документов, с украинского на русский язык нет.

4. *При рассмотрении судами материалов о приведении приговоров в соответствие с УК РФ, для определения вида режима исправительного учреждения, зачетов времени содержания под стражей и исчисления сроков суды в своих решениях указывают о необходимости направлять представления по месту вынесения судебных решений, при их отсутствии в областной, Верховный суд субъекта.*

В соответствии с частью 3 статьи 396 УПК РФ вопрос об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда осужденному к лишению свободы, в соответствии со статьями 78 и 140 УПК РФ разрешается судом по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со статьями 60.1 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, либо по месту применения принудительных мер медицинского характера.

В соответствии с частью 1 статьи 396 УПК РФ вопрос об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в последнем по времени приговоре в соответствии со статьей 70 УК РФ разрешаются судом, постановившим приговор, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 135 УПК РФ. Если приговор приводится в исполнение в месте, на которое не распространяется юрисдикция суда, постановившего приговор, то данный вопрос разрешается другим судом того же уровня, а при его отсутствии в месте исполнения приговора – вышестоящим судом.

Вопросы, связанные с необходимостью разъяснения сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора также разрешаются судом, постановившим приговор.

5. *Суды прекращают производства по ходатайствам осужденных о пересмотре приговоров по преступлениям, совершенным за пределами территорий новых субъектов РФ, мотивируя данное решение тем, что действия Федерального закона от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ не распространяются на приговоры и судебные решения вынесенные не на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области, то есть лица, признанные виновными в совершении преступлений, совершенных за пределами указанных субъектов Российской Федерации, не соответствуют критериям ч. 2 ст. 2 указанного федерального закона.*

Что касается осужденных по приговорам судов Украины, расположенных вне территории новых субъектов, которые отбывают наказание в исправительных учреждениях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области, то при наличии соответствующих оснований, вопросы, касающиеся исполнения приговоров в отношении таких лиц, могут быть рассмотрены судом по аналогии с процедурой разрешения вопросов, связанных с признанием и исполнением приговора суда иностранного государства, в порядке и сроки, которые установлены статьями 396, 397, 399 УПК РФ, с учетом требований статьи 472 УПК РФ.

Подводя итог проведенному исследованию, надеемся, что основные выводы и предложения, изложенные в научной статье будут полезными для правоприменителей и станут основой для дальнейших научных исследований.

Список литературы:

1. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 04 октября

2022 г. № 5-ФКЗ : текст с изм. и доп. на 25 декабря 2023 г. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

2. О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Запорожской области : Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 7-ФКЗ : текст с изм. и доп. на 25 декабря 2023 г. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

3. О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 6-ФКЗ : текст с изм. и доп. на 25 декабря 2023 г. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

4. О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области : Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 7-ФКЗ : текст с изм. и доп. на 25 декабря 2023 г. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» : Федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

7. О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации») : постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской

области и Херсонской области : Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

9. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2025).

© Кутуев Э.К., Исмагилов Р.А., 2025

EDN: UPYHCQ

Лазарева Лариса Владимировна,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

Использование специальных знаний в досудебном уголовном процессе: правомерность или злоупотребление правом

Аннотация: в статье рассматриваются неоднозначно трактуемые вопросы нормативного регулирования, связанные с осуществлением участниками со стороны защиты права на производство повторной или дополнительной судебных экспертиз в досудебном производстве по уголовным делам. Делается вывод о необходимости корректировки законодательства в сторону определения границ реализации субъективного права с тем, чтобы противостоять его противоправному злоупотреблению.

Ключевые слова: специальные знания; уголовное судопроизводство; судебная экспертиза; злоупотребление правом; досудебное производство.

Учитывая, что основная задача уголовного судопроизводства заключается в защите прав потерпевших от преступлений и в обеспечении защиты личности от необоснованных обвинений и ограничений, законодатель последовательно расширял перечень прав участников уголовного процесса. Однако, не установив должным образом пределы, основания и условия реализации этих прав, а также не разработав четкий порядок их применения, законодатель создал условия для возникновения на практике проблем, вызванных злоупотреблением субъективными правами.

Несмотря на теоретические исследования, применение этой правовой категории в досудебном уголовном судопроизводстве вызывает множество вопросов и нерешенных проблем. Для их решения требуются дальнейшие исследования, разработка конкретных рекомендаций и, возможно, внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения.

Анализ действующего законодательства и отдельных публикаций позволяет выявить несколько содержательных моментов, имеющих непосредственное отношение к интересующей нас теме.

Так, в отечественной юридической науке до сих пор не сформулировано общепризнанное определение понятия «злоупотребление субъективным правом». Отсутствует и единообразие в понимании сущности анализируемого феномена.

Отдельные аспекты проблемы злоупотребления субъективным правом неоднократно являлись объектами научного изучения, что нашло свое отражение в многочисленных научных публикациях [1, с. 217-219; 2, с. 96-102]. Обращая внимание на разнообразие палитры научных мнений о природе злоупотребления правом [3, с. 8], стоит отметить характерные элементы для данной дефиниции: 1) недобросовестность поведения субъекта; 2) наступление неблагоприятных последствий.

Вместе с тем, уголовно-процессуальному закону термин «злоупотребление правом» незнаком, однако с его проявлениями нередко сталкиваются правоприменители. Причем для правоприменительной практики особое значение приобретает не столько изучение понятия данного феномена, сколько формы его проявления, в том числе, и в связи с использованием специальных знаний. Пробелы законодательной регламентации отдельных аспектов использования специальных знаний, которые обнаруживаются в правоприменительной практике, попадают в поле зрения ученых, правоприменителя, законодателя, совместными усилиями которых предпринимаются меры о их устранению. Остановимся на отдельных проблемах, связанных с данным феноменом, допускаемых при использовании специальных знаний в досудебном уголовном производстве.

Так, принятый 4 марта 2013 года Федеральный закон № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ввел часть 1.2 в статью 144 УПК РФ, которая содержит предписание удовлетворить ходатайство о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы, заявленное стороной защиты или потерпевшим после возбуждения уголовного дела. Формулировка действующей нормы, закрепляющая дополнительные права стороны защиты и потерпевшего, наводит на вопрос: содержит ли уголовно-процессуальный закон какие-либо ограничения по реализации данного права? Очевидно, что данный вопрос не может иметь позитивного ответа. Данный вывод обусловливается целым рядом обстоятельств логического и технико-юридического свойства.

Прежде всего, следует отметить тот факт, что указанная норма необоснованно, на наш взгляд, расширяет право на использование специальных знаний, так как по смыслу нормы получается, что дополнительная или повторная судебная экспертиза назначается по усмотрению стороны защиты или потерпевшего, увеличивая возможности злоупотребления данными правами. Получается, что с точки зрения представленной нормы к основаниям проведения дополнительной или повторной судебной экспертизы можно отнести любые ситуации при заявлении соответствующего ходатайства, либо следует признать, что у стороны защиты и потерпевшего имеется право на назначение дополнительной или повторной судебных экспертиз.

Такое положение дел приводит к нарушениям других норм уголовно-процессуального законодательства, в частности, постановка в зависимость проведения дополнительной или повторной судебных экспертиз противоречит не только

закрепленным в ст. 207 УПК РФ основаниям, но и нарушает порядок, установленный ст. 195 УПК РФ, согласно которому необходимость назначения судебной экспертизы признается исключительно субъектом уголовной юрисдикции.

Можно предположить, что законодатель, закрепляя право на заявление ходатайства стороной защиты о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы, исходил из основного назначения субъективного права на заявление ходатайства, которое заключается в формальной провозглашенности и государственной гарантированности возможности человека удовлетворить свою заинтересованность в исходе уголовного дела установленным в законе способом или способом, не противоречащим закону. Такой механизм правового регулирования закреплен, например, в ст. 119 УПК РФ, и предусмотрен также для потерпевшего.

Более того, законодатель, устанавливая рамки поведения для участников процесса, фактически обязал должностных лиц органов уголовного преследования удовлетворять заявленные ходатайства, хотя и не использовал при этом слов «обязан» или «должен».

Однако, применение на практике данного подхода может иметь негативные последствия, выражающиеся в недобросовестном осуществлении отдельными участниками уголовного судопроизводства предоставленных им прав. К таким случаям можно отнести попытки побудить органы уголовного преследования на стадии предварительного расследования повторно установить тот факт, что, например, изъятый при обыске порошок белого цвета – наркотическое средство. Очевидно, что в этом случае ходатайство о назначении этих экспертиз необоснованно и фактически игнорирует требования ст. 207 УПК РФ.

Стоит заметить, что нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие реализацию участниками уголовного процесса субъективных прав, неоднократно являлись предметом проверки высшей судебной инстанцией. В текстах Постановлений Конституционного суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, в том числе и применимо к вопросам, касающимся уголовно-процессуальной деятельности, также говорится о злоупотреблении правом. Например, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» разъясняет, что «суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц».

Кроме этого, уточняется, что злоупотребление правом имеет место тогда, когда субъект поступает вопреки норме, которая предоставляет ему соответствующее право, кроме того, не соотносит поведение с интересами общества, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность

В своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации также сталкивался с ситуациями, когда сторона защиты недобросовестно пользовалась своими полномочиями, используя в своих постановлениях такие выражения, как «недобросовестное применение права адвокатом», «умышленное использование права лицом, получающим юридическую поддержку», а также «неправомерное использование права на юридическую помощь и защиту от подозрений и обвинений» [6].

Однако, ни приведенные формулировки судебных решений, ни какие-либо иные положения уголовно-процессуального законодательства не позволяют оценить недобросовестность применения стороной защиты субъективных прав. Для наглядности приведем пример. Так, по уголовному делу № 22-4829/2019 по факту нарушения правила дорожного движения, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, до возбуждения уголовного дела были проведены две автотехнические экспертизы. На стадии предварительного расследования защитник заявил ходатайство на основании ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ о проведении повторной автотехнической экспертизы, которое было удовлетворено следователем. В ходе судебного разбирательства защитник снова подает ходатайство о назначении повторной экспертизы, которое в этот раз было отклонено судом первой инстанции, что послужило основанием подачи апелляционной жалобы. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении жалобы, объясняя это так: «одно лишь обращение стороны защиты с ходатайством о назначении повторной экспертизы, при отсутствии предусмотренных ст. 207 УПК РФ оснований для ее назначения, не влечет удовлетворения ходатайства стороны защиты в обязательном порядке. Иной подход, при котором принятие процессуального решения целиком и полностью зависело бы только от формального условия – обращения стороны защиты с соответствующим ходатайством, противоречил бы также ч. 1 ст. 8 УПК РФ, в силу которой правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом».

Возникает впечатление, что защитник использовал описанные методы не для защиты своего подзащитного, а для достижения собственных незаконных целей, а именно – затягивания не только предварительного следствия, но и судебного разбирательства. Такие действия создавали препятствия для потерпевшего в доступе к правосудию и подрывали саму суть уголовного процесса.

При этом правообладатель намеренно выбирает такой способ достижения цели (при наличии иных правомерных, добросовестных вариантов поведения), который формально соответствует требованиям закона и является осуществлением права [4, с.42].

Таким образом, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, предоставляющая право стороне защиты и потерпевшему на заявление ходатайства о производстве дополнительной

или повторной судебной экспертизы, подлежащее удовлетворению, в таком виде выглядит сомнительной. Полагаем, что ее присутствие в системе субъективных прав вызвано только желанием законодателя компенсировать стороне защиты и потерпевшему реализацию своих прав при назначении судебной экспертизы, которых они были лишены на стадии возбуждения уголовного дела

Исходя из изложенного, представляется, что для противодействия злоупотреблениям правами на использование специальных знаний, в частности на производство дополнительной и повторной судебных экспертиз, было бы целесообразно предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве механизм ограничения вышеназванных прав, который будет способствовать предотвращению злоупотребления обозначенными правами. Наше мнение заключается в том, что законодательство должно четко определять пределы реализации субъективных прав, чтобы пресекать злоупотребления. Свобода выбора поведения каждого участника уголовного процесса не должна быть безграничной; она должна быть ограничена теми рамками, которые предотвращают причинение вреда другим сторонам и нормальному ходу судебного разбирательства. Кроме того, свобода в выборе вариантов поведения в осуществлении прав в уголовном процессе должна быть поставлена под контроль должностных лиц органов государственной власти. Как справедливо отмечала П.А. Лупинская, «законодатель определяет общие условия, те границы, в которых правоприменительный орган может проявить известное усмотрение в выборе решения. Для ряда решений правовые предписания сформулированы таким образом, что они дают возможность учесть обстоятельства конкретного дела и, в зависимости от оценки этих обстоятельств, выбрать решение» [5, с. 50]. Соглашаясь с данным утверждением, добавим, реализация права стороны защиты и потерпевшего на производство дополнительной или повторной судебных экспертиз должна быть ограничена усмотрением субъекта уголовной юрисдикции. Стоит также добавить, что удовлетворение данного ходатайства возможно лишь в том случае, если это не противоречит требованиям, установленным ст. 207 УПК РФ.

Список литературы:

1. Баева, К. М. Злоупотребление правом как уголовно-процессуальная категория / Баева К. М. // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. С. 217–219.

2. Богатырев, Д. В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве и основания его создания / Богатырев Д. В. // Философия права. – 2023. – № 1 (104). С. 96–102.

3. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. – 25 с.

4. Желева, О.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе как способ противодействия достижению объективной истины по делу / Желева О.В. // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 40-45.

5. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. – М.: Юрид. лит., 1976. – 166 с.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.08.2025).

© Лазарева Л.В., 2025

EDN: VRWJOC

Лантух Наталия Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Феномен общеправового понятия «иск» и его соотношение с уголовным преследованием и обвинением

Аннотация: необходимость сравнительного анализа основных, ключевых институтов различных видов судопроизводства, связана с пониманием их юридической природы, их характеристиками. Таким доминирующим институтом выступают иск в гражданском процессе, а в уголовном процессе - уголовное преследование и обвинение. В статье автор анализирует природу иска в общеправовом значении, общность и различия исков в различных видах судопроизводства, осуществляет попытку выделить особенности обвинения как уголовного иска.

Ключевые слова: уголовное преследование; обвинение; иск; институт уголовно-процессуального права; движение уголовного дела.

В теории российского дореволюционного и зарубежного уголовного процесса устоявшимся тезисом выступала общность юридической природы иска и обвинения. Процессуальные отрасли права (например, гражданского и уголовного процессов) имеют общие черты движения дел, однако базируются на различных идеях-принципах, положенных в основу каждого из них, правил доказывания и процедуре собирания, проверки и оценки доказательств, порядка движения дела, многих процессуальных институтов и отдельных процедур. Единство двух видов процесса основано, прежде всего, на общности, но не тождественности юридической природы иска и обвинения.

По мнению А.С. Александрова, спорной является сама возможность подведения обвинения перед судом под определенное процессуальное понятие - понятие иска и не рассматривает обвинение перед судом и иск как виды одного общего родового понятия, воспринимая лишь идею *иска в широком правовом значении,* который подразумевает любое обращенное к суду требование защиты нарушенного права и (или) охраняемого законом интереса [1, с.39].

В этом смысле в административном, гражданском или уголовном процессе иск выступает правовым механизмом судебной защиты от правонарушения, который «запускает» процедуру рассмотрения и разрешения дела. Универсальность института иска позволяет установить факт правонарушения и установить необходимую меру правовой ответственности.

И.Я. Фойницкий отмечал, что «обвинение есть тот же иск, но не частный и

материальный, как иск гражданский, а публичный и индивидуальный, сообразно особым свойствам, уголовного дела. Отсюда признаки сходства и различия между обвинением и гражданским иском. По процессуальной их природе оба института представляются требованиями, обращаемыми к лицу судебной власти и создающими для последней обязанность производства дела в судебном порядке» [8, с. 4].

Любая научная классификация строится на сочетании общих родовых признаков и видовых отличий. В классифицируемых явлениях имеются общие родовые признаки, однако эти явления не становятся тождественными. На основании видовых отличий и осуществляется классификация явлений одного рода на более узкую, видовую. В системе видов исков сочетаются общие родовые признаки, присущие всем искам, и видовые, специфические отличия. Последние и позволяют отграничить один вид иска от другого. Что же касается иска в родовом его значении или иска в широком смысле слова, то он относится к публичной сфере права, в нем конкретизируется и реализуется в процессуальной форме субъективное общерегулятивное право на судебную защиту. Так, А. Ф. Клейнман полагал, что характер иска определяется характером права, средством судебной защиты которого он является [2, с. 220-225].

Сравнительный анализ уголовного обвинения перед судом и иском в гражданском процессе, правомерен, поскольку он представляет собой сопоставление однородных явлений. Оба этих процессуальных института являются импульсом к возникновению и движущей силой соответственно уголовного и гражданского процесса.

Различные авторы отмечают, что обвинение является обязательным атрибутом производства по уголовным делам, без которого не могут возникать функции защиты и правосудия. Правосудие осуществляется только в отношении лиц, которым выдвинуто обвинение. Определение обвинения как запускающего уголовный процесс механизма, верно отражает специфику обвинения как одного из важнейших элементов уголовно-процессуальной деятельности. Однако не все придерживаются позиции, согласно которой можно рассматривать обвинение и уголовное преследование уголовным иском [4, с. 89-91].

«Локомотивом» уголовного процесса в стадии судебного разбирательства является обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, (обвинительных акте или постановлении) либо изложенное в жалобе потерпевшего (по делам частного обвинения) и представленное обвинителем в суд. Выдвинутое обвинение, являющееся результатом осуществления уголовного преследования, выступает той основой, от которой выстраиваются позиции всех его участников. Проверка правильности обвинения требует вызова и привлечения для разбирательства обвиняемого, свидетелей, экспертов, специалистов, проведения различных следственных действий судебного характера, принятия окончательного решения, отвечающего на основной вопрос – о наличии или отсутствии основания для реализации уголовной ответственности.

Как следствие, судебное разбирательство уголовного дела необходимо тогда, когда оно призвано установить обоснованность предъявленного

подсудимому обвинения. В противном случае не возникает и вопроса об уголовной ответственности.

Таким образом, обвинение обладает тем качеством, которым обладает иск в процессе гражданском. Такое совпадающее назначение обвинения и иска и одинаковое в сущности место, занимаемое ими среди других процессуальных институтов, вполне оправдывает, более того, делает необходимым их сравнение, если мы хотим установить важнейшие точки соприкосновения гражданского и уголовного судопроизводства.

В общеправовом контексте можно выделить следующие основные признаки понятия иска:

1) иск - это обращение к суду с требованием рассмотреть конкретное дело и вынести по нему решение;

2) данное требование обязательно для суда и является основанием для возбуждения судебного процесса;

3) рассмотрение судом требования, признания им наличия или отсутствия спорного материального правоотношения;

4) обращенный иск служит средством защиты субъективного права [6, с.146].

При анализе первого признака иска применительно к сфере уголовного судопроизводства следует заключить, что функцию иска при обращении в суд выполняет в уголовном процессе обвинительное заключение (обвинительный акт) или заявление потерпевшего. Подобно тому как в исковом заявлении должны быть указаны требования истца (предмет иска) и обстоятельства, на которых истец основывает свое требование (основание иска), в обвинительном заключении тоже содержится требование обвинителя о наказании лица, виновного в совершении преступления, и приводятся обстоятельства, из которых в соответствии с гипотезой уголовно-правовой нормы складывается состав преступления. Здесь проявляется тесная связь институтов уголовного и уголовно-процессуального права.

Второй признак иска, указывающий на обязательность рассмотрения и разрешения основного вопроса по иску судом также целиком подходит к обвинению. При этом предъявление уголовного иска – это не любое заявление о совершении преступления, а сделанное в установленной уголовно-процессуальной форме.

По делам частного обвинения иск считается предъявленным с момента поступления в суд заявления потерпевшего, содержащего указание на совершение конкретным лицом преступления, и отвечающего всем требованиям закона. По делам частно-публичного и публичного обвинения иск считается предъявленным с момента утверждения прокурором обвинительного заключения, акта или постановления и направления его вместе с делом в суд. Принятие судьей уголовного дела с «официальным обвинением» и назначение судебного заседания при отсутствии для этого процессуальных препятствий выступает основанием для судебного разбирательства при наличии повода в виде уголовного публичного иска.

Третье свойство иска указывает на наличие в нем материально-правового

требования одной стороны к другой, без которого иск невозможен. В том случае, когда для гражданского иска спор о праве является категорией обязательной, возникает вопрос, можно ли сделать подобный вывод об основании возникновения уголовного иска.

Юридическим фактом, с которым связывают уголовно-правовое отношение между государством и лицом, нарушившим уголовный закон, является совершение преступления. Уголовно-правовое отношение существует объективно, поскольку реален сам факт совершения преступления. Однако его установление возможно лишь посредством исследования обстоятельств происшедшего события, которое осуществляется в досудебном производстве органами публичного преследования, а в перспективе - судом. «По мере доказывания обстоятельств дела все яснее, рельефнее становится уголовно-правовое отношение, все отчетливее выступают его элементы. Наконец, приговором суда либо подтверждает существование данного уголовно-правового отношения и на виновного возлагается обязанность понести наказание, либо констатируется, что уголовно-правового отношения не было и обвиняемый подлежит оправданию [7, с. 181].

Необходимость установления уголовно-правовых отношений специальным органом государства, т.е. судом, использующим для этого процедуру судебного разбирательства, объясняется очень серьезными социальными последствиями, которые наступают вслед за признанием уголовно-правового отношения существующим. Обвинительный приговор констатирует наличие общественно-опасного деяния и, следовательно, обязанность понести уголовную ответственность.

Сложность выяснения вопроса о виновности лица и установления меры уголовной ответственности ее обусловлена неочевидностью, спорностью уголовно-правового отношения. Спорность материального правоотношения проявляется и в той ситуации, когда в качестве участника фигурирует лицо, в действительности непричастное к преступлению. Иначе говоря, во всех случаях появления обвиняемого спор приобретает процессуальный характер. Участники уголовно-процессуальных отношений, складывающихся вначале в досудебном производстве, а затем в суде, приводят доказательства, отстаивают свои выводы, стремятся доказать неправильность выводов другой стороны. Именно по этой причине состязательное построение судебного разбирательства классически связывают с необходимостью создать процессуальные возможности для справедливого разрешения спора, возникший между государством и привлеченным к уголовной ответственности лицом.

В случае же признания обвиняемым своей вины, явки его с повинной тезис о спорном характере уголовно-правовых отношений остается актуальным, поскольку спорность уголовно-правовых отношений не зависит от поведения лица, действительно или предположительно совершившего преступление. Признание вины делает исключает спор о праве с процессуальной точки зрения, но не снимает необходимости достоверно выяснить, насколько это признание соответствует реальным событиям. В такой ситуации случае спор продолжается, в противном случае правоотношение остается недостаточно определенным.

Четвертый признак иска - требование истца, направленное в защиту нарушенного или оспариваемого субъективного права либо охраняемых законом

интересов, составляющее материальное содержание иска.

Материальная диспозитивность проявляется уголовном судопроизводстве, прежде всего, в делах частного обвинения. Частный обвинитель реализует свои права и интересы при совершении определенных процессуальных действий, уголовно-процессуальный закон не обязывает его к их исполнению. По делам публичного обвинения дознаватель, следователь, прокурор действует в соответствии с законом и волеизъявлением потерпевшего. Частное обвинение, следовательно, является индивидуальным средством правовой защиты от определенных видов преступлений. Применение данного средства в виде уголовного иска выступает специфическим правом субъекта, который он использует в полном объеме, в том числе самостоятельно поддерживая обвинение. Предпосылками этому служат небольшая степень общественной опасности и специфический характер преступлений, обуславливающих необходимость учитывать мнение потерпевшего, возможность в таких случаях урегулирования уголовно-правового конфликта.

Место и роль уголовного иска в процессе можно представить в следующих схемах.

Заявление потерпевшего об обвинении в отношении конкретного лица **УГОЛОВНЫЙ ИСК**	Обращение с иском в суд (возбуждение уголовного преследования	***Судебное уголовное преследование*** Поддержание уголовного иска в суде частным обвинителем	Рассмотрение и разрешение судом уголовного дела 1) примирение сторон 2) вынесение приговора (Об/Оп)
Уголовное преследование по делам частного обвинения (частно-исковое производство			

Сообщение о преступлении	Принятие решение о начале производства по уголовному делу органами публичного преследования	***Досудебное уголовное преследование*** для формирования обвинения	Утверждение обвинительного заключения (постановления, акта) и направление в суд **УГОЛОВНЫЙ ИСК**	***Судебное уголовное преследование*** Поддержание публичного уголовного иска в суде государственным обвинителем и потерпевшим	Рассмотрение и разрешение судом уголовного дела 1) вынесение приговора (Об/Оп) 2) альтернативные формы разрешения дела
Уголовное преследование по делам публичного обвинения (публично-исковое производство					

До определенного исторического этапа все уголовные дела возбуждались непосредственно в суде по заявлению пострадавшей стороны или ее представителя. Однако на современном этапе такое устройство процесса практически представить сложно, поскольку, во-первых, выяснение фактических обстоятельств совершения преступления требует больших временных и ресурсных затрат, которыми не располагают заинтересованные лица. Во-вторых, преступления обладают высокой степенью общественной опасности, что преследование за пре-

ступления не должно быть делом одного только потерпевшего, даже если посягательство направлено непосредственно против его личных или имущественных прав [3, с.15]. По этой причине государство «делегирует» определенные обязанности по обеспечению режима законности, возбуждению производства по уголовному делу, уголовному преследованию, формулированию обвинения и др. независимо от волеизъявления пострадавшего, а в некоторых случаях, при его отсутствии.

Обвинение в виде иска, завершающего досудебное уголовное преследование, прокурор затем поддерживает в суде, осуществляя защиту не личных, но любых иных охраняемых уголовным законом прав и интересов (государства в целом, отдельных его органов, организаций, граждан). Публичный иск преобладает в уголовном процессе. Предъявление уголовного иска не является одномоментным, поэтому «заявление суду притязания к ответчику и деятельность истца в течение процесса по доказыванию правильности своих заявлений должны считаться исковой деятельностью» [5, с.8].

Значение уголовного иска следует признать за предъявлением к суду требования, а всю последующую деятельность обвинителя в суде рассматривать как поддержание уголовного иска. Индивидуальность обвинения в действительности относится не к различию в природе обвинения и иска как процессуальных актов, а к неодинаковой природе того права, осуществления которого, например, требуют обвинитель в уголовном процессе и истец в гражданском процессе. Различия между исками в различных видах судопроизводства вытекают из их различия в материально-правовом, а не в процессуальном смысле.

Анализ признаков, объединяющих различные виды процесса, обусловлены общностью движущей силы того и другого процесса, которая определяется универсальным понятием иска.

В современной науке актуализировались проблемы, связанные с межотраслевой конвергенцией отдельных институтов различных отраслей права. Исследования в данной области перспективны с точки зрения повышения качества практической деятельности и совершенствования законодательной техники при конструировании процессуальных институтов. С этой точки зрения подобная тенденция должна оказать влияние применительно к институту уголовного преследования (как уголовного иска).

Исходя из вышеизложенных положений в уголовно-процессуальном праве институт уголовного преследования занимает исходное положение. В институциональном значении ключевое значение представляет вопрос о структуре самого уголовного преследования, которую можно представить, прежде всего, установленными «институциями», иначе говоря, субъектами правоотношений, реализующих свои права или полномочия, и, собственно, институтами, посредством которых они реализуются.

Уголовное преследование и система образующих его и взаимосвязанных с ним институтов	
Принципы уголовного процесса	
Субъекты уголовного преследования	Объект и предмет, «трансакции» уголовного преследования
1) Субъекты, имеющие в деле должностной (публичный) интерес органы публичного преследования прокурор, *следователь/дознаватель (?),* органы дознания	1) Доказывание и доказательства в обоснование подозрения и обвинения, виновности/невиновности
2) Субъекты, имеющие в деле личный интерес - потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец	2) Меры уголовно-процессуального принуждения
3) Субъекты, в отношении которых осуществляется уголовное преследование – подозреваемый, обвиняемый	3) Формы уголовного преследования (подозрение, обвинение)
4) Представительство интересов участников уголовного преследования (законное, договорное)	4) Процессуальные правила (процессуальный порядок) уголовного преследования А) досудебное уголовное преследование -дознание - предварительное следствие Б) судебное уголовное преследование - поддержание обвинения - согласительные /договорные процедуры В) транснациональное уголовное преследование (международно-правовая помощь), выдача (экстрадиция), передача обвиняемого, подсудимого
5) Иммунитеты в уголовном преследовании	5) Процессуальные решения (промежуточные, итоговые), их основания и формы -обязательные - дискреционные
	6) Гражданский иск
	7) Реабилитация

При систематизации и «конструировании» уголовно-процессуальных институтов, вероятно, требуется гораздо более детальное исследование структуры уголовно-процессуальной деятельности в целом, и уголовного преследования как одного из видов и направлений (функции) этой деятельности - целей и задач, средств и способов, этапов, формы и содержания (и их вариативности), результатов (ожидаемых или альтернативных). Как представляется, ключевыми проблемами при разрешении указанных вопросов являются: определение приоритета конкретных принципов уголовного процесса и парадигмы, постановки вопросов доказывания и доказательств при осуществлении уголовного преследования (и, как следствие критериев обоснованности подозрения и обвинения). Построение иных институтов в этом случае должна быть определена, исходя из указанных «отправных» позиций.

Список литературы:

1. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 38-44.
2. Клейнман А.Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности.– М: ИД «Городец», 2025. – 322 с.
3. Курс уголовного процесса. / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
4. Михайлов А.А. Правовая природа и сущность обвинения в уголовном процессе. России // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 11 (62). – Серия Гуманитарные науки (Юриспруденция). – С. 89-91.
5. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та. – 403 с.
6. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / А. А. Павлушина. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – 469 с.
7. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт, 2009. – 376 с.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. – Санкт-Петербург, 1996. – 606 с.

© Лантух Н.В., 2025

EDN: VYNAEV

Липинский Александр Павлович,
преподаватель кафедры публичного
и частного права факультета (командного)
ФГКВОУ ВО «Военная ордена Жукова
академия войск национальной гвардии Российской Федерации»

Использование следователем специальных медицинских знаний при принятии процессуальных решений

Аннотация: в статье обосновывается необходимость присутствия врача при получении информации от потерпевшего, которому была причинена травма при совершении на него нападения, в целях установления состояния потерпевшего и возможности получения от него пояснений. Обосновано проведение медицинского освидетельствования для установления аномальных состояний, вызванных употреблением различных алкогольных, наркотических, токсических веществ. При освидетельствовании на наличие следов воздействия на теле следует привлекать врача-специалиста. Принятие процессуального решения следователем может быть сделано на основании выводов, сделанных специалистами по поставленным перед ними вопросам

Ключевые слова: медицинские знания; следователь; решение; заключение; врач; специалист.

Одним из наиболее сложных вопросов в ходе производства по уголовному делу является оценка психофизиологического состояния лица, участвующего в следственном действии. Состояние человека, являющегося участником уголовно-правового конфликта, отличается от его обычного состояния эмоциональностью, которая влияет на восприятие происходящего, способность адекватно оценивать действия как свои, так и других лиц, в связи с чем возникает необходимость установить способность человека принимать участие в проведении следственных действий после совершения преступления. Потерпевший, который был подвергнут нападению, в связи с чем ему был причинен вред здоровью, в зависимости от степени тяжести повреждения может быть не способен давать показания. В случае, если врач позволит поговорить с потерпевшим в течение нескольких минут, то целесообразно разговаривать с ним в присутствии врача. Во-первых, это позволит исключить воздействие на потерпевшего, находящегося в посттравматическом состоянии; во-вторых, исключит свободное толкование ответов потерпевшего на поставленные вопросы; в-третьих, позволит получить показания врача о состоянии потерпевшего в момент дачи пояснений, их содержание. Врач определит осознанность состояния лица, его способность к

адекватной реакции. В указанной ситуации целесообразно получение заключения врача о состоянии потерпевшего. В случае заявления врача о недопустимости общения с потерпевшим в силу его тяжелого состояния, необходимо выполнить его указания.

Необходимость привлечения врача в качестве специалиста возникает при задержании лица после совершения преступления, в целях фиксации телесных повреждений, либо аномального состояния, обусловленного употреблением, наркотических, токсических и др. веществ. Законодатель определил в ст. 179 УПК РФ основания для производства освидетельствования, в качестве которых определил необходимость установления на теле человека обнаружения на теле человека «...особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела»[1].

Таким образом законодатель объединил в числе следов, имеющихся на теле человека, не только приметы, телесные повреждения, но и иные состояния и свойства. Однако, состояние опьянения не является индивидуальным внешним признаком, а имеет одномоментный характер, поскольку проявляется в каждом действии по-разному, не является следом на теле человека. В связи с чем представляется обоснованной позиция авторов, которые полагают, что освидетельствование должно проводиться в целях установления на теле человека значимых для уголовного дела свойств и признаков [3, с. 196-198].

К таким свойствам и признакам следует отнести наличие следов воздействия, которые могут иметь различную природу, в частности, это могут быть телесные повреждения, различные татуировки и т. п. В зависимости от конкретного следа, оставленного на теле человека, следует привлекать специалиста для его описания и характеристики. В частности, при описании имеющейся татуировки следует привлекать татуировщика, который сможет дать характеристику имеющемуся изображению, его значению, возможно автору, ее сделавшему. Если имеются повреждения на теле человека, то следует пригласить медицинского работника. При производстве освидетельствования, учитывая, что речь идет об установлении различных следов воздействия на тело человека, необходимости их правильного описания и характеристики, следует привлекать специалиста в области медицины [6, с. 6-7].

Учитывая особенности телесных повреждений, их природу, следует изначально решить вопрос о целесообразности назначения экспертизы, либо проведения освидетельствования с привлечением специалиста. В случае, если телесное повреждение было сделано по инициативе самого человека (пирсинг, проколы губ, носа, ушей и т. п.), то в этом случае целесообразно проведение освидетельствования с участием специалиста в области медицины. Если имеется телесное повреждение, которое не повлекло за собой расстройства здоровья, то следует привлекать медицинского работника, который должен описать следы с учетом их особенностей. Данная ситуация обусловлена тем, что многие телесные повреждения могут исчезнуть быстро, например следы ногтей потерпевшей на лице грабителя, если их не зафиксировать своевременно, то они исчезнут через несколько часов и объяснение потерпевшей о том, что защищаясь она оставила

царапины на лице нападавшего не будут подтверждаться экспертизой, которую проведут на следующий день или позднее. При наличии быстро исчезающих следов повреждений следует привлекать врача или фельдшера, которые должны помочь следователю их зафиксировать. Учитывая, что освидетельствование проводиться в отсутствии понятых, по привлечение специалиста тем более важно, поскольку он является независимым незаинтересованным лицом, помогающим обеспечить сохранность следов.

Установление аномальных состояний (опьянения и т.п.) не должно относиться к следственному освидетельствованию, в указанном случае следует проводить медицинское освидетельствование [7, с. 7-9]. Согласно ч. 1 ст. 65 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Медицинское освидетельствование лица представляет собой совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий» [2]. В ч. 2 указанной статьи раскрыты виды медицинского освидетельствования, к числу которых относятся, в том числе, освидетельствование на состояние алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, психиатрическое и ряд других. Для проведения медицинского освидетельствования должен привлекаться врач, поскольку в данном случае необходимо использование медицинских познаний [8, с. 83-85]. Медицинское освидетельствование проводиться в медицинской организации. Необходимость проведения медицинского освидетельствования для установления указанных состояний обусловлена тем, что только врач может определить признаки проявления указанных состояний, поскольку их наличие может быть проявлением различных соматических или нервных расстройств, что может привести к ошибке при принятии следователем решений в отношении обследуемого лица. Медицинское освидетельствование особенно необходимо по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, поскольку отсутствие следов инъекций при проявлении аномальных внешних признаков, в том числе в поведении обследуемого лица, позволяет принять правильное решение в отношении данного лица, в том числе оказать ему своевременную помощь. Отказ от проведения медицинского освидетельствования в указанной ситуации может привести к принятию неправильного решения в связи с ошибочной оценкой состояния обследуемого.

Необходимость привлечения врача может возникнуть в случае, если лицо, вызванное для участия в следственном действии, заявляет о плохом самочувствии. Наиболее часто указанная ситуация возникает в случаях, когда в следственном действии принимает участие подозреваемый / обвиняемый. Плохое самочувствие может проявляться в симптомах соматических заболеваний, либо психических расстройств [4, с. 129-133; 5, с. 306-312]. В любой ситуации следует привлечение врача, который определит наличие симптомов заболевания, либо отсутствие таковых. Привлечение врача-психиатра целесообразно в случае, если изначально лицо симулирует психическое расстройство. После проведение врачом осмотра предполагаемого больного, он должен дать заключение о состоянии здоровья обследуемого, его возможности участвовать в следственных действиях.

Следователь на основании выводов врача принимает решение о возможности проведения следственного действия.

Если при симуляции соматического заболевания врач при осмотре лица может обнаружить симптомы заболевания или их отсутствие, что позволяет ему сделать вывод о состоянии здоровья испытуемого, сложнее обстоит ситуация с симуляцией психических расстройств, поскольку всегда следует помнить о двойственной природе притворства, которая усиливается возможностью его перерастания в психическое отклонение. Для определения возможности участвовать в следственном действии значение имеет наличие или отсутствие: чистой симуляции, симуляции психического расстройства на патологической основе и диссимуляция психического расстройства. Поскольку притворное поведение ставит под сомнение допустимость доказательства, полученного с участием лица, предполагаемо имеющего психическое расстройства неустановленного регистра, то необходимо первоначально провести консультацию у врача-психиатра о возможности участия лица, проявляющего признаки психического расстройства, в следственном действии, после чего решать вопрос о возможности его участия.

При наличии информации о проявлении признаков соматических или психических расстройств следователь должен рассмотреть вопрос о целесообразности назначения экспертизы. При наличии признаков соматических заболеваний медицинскую экспертизу следует назначать в случаях необходимости принятия решения о возможности применения определенной меры пресечения в отношении подозреваемого/обвиняемого в целях установления возможности нахождения лица в условиях следственного изолятора. Наличие признаков психического расстройства или его симуляции участником уголовного процесса должно быть для следователя бесспорным основанием для принятия решения о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Никакая консультация психиатра не может заменить производство психиатрической экспертизы, учитывая особенности психических расстройств, их диагностику и методику проведения экспертных исследований.

При наличии данных о телесных повреждениях у участников уголовно-правового конфликта, либо проявлении нестандартного поведения, проявлении аномалий в поведении следует приглашать врача, на основании заключения которого принимать решение о возможности проведения следственного действия и необходимости назначения медицинской, психиатрической экспертизы.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (по сост. на 01.09.2025) // Российская газета. – № 249. – 22.12.2001 г.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. на 01.09.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/a96d744e51843d13ad458b805972e9367a9935a2/ (загл. С экр. 01.09.2025)

3. Диденко Н.С., Моругина Н.А. К вопросу о понятии освидетельствования и его месте в системе следственных действий / Н.С. Диденко, Н.А. Моругина // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2023. – № 2. – С. 194-199.

4. Ермакова Е.В. Использование специальных познаний в рамках досудебного производства по уголовному делу в отношении лиц, симулирующих психические расстройства / Е.В. Ермакова // Материалы XI международной научно-практической конференции / под ред. А.В. Чернова, А.В. Домеева. – Улан-Удэ, 2007. – С. 129-133.

5. Ермакова Е.В. Особенности производства следственных действий с участием лиц, симулирующих психические расстройства / Е.В. Ермакова // Российское законодательство в современных условиях: сб. материалов V ежегодной научно-практической конференции / под ред. П.Н. Кириченко. – Брянск, 2007. – С. 306-312.

6. Мамошин М.А. К вопросу об участии специалиста в отдельных следственных действиях / М.А. Мамошин // Эксперт-криминалист. – 2010. – № 1. – С. 5-8.

7. Татьянина Л.Г. Освидетельствование как следственное действие / Л.Г. Татьянина // Российский следователь. – 2004. – № 1. – С. 7-9.

8. Морозова О.С. Обязательное участие специалиста при производстве следственного действия / О.С. Морозова // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редакторы: И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск, 2022. – С. 83-85.

© Липинский А.П., 2025

EDN: WCZOTS

Мезенцев Игорь Вячеславович,
старший преподаватель кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета

Условное и безусловное право на переводчика в уголовном процессе

Аннотация: в статье автор рассматривает случаи, когда переводчик может не предоставляться иностранным гражданам и лицам иной (не русской) национальности. Делается акцент на том, что условием обеспечения переводчиком является случаи, когда лицо не владеет языком судопроизводства, а не наличие гражданства иностранного государства. Также автор приводит случаи, когда переводчик предоставляется в обязательном порядке.

Ключевые слова: уголовный процесс; переводчик; язык уголовного судопроизводства; право на защиту.

Перед проведением любого следственного действия с участием свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) следователь должен убедиться, что лицо в полной мере понимает русский язык, поскольку на нем ведется уголовное судопроизводство и, соответственно, не нуждается в переводчике. Ошибочной, по мнению автора статьи, является позиция, что переводчик должен быть предоставлен любому лицу (особенно, совершившему преступление), если это лицо является гражданином или подданным другого государства. Норма ч. 2 ст. 18 УПК РФ предписывает необходимость этого только в том случае если лицо не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство, то есть не владеет или недостаточно владеет русским языком.

Если же гражданин или подданый иностранного государства владеет или достаточно владеет русским языком, то его желание общаться на ином языке необходимо расценивать как злоупотребление правом на защиту путем умышленного затягивания процесса в связи с поиском и обеспечением переводчика, длительностью производства самих следственных действий и расходов федерального бюджета на необоснованное участие переводчика в ситуации, когда лицо владеет или достаточно владеет русским языком.

Важным аспектом на обеспечение лиц переводчиком является не то, что лицо является гражданином другого государства или иной, не русской, национальности, а то, что лицо не владеет русским языком. Наличие документов, подтверждающих уровень владения, а также то, что лицо действительно владеет им, будет исключать факт обеспечения переводчиком, с одной стороны, и доказывать противодействие следствию, с другой стороны. В этой ситуации можно по

аналогии использовать п. 18 Постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 29, в соответствии с которым суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц [1]. В таком аспекте злоупотребление правом на переводчика не в полной мере раскрывалось в науке уголовного процесса [2, с. 9].

Помимо этого, по мнению автора статьи, допустимо исключить вызов специалиста в отношении граждан государств, где русский язык является государственным или официальным при желании лица общаться на русском языке. К примеру, в ряде граничащих стран проживает значительное количество населения, которые лучше владеют русским языком, чем национальным. Поэтому их конституциями было регламентировано употребление русского языка наравне с государственным основным языком.

Так, Конституцией Республики Беларусь установлено два государственных языка – русский и белорусский (ст. 17). Конституцией Кыргызской Республики предусмотрено официальное употребление русского языка (ст. 10). В Республике Казахстан также официально употребляется русский язык, что нашло свое отражение в Основном Законе страны. Согласно ст. 7 Конституции Республики Казахстан в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Широко используется русский язык в Республике Молдова, Гагаузии и Приднестровье. Кроме того, почти во всех странах СНГ проживают лица, владеющие русским языком.

Учитывая вышеизложенное, не исключается факт признания граждан Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и других государств лицами, полностью владеющими русским языком. На наш взгляд должностным лицам этих стран, работающих в органах власти и органах местного самоуправления, переводчик не нужен по причине постоянного использования и применения русского языка в полном объеме по роду службы. Поэтому у данных лиц право давать показания на ином языке, помимо русского, является условным и должно оцениваться как злоупотребление правом. Единственное следователь должен обеспечить наличие в уголовном деле доказательств, бесспорно подтверждающих факт владения языком для того, чтобы отказать в удовлетворении ходатайства.

Наряду с этим есть категории лиц, которым в категорическом порядке необходимо обеспечить участие переводчика по причине объективного установления факта невладения русской речью и письменностью. Прежде всего, обратимся к нормам уголовно-процессуального законодательства, касающихся обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд эти требования могут относится и к обязательному вызову специалистов по переводу по причине схожести ситуации, связанной с невозможностью реализации подозреваемым (обвиняемым) своих прав, в том числе на защиту собственными силами.

Согласно п. 3 и п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ установлены категории граждан, неспособных досконально понимать суть процесса. К ним относятся следующие лица:

– подозреваемые, обвиняемые, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту;

– не владеющие языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Данные категории граждан во всех случаях нуждаются в предоставлении защитника и за редким исключением в предоставлении переводчика. Рассмотрим категорию лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства. Выделим основные критерии установления принадлежности к данной категории:

– иностранные граждане, за исключением ситуаций, указанных выше;

– недавно получившие гражданство России;

– русские (по национальности) лица, но получившие начальное (среднее) образование в другой стране;

– не имеющие гражданства вообще;

– имеющие национальность народов России, воспитанные в семье, не применявших русскую речь;

– иные категории (релоканты, беженцы, репатрианты).

В этих случаях предоставление переводчика должно быть безусловным.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата доступа: 01.09.2025).

2. Иванова Т. Д. Гарантии прав и законных интересов иностранных граждан в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т.Д. Иванова. – Самара, 2015. – 24 с.

© Мезенцев И.В., 2025

EDN: VECFOA

Мельникова Светлана Валерьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Московского областного филиала
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Специальные знания в фокусе коллизии: соблюдение баланса прав и безопасности при назначении и реализации принудительных мер медицинского характера

Аннотация: принудительные меры медицинского характера представляют собой сложный правовой и этический феномен, находящийся на стыке защиты индивидуальных прав и обеспечения общественной безопасности. Данная статья анализирует коллизию между фундаментальными правами личности, с одной стороны, и необходимостью защиты общества от опасных действий, обусловленных психическим расстройством, с другой. Особое внимание уделяется критической роли специализированных знаний при назначении, реализации и контроле за такими мерами.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; права человека; безопасность; специализированные знания; судебная психиатрия; правовое регулирование; баланс интересов.

Проблема соотношения прав личности и интересов общества является одной из ключевых в современном правоведении. Особую остроту она приобретает в контексте применения принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) к лицам, совершившим общественно опасные деяния и имеющим психические расстройства или иные заболевания. С одной стороны, государство обязано защищать своих граждан от преступных посягательств, в том числе со стороны лиц, представляющих опасность в связи со своим психическим состоянием. С другой стороны, принудительное медицинское вмешательство затрагивает такие фундаментальные права человека, как право на свободу, личную неприкосновенность, физическую и психическую целостность, а также право на отказ от лечения.

Данная проблематика является не только юридической, но и этической, философской и социальной, требующей глубокого и всестороннего осмысления. Целью настоящей статьи является анализ правовой природы ПММХ, выявление основных аспектов коллизии прав и безопасности при их применении, а также разработка предложений по гармонизации этих двух важнейших ценностей.

Министерство здравоохранения России опубликовало статистику, которая свидетельствует о значительном росте числа впервые диагностированных психических расстройств за последние несколько лет. Согласно отчету ведомства, в 2023 году показатель впервые диагностированных психических расстройств составил 314,4 человека на 100 тысяч населения. Для сравнения, в 2020 году этот показатель был существенно ниже – 262 человека на 100 тысяч населения. Помимо новых случаев, статистика Минздрава также раскрывает общую картину распространенности психических расстройств в стране. Всего в России с диагнозами психических расстройств или расстройств поведения проживает около 4 миллионов человек [1].

На фоне общего возрастания количества лиц, страдающих психическими расстройствами, современное общество сталкивается с тревожной тенденцией: увеличением числа общественно опасных деяний, совершаемых данной категорией граждан. При этом особую обеспокоенность вызывает не только количественный, но и качественный сдвиг в структуре таких правонарушений [2, с. 20].

Все чаще подобные деяния характеризуются исключительной жестокостью и значительным преобладанием преступлений против личности, таких как убийства, в том числе с особой жестокостью, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования и другие посягательства на жизнь и неприкосновенность граждан. Эта динамика подчеркивает необходимость углубленного изучения причин и поиска эффективных решений для обеспечения, как психического здоровья населения, так и общественной безопасности.

ПММХ представляют собой систему государственных мер медицинского и правового характера, применяемых по решению суда к лицам, совершившим общественно опасные деяния и страдающим психическими расстройствами, или к лицам, у которых такие расстройства наступили после совершения преступления. Их основная цель – излечение или улучшение психического состояния больного для предупреждения совершения им новых общественно опасных деяний, а также его социальная реабилитация [3, с. 235].

Таким образом основаниями для применения ПММХ, как правило, являются:

1. Совершение общественно опасного деяния лицом в состоянии невменяемости.
2. Наступление психического расстройства у лица после совершения преступления, но до вынесения приговора или во время отбывания наказания, что исключает возможность назначения или дальнейшего отбывания наказания.
3. Наличие заболевания, представляющего опасность для окружающих (например, принудительное лечение туберкулеза, ВИЧ-инфекции в некоторых юрисдикциях, хотя это чаще регулируется административным/гражданским правом, но может быть сопряжено с уголовным контекстом).
4. Необходимость принудительного лечения от наркомании или алкоголизма, сопряженная с совершением преступления.

Решение о применении ПММХ принимается судом на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы (СПЭ) и других доказательств. Срок

применения не устанавливается в момент назначения, а зависит от динамики психического состояния лица и регулярно пересматривается судом.

Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве является краеугольным камнем для принятия обоснованных решений по делам, связанным с психическим состоянием обвиняемых или осужденных.

В контексте ПММХ эти знания приобретают решающее значение, поскольку от них напрямую зависит ограничение фундаментальных прав человека – в первую очередь, права на свободу.

К специальным знаниям в данной области относятся познания в области психиатрии, медицинской психологии, а иногда и наркологии. Основным инструментом использования этих знаний является судебно-психиатрическая экспертиза (СПЭ) [4, с. 48]. В ходе СПЭ эксперты-психиатры (часто в составе комиссии) отвечают на вопросы суда или следствия, касающиеся:

1. Психического состояния лица на момент совершения общественно опасного деяния: способно ли было лицо осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими (критерий вменяемости/невменяемости).
2. Психического состояния лица на момент проведения следствия или судебного разбирательства: способно ли лицо понимать характер и значение уголовного судопроизводства и самостоятельно защищать свои права и законные интересы.
3. Наличия у лица психического расстройства, препятствующего отбыванию наказания: для осужденных, заболевших после совершения преступления.
4. Необходимости применения ПММХ: определение того, представляет ли лицо по своему психическому состоянию опасность для себя или других лиц.
5. Вида необходимой ПММХ: рекомендации относительно типа стационара или амбулаторного лечения.

Правовой основой для назначения ПММХ в России служат статьи 97-104 Уголовного кодекса РФ и глава 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Эти меры не являются наказанием, поскольку применяются к лицам, которые в силу психического расстройства не могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (невменяемые), или же к лицам, которые заболели психическим расстройством после совершения преступления и не могут самостоятельно или с помощью защитника осуществлять свое право на защиту.

Таким образом, ПММХ носят принудительный, медико-исправительный и превентивный характер. Решение об их применении принимается судом исключительно на основании всестороннего медицинского заключения, подтверждающего наличие у лица психического расстройства и необходимость его лечения или наблюдения.

От точности и объективности психиатрического заключения напрямую зависят как права обвиняемого/подозреваемого, так и безопасность общества. Недостаточная квалификация или предвзятость эксперта могут привести к необоснованному лишению свободы или, наоборот, к выпуску лица, представляющего опасность.

Суд, не обладая специальными познаниями в психиатрии, вынужден в значительной степени опираться на выводы экспертов. Это делает экспертное заключение не просто одним из доказательств, а зачастую определяющим фактором в судьбе человека, что подчеркивает огромную ответственность экспертов и необходимость высочайшей квалификации и объективности.

Несмотря на жизненно важную роль специальных знаний, их применение в контексте ПММХ сопряжено с рядом серьезных проблем.

Прежде всего, это субъективизм и/или неопределенность экспертных оценок. Диагностика психических расстройств, особенно пограничных состояний, может быть сложной.

Оценка степени «общественной опасности» и прогнозирование поведения будущего носит вероятностный характер и может зависеть от школы, опыта и даже личностных особенностей эксперта. Размытость правовых критериев «опасности» только усугубляет проблему.

Кроме того, необходимы процедурные гарантии и контроль за экспертным заключением. Несмотря на то, что заключение эксперта является доказательством, зачастую оно воспринимается судом как решающее. Не всегда стороны, особенно обвиняемый, имеют возможность эффективно оспорить заключение, привлечь независимого эксперта или добиться назначения повторной/дополнительной экспертизы.

Коллизия заключается в том, что бессрочное или необоснованно длительное пребывание человека в медицинском стационаре, даже если он совершил общественно-опасное деяние, может восприниматься как чрезмерное ограничение его прав.

В то же время, с другой стороны, преждевременное прекращение ПММХ лицам, сохраняющим общественную опасность, несет риск рецидива и ставит под угрозу безопасность общества.

Задача уголовного судопроизводства, опирающегося на специальные знания, состоит в том, чтобы найти динамичный, постоянно пересматриваемый баланс между этими двумя ценностями. Этот баланс должен быть основан на объективных данных, минимально возможных ограничениях и строгих процессуальных гарантиях.

В целях оптимизации баланса и совершенствования применения специальных знаний считаем возможным предложить следующее:

1. Предоставление обвиняемому (его законному представителю или защитнику) права на независимую экспертную оценку, в том числе за государственный счет, если обвиняемый не имеет средств.

2. Обеспечение права на участие защитника при проведении экспертизы (в рамках, не нарушающих медицинскую этику и тайну).

3. Регулярный и независимый судебный контроль за обоснованностью продления ПММХ с обязательным личным участием пациента и его защитника, а также возможностью апелляции.

4. Создание механизмов для получения альтернативного экспертного мнения по инициативе суда в сложных или спорных случаях.

Список литературы:

1. FT: распространение психических расстройств в мире достигло масштабов пандемии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.vesti.ru/article/4299872 (дата обращения 30.08.2025).

2. Васеловская, А.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты / А. В. Васеловская // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 3(40). – С. 18-29.

3. Трусова, Е.А. Принудительные меры медицинского характера в системе уголовного права России / Е. А. Трусова // Юридическая наука. – 2024. – № 2. – С. 233-237.

4. Сошина, Л.А. К вопросу о законодательном определении термина «принудительные меры медицинского характера» / Л. А. Сошина // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 1(48). – С. 45-50.

© Мельникова С.В., 2025

EDN: VFCIZP

Михайлова Тамара Николаевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

«Подотрасль права» как категория уголовно-процессуального права: забыта, едва появившись на свет

Аннотация: вопрос структуры уголовно-процессуального права заслуживает особого внимания в силу незначительной, на наш взгляд, проработанности данной сферы познаний в научных кругах. Внимание ученых, как правило, акцентируется на изучении институтов уголовно-процессуального права. На периферии научных интересов остается такой структурный элемент как «подотрасль права». Указанный сегмент уголовно-процессуального права представляется менее исследованным, в связи с чем нуждается в глубоком изучении и эволюции представлений о нем.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право; подотрасль права; правовой институт; структура права; система права.

1975 год XX столетия запомнился России важными космическими событиями – первая в истории стыковка советского и американского космических кораблей «Союз-Аполлон», первые в истории снимки поверхности Венеры, исследование Марса. В сфере цифровых технологий произведен выпуск микрокомпьютера, с которого начинается эра персональных компьютеров и цифровизация страны. В политике произошли значительные события, связанные с окончанием войны во Вьетнаме и подписанием Хельсинских соглашений. В юриспруденции издаются научные труды, посвященные различным отраслям права.

Именно в данный период времени начинаются серьезные исследования общетеоретической проблемы структуры права (до этого исследования в большей степени были посвящены системе права). Одной из фундаментальных, на наш взгляд, работ в области права становится монография выдающегося советского и российского ученого С.С. Алексеева «Структура советского права» (1975 г.) [1].

С.С. Алексеев выделяет многоуровневую структуру права, клеточкой которой является нормативно-правовое предписание (первичная, элементарная частица права). При наличии «связки» (общности предписаний) генерирующие нормативно-правовые предписания, по мнению ученого, могут объединяться с конкретизирующими и образовывать ассоциации норм. Однопорядковые фор-

мально обособленные правовые положения группируются в первичные правовые общности – правовые институты. Наиболее развитые объединения правовых институтов образуют вторичные правовые образования – подотрасли права. Главными, относительно замкнутыми структурными подразделениями права выступают отрасли права, характеризующиеся самостоятельным механизмом правового регулирования. Отрасли права подвержены объединению в циклы, семьи.

Без преувеличения можно говорить о научных взглядах С.С. Алексеева как о сенсации в области научных исследований права. В продолжение развития новой концепции советского права на страницах юридической печати начинаются масштабные исследования в области структурных элементов права – правовых норм, правовых институтов и отраслей права. Особые масштабы приобретает институциональный подход исследования правовых феноменов. Сегодня в области уголовно-процессуального права институциональный анализ занимает особое место. Как отмечает в своих исследованиях профессор В.В. Николюк «вряд ли найдется хоть один отечественный ученый-процессуалист, который в своих публикациях не оперировал бы термином «правовой институт». Он присутствует в названиях десятков защищенных диссертаций» [2, с. 286].

Как правило, на страницах юридического дискурса правовые институты рассматриваются с позиции совокупности норм права, регулирующих схожие по содержанию и предмету правового регулирования общественные отношения. Учеными предлагаются различные классификации правовых институтов, (прежде всего, на простые и сложные), в результате чего возникает новый правовой феномен – «субинститут права».

Безусловно, институциональный подход к исследованию какой-либо правовой общности интересен с точки зрения развития теоретических положений отдельной отрасли права. Он позволяет произвести четкую внутреннюю организацию нормативного материала, обогатить и обеспечить стройность, завершенность формирования отрасли права. Однако, чрезмерная увлеченность институциональным анализом правовых общностей оставила, на наш взгляд, на периферии научных интересов такой структурный элемент отрасли права как «подотрасль права». В уголовно-процессуальном праве, насколько нам известно, практически нет фундаментальных правовых исследований, проведенных в данном направлении. При исследовании вопроса нами было выделено несколько самостоятельных теоретических позиций, на платформе которых с различной степенью аргументированности обсуждались или обсуждаются проблемы образования подотраслей уголовно-процессуального права:

– доказательственное право (Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, А.С. Элькинд, А. В. Победкин, С. А. Шейфер, Н. А. Громов, Е. Ю. Жога, Л. Б. Алексеева, А. Ю. Афанасьев, В. В. Вандышев, Г. В. Софронов, Н. В. Лантух, Н. В. Несмачная, К. В. Бугаев, Р. Х. Якупов);

– совокупность норм, регулирующих производство следственных и иных процессуальных действий (А.П. Гуляев);

– совокупность норм, регулирующих уголовно-процессуальное принуждение (В.В. Николюк, С.И. Вершинина, Л.А. Татаров, Э.Р. Гареева, В.А. Цапиенко);

– совокупность норм, регулирующих предварительное расследование (Л.Б. Алексеева, Н.В. Лантух, П.С. Ефимечева, С.П. Ефимечева);

– пересмотр судебных решений (Э.О. Безмельницына, Т.Г. Бородинова);

– совокупность норм, регулирующих судебное разбирательство (Л.Б. Алексеева, Н.В. Лантух);

– договорное уголовно-процессуальное право (В.В. Колесник);

– международное сотрудничество (Н.В. Несмачная, А.Г. Волеводз, Е.А. Омарова).

Так, что же такое «подотрасль уголовно-процессуального права» – категория, которая не успев родиться на правовом поле научного дискурса, была предана забвению? Или большинство современных ученых-процессуалистов придерживаются позиции ее факультативного (необязательного) характера и отсутствия в уголовно-процессуальном праве возможности реального объединения правовых институтов в данное структурное образование?

Мы считаем, что сегодня в уголовно-процессуальной науке сформировались предпосылки для возрождения перспективного направления исследования структурных аспектов уголовно-процессуального права. Проблема «подотраслеобразования» в уголовно-процессуальном праве назрела. Ее планомерное решение может способствовать снятию более напряженных общетеоретических проблем современной юридической науки. Прежде всего, речь идет о проблеме системы права в целом, которая переживает не лучшие времена. Налицо чрезмерное увеличение отраслей системы права (сегодня предложено более 60 вариантов), размывание сложившихся подходов и критериев отраслеобразования. Научные работы профессора Т.Н. Радько и его последователей поднимают актуальные для современности вопросы: не разрушают ли стремления выделения новых отраслей права собственно теорию права в той ее части, которая сложилась относительно критериев классификации системы, отрасли, подотрасли, института права? Бесконечные попытки конструирования новых отраслей могут привести к утрате ее смысла и функционального назначения [3, с. 35].

В рамках выступления на международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова, 16 февраля 2024 года профессор В.В. Николюк отметил: «Решение теоретических проблем отраслеобразования должно предполагать обращение к такому элементу системы права как «подотрасль права» [4, с. 68].

В целом разделяя позицию ученого, отметим, что недооцененность «подотрасли права» как структурного образования, обесценивание ее порядкового места в структуре отрасли права является одной из причин возникновения авторских воображений в пользу появления новых отраслей. Безусловно, каждая нормативная общность должна быть идентифицирована с целью упорядочения структуры права. Если же, по мнению исследователя, логически завершенные комплексы нормативно-правовых предписаний переросли рамки «правового института», не стоит без соответствующей убедительной аргументации обособлять их от материнской отрасли. Целесообразно придать им правовой статус более

высокого порядкового формата – «подотрасль права». В последующем же, подотрасль права может выступить платформой развития новой отрасли права, а вместе с ней и новой отрасли законодательства.

Французский писатель XIX века Жак Пеше говорил: «Новое – хорошо забытое старое». Данная поговорка достаточно быстро вошла в обиход русскоязычного общества и означает, что многие современные открытия или идеи на самом деле являются возрождением чего-то, что было забыто со временем. «Подотрасль права» как категория уголовно-процессуального права была забыта, едва появившись на свет. Сегодня наша страна стоит на пути переосмысления вектора своего дальнейшего развития, в том числе и в области права. Направления правовых исследований будут меняться – это объективный процесс исторического развития государства, общества и права. Забытые структурные элементы права, на что есть основания надеяться, вновь вернутся в научный дискурс и поменяют парадигму развития национального права и национального законодательства.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Структура советского права. – Москва: Издательство «Юридическая литература», 1975. – 264 с.

2. Николюк, В.В. Системно-структурные проблемы современного российского уголовного процесса // Современное уголовно-процессуальное России : уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. – 444 с.

3. Радько, Т.Н., Головина, А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 34-40.

Николюк, В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова, Омск, 16 февраля 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 68-75

© Михайлова Т.Н., 2025

EDN: VHVDCL

Мищенко Елена Валерьевна,
декан юридического факультета
Оренбургского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент,
Почетный работник высшего профессионального образования;
Никурадзе Наталья Олеговна,
доцент *кафедры уголовного процесса и криминалистики*
Оренбургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
Марина Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Оренбургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

К вопросу об использовании в уголовном процессе «электронных» доказательств

Аннотация: современное российское уголовно-процессуальное законодательство в силу консервативности пока не имеет детального правового регулирования работы с доказательствами в электронной форме, что является дискуссионным вопросом в науке и практике уголовного процесса. Настоящее исследование раскрывает остро назревшую необходимость совершенствования правового регулирования процесса доказывания в части использования «электронных» доказательств, имеющих значение для возбуждения, расследования и разрешения по существу уголовных дел.

Ключевые слова: уголовный процесс; «электронные» доказательства; доказывание; цифровизация уголовного судопроизводства; свойства доказательств.

В условиях глобальной цифровизации национальная система права должна становиться более гибкой и восприимчивой к происходящим изменениям в ответ на формируемые запросы цифрового общества, другими словами, должна быть способной эффективно и своевременно регулировать стремительно развивающиеся, видоизменяющиеся общественные отношения, связанные с использованием современных технологий в различных сферах жизнедеятельности общества, охранять и защищать права и законные интересы каждого. Став неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, цифровые технологии наряду с упрощением его различных жизненных процессов привели к качественному изменению состояния преступности, и в этом вопросе особенно

важно формирование эффективного правового механизма, регламентирующего использование в уголовном процессе доказательств в электронной форме.

Как свидетельствует официальная статистика, количественные показатели преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе с территории иностранных государств в отношении жителей России, ежегодно увеличиваются, а их раскрываемость подает. Согласно данным обзора МВД России по Оренбургской области о состоянии уровня борьбы с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий на территории Оренбургской области за 12 месяцев 2024 года зарегистрировано 7675 преступлений, совершённых с использованием ИКТ, доля расследованных уголовных дел снизилась на 3,3%, а приостановленных возросла на 7,3% [1]. Как показывает практика увеличивается число мошеннических схем обмана потерпевших начиная от звонков представителей банков, правоохранительных органов, заботливо предлагающих перевести денежные средства на резервные счета для защиты от мошенников, инвестиционных компаний и банковских организаций с предложениями открыть инвестиционный счет и внести на него денежные средства, знакомых от лица близких родственников, попавших в аварию, сложную финансовую ситуацию и т.п. с просьбой помочь и перевести денежные средства на указный счет, и заканчивая более сложными схемами, требующими установки на мобильный телефон приложения, переходя по QR-коду, гиперссылке и т.д. Например жителям России поступают звонки от мошенников, представляющихся сотрудниками «Энергосбыт Т Плюс» с предложением установить умные счетчики, требующих для этого установку соответствующего мобильного приложения и подтверждения своей личности через электронный личный кабинет любого банковского приложения, откуда происходит списание денежных средств. Еще одним видом мошенничества является рассылка файлов формата apk, при этом мошенники именую его «ФОТО» и направляют сообщение «Это ты на фото?». Срабатывает человеческое любопытство, кликая на файл происходи скачка установочного пакета, содержащего вирус, позволяющий не просто взламывать мобильное устройство, но и обойти аутентификацию банковских мобильных приложений для списания денежных средств. Набирает обороты мошенничество с использованием криптовалюты.

Однако, современное российское уголовно-процессуальное законодательство в силу консервативности на ряду с традиционными видами доказательств (ст. 74 УПК РФ [2]) сегодня детально не регулирует особенности работы с доказательствами в электронной форме, тем более получаемых из-за рубежа. Изложенное указывает на остро назревшую необходимость исследования проблемных вопросов использования «электронных» доказательств, имеющих значение для возбуждения, расследования и разрешения по существу уголовных дел. Современные ученые активно проводят исследования в направлении стандартизации рассматриваемой деятельности, принимая во внимание лучшие зарубежные практики с учетом национальных особенностей и самобытности пути развития [3, с. 27-38; 4, с. 93-112; 5, с. 67-77; 6, с. 258-269].

Необходимость развития правового регулирования «электронных» доказательств, порядка их собирания, проверки и оценки, правил получения и использования в доказывании «электронных» доказательств, в том числе полученных из-за рубежа, в российском уголовно-процессуальном законодательстве обусловлена тем, что информация, имеющая доказательственное значение для уголовного дела, представленная в электронной форме, априори не может «втиснуться» в существующие методы, средства, процессуальный порядок доказывания, поскольку их законодательные границы для нее стираются, становятся неэффективными и бесполезными. Бесспорно, электронная форма доказательств требует принципиально нового подхода в правовом регулировании российского уголовно-процессуального законодательства.

Цифровизация уголовного судопроизводства в каждой стране имеет свои особенности, сложности, правовые барьеры и так далее. В России камнем преткновения активной цифровизации процессуального порядка производства по уголовным делам, как ранее мы отмечали, выступает строгий консерватизм уголовно-процессуального законодательства. Это в свою очередь может приводить к отставанию правового регулирования от реальных темпов и условий развития общества. Стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство ряда зарубежных стран регламентирует особенности использования в доказывании по уголовным делам «электронных» доказательств. Например, в Китае уголовно-процессуальный закон в числе доказательств регламентирует аудио- и видеоматериалы, электронные данные; во Вьетнаме – электронные данные.

Также зарубежные ученые отмечают, что по уголовным делам о преступлениях, связанных с использованием сети «Интернет» в качестве «электронных» доказательств могут рассматриваться: история веб-чатов, SMS-сообщения, детализации платежных переводов, сведения о банковских счетах, абонентских соединениях, доменное имя, адреса веб-сайтов азартных игр, пароли входа, данные о пользователях, суммах ставок, время и так далее, а порядок их собирания может быть на месте, в том числе по международному поручению (в случае нахождения данных в сети «Интернет» под юрисдикцией иностранного государства) от государства под чьей юрисдикцией осуществляется производство по уголовному делу, так и удаленно с использованием сети «Интернет», поэтому процедуры и методы собирания нуждаются в четкой регламентации, включая международное сотрудничество [7].

Природа «электронных» доказательств, заключающаяся в их субстанциональной несамостоятельности (то есть зависимости от материального носителя), существовании в формате цифрового – двоичного кода и доступности человеческому восприятию, исключительно с применением для этого необходимых аппаратно-программных и технических средств, копируемости, уничтожимости и т.д. требует соблюдения ряда условий при их использовании в доказывании по уголовным делам:

– установление технических характеристик, правил и стандартов работы с электронными данными и их носителями, техническими средствами и устройствами, в целях обеспечения достоверности, подлинности, целостности и сохранности «электронных» доказательств в ходе их собирания, проверки,

оценки, производства экспертизы, а также хранения в материалах уголовного дела;

– создание условий обеспечения конфиденциальности и информационной безопасности от несанкционированного доступа к электронной информации доказательственного значения, которые могут повлечь утечку данных, а также их изменение, уничтожение, повреждение и как следствие недопустимость использования в доказывании по уголовным делам;

– проведение экспертизы «электронных» доказательств на предмет установления их аутентификации, подлинности, достоверности и целостности, степени повреждения, возможности восстановления и расшифровки и т.д., что непосредственно влияет на допустимость их использования в уголовном процессе;

– применение соответствующих методик обнаружения, изъятия и фиксации «электронных» доказательств, разрабатываемых цифровой криминалистикой, с учетом общих характеристик и технических особенностей устройств хранения и носителей электронной информации (например, извлечение электронных данных с серверов облачных хранилищ требует применения специальных инструментов и методов, позволяющих безопасно извлекать информацию, соблюдая конфиденциальность и ее целостность, проводить дешифровку извлекаемых и восстановление скрытых данных, обеспечивать защиту от несанкционированного доступа ввиду многопользовательской природы облачных хранилищ и т.д.)

– проведение оценки и проверки допустимости «электронных» доказательств исходя из установления их аутентификации, идентификации с носителем, первоисточника получения денных, степени идентичности копируемых, восстанавливаемых и дешифруемых данных исходным, целостности, достоверности и неизменности с момента собирания и до окончательного исследования судебными инстанциями, ан протяжении всего производства по уголовному делу.

Приведенный перечень требований позволит выстроить эффективный алгоритм действий следователя при использовании в уголовно-процессуальном доказывании «электронных» доказательств, укрепляя тем самым доказательственную базу, при отсутствии надлежащего правового регулирования порядка применения в уголовном судопроизводстве доказательств в электронной форме. Кроме того, изложенное позволяет уверенно констатировать остро назревшую необходимость реформирования процесса доказывания по уголовным делам в условиях цифрового развития, привлечения внимания ученых, практиков и законодателя к проблемам не только национального, но и трансграничного собирания и передачи «электронных» доказательств, ввиду растущих масштабов преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, выходящих за пределы юрисдикции государств.

Список литературы:

1. Обзор МВД России по Оренбургской области «О состоянии работы территориальных органов МВД России на районном уровне по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий на территории Оренбургской области за 12 месяцев 2024 года».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: фед. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3. – С. 27 – 38.

4. Зайцев О. А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 8. – С. 93-112.

5. Зуев С.В., Зазулин А.И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 1. – С. 67-77.

6. Никурадзе Н.О. К вопросу об оценке «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве в контексте российского и зарубежного опыта // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2024. – № 508. – С. 258-269.

7. Lin, L., Zhang, L., Xu, F., Gabriel, B.M.V. (2023). Research on Cross-Border Electronic Evidence Network Forensics Cooperation and Response Mechanism. In: Abawajy, J.H., Xu, Z., Atiquzzaman, M., Zhang, X. (eds) Tenth International Conference on Applications and Techniques in Cyber Intelligence (ICATCI 2022). ICATCI 2022. Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies, vol 170. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29097-8_51

©Мищенко Е.В., Никурадзе Н.О., Марина Е.А., 2025

EDN: NHQGGR

Молунова Наталья Игоревна,
преподаватель кафедр уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России

Выбор надлежащей процедуры принудительного изъятия, предметов, документов и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела

Аннотация: статья посвящена исследованию вопроса выбора надлежащего следственного действия в случаях необходимости принудительного изъятия предметов, документов и иных объектов, значимых для расследования уголовного дела. Автор подчеркивает недопустимость подмены одних процессуальных действий другими, особенно когда речь идет о принудительных процедурах, ограничивающих конституционные права граждан. Новизна исследования заключается в систематизации существующих подходов к выбору оптимального вида следственного действия, направленного на обеспечение законности и справедливости в случаях принудительного изъятия предметов, документов и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Ключевые слова: следственные действия; меры принудительного воздействия; принудительное изъятие; предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела.

Изъятия предметов, документов и иных объектов, имеющих значение для уголовного играют ключевую роль в обеспечении полноты и объективности расследования уголовного дела (под «иными объектами» в настоящей статье, понимаются следы преступления, изымаемые в ходе освидетельствования, например: частицы пыли, пороха, волосы, ногтевые пластины, следы крови и иные биологические следы, обнаруженные на теле или одежде освидетельствуемого лица, а также образцы для сравнительного исследования изымаемые в порядке, предусмотренном ст. 202 УПК РФ к которым относятся: образцы крови, слюны, кожного эпителия и др.). Объекты материального мира, непосредственно связанные с событием преступления играют ключевую роль в уголовно-процессуальном доказывании.

Однако процедура непосредственного изъятия предметов, документов и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела, может быть осложнена следственной ситуацией, связанной с оказанием противодействия участниками уголовного судопроизводства. Распространённой формой такого противодействия является сознательное уклонение участника уголовного процесса от со-

трудничества с органами расследования путем игнорирования законных требований, в том числе и о добровольной выдаче предметов, документов и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела.

В целях устранения подобных препятствий в процессе доказывания нормы уголовно-процессуального закона предусматривают возможность принудительного изъятия материальных объектов, обладающих значимостью для расследования уголовного дела. Так, исходя из комплексного анализа норм уголовно-процессуального закона к принудительным способам собирания доказательств, можно отнести следующие виды следственных действий: освидетельствование (ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ)), получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ), личный обыск (ст. 184 УПК РФ), выемка (ст.183 УПК РФ).

Несмотря на то, что перечисленные следственные действия имеют свои особенности: различаются по целям, основаниям и порядку производства, в следственной практике зачастую возникает вопрос о правильном выборе подходящей процедуры принудительного изъятия в той или иной следственной ситуации. Неправильное определение сущности отдельных следственных действий ведет правоприменителя к их подмене, что в свою очередь грозит недостижением целей расследования, признанием результатов следственных действий недопустимыми доказательствами. Усугубляет ситуацию и то, что рассматриваемые процедуры тесно связаны с ограничением значительного объема прав участников уголовного процесса, что делает ошибку в выборе правильного следственного действия причиной существенного нарушения их прав и законных интересов.

Используя сравнительный анализ, рассмотрим подробнее перечисленные следственные действия и уделим особое внимание основным отличительным характеристикам каждого.

Личный обыск, следственное действие, предусмотренное ст. 184 УПК РФ, направленно на обнаружение и изъятие предметов и документов, значимых для уголовного дела, у конкретного лица. Возможность правомерного применения мер физического воздействия в ходе производства личного обыска усматривается из смысла закона. Учитывая высокий потенциал ограничения прав участников уголовного судопроизводства в рамках настоящего следственного действия его производство по общему правилу допускается в отношении подозреваемого или обвиняемого на основании судебного решения. За исключением личного обыска в ходе задержания, заключении под стражу или обыска при наличии обоснований о сокрытии значимых предметов лицом, в том числе не обладающим процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого. Важным требованиями производства личного обыска является обязательное привлечение понятых, а также одна половая принадлежность всех участвующих лиц в данном следственном действии.

Выемка, следственное действие, предусмотренное ст. 183 УПК РФ, направленное на изъятие предметов и документов при точном знании их местонахождения. Выемка в отличии от обыска не имеет разновидности «личная выемка»,

однако допускает возможность изъятие у конкретного лица [7, С. 112.]. Для проведения выемки достаточным юридическим основанием является постановление следователя. Закон не требует судебного разрешения и обязательного присутствие понятых в связи с тем, что выемка обладает меньшей сменяемостью прав [1, С. 41-42.], за исключением случаев копирования информации с изъятых электронных носителей, где участие специалиста и понятых обязательно.

При противодействии изъятию объектов материального мира возникает вопрос, когда следует применять личный обыск, а когда — выемку. Исходя из анализа следственно-судебной практики в рассматриваемой ситуации производство выемки является предпочтительной и более простой процедурой. Однако в случае оказания противодействия и быстрого перемещения предмета подозреваемым (обвиняемым) из одного места в другое теряется важное требование производства выемки-точное отражение в постановлении местонахождения, изымаемого предмета. Последнее исключает юридическую силу постановления о производстве выемки и может привести к незаконности действий органов расследования (подмене следственных действий). В таких ситуациях наиболее целесообразно производство личного обыска, осуществляемого по общему правилу с санкции суда, что требует временных затрат и является негативным аспектом в рассматриваемой ситуации. В случаях, если промедление в изъятии предмета, документа, имеющего значение для уголовного дела, может привести к утрате доказательств уголовно-процессуальный закон допускает производство личного обыска, в случаях не терпящих отлагательств, а именно по постановлению следователя с последующим судебным санкционированием (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Вместе с тем стоит обратить внимание на важную деталь, что производство личного обыска в отношении лиц, обладающих статусом подозреваемого (обвиняемого), не допускается [6, С. 260-261.] (за исключением, случаев, предусмотренных законом).

Не менее интересной является дискуссия о допустимости принудительного изъятия предметов и объектов, имеющих значение для уголовного дела в ходе производства освидетельствования. Принудительный характер самого освидетельствования предусмотрен законом и не вызывает сомнений (ст. 179 УПК РФ). В тексте закона четко определена цель, рассматриваемого следственного действия – обнаружение на теле следов преступления, особых примет, а также установление состояния опьянения. Вместе с тем стоит заметить, что прямого указания на возможность изъятия предметов и документов у освидетельствуемого лица в законе нет. На этот счет в теории уголовного процесса, можно встретить разные авторские позиции.

Ряд процессуалистов полагает, что изъятие предметов, документов и иных объектов в ходе производство освидетельствования категорически не допустимо. При возникновении необходимости, возникшей в ходе освидетельствования, изъять одежду авторы предлагают оформить это отдельным протоколом выемки и осмотром предметов [3, С. 100-103; 4, С. 36; 5, С.10-14].

Другая группа авторов придерживается противоположной позиции и считает беспорочным возможность изъятия необходимых предметов и объектов в ходе производства освидетельствования [2, С. 68-69].

Нам кажется наиболее правильной позиция авторов, допускающих изъятие предметов в ходе производства освидетельствована, что исходя из анализа ст. 179-180 УПК РФ является весьма логичным. Вместе с тем, полагаем необходимым отметить, что изъятие предметов в ходе освидетельствования имеет достаточно узкую сферу применения, касаясь преимущественно следов преступной деятельности, выявленных непосредственно на теле или одежде осматриваемого субъекта. Что касается иных предметов и документов, находящихся при лице, то они подлежат изъятию исключительно в порядке личного обыска или производства выемки.

Таким образом принудительное изъятие в ходе производства освидетельствования является допустимым, однако должно отвечать целям рассматриваемого следственного действия. При этом правоприменителям необходимо учитывать и процессуальное положение освидетельствуемого лица, так согласно нормам уголовно-процессуального закона возможность принудительного освидетельствования ставится в прямую зависимость от статуса участника уголовного судопроизводства.

Следующие следственное действие, которому необходимо уделить внимание - получение образцов для сравнительного исследования, возможность принудительного производства которого не противоречит закону [8, С. 76-78]. В уголовно-процессуальном законе отсутствует конкретизированный перечень объектов, которые могут быть получены в качестве образцов для сравнительного исследования. Статья 202 УПК РФ отражает виды образцов для сравнительного исследования достаточно лаконично: почерк и иные образцы для сравнительного исследования. По смыслу закона, анализу теории уголовного процесса и следственной практики к образцам, которые органы расследования могут получить в рамках ст. 202 УПК РФ относятся объекты жизнедеятельности организма либо продуктов его деятельности (кровь, слюна, сперма, голос, почерк, отпечатки папиллярных узоров), необходимых для производства сравнения с уже имеющимися следами в целях их идентификации, установления родовой или групповой принадлежности. Исходя из характера всех видов перечисленных образцов их можно разделить на две группы, где принадлежность к одной или другой будет определяющим условием решения вопроса о возможности их принудительного получения.

К первой группе относятся образцы, которые получить принудительно объективно невозможно (например, образцы почерка и голоса). В случае противодействия при получении данных видов образцов, применение физического принуждения категорически запрещено. В такой ситуации органам расследования следует прибегнуть к их получению иными способами.

Ко второй группе относятся образцы, которые при наличии оснований и соблюдении общих условий применения принудительных мер физического воздействия возможно, к таким образцам относятся биологические материалы (например, образцы крови, слюны, волос, ногтевые пластины и др.).

Изложенное позволяет утверждать, что выбор надлежащего следственного действия в следственных ситуациях оказания противодействия изъятию предметов, документов и иных объектов у участников уголовного процесса зависит от следующих факторов:

- процессуальное положение участника, у которого необходимо получить объект (подозреваемый (обвиняемый) / иные участники);

- наличие достаточного количества времени на составление юридического основания следственного действия (постановление следователя/постановление суда) и вызова необходимых участников (понятые, специалисты и другие);

- необходимость в самостоятельной процедуре изъятия или изъятие в рамках другого следственного действия (например, личный обыск в рамках традиционного обыска или выемка по завершении допроса и др.);

- характер получаемых объектов (например, при получении образцов для сравнительного исследования).

К сказанному следует добавить, что обозначенные проблемы требуют дальнейшего научного осмысления и разрешения, также отметим, что помимо обозначенных проблем в дальнейших исследованиях интересно обратить внимание на вопросы связанные с подменой получения образцов для сравнительного исследования освидетельствованием, а также принудительным изъятием предметов, имеющих значение для уголовного дела скрываемых внутриполостным способом.

Список литературы:

1. Валиев, Р.Ш., Корнуков, В.М. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании / Валиев Р.Ш., Корнуков В.М. – Саратов: ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2007. – 208 с.

2. Глазунова, И.В., Кудрявцев, П.А. Освидетельствование как способ обнаружения и фиксации следов при расследовании преступлений // Вестник Российской таможенной академии. – 2017. – № 2. – С. 68-69.

3. Диденко, Н.С., Колбасина Е.Е. Процессуальные проблемы производства освидетельствования как следственного действия // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 1. – С. 100-103.

4. Егоров, Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистика. Руководство по производству следственных действий: учеб.-практ. пособие. – М., 2016. – 617 с.

5. Мамошин, М.А. Особенности изъятия предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Научный портал МВД России. – 2016. – № 3. – С. 10-14.

6. Молунова, Н. И. Выемка и личный обыск: сравнительный анализ двух процедур, направленных на принудительное изъятие предметов у участников уголовного судопроизводства / Н. И. Молунова // Актуальные проблемы борьбы

с преступностью: вопросы теории и практики : Материалы XXVIII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 03–04 апреля 2025 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 260-261.

7. Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение Общ. концепция. Неприкосновенность личности / И. Л. Петрухин; Отв. ред. И. Б. Михайловская. – Москва : Наука, 1985. — 239 с.

8. Судницын, А.Б Принудительное получение биологических образцов для сравнительного исследования: нормативная регламентация, складывающаяся практика, рекомендации правоприменителям // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 76-78.

© Молунова Н.И., 2025

EDN: NHYZNU

Монетов Антон Генадиевич,
преподаватель кафедры
теории права и публично-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина»

К вопросу о некоторых проблемах производства следственных действий

Аннотация: в статье рассматривается важность правового регулирования следственных действий, являющихся основным инструментом производства предварительного следствия. Актуальность исследования заключается в том, что от эффективности выполнения следственных действий зависит ход расследования, соблюдение основополагающих принципов уголовного процесса. Научная новизна работы проявляется в обобщении и выявлении некоторых проблем производства следственных действий.

Ключевые слова: следственное действие; опознание; судебная экспертиза; следователь; процессуальное действие.

Полноценное и эффективное производство по уголовному делу возможно только в том случае, если следователь (дознаватель) активно применяет самые различные следственные действия, направленные на поиск, выявление и фиксацию доказательств. Именно особая функция и роль следственных действий в уголовном процессе обуславливает необходимость правильного применения норм УПК, регламентирующих проведение вышеуказанных процессуальных действий.

Как отмечают И.И. Короленко, Е.Ю. Драгунова на досудебных стадиях возможны процессуальные ошибки, возникающие как в следствие неправильного применения уголовно-процессуального законодательства, так и в силу некачественной работы следователя при сборе доказательств [1, с. 10].

Следственные действия являются наиболее часто встречающимися процессуальными действиями, осуществляемыми в ходе уголовного судопроизводства, однако не все процессуальные действия являются следственными, в связи с тем, что часть из них не направлена на сбор, фиксацию и оценку доказательств.

Как отмечает Е.И. Спектор пробел в правовом регулировании – это состояние правовой неопределенности, возникающее вследствие полного либо частичного отсутствия объективно необходимого звена в системе юридического воздействия на общественные отношения [2, с.15].

В регламентации следственных действий можно отметить такой пробел в законодательном регулировании, как наличие легально закрепленного понятия процессуального действия, но в то же время отсутствие дефиниции, определяющей, что из себя представляет следственное действие. Так, согласно ч.32 ст.5 УПК РФ следует, что процессуальное действие – это следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ.

Отсутствие легального определения следственного действия в уголовно-процессуальном законодательстве создает предпосылки для активной теоретической разработки вышеуказанного понятия. В доктрине сформировалось два подхода: широкий и узкий.

Согласно первому следует, что следственные действия – это все действия, совершаемые следователем в ходе производства по делу. Ученые, поддерживающую вторую точку зрения, полагают, что следственные действия – это те процессуальные действия, которые направлены на поиск доказательств [3, с.124].

Целесообразно согласиться именно с узким подходом, так как широкий подход не раскрывает сущность следственного действия. В свою очередь узкий подход логично обосновывает соотношение между процессуальными и следственными действиями как между целым и частью. Еще одним аргументом, подтверждающим правильность узкого подхода является то, что следственные действия являются двигательной силой такой стадии уголовного процесса как предварительное расследование.

Формулирование понятия следственного действия возможно путем рассмотрения его характерных признаков:

1) особое функциональное назначение, заключающееся в обнаружении, фиксации и исследовании доказательств, при регламентации отдельных следственных действий законодатель закрепляет более частные цели, например, в ч.16 ст.182 УПК РФ предусмотрено, что обыск может быть осуществлен с целью обнаружения разыскиваемых лиц и трупов;

2) следственное действие может осуществляться только на основе особого процессуального основания – постановления, вынесенного лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, при этом отдельные следственные действия, затрагивающие основные конституционные права и свободы человека могут проводиться только по судебному решению. В научной литературе также подчеркивается, что осуществление следственных действий после вынесения постановления позволяет повысить дисциплину сотрудников правоохранительных органов, а также влияет на качество оценки собранных данных [4, с.37];

3) проведение следственных действий может сопровождаться применением мер государственного принуждения, в результате чего становится возможным достижение целей вышеуказанный действий, при этом меры государственного принуждения могут причинять как физическое, так и моральное, материальное воздействие.

Таким образом, для достижения законности, сохранения логики в изложении норм УПК, регламентирующих проведение процессуальных действий, целесообразно закрепить на законодательном уровне легальное понятие следствен-

ных действий, под которыми следует понимать, процессуальные действия, осуществляемыми должностными лицами, основанные на государственном принуждении, с целью выявлении, фиксации, исследовании и проверки доказательств по уголовному делу.

Достаточно серьезной проблемой правового регулирования, встречающейся как в материальных, так и процессуальных отраслях права, является использование законодателем оценочных понятий.

Как отмечает Н.С. Ермишина актуальной тенденцией уголовно-процессуального права является увеличение количества оценочных понятий, что позволяет реформировать законодательство [5, с.45].

С одной стороны, не используя оценочные понятия, нельзя полностью и детально регламентировать все жизненные ситуации, встречающиеся на практике. С другой стороны, применение оценочных понятий имеет ряд недостатков. Прежде всего, правоприменители могут по-разному подходить к трактовке оценочных понятий, в результате чего возможна практика, когда при похожих ситуациях одни и те же правовые нормы будут применяться различным образом. Применение оценочных понятий также создаст предпосылки для возникновения дискреционных полномочий.

Использование оценочных понятий не обошло и правовое регулирование института следственных действий. Часть 3 ст.170 УПК РФ регламентирует проведение следственных действий с участием понятых, указывая при помощи оценочного понятия, случай, при котором лицо, ведущее производство по делу, вправе не привлекать понятых. В частности, это проведение следственного действия в труднодоступной местности. Помимо этого, в подобном случае возможно также и не применение технических средств контроля.

Однако, иногда, если не привлечь к участию в следственном действии понятого, то возникнут предпосылки для нарушения прав и законных интересов участников уголовного процесса, помимо этого, возможны и злоупотребления со стороны следствия.

Представляется, что на уровне ведомственных актов следует разработать систему критериев, позволяющих определять и признавать, ту или иную территорию в качестве труднодоступной.

Рассматривая регламентацию и практику реализации некоторых следственных действий, можно выделить ряд специальных проблем, характерных только для конкретного следственного действия. Достаточно часто в ходе следствия проводится предъявление для опознания. В рамках данного следственного действия опознающий, обладающий различным процессуальным статусом, может узнать человека, предмет материального мира, иной объект, с которым он ранее взаимодействовал.

Одной из проблем вышеуказанного процессуального действия является надлежащее обеспечение безопасности добросовестных участников уголовного процесса, а именно свидетеля, потерпевшего, которые могут подвергаться давлению для изменения показаний по уголовному делу. Важность полноценного обеспечения безопасности опознающих заключается в том, что если такие условия не будут созданы следствием, то свидетель или потерпевший, опасаясь за

свою личную безопасность, безопасность близких, может дать неправдивые показания, в том числе и в интересах лица, совершившего преступление.

Часть 8 ст.193 УПК РФ выступает гарантией того, что опознающему могут быть предоставлены гарантии безопасности при принятии следователем соответствующего решения, в результате чего предъявление для опознания будет производиться при помощи специальной комнаты, исключающий видимый контакт между участниками данного следственного действий.

В то же время не всегда помещения следственных подразделений могут быть оборудованы такими специальными комнатами, в силу чего безопасность опознающего нельзя полностью обеспечить. Однако, в век развития современных технологий возможно применение дистанционных каналов связи и при проведении следственных действий, в том числе и предъявления для опознания, в результате чего будет полноценно обеспечена безопасность опознающего.

Целесообразно в ч.8 ст.193 УПК РФ предусмотреть возможность применения видео-конференц связи при предъявлении для опознания.

Определенные проблемы имеются в нормах, регламентирующих назначение экспертизы по уголовному делу. Судебная экспертиза может быть рассмотрена в качестве разновидности следственного действия несмотря на то, что законодатель в УПК РФ полноценно не раскрывает, что из себя представляет судебная экспертиза.

В научной литературе также существует точка зрения, согласно которой следует, что экспертиза – это деятельность исключительно следственная, хотя она и может осуществляться за пределами предварительного следствия.

Представляется, что судебная экспертиза – это комплексный институт, включающий в себя как следственные, так и судебные действия. Прежде всего, стоит отметить, что экспертиза является процессуальной деятельностью, которая направлена на исследование тех или иных с целью установление обстоятельств, имеющих значение для дела. Помимо этого, экспертиза назначается лицом, осуществляющим следствие, именно данный субъект ставит вопросы, которые должны разрешиться в ходе проведения исследования. Экспертиза завершается составлением заключения эксперта, которое признается полноценным доказательством. В силу этого назначение судебной экспертизы может быть отнесено к следственным действиям.

Инициатива назначения судебной экспертизы полностью принадлежит следователю, в силу чего сторона защиты может лишь подать ходатайство о проведении той или иной экспертизы. Однако, лицо, осуществляющее производство по делу, не обязано удовлетворять ходатайство адвоката о назначении экспертизы, так как это всего лишь его право, а не обязанность. В то же время отказы в назначении и проведении экспертиз, в том числе и повторных экспертиз, может отрицательно сказаться на ходе следствия, в результате чего не будет установлена истина. Именно повторные экспертизы играют большую роль в процессе доказывания, так как они позволяют уточнить результаты первоначальной экспертизы, устранить все неточности и сомнения. В силу чего представляется не-

обходимым внести дополнения в ст.207 УПК РФ, предусмотрев в ней, что в случае заявления ходатайства о проведении повторной экспертизы, то последняя должна назначаться в обязательном порядке.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования норм, регламентирующих проведение следственных действий, так как от их реализации зависит эффективность расследования, соблюдение основополагающих принципов уголовного процесса, помимо этого, оптимизация позволит устранить существующие правовые пробелы, которые возникают в силу дефектов законодательства.

Список литературы:

1. Короленко, И. И. Следственные ошибки как фактор, препятствующий осуществлению правосудия / И. И. Короленко, Е. Ю. Драгунова // Российский следователь. – 2017. – № 8. – С. 10-13.
2. Спектор, Е. И. Проблемы в законодательстве и пути их преодоления : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.И Спектор. – Москва, 2003. – 21 с.
3. Сватиков, Р. В. Понятие и признаки следственного действия / Р. В. Сватиков // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2(38). – С. 124-127.
4. Кальницкий, В. В. Следственные действия / В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – 172 с.
5. Ермишина, Н. С. Оценочные понятия и их влияние на обеспечение прав личности при принятии решений по уголовным делам / Н. С. Ермишина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2(17). – С. 44-46.
6. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – Москва : Норма, 2005. – 527 с.

© Монетов А.Г., 2025

EDN: NUPFGI

Мухортова Юлия Павловна,
преподаватель кафедры управления персоналом
и воспитательной работы
Санкт-Петербургского университета МВД России,

Правовые условия прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба или деятельным раскаянием в качестве альтернатив уголовному преследованию

Аннотация: статья посвящена исследованию правовых условий прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба или деятельным раскаянием в качестве альтернатив уголовному преследованию. Анализируется, как принцип презумпции невиновности, являясь основополагающим гарантом прав личности, проявляется в механизмах прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Раскрываются преимущества такого подхода для всех участников уголовного судопроизводства. Одновременно рассматриваются ключевые проблемы, связанные с объективной оценкой адекватности предложенных мер и риском формального исполнения обязательств, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: альтернативы уголовному преследованию; прекращение уголовного преследования; возмещение ущерба; заглаживание вреда; деятельное раскаяние; презумпция невиновности; баланс интересов.

Стремление к гуманизации и эффективности уголовного судопроизводства современных правовых систем определяет активное развитие и применение альтернативных уголовному преследованию мер, направленных на восстановление социальной справедливости и ресоциализацию правонарушителей. Однако их реализация, вне зависимости от формы (примирение сторон, деятельное раскаяние, судебный штраф и пр.), требует особого внимания к соблюдению фундаментального права каждого человека на презумпцию невиновности, а также гарантий неприкосновенности и справедливого отношения на всех этапах судебного разбирательства.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству, общими условиями применения альтернатив уголовному преследованию являются:

- совершение лицом преступления небольшой либо средней тяжести (исключение – ст. 28.2 УПК РФ);

- согласие всех сторон уголовного судопроизводства с их применением к лицу, совершившему преступление (исключение – ст. 28.2 УПК РФ);

- совершение лицом преступления впервые (исключение – ст. 28.2 УПК РФ);

- возмещение ущерба, причиненного потерпевшему, либо заглаживание причиненного вреда иным образом.

Одним из ключевых проявлений модернизации уголовного права и процесса является возможность прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба (ст.76.1 УК РФ) и деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) при соблюдении главного условия – компенсации в полном объеме причиненного в результате преступления ущерба бюджетной системе Российской Федерации или заглаживания вреда иным образом, лицом, совершившим преступление. Данный институт направлен на достижение социальной справедливости, облегчение нагрузки на судебную систему и предоставление виновному лицу возможности интеграции в общество. Его суть заключается в активных действиях виновного лица, которое, признав свою вину, стремится компенсировать последствия своего преступления в двух основных формах: возмещении материального ущерба, направленном на покрытие финансовых потерь потерпевшего, и заглаживание вреда иным образом, охватывающем более широкий спектр мер (публичное раскаяние, помощь потерпевшему, восстановление испорченной репутации или имущества, и любые другие действия, способствующие восстановлению нарушенных прав и минимизации негативных последствий для пострадавшей стороны) [2].

Для успешной реализации данного механизма необходимо соблюдение ряда условий:

- признание вины подозреваемым (обвиняемым),

- добровольность его действий по возмещению или заглаживанию вреда,

- а также, в большинстве случаев, согласие потерпевшего, который должен оценить предложенные меры как достаточные [1].

Как правило, институт прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба или деятельным раскаянием применяется при расследовании преступлений небольшой или средней тяжести, поскольку он ориентирован на восстановительные и превентивные цели правосудия.

Преимущества данного института:

- способствует восстановлению социальной справедливости, позволяя потерпевшим получить компенсацию и чувствовать себя защищенными;

- открывает путь к ресоциализации виновных, давая им шанс искупить вину и вернуться к законопослушной жизни;

- снижает нагрузку на судебную систему.

Принцип презумпции невиновности при прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям выступает как инструмент достижения баланса интересов между подозреваемым (обвиняемым), потерпевшим и субъектами уголовного преследования. Законодатель, признавая возможность виновного лица избежать уголовной ответственности, уделяет особое внимание соблюдению условий, удовлетворяющих права и интересы других участников процесса.

Для подозреваемого (обвиняемого) реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного преследования ввиду возмещения ущерба или деятельного раскаяния представляет собой возможность избежать формального осуждения за фактически совершенное преступление; недопущение негативных последствий судимости (социальная стигматизация, ограничения в трудоустройстве и т.д.); предоставление шанса на восстановление репутации и возможности продолжить жизнь без бремени судимости.

С точки зрения потерпевшего, принцип презумпции невиновности в данном случае работает опосредованно, создавая условия для быстрого восстановления справедливости. Вместо длительного и изматывающего судебного процесса потерпевший получает возможность вернуть ситуацию, обстановку и статус, максимально приближенные к допреступным событиям, что сопровождается реальным возмещением причиненного материального ущерба (возврат похищенного, компенсация расходов на лечение и возмещение утраченного заработка), а также заглаживанием морального вреда через публичные извинения, оказание помощи или другие действия, направленные на восстановление его прав и морально-психологического состояния.

Субъекты уголовного преследования, реализуя данный принцип, получают значительную экономию «репрессивных ресурсов», обеспечивая сокращение затрат на проведение следственных действий, оплату экспертиз, организацию судебных заседаний, а также на исполнение назначенного судом наказания. Такая экономия позволяет сосредоточить усилия и ресурсы на более сложных, резонансных или общественно опасных преступлениях, где альтернативные меры неприменимы.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, применение данного института сопряжено с определенными трудностями. К ним, в первую очередь, относятся сложность объективной оценки и обоснования предложенного возмещения или заглаживания вреда, особенно в случаях морального ущерба, риск формального исполнения виновным своих обязательств без истинного раскаяния.

Так, в отличие от материальных потерь, которые можно подсчитать, степень моральных страданий трудно поддается точному измерению, что создает неопределенность для правоприменителей и возможность разночтений при принятии решений.

Для решения этой проблемы предлагается разработать и внедрить рекомендательные методики, содержащие примерные шкалы оценки морального вреда, основанные на анализе судебной практики и экспертных заключений. Для этого могут быть также привлечены квалифицированные специалисты (психологи, педагоги, социальные работники) для оказания помощи в оценке предложенных виновным мер. Приоритетным фактором должно оставаться мнение потерпевшего, который наиболее точно понимает, насколько предложенные действия способны компенсировать причиненный вред. Гибкие рамки применения, а также развитие института медиации могут способствовать достижению взаимоприемлемых решений.

Другой серьезной трудностью является риск формального исполнения виновным лицом своих обязательств по возмещению ущерба или заглаживанию

вреда без искреннего раскаяния. В такой ситуации, когда виновный соглашается на компенсацию лишь для того, чтобы избежать наказания, цели восстановительного правосудия не достигаются. Совершивший преступление может не осознавать всей тяжести содеянного, что способно привести к повторным преступлениям и его дальнейшей криминализации.

Важную роль здесь играет индивидуальный подход к каждому делу, учет личности виновного, его поведения в прошлом и обстоятельств совершения преступления.

Также может быть целесообразным установление механизма отмены решения о прекращении уголовного преследования, если впоследствии будет установлено, что обязательства были выполнены формально. Применение более строгих мер в случае рецидива или при отсутствии должного раскаяния, а также соответствие предлагаемых мер характеру преступления позволяют свести этот риск к минимуму.

Таким образом, институт прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба или деятельным раскаянием является правовым инструментом, способствующим гуманизации правосудия, восстановлению социальной справедливости и ресоциализации правонарушителей. Несмотря на определённые трудности, связанные с объективной оценкой адекватности компенсации, особенно морального вреда, и риском формального исполнения обязательств без искреннего раскаяния, эти проблемы могут быть успешно решены путем приоритетного учета мнения потерпевшего, развития медиации и индивидуального подхода к каждому делу. Успешная реализация данного института требует от всех участников процесса приверженности принципам справедливости, ответственности и стремления к восстановлению нарушенных прав.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета от 5 июля 2013 г. № 145.

2. Антонович, Е.К. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина. - 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 448 с.

© Мухортова Ю.П., 2025

EDN: MTVWMH

Николюк Вячеслав Владимирович,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Современное уголовно-процессуальное право России: внутренняя организация норм; общая и особенная части; институты (подинституты) и подотрасли уголовно-процессуального права; особые производства; межотраслевые связи; УПК и закон об ОРД

Аннотация: в статье показывается взаимосвязь юридической науки, в том числе уголовно-процессуальной науки, с экономическими отношениями, политикой, реализуемых в обществе и государстве. Отмечаются различные формы воздействия уголовно-процессуального права на субъектов уголовно-процессуальных отношений. В этой связи подчеркивается значимость принятия качественного законодательства об уголовном судопроизводстве и поддержание его в оптимальном состоянии. Обозначаются первоочередные задачи, решение которых позволит усовершенствовать внутреннюю архитектонику УПК РФ.

Ключевые слова: право; уголовно-процессуальное право; юридическая наука; уголовно-процессуальная наука; правовой институт; отрасль права.

Право и законодательство, юридическая наука тесно связаны с экономикой и политикой, отражают их состояние. Политические решения, экономические реформы значимы лишь при условии придания им правового формата и юридической силы. Убедительным подтверждением влияния уголовно-процессуального права на экономические отношения служит установленный в УПК РФ особый процессуальный режим (порядок) уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. В настоящее время уже не обсуждается оправданность дифференциации процессуальных форм уголовного преследования лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений этой категории [1]. Вопрос формулируется иначе: какими процессуальными средствами можно повысить эффективность уголовного судопроизводства в экономической сфере с целью обеспечения неотвратимости наказания за посягательства на экономические отношения, являющиеся фундаментом государства и общества [2].

Именно нормы уголовно-процессуального права определяют механизм охраны прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем в УПК РФ сконцентрирован мощный принудительный потенциал (например, раздел IV «Меры процессуального принуждения»), который в том или ином варианте используется фактически по каждому расследуемому и рассматриваемому в суде уголовному делу. Так, если в качестве примера взять меру пресечения в виде заключения под стражу, то мы увидим, что в 2022 г. данная мера принуждения применялась в отношении 87,7 тыс. подозреваемых или обвиняемых, в 2023 г. и в 2024 г. заключено под стражу одинаковое число уголовно-преследуемых лиц – 82,5 тыс. Предварительно смирившись с практикой длительных «досудебных арестов» обвиняемых, правозащитники уже давно абстрагировались от ранее сформулированной ими же проблемы преодоления необъективности судьи при рассмотрении уголовного дела по существу в связи с избранием судьей по этому же делу меры пресечения в виде заключения под стражу. Их усилия сегодня направлены на разрешение гуманитарных вопросов, касающихся условий содержания под стражей арестантов, оказания им квалифицированной медицинской помощи.

В теории уголовного процесса аргументированно утверждается, что уголовно-процессуальное право (функционирующая система) оказывает целенаправленное воздействие на разные группы общественных отношений, непосредственно влияя на поведение субъектов уголовно-процессуального права, осуществляющих реализацию его предписаний, и опосредованно – на поведение иных социальных факторов (государство, общество, социальные группы) [3, с. 15]. При таких обстоятельствах изначально приоритетным становится обеспечение принятия качественного законодательства, в данном случае уголовно-процессуального, которое бы служило надежным юридическим навигатором или «маячными огнями», безошибочно определяющими траекторию движения всех участников уголовного процесса.

Среди ученых-процессуалистов периодически возникают дискуссии по вопросу о целесообразности или преждевременности замены действующего УПК РФ на новый, способный выступить регулятором определенной группы социальных отношений. Здесь надо заметить, что сторонников радикального способа обновления уголовно-процессуального законодательства, т.е. принятие нового кодекса с утратой силы предыдущего, значительно сокращается, когда подобные предложения пытаются перевести в практическую область и определить коллектив будущих законотворцев.

Полагаю, что в условиях, когда обществу, государству, науке (в том числе юридической науке) предъявлены серьезные внутренние и внешние вызовы, которые нелегко преодолеть, первоочередными задачами отечественного правоведения и конкретных отраслевых наук следует признать:

1. Критический анализ используемых методологий научных исследований, которые не должны разделять юридическую науку и юридическую, социальную практику; последняя выступает своеобразным «испытательным полигоном» для

получения негативного и позитивного опыта реализации в рамках государственно-правовых институтов заложенных в них теоретических конструкций [4, с. 53].

2. В методологическом аспекте (во всяком случае это характерно для научных исследований в области уголовного процесса) катастрофически выглядит картина, отражающая использование таких социологических инструментов как юридический прогноз и правовой эксперимент. Изучение методологической части 200 кандидатских и докторских диссертаций, выполненных по юридическим наукам в 2015-2024 годах, показало, что лишь в одной докторской диссертации заявлялось о применении автором метода юридического прогнозирования, однако в тексте диссертации это подтверждения не нашло.

Требует распространения для практического использования опыт Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, который проводит непрерывные исследования закономерностей и тенденций государственно-правового развития, обосновывает (прогнозирует) модели оптимальных законодательных регуляторов. Такие прогнозы становятся возможными, поскольку сотрудники Института ведут изыскания по разносторонней правовой проблематике, активно участвуют в законотворческой и научно-экспертной деятельности.

3. В последние годы отмечаются новые оригинальные подходы к исследованию системы российского права, перспектив его развития, влияния через межотраслевые институты на системность конкретных отраслей права. Применительно к уголовно-процессуальному праву актуализировался вопрос о внутренней организации нормативного материала в УПК РФ. В учебной литературе внутренняя архитектоника УПК РФ отдельно не затрагивается. В научных источниках внутреннее построение данного сложного по своей законодательной конструкции закона не рассматривается и не относится к числу теоретических категорий. Система уголовно-процессуального права России, по представлениям Л.В. Головко, выглядит следующим образом: она состоит из четырех частей, объединяющих нормы и институты. Квартет частей составляют: 1) общие положения («Общая часть»); 2) положения о досудебном производстве; 3) положения о судебном производстве; 4) положения об особых порядках уголовного судопроизводства. «Три последних из указанных частей, – делает оговорку автор, – в своей совокупности формируют единую особенную часть уголовно-процессуального права, противопоставляемую общей части (общим положениям)» [5, с. 62]. Предложенная система уголовно-процессуального права весьма спорна и подлежит отдельному рассмотрению.

Несомненный интерес имеет иногда озвучиваемая идея размежевания в УПК РФ Общей и Особенной частей. Нередко об этом говорят как о факте уже свершившемся. Однако это далеко не так. Авторы некоторых учебников либо курсов по уголовному процессу слишком свободно трактуют границу между нормативными массивами, которые в будущем должны наполнить соответственно Общую и Особенную части УПК РФ.

В 1989 г. издательство «Юридическая литература» выпустило в свет курс уголовного процесса с выделением в нем общей части. Он был задуман и подготовлен авторами больше как научное, чем учебное издание. С чувством гордости члены авторского коллектива называли его «Общей частью процессуальной науки» и посвятили пять глав вопросам истории и состоянию уголовно-процессуальной науки. В контексте концепции данного научного труда и его содержания заслуживают быть специально отмеченными самостоятельные главы о правосудии, источниках и институтах уголовно-процессуального права, значений судебной этики. Ну и конечно же вызывает уважение обстоятельность и полнота освещения, раскрытия сложных понятий и категорий уголовно-процессуального права, часть из которых была введена в научный оборот сравнительно недавно. В качестве рассекающих уголовно-процессуальное право на Общую и Особенную части элементов выступили правовые институты «Меры пресечения» и «Доказательства и доказывание» [6].

В «Курсе уголовного судопроизводства», изданного в 3-х томах в 2006 году под ред. В.А. Михайлова, его структура полностью повторяет структуру УПК РФ вместе с его четырьмя частями: общие положения; досудебное производство; судебное производство; особый порядок уголовного судопроизводства [7]. По архитектонике и содержанию данного курса уголовного судопроизводства, по стилю изложения материала он значительно ближе к учебнику, о чем, собственно, и заявлено в самом названии издания. Отдельные признаки «академического классического курса уголовного процесса» в указанном издании проявляются в содержании первого раздела учебника, где была предпринята не безуспешная попытка показать такую сторону уголовного судопроизводства как его научные основы. Поэтому очевидно, что в данном случае рассмотренный учебный материал не достиг того теоретического уровня, который был бы достаточен для постановки вопроса о его реструктуризации с выделением в нем Общей и Особенной частей.

Ошибочно также мнение процессуалистов, считающих, что разделение кодекса на Общую и Особенную части не имеет практического значения, и граница между ними условна.

Позволим не согласиться с данной точкой зрения. В силу жестких связей между правовыми институтами одной отрасли права произвольное их размещение в кодексе противоестественно. Иначе можно ослабить регулятивный потенциал норм и институтов, объединяющихся для упорядочения однородных общественных отношений.

В рамках оптимизации внутренней архитектоники уголовно-процессуального кодекса актуальными смотрятся положения, отражающие такие важные институциональные понятия как источники уголовно-процессуального права (с учетом признания правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации источниками права понятие «источники уголовно-процессуального права» подлежит кардинальному пересмотру). Поддерживаемый многими авторитетными учеными (В.П. Божьев, К.Ф. Гуценко) на протяжении ряда лет тезис

«Уголовно-процессуальный кодекс – единственный источник уголовно-процессуального права» уже не отражает реального правоприменения и в перспективе перечень таких источников с большой степенью вероятности будет расширяться и дальше.

Использование в названии части четвертой УПК РФ термина «особый порядок уголовного судопроизводства», в разделах XXVI и XXVII УПК РФ выражения «особенности производства по отдельным категориям уголовных дел», выделение в отдельных учебных изданиях самостоятельной главы «Особые производства в уголовном процессе» привело к определенной путанице, смешению приведенных понятий и искажению назначения каждого из данных терминов в уголовном судопроизводстве или неточному выявлению их правовой природы. В данном случае ограничимся замечанием о том, что в уголовно-процессуальной теории феномену «особые производства в уголовном процессе» придается следующий смысл: при необходимости рассмотрения судом судебных дел, возникающим при поступлении в суд заявлений, ходатайств, жалоб, представлений суд использует специально установленные УПК РФ процедуры, не имеющие ничего общего с регламентом рассмотрения уголовных дел по существу. Особые производства в уголовном процессе, согласно данной точке зрения, по своему происхождению не являются следствием дифференциации уголовного процесса [8]. Таким образом, обозначенная ситуация в ближайшее время, как прогнозируется, непременно станет предметом более детального исследования со стороны ученых.

Указанные выше проблемные вопросы, далеко не исчерпывают перечень не менее актуальных направлений совершенствования внутреннего устройства УПК РФ. На очереди, например, разработка частной теории феномена «подотрасли уголовно-процессуального права». Фактически активизировались теоретические исследования темы «межотраслевые связи уголовно-процессуального права». По ряду причин объективного характера, в частности обусловленных «революцией» в доктрине источников права, неизбежно уточнение понятия и признаков правового института. Имеются достаточные предпосылки для ревизии понятийного аппарата уголовно-процессуальной теории. Данные и многие другие вопросы предстоит решить в ходе грядущих исследований.

Список литературы:

1. Сычев, П. Г. О пределах дифференциации уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Российская юстиция. – 2017. – № 6. – С. 31-34.

2. Постановление Пленум Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КоонсультантПлюс Версия Проф» (дата обращения 10.11.2025 г.)/

3. Диваев, А. Б. Эффективность уголовно-процессуального воздействия : автореферат дис. … докт. юрид. наук. – Омск, 2025.

4. Лазарев, В. В. Избранное последнего десятилетия : Изд-во Норма, 2020. 760 с.
5. Головко, Л. В. Курс уголовного процесса. – М., 2020.
6. Курс советского уголовного процесса. Общая часть // Под ред. А. Д. Бойкова и И.И. Карпеца. – М., 1989. – 638 с.
7. Курс уголовного судопроизводства: учеб. В 3 т. / Под род. В. А. Михайлова. – М., 2006.
8. Пупышева, Л. А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (общетеоретические и отраслевые аспекты) // Мировой судья. – 2021. – № 8. – С. 24-31.

© Николюк В.В., 2025

EDN: MZSJRC

Оганесян Артак Робертович,
начальник кафедры уголовного права и уголовного процесса образовательного комплекса МВД Республики Армения
кандидат юридических наук, доцент

Некоторые вопросы уголовно-процессуального статуса розыскного производства

Аннотация: в новом уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения (далее также: УПК РА) [1] внедрена модель дознания, которая, на наш взгляд, имеет ряд существенных пробелов. Предметом данного исследования являются вопросы статуса розыскного производства, которое ведется параллельно уголовному производству, и действий, совершенных в рамках данного производства, а также полученных в результате этого данных.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; доказательства; допустимость доказательств; оперативно-розыскная деятельность; розыскное производство; негласные следственные действия.

Значение результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), особенно в раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в неочевидных условиях, трудно переоценить. Как справедливо отмечает В.Ю. Стельмах, «При расследовании уголовных дел результаты оперативно-розыскной деятельности имеют важнейшее значение. Можно без особого преувеличения констатировать, что некоторые обстоятельства преступлений вообще не могут быть установлены иным путем» [2, С. 1].

С помощью оперативно-розыскного инструментария фиксируется уникальная информация, которую часто невозможно получить повторно в рамках следственных действий, поскольку процессы объективной реальности завершены и неповторимы.

Исторически сложилось так, что результаты оперативно-розыскной деятельности долгое время были исключительно ориентирующими и не использовались напрямую в качестве доказательств. Информация, полученная из секретных источников, как правило, передавалась следователю устно и служила основой для проведения следственных действий.

Отсутствие законодательного акта, регулирующего ОРД в РА (до 2007 г.), и конфиденциальность ведомственных нормативных актов сделали невозможным прямое использование ее результатов в уголовном производстве.

С принятием оперативно-розыскного закона РА [3] и развитием технических средств фиксации информации ситуация существенно изменилась. Современные технические средства позволяют получать объективные данные (аудио - и видеозаписи, фотографии и т.д.), которые очень часто уникальны по своему информационному содержанию и, что немаловажно, максимально «не обременены» человеческим фактором.

Эти обстоятельства не могли быть незамеченными при проведении реформ уголовно-процессуального законодательства Республики Армения, которые стартовали в 2011 г. с принятием концепции нового уголовно-процессуального кодекса РА (далее: Концепция) [4]. В Концепции были отражены наиболее «революционные» идеи будущего уголовно-процессуального закона. Одной из таких идей была инкорпорация оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальный закон (в части раскрытия преступлений) и ее отождествление с понятием «дознание» (п. 1.18 концепции), а также упразднение стадии возбуждения уголовного дела и отказ от дознания как от самостоятельной формы предварительного расследования.

Между тем, при осуществлении инкорпорации ОРД в УПК РА эта деятельность была сведена к тем оперативно-розыскным мероприятиям, которые в уголовно-процессуальном законе получили статус негласных следственных действий.

При этом, идея о том, что в уголовно-процессуальный закон была инкорпорирована часть оперативно-розыскной деятельности, относящаяся к раскрытию преступлений, также проблематична, поскольку те же самые оперативно-розыскные мероприятия являются инструментами как раскрытия, так и профилактики преступлений, а также розыска лиц.

Как мы увидим ниже, такой подход привел к практическим проблемам.

Итак, новый УПК РА лишил следователя полномочия объявить в розыск. Представляется, что законодатель руководствовался идеей о том, что объявление в розыск и сама процедура осуществления розыска обвиняемого являются инструментами сугубо полицейской (оперативно-розыскной) деятельности. По крайней мере, в Концепции отсутствует обоснование данной правовой новеллы.

Другими словами, по новым правилам следователь должен формулировать перед органом дознания задачу, направленную на оказание помощи в предварительном расследовании (например, выполнение постановления о задержании либо о предоставлении обвиняемого в орган, осуществляющее производство), а орган дознания сам должен оценить необходимость решения данной проблемы с помощью осуществления розыска.

В то же время, в условиях новой модели дознания неопределенным является статус этого розыскного производства и, следовательно, действий, выполненных в рамках данного производства и направленных на обнаружение обвиняемого.

В частности, речь идет о действиях, требующих судебного разрешения. Как показывает практика, задача установления местонахождения разыскиваемого лица часто решается с помощью действий, ограничивающих право на частную жизнь (как правило, совершаемых с применением специальных технических средств).

В этой связи неясен вопрос – в этом случае мы имеем дело с негласными следственными действиями (в смысле уголовно-процессуального кодекса) или с оперативно-розыскными мероприятиями (в смысле оперативно-розыскного закона)?

Если розыскное производство признать как часть уголовного производства, тогда с ходатайством о совершении этих действий обращаться в суд должен следователь (см.: п. 5 ч. 1 ст. 41 УПК РА). Если розыскное производство признать в качестве самостоятельного производства, параллельно осуществляемого с уголовным производством, следовательно, с соответствующим ходатайством в суд должен обратиться уже оперативно-розыскной орган.

На наш взгляд, действия, осуществляемые в рамках розыскного производства, не могут быть признаны в качестве негласных следственных действий, поскольку в них отсутствует один из ключевых признаков негласных следственных действий. Так, целью выполнения негласных следственных действий, являющихся частью более емкого понятия – доказательственного действия, – является *получение доказательства* (см.: п. 38 ч. 1 ст. 6 УПК РА).

Что касается действий, осуществляемых в рамках розыскного производства, то они преследуют цель не получение доказательства по данному уголовному производству, а установление местонахождения обвиняемого. Стоит также отметить, что данное обстоятельство (т.е. установление местонахождения обвиняемого) не входит в предмет доказывания (см.: ст.ст. 102 и 107 УПК РА).

Однако на этом проблема не исчерпывается. К данному вопросу относится также ситуация, когда в ходе этих действий, независимо от воли субъекта, совершающего их, получаются сведения о тяжком или особо тяжком преступлении или его подготовке, получение которых не было предусмотрено судебным решением о проведении данного действия (ч. 3 ст. 38 Закона об ОРД).

Проблема в том, что указанная информация не может быть использована в уголовно-процессуальном доказывании в качестве доказательства (т.е. в качестве внепроизводственного документа) на том основании, что эти данные не соответствуют требованию, предусмотренному ч. 3 ст. 96 Кодекса, поскольку данное оперативно-розыскное действие не было выполнено с целью предотвращения, пресечения преступления или выявления лица в момент совершения преступления или сразу после него.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к определенным выводам и рекомендациям:

1) розыскное производство необходимо рассматривать исключительно как инструмент полицейской (оперативно-розыскной) деятельности, а не как составную часть уголовного судопроизводства;

2) действия, совершаемые в рамках розыскного производства, рассматривать как внепроизводственные действия, а данные, полученные в результате этих действии, признать внепроизводственными документами.

Для разрешения данной проблемы, следовательно, также необходимо внести дополнение в ч. 3 ст. 96 уголовно-процессуального кодекса, и рассматривать розыск обвиняемого в качестве правомерной цели для признания данных, полученных при розыске обвиняемого, в качестве внепроизводственных документов.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения /принят Национальным Собранием 30.06.2021 г. URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=alpha&ltype=3&lang=rus#17 (дата обращения: 17.10.2025).

2. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 3 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-dopustimosti-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-kak-dokazatelstv-po-ugolovnym-delam (дата обращения: 17.10.2025).

3. Закон Республики Армения «Об оперативно-розыскной деятельности» /принят Национальным Собранием 22.10.2007 г. URL: https://www.arlis.am/ru/acts/81018/latest (дата обращения: 17.10.2025).

4. Протокольное постановление правительства РА от 10.03.2011 г. № 9. URL: https://www.e-gov.am/u_files/file/decrees/arc_voroshum/Mar9-6_1.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

© Оганесян А.Р., 2025

EDN: NEUUSQ

Огарь Юрий Анатольевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Презумпция отсутствия события преступления как общее условие стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация: в статье автор обосновывает поиск решения о нахождении стадии возбуждения уголовного дела в структуре российского уголовного судопроизводства через осмысление цели данной стадии, обосновывает необходимость корректировки содержания основания для возбуждения уголовного дела. Также автором предлагается нормативное закрепление «презумпции отсутствия события преступления» в качестве общего положения стадии возбуждения уголовного дела, обуславливающего целесообразность сохранения данной стадии.

Ключевые слова: уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; цель стадии возбуждения уголовного дела; основание для возбуждения уголовного дела; событие преступления; презумпция события преступления; презумпция отсутствия события преступления.

О необходимости присутствия стадии возбуждения уголовного дела в структуре российского уголовного судопроизводства уже на протяжении десятков лет идут дискуссии. Ряд ученых настаивают на том, что данную стадию необходимо сохранить (Л.А. Воскобитова [1, с. 4], Е.В. Богатова [2, с. 61] и др.). Другая группа ученых (Б.Я. Гаврилов [3, с. 101], В.А. Кожокарь [4, с. 112] и др.) обосновывают точку зрения, что необходимость в данной стадии утратила силу. Есть и третья группа авторов, придерживающихся точки зрения, что стадию возбуждения уголовного дела необходимо сохранить, при этом требуется достаточно серьезная переработка положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих процессуальную деятельность на данном этапе.

Каждым автором приводится достаточное количество доводов, обосновывающих справедливость его точки зрения, однако, мнение законодателя пока не меняется: стадия возбуждения уголовного дела сохраняет свое место в структуре уголовного процесса, время от времени, законодателем вносятся осторожные изменения в отдельные нормы уголовно-процессуального закона.

В свою очередь, автору настоящей статьи хотелось бы обратить внимание на некоторые обстоятельства, которым, по нашему мнению, до настоящего времени не уделялось должного внимания, но которые могли повлиять на формирование более однородного мнения на данную проблему.

Рассматривая необходимость сохранения или рассматриваемой стадии в уголовном процессе, без сомнения, первое, что необходимо подвергнуть анализу – это цель. Как известно, наличие специфической процессуальной цели, наряду с остальными специфическими признаками, характеризует ее как самостоятельную стадию и в то же время отличает ее от остальных стадий уголовного судопроизводства. Достижение специфической процессуальной цели по результатам проверки сообщения о преступлении служит основанием для принятия итогового процессуального решения, означающего окончание данной стадии и переход к следующей стадии уголовного процесса либо полное прекращение уголовно-процессуальной деятельности по проверке сообщения о преступлении.

Сама по себе цель стадии возбуждения уголовного дела, законодательно не закреплена, но ее можно сформулировать исходя из оснований, предусмотренных для принятия итогового процессуального решения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, «при наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление». В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Таким образом, если сообщение о преступлении было оформлено одним из предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ способом, и в результате проверки данного сообщения, были получены сведения, в достаточной мере убеждающие должностное лицо, проводившее проверку в наличии признаков преступления, то уполномоченным субъектом (в соответствии со своей компетенцией) должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела. В то же время, если такие сведения получены не были, тем же субъектом должно быть вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Соответственно, специфическую цель стадии возбуждения уголовного дела можно условно сформулировать, как «установление фактов наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Понятие преступления и его признаки содержатся в ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая определяет его как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Следует заметить, что фактически любое сообщение о «преступлении», по определению должно содержать в себе информацию о каких-либо признаках преступления, в противном случае отсутствуют основания считать такое сообщение «сообщением о преступлении». Другое дело, что информации (данных) о признаках преступления в таком сообщении может быть недостаточно для формирования основания для возбуждения уголовного дела, что и обусловливает необходимость производства «проверки» такого сообщения по правилам, установленным главой 20 УПК РФ с целью получения данных в объеме, «достаточном» для установления данного факта. Однако, в любом случае, остается неконкретизированным вопрос о каком количество признаков преступления должным

быть получены достаточные данные, чтобы основание для возбуждения уголовного дела можно было считать сформированным.

Для признания факта наличия основания для возбуждения уголовного дела требуется только получить достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Невыполнение данного условия, означающее отсутствие основания для возбуждения уголовного дела, может быть вызвано тремя вариантами результата проверки:

- установлены достаточные данные, указывающие на отсутствие признаков преступления;

- установлены достаточные данные, указывающие не на все, предусмотренные уголовным законом признаки преступления;

- не установлены достаточные данные, указывающие на признаки преступления;

При этом только первый вариант, с достаточной долей вероятности позволяет утверждать, что преступления не было, и, в связи с этим, отсутствуют основания для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений. Второй и третий варианты оснований для однозначного вывода не дают и позволяют (а нередко – вынуждают) субъекту проверки, при истечении установленного законом срока принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела по причине отсутствия основания для возбуждения уголовного дела, даже если преступление фактически имело место (просто не обо всех его признаках были получены сведения, либо полученные сведения противоречивы).

Безусловно, в правоприменительной деятельности такая ситуация вызывает вполне ожидаемые проблемы, обусловленные расхождением во мнениях у непосредственного исполнителя и субъектов, осуществляющих контрольно-надзорные функции за процессуальной деятельностью на рассматриваемой стадии в оценке «достаточности» данных, указывающих на признаки преступления, «полноты» проведенной проверки и количества «признаков преступления», на которые указывают собранные в ходе проверки «достаточные данные».

Собственно, эта проблема и является одной из основных побудительных причин для внесения предложения о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела.

Из вышеизложенного можно сделать вывод том, что законодательная формулировка основания для возбуждения уголовного дела не может быть признана удовлетворительной, поскольку не содержит конкретного перечня тех признаков преступления, которые необходимы для однозначного понимания факта формирования убеждения в наличии преступления, что в свою очередь размывает границы специфической цели уголовно-процессуальной деятельности на данной стадии.

Кроме того, «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» по итогам проверки сообщения о преступления не гарантирует, что на последующих стадиях уголовного процесса сформированное убеждение о наличии признаков преступления не будет опровергнуто.

Конституционный Суд Российской Федерации, разъясняет: «В развитие конституционных предписаний Уголовно-процессуальный кодекс Российской

Федерации предусматривает в качестве основания для возбуждения уголовного дела наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления - действия (бездействия), запрещенного уголовным законом, а также закрепляет событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения) в качестве первоочередного обстоятельства, подлежащего доказыванию и характеризующего объективную сторону содеянного (часть вторая статьи 21, пункт 1 части первой статьи 73 и часть вторая статьи 140)» [5].

«Лишь при установлении с помощью уголовно-процессуальных средств фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления, возможна дальнейшая правовая оценка поведения лица на предмет наличия или отсутствия в нем состава преступления как основания уголовной ответственности» [6].

То есть, «главным» признаком преступления признается «событие преступления» в значении деяния, содержащего объективные признаки преступления. Такая формулировка представляется более применима в условиях, когда фактически только принимается решение о наличии оснований возникновения уголовно-процессуальных отношений и начала деятельности по правилам уголовного судопроизводства.

При этом, закрепление одной только цели в качестве определяющего фактора решения задач уголовного судопроизводства на первой его стадии, представляется явно недостаточным.

«Корень» данной проблемы кроется в отсутствии однозначного понимания процессуальной формулы: «неустановление достаточных данных, указывающих на признаки преступления» - это «установление их отсутствия» или «неустановление их наличия»?

Безусловно, рассчитывать на единство мнений по данному вопросу внутри научного сообщества и среди представителей правоприменительной деятельности было бы в высшей степени наивно, поэтому, по мнению автора, требуется применение законодательного механизма, обеспечивающего однообразный подход к пониманию.

По нашему мнению, разрешению данной дилеммы поспособствовало бы нормативное закрепления одной из двух презумпций:

1. Презумпция наличия события преступления - при поступлении сообщения о преступлении презюмируется факт наличия преступления, до тех пор, пока не будут получены достаточные данные, подтверждающие или опровергающие данный факт;

2. Презумпция отсутствия события преступления - при поступлении сообщения о преступлении презюмируется факт отсутствия преступления до тех пор, пока не будут получены достаточные данные, подтверждающие или опровергающие данный факт.

При выборе первой правовой позиции, значение стадии возбуждения уголовного дела существенно снижается, поскольку, в любом случае, принимая по умолчанию, что преступление имело место, представляется более целесообразным как можно быстрее применить весь комплекс предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер, без каких-либо ограничений, в целях скорейшего

разрешения стоящих перед уголовным судопроизводством задач. В случае, если в ходе расследования будет установлен факт отсутствия преступления (в форме отсутствия события преступления либо в форме отсутствия состава преступления), должно быть принято решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с признанием за лицом, подвергавшегося уголовному преследованию права на реабилитацию.

Во втором случае, наличие стадии возбуждения уголовного дела в структуре уголовного процесса остается актуальным, поскольку необходимость установления однозначного вывода о наличии преступления можно сделать лишь при наличии соответствующих достоверных сведений, полученных в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, а отсутствие признания факта совершения преступления, лишает оснований как уголовной ответственности, так начала уголовного преследования, как уголовно-процессуальной формы ее реализации.

Список литературы:

1. Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2. – С. 3-6.
2. Богатова Е.В. Значение стадии возбуждения уголовного дела / Е. В. Богатова // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 ноября 2016 года / Сост.: Дикаев С.У., Лантух Н.В., Кострица Я.А. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 328 с.
3. Гаврилов Б.Я. Начало производства по уголовному делу требует принципиальных перемен: мнение практика и ученого / Б. Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 ноября 2016 года / Сост.: Дикаев С.У., Лантух Н.В., Кострица Я.А. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 328 с.
4. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики. Дисс. канд. юрид. наук. – М. 2016. – 301 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2021 № 13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 16.04.2021.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 17.06.2021.

© Огарь Ю.А., 2025

EDN: OTDZCE

Первушина Елена Сергеевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Омской академии МВД России

Уголовно-процессуальные аспекты института прекращения уголовного дела

Аннотация: в статье автор анализирует признаки института прекращения уголовного дела, акцентируя внимание на нереабилитирующих основаниях. Последние составляют абсолютное большинство оснований для прекращения уголовного дела. Отдельным вопросом в статье представлена информация об особенностях прекращения уголовного преследования в соответствии с примечаниями к статьям особенной части УК РФ.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела; прекращение уголовного преследования; примечания; реабилитирующие основания; нереабилитирующие основания.

В соответствии с нормами УПК РФ (статьи 24, 25, 25.1, 27, 28, 28.1, 28.2, 246, 427 УПК РФ, глава 29 УПК РФ) прекращение уголовного дела является одной из форм окончания предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела (ст. 212-214 УПК РФ, ст. 254 УПК РФ). Если принять во внимание уголовно-правовое происхождение оснований освобождения от уголовной ответственности, фактически реализуемых исключительно в процессуальной форме прекращения уголовного дела или уголовного преследования, то надлежит согласиться с тем, что в УПК РФ выработан процессуально-правовой механизм принятия в судебном или во внесудебном порядке процессуального акта о разрешении по существу уголовного дела с завершением и запрещением производства по нему какой-либо дальнейшей процессуальной деятельности. Для подобного механизма характерны:

- множество оснований, в зависимости от которых дифференцируются процессуальные формы рассмотрения уголовного дела с последующим его прекращением;

- относительно самостоятельное расположение в УПК РФ норм, участвующих в правовом регламентировании отношений, связанных с прекращением уголовного дела (преимущественно нормы глав 4 и 29 УПК РФ);

- в перечне оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования доминируют обстоятельства, составляющие группу «нереабилитиру-

ющих» оснований, что предусматривает дополнительные процессуальные действия судьи, следователя для обеспечения исполнения решения о прекращении уголовного дела,

- предусмотрены основания и условия возобновления производства по ранее прекращенному уголовному делу, а для ситуаций, связанных с истечением года со дня вынесения такого постановления несколько лет назад установлен судебный порядок получения разрешения на отмену процессуального акта о прекращении уголовного дела.

Таким образом, в рамках УПК РФ сложился и активно функционирует нормативно-правовой комплекс, способный по своему потенциалу влиять на реализацию назначения уголовного судопроизводства в целом. Его «пропускная способность» достаточно велика. Так, например, в 2024 г. число лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующему основанию, равнялось 135,5 тыс., тогда как реабилитировано всего 671 уголовно-преследуемое лицо. За 2023 г. уголовные дела по нереабилитирущему основанию прекращены в отношении 138,7 тыс. лиц, в то время как по реабилитирующему основанию уголовное преследование прекращено в отношении 1,1 тыс. лиц.

За последние десять лет (2015-2024 гг.) количество прекращенных уголовных дел и лиц, в отношении которых суды Российской Федерации прекратили уголовное преследование по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям , составило : прекращено дел – 1,7 млн или 23,5 % от общего числа рассмотренных судами уголовных дел; количество подсудимых по прекращенным уголовным делам - 1,8 млн., из них по реабилитирующим основаниям – 35,5 тыс., по нереабилитирующим основаниям – 1,765 млн.

Изучение следственной и судебной практики свидетельствует о том, что в зависимости от конкретно складывающейся криминологической обстановки центр принятия решений о прекращении уголовного дела может быть, как это уже имело место ранее, определен в границах стадии предварительного расследования либо, напротив, смещен в судебное заседание. Сказанным отчасти можно объяснить наблюдаемые всплески или падения в практике прекращения уголовных дел в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Так, на 2019-2020 г. г пришелся самый большой объем использования уголовно-правового воздействия посредством судебного штрафа: в 2019 г. он назначен 30,7 тыс., а в 2020 г. - 35,8 тыс. подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления небольшой или средней тяжести. По прошествии двух лет, без видимых на то причин (за короткий срок в два года не изменились и не могли измениться количественные и качественные параметры преступности; законодатель не принял каких-либо мер к усложнению процедуры назначения судебного штрафа в соответствии с положениями ст.76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ), судьи, другие правоохранители стали с большой настороженностью относиться к данной мере уголовно-правового характера. В 2023 г. он назначался только 2,8 тыс. подозреваемым и обвиняемым, в 2024 г. еще меньше – 2,1 тыс. лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование.

Таким образом, в рамках уголовного судопроизводства сформировался сложный и многофункциональный механизм прекращения и возобновления производства по уголовному делу, притягивающий к себе почти треть всего объема уголовно-процессуальной деятельности.

Особую группу нереабилитирующих оснований образуют примечания к соответствующим статьям УК РФ. В уголовно-правовом аспекте указанные примечания являются основаниями для освобождения от уголовной ответственности. В уголовно-процессуальном аспекте имеются все предпосылки говорить о прекращении уголовного дела или прекращении уголовного преследования. С учетом уголовно-правовой и уголовно- процессуальной составляющей можно утверждать, что примечания к конкретным статьям особенной части УК РФ составляют комплексный правовой институт – институт освобождения от уголовного преследования. При таком понимании сути примечаний к статьям особенной части УК РФ мы имеем дело с комплексным институтом, где освобождение от уголовной ответственности выступает элементом уголовного права, а прекращение уголовного преследования – элементом уголовного процесса.

В настоящее время перечень примечаний к статьям особенной части УК РФ, являющихся основанием освобождения от уголовной ответственности в процессуальной форме прекращения уголовного дела или уголовного преследования, насчитывает 49 самостоятельных положений с распространением их действия на 53 статьи особенной части УК РФ. Наиболее востребованными на практике из них являются примечания к статьям 222 и 228 УК РФ.

Процессуальным актом, освобождающим от уголовной ответственности лицо, выполнившее действия, предусмотренные примечаниями к статьям особенной части УК РФ, служит постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Очевидно, что описанные в том или ином примечании действия лица, влекущее его освобождение от уголовной ответственности должны быть достоверно установлены. Как правило, это можно реализовать в рамках расследования уголовного дела с помощью следственных и процессуальных действий, поэтому отказ в возбуждении уголовного дела в анализируемых случаях трудно обосновать необходимыми доказательствами.

Так, условия применения к ст. 228 УК РФ фактически можно реализовать после установления факта способствования раскрытию и пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, изобличения лиц, их совершивших, обнаружения имущества, добытого преступным путем. В границах стадии возбуждения уголовного дела собрать соответствующие доказательства крайне сложно.

В связи с анализом примечаний к статьям особенной части УК РФ как основания одновременно для освобождения от уголовной ответственности и прекращении уголовного преследования настораживает то, что перечень таких примечаний «растет не по дням, а по часам». В текущий момент, как уже отмечалось, он достиг отметки в 49 пунктов. Это произошло буквально за несколько последних лет. Есть основания предполагать, что этот процесс будет продолжен. Не

столкнемся ли мы в недалеком будущем с ситуацией, когда каждая статья особенной части УК РФ будет устанавливать не только наказание, но и предусматривать освобождение от уголовной ответственности.

При таком подходе значение хорошо себя зарекомендовавших на практике в течении многих лет положений об общих условиях освобождения от уголовной ответственности и наказания будет принижено. Более того, подобное не оправданное включение в конструкцию статей УК РФ в качестве обязательного элемента соответствующего примечания предусматривающего самостоятельные основания и условия отказа от уголовного преследования лица, совершившего данное преступление, способно привести в конечном итоге к полной рассогласованности норм УК РФ и УПК РФ, а значит сделать их статьи не рабочими.

Затронутая проблема, связанная с пониманием нереабилитирующих оснований в виде примечаний к статьям особенной части УК РФ, имеет и другой, криминалистический аспект. Во-первых, должна быть выработана методика расследования действий, отвечающих требованиям освобождения об уголовной ответственности на основании примечаний. Во-вторых, положения о примечаниях могут быть реализованы и в самом конце расследования уголовного дела, в связи с чем дознаватель, следователь должен владеть методикой расследования преступлений, указанных в примечаниях в полном объеме. В-третьих, учитывая возможность освобождения от уголовной ответственности на основании примечаний в стадии возбуждения уголовного дела, должностное лицо, производящее предварительную проверку в порядке ст. 144 УПК РФ, должен в полной мере владеть методикой установления всех обстоятельств, вытекающих из примечания.

© Первушина Е.С., 2025

EDN: ORKVDK

Петраков Сергей Викторович,
заведующий кафедрой управления следственной деятельности
(Высшие академические курсы)
факультета повышения квалификации
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
кандидат юридических наук, доцент

Трансформация презумпции невиновности в презумпцию виновности

Аннотация: в статье автор рассматривает возможность введения в уголовный процесс презумпции виновности, но в ином аспекте, отличном от его понимания в гражданском судопроизводстве. Приводится судебная статистика по отмене обвинительных приговоров с одновременным оправданием лица. Автор считает, что с вступлением в законную силу обвинительного приговора актуализируется вопрос о презумпции виновности, который допускает возможность невиновности осужденного.

Ключевые слова: уголовный процесс; презумпция невиновности; обвинительный приговор; истина; оправдание.

Презумпция невиновности, как один из принципов уголовного процесса, предполагает, что любое лицо невиновно до тех пор, пока его виновность не доказана в установленном государством порядке и, помимо этого, установлена вступившим в законную силу приговором суда. Ключевым моментом в данной презумпции и, соответственно, принципе уголовного судопроизводства, является вступивший в законную силу приговор суда.

Вместе с тем, сама уголовно-процессуальная форма предусматривает сложную, но необходимую процедуру пересмотра дел и приговоров, в том числе вступивших в законную силу. И нечасто, но вместе с тем, имеют место случаи, когда обвинительный, а также оправдательный, приговор отменяется. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г.:

1) при апелляционном рассмотрении [3]:

– отменено 125 обвинительных приговоров с вынесением оправдательных приговоров;

– отменено 115 обвинительных приговоров с прекращением дел по реабилитирующим основаниям;

2) при кассационном рассмотрении [4]:

– отменено 69 обвинительных приговоров судов первой инстанции с прекращением дел по реабилитирующим основаниям;

– отменен 61 обвинительный приговор судов апелляционной инстанции с

прекращением дел по реабилитирующим основаниям;

– отменено 9 кассационных постановлений (обвинительных) президиумов судов областного звена, кассационных судов общей юрисдикции, кассационных военных судов с прекращением дел по реабилитирующим основаниям;

– отменено 72 оправдательных приговора судов первой инстанции;

– отменен 71 оправдательный приговор судов апелляционной инстанции;

– отменено 3 кассационных постановления (оправдательных) президиумов судов областного звена, кассационных судов общей юрисдикции, кассационных военных судов.

В приведенной судебной статистике применительно к деятельности судов кассационной инстанции приведены результаты отмены не только обвинительных, но и оправдательных решений, показывая тем самым, что судебная ошибка равно может распространяться и при оправдании лица. Презумпция невиновности как мы понимаем фактически не в каждом случае преодолевается обвинительным приговором суда. Потенциально презумпция невиновности сохраняется пока стороны инициируют дальнейшее движение дела. Этот пересмотр, естественно, происходит не по всем делам и не во всех контролирующих инстанциях, даже если не брать в расчет дела, рассмотренные в особом порядке.

К сожалению, даже Верховный Суд РФ не является тем критерием, который бы мог гарантировать истинность изначально принятого решения. Из постановления Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П следует, что первоначальный оправдательный приговор Выборгского гарнизонного военного суда от 09.04.2018 в отношении Литвинова М.А. был истинным, а повторный обвинительный приговор того же суда от 25.07.2018 был ошибочным. И эта ошибка не была устранена:

– апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда от 18.09.2018;

– решением судьи Ленинградского окружного военного суда от 26.12.2018, которым отказано в передаче жалобы в кассационную инстанцию;

– решением судьи Верховного Суда РФ от 06.05.2019, которым отказано в передаче жалобы в кассационную инстанцию;

– решением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 08.07.2019, в котором отражено согласие с принятыми решениями [1].

И по уголовному делу М.А. Литвинова ситуация фактически разрешена не судами общей юрисдикции, и даже не Верховным Судом РФ в целом в ходе уголовного судопроизводства, а Конституционным Судом РФ, в рамках конституционного судопроизводства, так как позиция данного Суда является обязательной как для судов общей юрисдикции, так и для Верховного Суда РФ. При этом такое разрешение произошло не в силу бесспорно правильной оценки, а в силу юридического предела возможностей пересмотра в рамках нашего государства. Есть и другие решения Конституционного Суда РФ, которые естественно не ставят «точку» в вопросах презумпции невиновности, но опять же фактически очерчивают границы разбирательства, влияющие на виновность лица в том или ином случае. Например, позиция данного Суда, отраженная в постановлении от

08.12.2022 № 53-П [2], в итоге воплотившаяся в п. 5 Примечания к ст. 158 УК РФ.

Исходя из фактически складывающейся ситуации в уголовном судопроизводстве, презумпция невиновности гипотетически сохраняется даже при доказанной виновности лица и вступившего в законную силу обвинительного приговора суда. Это становится возможным не в рамках теоретически эталонной формы уголовного процесса, а исходя из реально существующего уголовного процесса, как практической деятельности. И в связи с этим вывод авторского коллектива монографического исследования о презумпции истинности приговора в части того, что «приговор от того и признается истинным, что в его основе лежит информация, полученная при помощи научного метода постижения истины» [5, с. 235], может быть вновь исследован с позиции причин ошибок, допускаемых судом.

С учетом того, что форма процесса может порождать ошибочные выводы о виновности, то преодоленная обвинительным приговором презумпция невиновности трансформируется в презумпцию виновности. Но эта презумпция не тождественна ее пониманию в гражданском процессе, когда сторона обязана доказать свою невиновность. Презумпция виновности в уголовном процессе возникает как оборотная сторона вступившего в законную силу обвинительного приговора допускающего тем не менее наличие судебной ошибки, а значит и невиновности лица. И в уголовном процессе опровержение презумпции виновности при наличии вступившего в законную силу обвинительного приговора, является правом осужденного, зависит от его воли.

Отсутствие факта инициации проверки вступившего в силу обвинительного приговора, тем не менее, как представляется автору, не порождает автоматически истинность обвинительного приговора. Причины не обжалования могут быть различны, и они всегда сугубо индивидуальны. Если же рассматривать виновность лица в конкретном деянии как истину, в тотальном понимании, то в уголовном судопроизводстве допускается вероятность ошибки. И тогда осужденный в силу презумпции виновности, в ее трактовке в уголовном процессе, становится возможно виновным («Possimus qui culpa»). Лицо одновременно может быть и виновным в силу преодоленного принципа презумпции невиновности, и невиновным, в силу тут же возникшего принципа виновности, пока вышестоящей инстанцией не принято решение.

Поскольку данная проблематика многогранна, то она требует комплексного подхода при ее рассмотрении. При разрешении вопроса трансформации в уголовном процессе принципа презумпции невиновности в презумпцию виновности, необходим консолидированный подход к таким вопросам как форма и гарантии уголовного процесса, свобода оценки доказательств, истина в уголовном процессе. Реально существующие факты судебной ошибки инициируют в науке уголовного процесса переосмысление понимания принципа презумпции невиновности.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата доступа: 29.08.2025).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата доступа: 29.08.2025).

3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2024 г. // Интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F6-svod_vse_sudy-2024.xls (дата доступа 28.08.2025).

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 12 месяцев 2024 г. // Интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F8-svod_vse_sudy-2024.xls (дата доступа 28.08.2025).

5. Презумпция истинности приговора: Монография / И.М. Баранов, М.П. Поляков, О.Н. Сычева. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 300 с.

© Петраков С.В., 2025

EDN: POWBMA

Поликарпова Ольга Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Некоторые проблемные аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности в российском уголовном судопроизводстве

Аннотация: в настоящей статье обращается внимание на допускаемые в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности нарушения законности, влекущие возникновение препятствий к эффективному достижению целей уголовного судопроизводства. В основу аргументации заложены примеры следственно-судебной практики. Указано на необходимость существенных преобразований ведомственного контроля и усиления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью. Особое внимание обращено на важность эффективной, реализуемой в условиях неукоснительного соблюдения законности оперативно-розыскной деятельности при реформировании стадии возбуждения уголовного дела, что представляется научному сообществу в качестве перспективного направления совершенствования российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; уголовное судопроизводство; нарушение законности; возбуждение уголовного дела.

В условиях совершенствования российского уголовного судопроизводства нельзя обойти вниманием оперативно-розыскную деятельность, результаты которой могут инициировать уголовно-процессуальную деятельность по фактам выявленных преступлений или использоваться в процессе доказывания при их расследовании.

Положения действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [1] не допускают применения в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности. Эти результаты носят значение информации, которую в доказательство необходимо преобразовать. Процессу преобразования предшествует рассекречивание данной информации и соблюдение последовательного алгоритма ее официального предоставления органу предварительного расследования или в суд, что влечет за собой начало деятельности, ориентированной на преобразование этой информации в доказательство, соответствующее перечню закрепленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Однако эти доказательства

могут быть поставлены под сомнение в связи с нарушениями, допускаемыми в ходе проведения и документирования оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), в последствии приводящими к признанию недопустимыми доказательств, основой формирования которых являлись результаты ОРМ.

Причины возникновения проблем, исключающих допустимость производных доказательств должны выявляться на первоначальном этапе, еще до начала уголовно-процессуальной деятельности, и для более эффективного применения результатов оперативно-розыскной деятельности из правоприменительной практики искореняться.

Нами ранее обращалось внимание на наиболее часто встречающиеся в следственно-судебной практике нарушения, допускаемые в ходе оперативно-розыскной деятельности. В качестве таковых нами обозначены нарушения при документировании основания проведения ОРМ, ставшие немногим более десяти лет назад причиной оправдания подсудимых Невским районным судом г. Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским городским судом, в связи с признанием судами провокацией результатов ОРМ, проведенных в отношении одних и тех же лиц, но в разные периоды времени [6].

Однако, вынуждены констатировать, что с течением времени изменений не произошло. Провокация преступления, установленная судом при исследовании результатов ОРМ продолжает выступать причиной вынесения оправдательных приговоров и возникновения права подвергнутого уголовному преследованию лица на реабилитацию.

В обоснование довода приведем один из достаточно свежих примеров следственно-судебной практики. Так кассационным определением Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 августа 2023 года № 77-1148/2023 обращено внимание на проведение в целях выявления факта сбыта сильнодействующего вещества и наркотического средства ОРМ, аналогичного проведенному в предшествующий период (первое - 3 февраля 2021 года, второе - 8 февраля 2021 года), что признано противоречащим требованиям ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД») [2], раскрывающей задачи этого вида деятельности, направленные в том числе на выявление и пресечение преступлений, а равно установление лиц их совершающих либо совершивших. Это порождает возникновение обязанности правоохранительных органов пресечь дальнейшую преступную деятельность и обеспечить привлечение конкретного лица к уголовной ответственности. Однако, имея возможность пресечь незаконную деятельность и обеспечить привлечение изобличенного в совершении общественно опасного деяния лица к уголовной ответственности, сотрудники уголовного розыска вновь провели ОРМ в виде контрольной закупки, поставив под сомнение допустимость ее результатов, что повлекло прекращение уголовного преследования в части одного из инкриминируемых лицу эпизодов преступной деятельности в связи с отсутствием состава преступления [11].

Подобные нарушения не ограничиваются одним регионом Российской Федерации. В частности, ряд других примеров нарушений, допускаемых в ходе оперативно-розыскной деятельности, детально проанализированы Ю. В. Царевой и Е. Ю. Салеевой [9].

Дискутируемые научным сообществом на протяжении десятилетия идеи реформирования первой стадии уголовного судопроизводства с целью исключения неоправданного затягивания процесса проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и своевременного начала уголовного преследования в рамках уголовно-процессуальной деятельности [3; 4; 5, С. 124-125; 7] очевидно являются ориентиром для совершенствования оперативно-розыскной деятельности, повышения ее результативности, взаимообусловленной с законностью и обоснованностью, поскольку использование ее результатов для начала персонифицированного уголовного преследования приобретает бóльшую значимость. Перечень возможностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности, определяемый положениями ст. 11 Федерального закона «Об ОРД» достаточно широк. Их активное применение правомочными сотрудниками полиции в условиях упразднения стадии возбуждения уголовного дела повлечет своевременность начала персонифицированного уголовного преследования, будет способствовать минимизации ныне существующих проблем уголовного судопроизводства, связанных с затягиванием процессуального срока начала уголовного преследования конкретного лица и с длительностью расследования преступления.

Однако, обозначенные нами существенные нарушения при проведении ОРМ, влекущие за собой признание недопустимыми доказательств по уголовному делу, сформированных на основе предоставленных органам предварительного расследования результатов ОРМ, нивелируют высокий потенциал данного вида деятельности, приводит к вынесению судами оправдательных приговоров не в связи с непричастностью подсудимого к преступлению, а ввиду процессуальных нарушений, которые на завершающих стадиях уголовного судопроизводства восстановлены быть не могут.

В условиях предлагаемого вывода проверки сообщений о совершенном и готовящимся преступлении за пределы уголовно-процессуальной деятельности, должен быть усилен ведомственный контроль и прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью для предупреждения и своевременного выявления нарушений законности при осуществлении данного вида деятельности. В ходе реализации контрольно-надзорной деятельности следует учитывать критерии законности ОРМ, ряд которых по результатам анализа тактики проведения ОРМ и правовых позиций Высших Судов Российской Федерации предложен Е. Н. Яковцом [10]. Однако в правоприменительной практике ведомственный контроль за оперативно-розыскной деятельностью исходя из анализа допускаемых нарушений по нашему мнению недостаточно эффективен. Об этом, в частности, свидетельствуют случаи, признаваемые судами провокацией, выявленные при анализе оснований проведения ОРМ, в то время как согласно ст. 8 Федерального закона «Об ОРД» выступающее таким основанием постановление о проведении

ОРМ «проверочная закупка» утверждается руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Аналогичное требование отнесено к ОРМ «контролируемая поставка». Вместе с тем, нами при изучении уголовных дел в архиве одного из районных судов г. Санкт-Петербурга установлено, что руководители органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, самостоятельно выносят постановления о проведении ОРМ, закрепляя в том числе в резолютивной части постановления поручение на его проведение подчиненным сотрудникам [12]. Это свидетельствует о том, что в части ведомственного контроля необходимы существенные преобразования, до законодательного закрепления которых основная нагрузка, направленная на проверку законности и обоснованности ОРМ, в том числе на предмет ее соответствия определенным критериям, возложена на прокурора. При этом более эффективно такая деятельность может быть реализована посредством прокурорского надзора в условиях достаточного нормативно-правового регулирования предоставленных на то полномочий. Однако, В. Ю. Стельмах в своих рассуждениях по вопросам прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью констатировал отсутствие в нормативно-правовых актах Российской Федерации средств прокурорского надзора за данным видом деятельности в необходимом объеме [8, С. 8-12].

Исключение из правоприменительной практики выявленных и приведенных в качестве примеров следственно-судебной практики допускаемых нарушений законности будет способствовать успешному формированию в российском уголовном судопроизводстве новой уголовно-процессуальной модели, не предусматривающей стадию возбуждения уголовного дела, и повышению эффективности достижения целей уголовного судопроизводства в разумный срок, исключая препятствия к этому.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ // Российская газета. – 2025. – 6 августа.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 14, ст. 1574.

3. Гаврилов, Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? // Публичное и частное право. – 2015. – № 4 (28). – С. 141-154.

4. Калугин, А. Г. Начальный этап уголовного судопроизводства: в поиске оптимальной модели // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (41). – С. 143-148.

5. Мазюк, Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 215 с.

6. Поликарпова, О. С. Проблемы взаимодействия оперативных подразделений с органами предварительного расследования в целях установления лиц, причастных к совершению преступлений / О. С. Поликарпова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4(24). – С. 87-93.

7. Смирнов, А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель// Публикация сайта РАПСИ от 22.01.2015 // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html

8. Стельмах, В. Ю. Место надзора за оперативно-розыскной деятельностью в системе отраслей прокурорского надзора / В. Ю. Стельмах // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2023. – № 1(62). – С. 5-12.

9. Царева, Ю. В. Правомерность осуществления оперативно-розыскных мероприятий как безусловная гарантия достижения целей уголовного судопроизводства / Ю. В. Царева, Ю. Е. Салеева // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4(28). – С. 56-62.

10. Яковец, Е. Н. Характерные особенности так называемых "острых" оперативно-розыскных мероприятий "проверочная закупка" и "оперативный эксперимент" / Е. Н. Яковец // Эпомен. – 2021. – № 54. – С. 252-276.

11. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 № 77-1148/2023 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=45346&cacheid=9B382C5517B456D94E14B07C5791A876&mode=splus&rnd=y7Z9Q#puOYZsTcJu3tRtK72

12. Уголовное дело № 11807400001000043 по обвинению К.В.В. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 6 ст. 171.1, п. «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ // Архив Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. – Текст : непосредственный

© Поликарпова О.С., 2025

EDN: PHHDNW

Прохорова Екатерина Александровна,
докторант факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Являются ли постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками уголовно-процессуального права?

Аннотация: в статье исследуется вопрос о возможности отнесения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации к источникам уголовно-процессуального права. Делается вывод об отсутствии оснований для утвердительного ответа на данный вопрос, поскольку Пленум Верховного Суда Российской Федерации не создает уголовно-процессуальных норм и не наделен правотворческими полномочиями.

Ключевые слова: постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации; источники уголовно-процессуального права; уголовно-процессуальная норма; способы закрепления уголовно-процессуальных норм.

Идея судебного правотворчества в последнее время приобретает в отечественной правовой науке особую популярность, что связано как со стремлением многих ученых противопоставить современные правовые реалии явлениям советской эпохи, так и с объективными процессами, происходящими в сфере уголовно-процессуального регулирования.

Тенденция к правовой определенности находит выражение не только в детализации уголовно-процессуального закона, но и в создании ориентиров правоприменения за его пределами. Участились случаи ссылок в материалах уголовных дел на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации[1], в виду чего многие ученые поспешили объявить последние источниками уголовно-процессуального права[2].

[1] 85% (193 из 218) опрошенных сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания МВД России ответили, что они ссылаются в процессуальных документах в обоснование принимаемых процессуальных решений или при производстве процессуальных действий на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

[2] Здесь и далее термин «источники уголовно-процессуального права» используется в формально-юридическом значении.

Ответ на вопрос о правильности такого вывода имеет два аспекта – содержательный и формальный и, соответственно, производен, во-первых, от определения факта закрепления в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации новых уголовно-процессуальных норм и, во-вторых, от оценки легитимности данного факта.

В большинстве случаев содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации положения нормами права не являются, поскольку представляют собой результат толкования правовых норм, закрепленных в УПК РФ, рассчитаны на применение в рамках этих норм и в этом смысле не имеют самостоятельного регулирующего значения.

Такие положения «выводятся» логическим путем из соответствующих статей УПК РФ и предлагают «готовые рецепты» обоснования принимаемого процессуального решения или производства процессуального действия ссылками на УПК РФ.

Дополнительные ссылки в материалах уголовного дела на такие разъяснения являются стремлением правоприменителя подкрепить свое понимание норм УПК РФ авторитетным мнением высшего судебного органа.

Признание таких положений нормами права есть не что иное, как «удвоение нормы» [1, с. 117], опасность последствий которого состоит в возможном игнорировании основной нормы, закрепленной в УПК РФ, проявляющемся сначала в отсутствии ссылок на эту норму, а затем и в наделении разъясняющих ее положений, закрепленных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, иным смыслом и самостоятельными регулирующими свойствами.

Вместе с тем, в ряде случаев постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации содержат положения, «дополняющие уголовно-процессуальное законодательство, … по своему содержанию выходящие далеко за рамки … толкования» [2, с. 60] норм УПК РФ.

Так, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [3] сформулировано правило, согласно которому, полномочия законного представителя по общему правилу прекращаются, если лицо, совершившее преступление в возрасте до 18 лет, на момент рассмотрения дела в суде достигло совершеннолетия (п. 12).

Данное положение, не только не вытекает из текста уголовно-процессуального закона, но и противоречит ст. 48 УПК РФ, согласно которой, по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители в порядке, установленном ст. 426 и 428 УПК РФ, а также ч. 1 ст. 420 УПК РФ, определяющей, что требования главы 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет.

Каких-либо объяснений подобного ограничения прав лица, в отношении которого ведется производство по правилам главы 50 УПК РФ, Верховный Суд Российской Федерации в рассматриваемом постановлении не представил.

Можно предположить, что он руководствовался теми же доводами, которые намного позже в ряде своих решений привел Конституционный Суд Российской Федерации, отметивший, что «право являться законным представителем своих детей и выступать в защиту их прав и интересов … в судах» является частью родительских прав, которые, «прекращаются … по достижении детьми возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)» согласно п. 2 ст. 61 и п. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации [4].

Однако принимая во внимание, что анализируемое разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации было дано до истолкования соответствующих норм Конституционным Судом Российской Федерации, а также учитывая, что права законного представителя несовершеннолетнего как участника уголовно-процессуальных отношений, будучи установленными УПК РФ, не могут ограничиваться положениями иного федерального закона (ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ), следует признать, что сформулированное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации правило поведения не может считаться разъяснением норм УПК РФ, а по сути представляет собой новую норму.

Вместе с тем, тот факт, что применение данной нормы нередко становилось предметом обжалования [5, 6 и др.], свидетельствует о неоднозначности восприятия ее в качестве обязательной участниками уголовного судопроизводства, а значит ставит под сомнение наличие у нее одного из важнейших признаков правовых норм.

Полагаем, что в конечном итоге ответ на вопрос о том, являются ли результаты подобного судебного нормотворчества правовыми нормами, а постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками уголовно-процессуального права, может быть решен положительно только в случае признания способов закрепления таких фактически создаваемых норм легитимными.

Традиционно в общей теории права легитимными способами закрепления правовых норм считаются установление и санкционирование их государством.

Установление правовых норм государством предполагает их создание органами государства, наделенными правотворческими полномочиями, а при санкционировании государство в процессе создания норм, как правило, участия не принимает, но в последующем эти нормы получают одобрение государства, выражаемое путем как официального, так и фактического признания.

Учитывая, что Верховный Суд Российской Федерации является органом государства, его полномочия не могут выходить за рамки регламентированных законом, в связи с чем «фактическое нормотворчество», не нашедшее отражения в законодательных актах, должно рассматриваться как превышение этих полномочий, а не как «молчаливое делегирование» нормативных полномочий судебной власти «при подразумевающемся согласии законодательной власти», теоретическая конструкция которого была подвергнута обоснованной критике еще в середине прошлого века [7, с. 96-97].

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации могут быть признаны источниками уголовно-процессуального права только в случае нормативной регламентации данного факта, как это сделано в настоящее время,

например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан [8], ст. 1 которого нормативные постановления Верховного Суда включает в состав законодательства, определяющего порядок уголовного судопроизводства и называет частью уголовно-процессуального права.

Не случайно, в советское время попытки обоснования легитимности уголовно-процессуального правотворчества Пленума Верховного Суда СССР были, в основном, направлены на поиск указания на соответствующее полномочие в законодательных актах.

По мнению М.С. Строговича, «повод для поиска указаний закона на возможность закрепления уголовно-процессуальных норм в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР» давала неоднозначная формулировка, содержащаяся в Законе о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г. о том, что «Пленум Верховного Суда СССР «дает руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР судебным делам» (ст. 75)», хотя «при точном следовании Закону о судоустройстве … постановления Пленума Верховного Суда СССР не могли быть источником права, т. е. не могли создавать новые правовые нормы» [9, с. 73].

Принятие Положения о Верховном Суде СССР, утвержденного 12 февраля 1957 г. VI сессией Верховного Совета СССР четвертого созыва, согласно п. «в» ст. 9 которого, Пленум Верховного Суда СССР «дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел», дало основание М.С. Строговичу, Б.А. Галкину и другим выдающимся деятелям советской уголовно-процессуальной науки еще более убедительно утверждать, что установление новых правовых норм, правотворчество в компетенцию Верховного Суда СССР не входит, в связи с чем постановления Пленума Верховного Суда СССР источником уголовно-процессуального права быть не могут [9, с. 74; 10, с. 70 и др.].

С учетом изложенного, соответствующая деятельность Пленума Верховного Суда СССР рассматривалась, в основном, как интерпретационная, являющая инструментом познания права, но не направленная на создание права.

В современной формулировке аналогичного полномочия Пленума Верховного Суда Российской Федерации – «разъяснения по вопросам судебной практики» (ст. 126 Конституции Российской Федерации; ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»; п. 1 ч. 7 ст. 2, п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации») - мы тоже видим указание на интерпретационную деятельность, но никак не на правотворческие функции.

Пределы полномочий Верховного Суда Российской Федерации при даче им разъяснений по вопросам судебной практики определены целями этой деятельности - обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации, в связи с чем эта деятельность, вопреки высказываемому иногда мнению [11, с. 19], не может восполнять пробелы законодательства, а тем более корректировать законодательные требования.

Деятельность Верховного Суда Российской Федерации, в отличие, например, от деятельности Конституционного Суда Российской Федерации имеет объектом воздействия совершенствование не правового регулирования, а правоприменения, тем более что «аномалии в применении уголовно-процессуального закона … не всегда … связаны с его порочностью» [1, с. 120].

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, таким образом, ограничены рамками уголовно-процессуальных норм, закрепленных в УПК РФ, представляют собой акты толкования этих норм для «уяснения выраженной в них государственной воли» [12, с. 53], то есть истинного смысла сформулированных в законе правовых предписаний.

Такое понимание природы постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации прослеживается и в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, прямо называющего их актами толкования закона [13] и особо подчеркивающего необходимость при реализации Пленумом Верховного Суда Российской Федерации обозначенной функции соблюдения «принципа поддержания доверия граждан к закону, предполагающего сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм» [14].

Изложенное свидетельствует о том, что основания для признания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками уголовно-процессуального права в настоящее время отсутствуют.

Список литературы:

1. Бобров В.К. Форма советского уголовно-процессуального права: дис. … канд. юрид наук. - М., 1974. - 195 с.

2. Яковлева Л.В. Судебный прецедент в уголовно-процессуальном праве (дискуссионные вопросы) // Юристъ-Правоведъ. - 2001. - № 2(3). - С. 57-62.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 2740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Золотаревой Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 21 части четвертой статьи 47 и частью четвертой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Новгородского областного суда от 31.01.2024 № 22-133/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2021 № 77-1555/2021.

7. Зивс С.Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах / отв. ред. член-корреспондент Академии наук СССР С.А. Голунский. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. - 216 с.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с последующими изменениями и дополнениями) // https:// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&ysclid=mf7eterjfq793216570&pos=4;-108#pos=4;-108.

9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том I: Основные положения науки советского уголовного процесса. - М.: Издательство «Наука», 1968. - 470 с.

10. Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. - 256 с.

11. Видергольд А.И. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2017. - 31 с.

12. Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. - М.: Юридическая литература, 1967. - 192 с.

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.11.2022 № 2972-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цыплакова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 7 статьи 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации", частью первой статьи 1, частью первой статьи 3, частями первой и второй статьи 78, частью второй статьи 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, положениями статей 4, 47, 73, 86, 87, 195, 196, 198, 220 и 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерции от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // СПС «КонсультантПлюс».

© Прохорова Е.А., 2025

EDN: PADCOE

Редкоус Владимир Михайлович,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, профессор Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

О механизме судебного разбирательства по делам о коррупции и делам, связанным с коррупцией (опыт Республики Молдова)

Аннотация: противодействие коррупции требует принятия всесторонних мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение коррупционных проявлений и коррупционных правонарушений, привлечения виновных к ответственности и принятие мер по локализации вредоносных последствий коррупционных действий. В статье представлен опыт законодательного формирования механизма судебного разбирательства по делам о коррупции и делам, связанным с коррупцией в Республике Молдова. Рассматриваемый механизм показывает особенности борьбы с коррупцией в одном из государств, входящих в Содружество Независимых Государств.

Ключевые слова: противодействие коррупции; судебное разбирательство; специализированная антикоррупционная база; коррупционные преступления; антикоррупционная коллегия; уголовное дело; судебный контроль; досудебные процессуальные действия.

Совершенствование всех сторон национального механизма противодействия коррупции – важная государственная задача, стоящая как перед Российской Федерацией, так и перед иными государствами СНГ [1, с. 268-272]. Большое значение имеет изучение и учет положительного зарубежного опыта в рассматриваемой сфере [2, с. 554-563]. Опыт Молдовы интересен тем, что это государство стремится адаптировать свое законодательство к европейскому, поэтому через изучение опыта Молдовы мы можем реально судить о действенности тех или иных моделей противодействия коррупции, применяемых в европейских государствах.

В Республике Молдова (далее – РМ) принят Закон РМ от 10 июля 2025 г. № 192 «О механизме судебного разбирательства по делам о коррупции и делам, связанным с коррупцией». Названный Закон РМ регулирует роль, создание, порядок организации и функционирования специализированной антикоррупционной базы на уровне судебных инстанций в качестве механизма ускорения отправления правосудия. Организация и функционирование специализированной анти-

коррупционной базы на уровне судебных инстанций регулируются Конституцией Республики Молдова, Законом о судоустройстве №514/1995, Законом о статусе судьи №544/1995, Законом о дисциплинарной ответственности судей №178/2014, Законом об отборе судей и оценке их деятельности №147/2023, Уголовно-процессуальным кодексом, Гражданским процессуальным кодексом, Административным кодексом и другими нормативными актами.

Роль создания специализированной антикоррупционной базы на уровне судебных инстанций состоит в отправлении правосудия по уголовным делам, предусмотренным законом, которые относятся к коррупционным преступлениям на высшем уровне, и делам по связанным с коррупционными деяниями, а также по другим предусмотренным настоящим законом делам, в осуществлении судебного контроля за актами Национального органа по неподкупности, которыми устанавливается существенная разница между полученными доходами, осуществленными расходами и приобретенным имуществом, и в отправлении правосудия по делам о конфискации необоснованного имущества, инициированным Национальным органом по неподкупности.

Глава II Закон РМ посвящена специализированной антикоррупционной базе на уровне судебных инстанций и ее компетенции. Установлено, что на уровне судебных инстанций специализированная антикоррупционная база включает: a) Специализированную антикоррупционную коллегию Суда Кишинэу (далее - Антикоррупционная коллегия); b) специализированные антикоррупционные составы Апелляционной палаты Центр.

Рассмотрим компетенцию Антикоррупционной коллегии. Так, Антикоррупционная коллегия рассматривает в первой инстанции уголовные дела по преступлениям, предусмотренным статьями 181-1-181-3, 239-240, частями (3)-(5) статьи 244, статьями 324-335-1, 337-338-2, 340-341 и частью (2) статьи 352-1 Уголовного кодекса № 985/2002, а также по преступлениям, связанным с ними.

Также Антикоррупционная коллегия рассматривает в первой инстанции все уголовные дела по преступлениям, предусмотренным статьей 191 Уголовного кодекса №985/2002, если они были совершены с использованием служебного положения лицами, указанными в пункте 1) части (1) статьи 270-1 Уголовно-процессуального кодекса №122/2003. Антикоррупционная коллегия, в том числе, рассматривает в первой инстанции все уголовные дела по преступлениям, предусмотренным статьей 243 Уголовного кодекса Республики Молдова № 985/2002, если имущество было получено в результате коррупционных преступлений или преступлений, связанных с коррупционными деяниями.

Судебный контроль за досудебными процессуальными действиями по делам, относящимся к компетенции Антикоррупционной коллегии, осуществляется судьей по уголовному преследованию из состава данной коллегии, назначаемым в установленном Законом РМ порядке.

Рассмотрение вопросов, связанных с приведением в исполнение судебных решений, вынесенных Антикоррупционной коллегией, осуществляется судьей по уголовному преследованию из состава данной коллегии, назначаемым в порядке, установленном статьей 11 Закона РМ, или по обстоятельствам судьей из состава этой коллегии, который рассматривал дело.

Антикоррупционная коллегия рассматривает в порядке, установленном Административным кодексом, законность констатирующих актов, изданных Национальным органом по неподкупности, которыми устанавливается существенная разница между полученными доходами и осуществленными расходами, с одной стороны, и приобретенным имуществом - с другой, а также иски Национального органа по неподкупности о конфискации необоснованного имущества и заявления об обеспечении иска.

В составе Апелляционной палаты Центр создаются специализированные антикоррупционные составы, рассматривающие апелляционные и кассационные жалобы на судебные решения, вынесенные в первой инстанции Антикоррупционной коллегией и судьями по уголовному преследованию данной коллегии, а также другие дела, отнесенные законом к компетенции соответствующих составов.

В составе Антикоррупционной коллегии учреждаются 15 должностей судьи. Антикоррупционная коллегия осуществляет деятельность в отдельном офисе, расположенном в муниципии Кишинэу. Специализированную антикоррупционную коллегию Суда Кишинэу возглавляет заместитель председателя Суда Кишинэу, назначаемый из числа судей, входящих в состав указанной коллегии.

В Апелляционной палате Центр действуют два специализированных антикоррупционных состава, каждый из которых состоит из трех судей.

Рассматривая критерии отбора судей в состав Антикоррупционной коллегии и специализированные антикоррупционные составы Апелляционной палаты Центр, обратим внимание на следующие вопросы.

Кандидатом на должность судьи в составе Антикоррупционной коллегии может быть лицо, которое отвечает в совокупности следующим условиям: a) имеет стаж работы в должности судьи не менее трех лет; b) обладает безупречной репутацией в соответствии с положениями пунктов a)-d) части (4) статьи 6 Закона о статусе судьи №544/1995 и соответствует критериям финансовой и этической неподкупности; c) обладает профессиональными качествами и навыками, необходимыми для исполнения обязанностей судьи в составе соответствующей коллегии; d) соответствует требованиям, предусмотренным пунктами a), b) и d)-f) части (1) статьи 6 Закона о статусе судьи №544/1995.

Профессиональные качества и навыки, необходимые для исполнения обязанностей судьи Антикоррупционной коллегии, включают: a) способность понимать и анализировать правовые ситуации, относящиеся к компетенции антикоррупционной судебной базы; b) ясность устной и письменной речи; c) наличие опыта, соответствующего должности, и других профессиональных способностей, предусмотренных Положением об организации и проведении конкурса на замещение должности судьи Специализированной антикоррупционной коллегии Суда Кишинэу и должности судьи специализированного антикоррупционного состава Апелляционной палаты Центр, утвержденным Высшим советом магистратуры.

Кандидатом на должность судьи специализированного антикоррупционного состава Апелляционной палаты Центр может быть лицо, имеющее стаж работы в должности судьи не менее четырех лет. Положения пунктов b)-d) части (1) и части (2) ст. 8 Закона РМ применяются соответствующим образом и к кандидатам на должность судьи специализированного антикоррупционного состава Апелляционной палаты Центр.

Судьи Антикоррупционной коллегии и специализированных антикоррупционных составов Апелляционной палаты Центр отбираются по результатам публичного конкурса, проводимого Высшим советом магистратуры. Информация о начале конкурса публикуется на официальном веб сайте Высшего совета магистратуры не позднее 20 дней до крайнего срока подачи пакета документов на участие в конкурсе.

Судьи Антикоррупционной коллегии и специализированных антикоррупционных составов Апелляционной палаты Центр осуществляют свои полномочия в течение шести лет. По истечении данного срока они продолжают работать в той же инстанции или с их согласия назначаются на другую должность судьи в судебной инстанции того же уровня/категории.

Высший совет магистратуры мотивированным решением распоряжается о переводе судей в Антикоррупционную коллегию.

В случае продвижения кандидата в вышестоящую инстанцию Президент Республики Молдова издает указ о назначении кандидата на должность судьи специализированного антикоррупционного состава Апелляционной палаты Центр в 30-дневный срок со дня получения представления от Высшего совета магистратуры. В случае необходимости дополнительного изучения пакета документов кандидата или информации, имеющейся у органа публичной власти о соответствующем кандидате, указанный срок может быть продлен на 15 дней.

Судьи Антикоррупционной коллегии и судьи специализированного антикоррупционного состава Апелляционной палаты Центр приступают к исполнению обязанностей со дня, установленного в указе о назначении на должность или по обстоятельствам - в соответствующем решении Высшего совета магистратуры.

В соответствии с Законом о судоустройстве № 514/1995 из числа судей Антикоррупционной коллегии назначаются трое судей по уголовному преследованию на трехлетний срок, которые не могут исполнять свои полномочия в течение двух сроков подряд. При назначении судьи по уголовному преследованию не может быть превышен общий шестилетний срок, указанный в части (1) статьи 11 Закона РМ.

Председателем Антикоррупционной коллегии является один из заместителей председателя Суда Кишинэу, выбранный в установленном порядке из числа специализированных судей и наделенный полномочиями, предусмотренными Законом о судоустройстве № 514/1995.

Судьи Антикоррупционной коллегии и специализированных антикоррупционных составов Апелляционной палаты Центр, помимо гарантий, предусмотренных Конституцией Республики Молдова и Законом о статусе судьи №544/1995, пользуются дополнительными гарантиями для обеспечения личной

безопасности, безопасности членов их семей и принадлежащего им имущества. Судьям Антикоррупционной коллегии и специализированных антикоррупционных составов Апелляционной палаты Центр, а также при необходимости членам их семей, по запросу и в соответствии с законом, может быть предоставлена государственная охрана. Офисы, в которых осуществляется деятельность Антикоррупционной коллегии и специализированных антикоррупционных составов Апелляционной палаты Центр, оснащаются системами, установками и средствами безопасности для обеспечения личной безопасности судей, сохранности документов и предотвращения несанкционированного доступа в помещения.

Антикоррупционная коллегия приступает к осуществлению своей деятельности в соответствии с положениями настоящего закона с даты перевода в данную коллегию по представлению Высшего совета магистратуры не менее трех судей. Специализированный антикоррупционный состав Апелляционной палаты Центр приступает к осуществлению своей деятельности в соответствии с положениями настоящего закона с даты назначения Президентом Республики Молдова или по обстоятельствам с даты перевода Высшим советом магистратуры не менее трех судей в состав указанной коллегии.

Таким образом, мы кратко охарактеризовали механизм судебного разбирательства по делам о коррупции и делам, связанным с коррупцией, который введен в Республике Молдова, с целью его возможного учета при совершенствовании российского законодательства в области противодействия коррупции [3, с. 87-93].

Список литературы:

1. Виноградова, Е.В. Становление и развитие российского административного права (краткий обзор круглого стола к 100-летию Н.Г. Салищевой) / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 268-272.

2. Редкоус, В. М. К вопросу о правовом регулировании противодействия коррупции на правовом пространстве Содружества Независимых государств / В. М. Редкоус // Актуальные проблемы науки и практики : сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, Хабаровск, 23 мая – 20 2024 года. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова, 2024. – С. 554-563.

3. Редкоус, В. М. Правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности / В. М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 5(41). – С. 87-93.

© Редкоус В.М., 2025

EDN: QGICUU

Русаков Алексей Геннадьевич,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Красноярского государственного аграрного университета

Универсальный институт доказательств в контексте концепции унификации доказательств

Аннотация: в настоящей работе приведены доводы в пользу того, что институт доказательств – это единый и межотраслевой институт, совокупность норм которого регулирует общественные отношения, складывающиеся по поводу доказательств во всех видах российского судопроизводства: сформулирована система принципов, свойств и признаков данного института в контексте концепции унификации доказательств в российском судопроизводстве.

Ключевые слова: российское судопроизводство; уголовное судопроизводство; институт доказательств; принципы; признаки и свойства института доказательств; универсальное доказательство; система доказательств.

В большинстве зарубежных государств нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с доказательствами и доказыванием, закреплены в кодифицированных процессуальных нормативных актах. В странах англосаксонской правовой семьи действуют специальные законы о доказательствах.

В основе предлагаемой автором настоящей статьи концепции унификации доказательств в российском судопроизводстве находится система унифицированных (универсальных) судебных доказательств, под которыми предлагается понимать формально-определенную информацию об юридически значимых фактах.

В предложенном понятии следует выделить три составляющих: а) формальная определенность (система закрепленных в законе признаков доказательств); б) юридически значимая информация (в первую очередь - криминалистически значимая); в) юридически значимые факты (предмет доказывания по юридическому делу).

В соответствии с указанной концепцией, полагаем, доказательства обладают общими свойствами: объективность, познаваемость, проверяемость и детерминизм (т.е. связь с основой, преемственность), внешним отражением которых выступает система признаков доказательств, которая состоит из трех системообразующих: относимость доказательств, достоверность и допустимость доказательств. (закрепленных в процессуальном законе), а также - четвертого факультативного признака - электронно-цифровой визуализации (отражает применение электронно-цифровых технологий при использовании доказательств).

По нашему мнению, институт судебных доказательств представляет собой единый (общий) для всех отраслей российского судопроизводства правовой институт, совокупность правовых норм которого регулирует общественные отношения, возникающие по поводу доказательств. Данный институт формируется на основе собственных принципов, свойств, отражающих функции данного института, внешним выражением которых являются признаки института судебных доказательств.

Во-первых, данный институт носит смешанный характер. Поскольку ряд процессуальных норм о доказательствах содержится в нормах материального права. Во-вторых, данный правовой институт соответствует признакам правового института: регулирует сходными средствами однотипные правоотношения является стабильно устойчивым. В-третьих, данный институт носит межотраслевой (междисциплинарный характер). В-четвертых, он подлежит обособлению от института доказывания в самостоятельный правовой институт, как законодатель предусмотрел это в конструкции УПК РФ.

При исследовании института судебных доказательств в первую очередь следует указать на организационные принципы, отражающие связь института с процессуальной формой — это принципы нормативности, системности и универсальности. Организационо-функциональными принципами, по нашему мнению, выступают принципы формализованности, коррелируемости с принципами института доказывания и принцип технологичности.

Под институтом права в науке теории государства и права следует понимать составную часть отрасли права, обособленную внутри отрасли или в нескольких отраслях права совокупность взаимосвязанных правовых норм регулирующих вид родственных общественных отношений, которые могут носить материальный и процессуальный, а также - отраслевой и межотраслевой характер [1, с. 336-337].

И.В. Решетникова, в частности, отмечает объективный характер тенденции появления межотраслевых процессуальных институтов [9, с. 27].

В.В. Васильев указывает на ряд свойств, присущих правовому институту, а именно: особый метод правового регулирования, системообразующий характер принципов, автономность, целостная структура [3, с. 99-101]. Другие авторы среди признаков правовых институтов подчеркивают следующие: структурированность, упорядоченность, системность, комплексный характер [6, с. 23-24, 29]; обособленность при регулировании сходных правоотношений [8, с. 21], системность и внутренняя структура [2, с. 114]. обособленный предмет правового регулирования, отраслевой характер и нормативное оформление.

Ряд исследователей обособляют институт процессуального доказывания, подчеркивая: особенности познания в процессе доказывания [7, с. 41-42]; императивность норм, максимальную детализацию и универсальность судопроизводства [10, с. 26-27]; используются принципы доказывания [12, с. 22]. В.В. Галузо подчеркивал межотраслевой характер института доказывания [5, с. 57-58].

Таким образом, можно сформулировать следующий вывод о том. Что институт доказывания – это совокупность норм процессуальных отраслей права, регулирующих доказывание, по своему содержанию (не отрицая существование

особенностей доказывания по различным категориям дел на различных стадиях судопроизводства) тесно связаны и носят сложный, комплексный и межотраслевой характер, т. к. они регулирую фактически тождественные правоотношения.

По поводу правовых принципов как основных начал, авторы научных работ особо подчеркивают: нормативность, обязательность, их системообразующий характер [13, с. 311-314], связующий характер [14, с. 4-6].

Т.Ю. Вилкова допускает существование межотраслевых принципов права, тесно связанных с отраслевыми принципами и образующих подсистему по отношению к общеправовым принципам [4, с. 177].

Принципами института доказательств являются фундаментальные положения, определяющие его организацию и реализацию в процессе доказывания в рамках судопроизводства. Таковых принципов семь.

По нашему мнению, их следует разделить на три группы: организационные, функциональные и коммуникативные принципы данного межотраслевого института.

Первую группу организационных принципов образуют следующие принципы: 1. законность; 2. единство правовых норм, регулирующих тождественные правоотношения; 3. унификация и универсализация. Содержание принципа законности данного института заключается в том, что что все правоотношения, связанные с доказательствами, их обнаружением, формированием и использованием в судопроизводстве, должны строго соответствовать нормам процессуального закона. Любые доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми и в судопроизводстве использованию не подлежат. Принцип единства правовых норм, регулирующих тождественные правоотношения, является правилом, способствующим формированию согласованной и непротиворечивой системе правовых норм, регулирующих отношения по поводу доказательств. Принцип унификации и универсализации является основой для использования единых форм и стандартов доказательств во всех отраслях судопроизводства. Два функциональных принципа - формализма и технологичности отражают современное состояние правового регулирования доказательств в российском судопроизводстве. 4. Принцип формализма обеспечивает строго регламентируемую и документируемую процедуру оформления следственных и судебных действий, гарантирует воспроизводимость и проверяемость судебного процесса и его результатов. 5. Принцип технологичности — это фундаментальное положение, позволяющее правомочному субъекту использовать электронно-цифровые технологии, электронно-цифровые доказательства в процессе обнаружения, фиксации, проверки, исследования, использования и хранения доказательственной информации, упрощает и ускоряет процедуру судопроизводства.

Два коммуникативных принципа отражают органическую связь доказательств внутри института и характер его взаимодействия с институтом доказывания. Принцип взаимосвязи доказательств состоит в том, что доказательства перепроверяются с помощью других доказательств, взаимодействуют друг с другом, формируя представление субъектов доказывания о наличии или отсутствии единой, логически непротиворечивой системы юридически значимых фактов.

Принцип взаимообусловленности института доказательств и института доказывания отражает их органическую связь в едином процессуальном механизме, в котором нормы закона, регулирующие формирование, проверку, использование доказательств, взаимно дополняют друг друга, позволяя обеспечить целостность и эффективность судопроизводства. В процессе доказывания доказательства проверяются, исследуются и оцениваются в соответствии с установленными процессуальными правилами. Существование института доказывания без института доказательств не имеет смысла, и наоборот.

Данные принципы обеспечивает полноту, объективность и всесторонность исследования доказательств в целях вынесения законного и обоснованного судебного акта.

Свойства института доказательств органически связаны с указанными выше принципы и отражают их содержание. Нормативная обособленность, как свойство данного института, подчеркивает самостоятельное правовое регулирование отношений, связанных с доказательствами. В структуре уголовно-процессуального кодекса РФ нормы о доказательствах выделены в специальную главу. Целостность и внутреннее единство — это свойство, свидетельствующее о том, что нормы, составляющие данный институт, состоят в единстве и логической взаимосвязи, образуя своеобразную систему. Межотраслевой характер. Институт доказательств используется во всех видах российского судопроизводства. Это обеспечивает единообразный подход к формированию и использование доказательств. Свойство формализованности проявляется в том, что в публичном процессуальном праве достаточно жестко регламентируется порядок действий участников судопроизводства, обеспечивающих правовую определенность в отношениях, связанных с доказательствами, исключающих их произвольное толкование. Свойства изменяемости свидетельствует о способности норм данного института оперативно адаптироваться к технологическим изменениям, внедрению современных методов сбора и анализа доказательственный информации, использованию электронно-цифровых доказательств, что позволяет нормам института доказательств эффективно функционировать в современных условиях. Непротиворечивость доказательств между собой свидетельствует о том, что совокупность доказательств по конкретному юридическому делу преследует единую цель-установление юридически значимых фактов, которые во взаимосвязи подтверждают друг друга. Это обеспечивает объективность результата судебного разбирательства. Свойства функциональной взаимосвязи двух указанных институтов свидетельствует о том, что только при взаимодействии норм обеспечивается комплексный подход к разрешению юридических дел.

Проявлениями указанных выше свойств выступают семь признаков института судебных доказательств. Данные признаки во взаимосвязи со свойствами являются элементами реализации указанных выше принципов данного института. Нормативность указывает на то, нормы о доказательствах четко сформулированы и закреплены в процессуальном законодательстве. Признак системности являет собой упорядоченную совокупность взаимосвязанных норм, образующих стройную систему. Универсальность отражает то обстоятельство, что институт

доказательств применим ко всем категориям юридических дел во всех видах судопроизводства. Динамизм отражает способность института доказательств приспосабливаться к внедрению в гражданский оборот, юридические процедуры и судопроизводство электронно-цифровых технологий в условиях цифровизации и глобализации российской правовой системы. Взаимодополняемость доказательств отражает свойство их непротиворечивости, а именно: доказательства не существуют независимо друг от друга, они взаимодействуют и друг друга дополняют. Коррелируемость институтов доказательств и доказывания свидетельствует об их тесной взаимосвязи. Полагаем, что нормы указанных институтов в комплексе обеспечивают целостность и эффективность судопроизводства, как единый процессуальный механизм.

Поэтому, нормы данного института должны быть выделены (по аналогии с УПК РФ) в отдельные главы указанных процессуальных кодексов. Институт доказательств в российском судопроизводстве представляет из себя сложный комплексный самостоятельный межотраслевой процессуальный институт, который объединяет нормы процессуального закона, закрепленные в настоящее время в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, регулирующие тождественные правоотношения, складывающиеся по поводу судебных доказательств. Институт доказательств в российском судопроизводстве, полагаем, нуждается в унификации для разработки идеальной модели судебного доказательства и создания универсальной системы доказательств (включая электронно-цифровые доказательства и их носители) для обеспечения надлежащего доступа к правосудию всех его участников и решения задач судопроизводства, в первую очередь – постановки законных, обоснованных, мотивированных (и справедливых) судебных постановлений [11, с. 158].

Вследствие этого полагаем целесообразным, кроме внесения изменений в процессуальные кодексы, разработку и принятие Федерального закона РФ «О судебных доказательствах».

Список литературы:

1. Абдулаев, М.И. Проблемы теории государства и права: учебник / М.И. Абдулаев, С.А. Комаров. - СПб.: Питер, 2003. – 576с.
2. Валиев, Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель / Р.Г. Валиев // Теория права. - 2020. - Т. 73. - № 4 (161). - С. 108-116.
3. Васильев, В.В. Понятие гражданско-правового института как структурного элемента системы гражданского права / В.В. Васильев // Вестник Пермского университета. - 2012.- № 1 (15). - С. 98-103.
4. Вилкова, Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук / Т.Ю. Вилкова. - М., 2022. - 603с.
5. Галузо, В.Н. Доказывание в правосудии Российской Федерации: монография / В.Н. Галузо, Н.А. Канафин, В.М. Редкоус / под ред. В.Н. Галузо. - М.: Проспект, 2022. – 446с.

6. Джалилова, Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права / Е.А. Джалилова // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. - 2018. - № 2. - Т. 1. - С. 22-31.

7. Евдокимова, О.В. Классификация методов доказывания в юридическом процессе / О.В. Евдокимова, Т.В. Худойкина // Проблемы права. - 2012. - № 5 - (36). - С. 41-44.

8. Киримова, Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.А. Киримова. - Саратов, 1998. – 25с.

9. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском судопроизводстве в преддверии унификации процессуального законодательства / И.В. Решетникова // Закон. - 2014. - № 10. - С. 26-31.

10. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для бакалавриата и магистратуры / И.В. Решетникова. - М.: Юрайт, 2015. – 510с.

11. Русаков, А.Г. Унификация доказательств: обратной дороги нет / А.Г. Русаков // Высокотехнологичное право: точка бифуркации. - 2024. - Ч. 2. - С 154-159.

12. Салманидина, А.С. Принципы судебного доказывания в гражданском процессе: монография / А.С. Салманидина. - М.: Юрлитинформ, 2024. – 184с.

13. Скоробогатов, А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Юридическая техника. - 2020. - № 14. - С. 311-314.

14. Фурсов, Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса: учебное пособие / Д.А. Фурсов. - М.: Статут, 2009. – 80с.

© Русаков А.Г., 2025

EDN: PQEYVD

Сафронов Дмитрий Михайлович,
докторант научно исследовательского отдела
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Иные виды государственной деятельности как источники информации для уголовного судопроизводства в особых условиях: совершенствование взаимодействия

Аннотация: в статье осмысливается система государственных видов деятельности, оказывающих содействие органам, осуществляющим уголовное судопроизводство в особых условиях, оцениваются сложившиеся отношения по принятию имеющих у иных государственных органов сведений, обосновывается необходимость системного подхода в вопросе о вовлечении результатов иных видов деятельности в уголовное судопроизводство

Ключевые слова: уголовное судопроизводство в особых условиях; особые условия; соотношение уголовного судопроизводства с иными видами государственной деятельности; иные виды государственной деятельности, избыточные процедуры, иерархия видов деятельности

Российская Федерация уже 3 года осуществляет специальную военную операцию, защищая от геноцида русскоговорящее население Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей. В этих регионах введено и действует военное положение. За это время государством было предпринято ряд, мер, направленных на адаптацию производств к новым условиям. Ещё И.Я. Фойницкий писал: «если нужны отступления от правил, то на первый план должны выдвигаться интересы процессуальные — быстроты, полноты и экономии производства [1, с. 171]. Необходимость такого подхода в нашей стране как никогда со времён Великой Отечественной войны стала актуальна и для уголовного судопроизводства, которое, несмотря на ряд изменений, связанных с задержанием, мерами пресечения, приостановлением и прекращением уголовного преследования, осуществляется по прежним правилам мирного времени.

Полагаем, адаптацию системы к потребностям уголовного времени можно начать с установления правильного соотношения равных по значимости государственных видов деятельности.

Государство, выделяя виды государственной деятельности, исходит из их необходимости, важности и ценности.

Нельзя же сказать, что химическая промышленность менее важна чем тяжёлая, а медицина менее важна, чем правоохранительная деятельность. Да и, говоря о последней, не станем утверждать, что деятельность органов, осуществляющих ОРД, гораздо менее ценна, чем осуществляющих уголовный процесс.

Это подтверждается правовым регулированием, осуществляемым посредством федерального законодательства, из анализа которого следует: во-первых, что все государственные органы призваны достигать государственно значимые цели, следовательно, эти цели прямо или косвенно способствуют обеспечению национальной безопасности; во-вторых, они действуют на основании нормативных правовых актов, принятых государством; в-третьих, они действуют по процедуре, которой государство установило и которой доверяет, в-четвертых, качество проводимой работы подтверждается требованиями к должностным лицам, на которых возложено решение задач, и к которым предъявляются требования образования, состояния здоровья, а, в отдельных случаях, и стажа работы.

Предъявляемые к ним и основанные на законодательстве требования, создают основание для их вовлечения в уголовное судопроизводство по единой процедуре с соблюдением универсальных требований, которые будут понятны всем участникам уголовного судопроизводства.

При этом в настоящее время имеется определённых дисбаланс значимости между иными видами государственной деятельности, результаты которых представляются в уголовное судопроизводство, в пользу последнего.

Особая важность уголовного судопроизводства проявилась в УПК РФ 2001 г., когда в нём была закреплена невозможность применения норм федерального закона, ему противоречащего (ст. 7). Эти положения, выстраивающие иную иерархию положений, были обжалованы в Конституционный Суд РФ, который указал, что сложившаяся ситуация не предполагает распространение приоритета УПК РФ ни на федеральные конституционные законы, ни на международные договоры, обладающие большей силой, при этом в отношении иных актов он имеет преимущество, исходя из специального предмета регулирования [2].

Здесь следует напомнить, что сама по себе идея иерархии в праве не является новой. Её можно наблюдать в конституционном [3, С. 87.], административном [4, С. 58-59], и уголовно-процессуальном [5, С. 34.] праве и многих других отраслях публичного права. Это идея внутренней иерархии.

Известна иная иерархия. Например, в режиме военного положения, первое место должна занимать и занимает деятельность Вооружённых Сил России, направленная на преодоление особых условий. К этому же выводу, рассматривая вопрос о коллизии прерогатив судебно-следственной и военной властей пришёл и Л.В. Головко [6, С. 10].

Однако уголовное судопроизводство несколько выбивается из предложенных схем. В это связи, такое решение нельзя признать достаточно основательным. Вместо того, что ставить вопрос о необходимости тщательной подготовки проектов нормативных правовых актов, обеспечивая равенство и взаимодействие различных видов государственной деятельности, прозвучала идея о преимущественном праве УПК РФ. Вместо установление паритета сил, требующего взвешенного законотворчества, Конституционный Суд РФ установил приоритет

уголовного процесса.

Со временем идея о приоритете уголовного судопроизводства стала подтверждаться и в научных работах.

Например, преобладающее значение над административной деятельностью, как отмечают А.Е. Цепилов и И.М. Жолобова, обосновывается тем, что оно «направлено на добывание истины о самых опасных деяниях» [7, С. 164-171.]. А большая ценность по отношению к ОРД обосновывается бесплодностью последней [8, С. 4.] и её неспособностью вынести на суд полученные результаты, минуя уголовное судопроизводство.

Такая ситуация поставила уголовно-процессуальную деятельность на лидирующее в публичной отрасли права место. Эта идея не оспаривалась ни внутри уголовного судопроизводства, ни из вне.

Однако вывод о приоритетной роли уголовного судопроизводства над иными видами государственной деятельности не такой безобидный, как кажется на первый взгляд. Он нарушает баланс в системе этих отраслей.

Напомним, что в ходе уголовного судопроизводства используются результаты деятельности органов здравоохранения, административной, оперативно-розыскной, судебно-экспертной и ряда иных видов, к которым предъявляются не только дополнительные, но и различные требования. С.Б. Россинский назвал эту проблему связанной «с возможностью и условиями включения … непроцессуальной информации» [9, с. 155-156.].

Они могут иметь не только важное, но и решающее для хода уголовного судопроизводства значение, ведь в ином случае к ним бы не обращались, что отмечают Д.И. Бедняков [10, С. 28.] и М.П. Поляков [11, С. 35].

Например, результаты запросы в органы здравоохранения, исключают необходимость определять иным путём состояние психического здоровья лица, заключение экспертизы позволяет определить квалификацию деяния, характер и размер ущерба, а результат прослушивания телефонных переговоров – доказать виновность ключевого фигуранта. Все результаты будут важны для уголовного судопроизводства. Все будут восприняты. Но первый будет считаться одним видом доказательств – иным документом, второй – заключением эксперта, а третий будет образован из двух видов вещественного доказательства и протокола следственного действия, в ходе которого будет осматриваться фонограмма.

Устанавливая разный порядок принятия результатов других видов государственной деятельности: их получения, закрепления, определения ценности и дальнейшего использования законодатель не объяснил основания и мотивы для данного решения, вызывая по данному вопросу недоумение.

Как представляется, взаимодействие одного вида государственной деятельности с иными видами государственной деятельности должно осуществляться по единым правовым стандартам. Однако этого не произошло.

Более того, не остановившись на собственно провозглашённом признании приоритетного значения, современное уголовно-процессуальное законодательство продолжает развиваться дальше, формируя свои новые внутренние требования к оформлению представляемых сведений. Например, результаты ОРД должны отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89).

Причём эта деятельность – попытка влияния на иной вид государственной деятельности, осуществляется обоюдно. Так, в части 5 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» от 12 августа 1995 г. (далее – ФЗ Об ОРД) законодатель указал, что и фонограмма, и её распечатка – бумажный носитель записи переговоров передаются в орган расследования следователю для «приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств [12].

Такой формулировкой ФЗ Об ОРД допустил вторжение в уголовно-процессуальную сферу. Не понимание границ правового регулирования носит деструктивный характер, не допустимо и не приемлемо.

Имеющиеся сложности преодолеваются в условиях повседневной деятельности. Однако отсутствие единообразия в условиях частичного функционирования государственных органов будет ярко и остро проявляться в особых условиях, когда угроза национальной безопасности, осложнённая дефицитом времени, создаст сложности для продолжения уголовного судопроизводства.

Высказанные рассуждения позволяют сделать ряд выводов:

1. Уголовно-процессуальную деятельность следует признать равноценной и равнозначной иным государственной видам деятельности органов здравоохранения, Министерства Обороны РФ, судебно-экспертной, административной, оперативно-розыскной и т.д. Принятие такого подхода позволит отказаться от дополнительных требований, предъявляемых к получаемым в ходе иных государственных видов деятельности результатам.

2. Следует исключить из уголовного судопроизводства нормы и процедуры, связанные с дополнительной трансформацией результатов иных государственных видов деятельности, как избыточные, то есть затрачивающие время и финансовые средства, но не изменяющие исходный объем данных.

3. Это снизит нагрузку на следователя, выводя из числа следственных действия, осуществляемые в ходе иных видов деятельности, результаты которых надлежит получать в ходе запросно-ответных отношений.

Список литературы:

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1899. С. 171.

2. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Васильева Дмитрия Львовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 7, частью шестой статьи 162 и статьёй 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 371-О-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Авдеев Д.А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6 № 2 (22). С. 87.

4. Мильшин Ю.Н., Темуркаев М.И. К вопросу о совершенствовании контроля (надзора) за деятельностью некоммерческих организаций // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 58 - 59.

5. Сидорова А.В. Судебный риск в системе правовых рисков: общетеоретический аспект // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 34 - 37.

6. Головко Л.В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 1(96). С. 5-10.

7. Цепилов А.Е., Жолобова И.М. Личный досмотр: проблемы и пути решения // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 12. С. 164 - 171.

8. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юрид, лит., 1991. 240 с.

9. Россинский С.Б. Результаты административной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2024, № 5, С. 155-162.

10. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юридическая литература, 1991. 208 с.

11. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.

12. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией конвенции о защите прав человека и основных свобод: федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Сафронов Д.М., 2025

EDN: PQKJNP

Семенов Евгений Алексеевич,
начальник кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент;
Назарова Мария Денисовна,
преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

Обеспечение возможности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности

Аннотация: в продолжении не утихающей полемики в рамках заявленной тематики с точки зрения теории и практики рассматриваются возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам, а также исследуются вопросы подготовки процессуальных решений следователей и судов и их обоснование полученными в результате ОРМ данными.

Ключевые слова: результаты оперативно–розыскной деятельности; процесс доказывания; доказательства; нормы законодательства; правоприменительная деятельность.

Современное уголовное судопроизводство в настоящее время практически невозможно представить без результатов оперативно-розыскной деятельности *(далее по тексту – результаты ОРД)*. С учетом требования правовых актов результаты ОРД могут быть поводами и основаниями для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в процессе доказывания (ст. ст. 140, 143 УПК РФ; ст. 11 ФЗ об ОРД, п. 4 Инструкции о порядке предоставления результатов ОРД) [1]. Кроме того, результаты рассматриваемой деятельности в рамках правоприменительной практики идентифицируются в обвинительном заключении (обвинительном акте) в числе доказательств, подтверждающих обвинение, ложатся в основу приговора и, таким образом, устанавливают событие преступления и подтверждают виновность лица в совершении противоправного деяния (например, по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств, в сфере экономической деятельности, в сфере компьютерной информации и другие).

В случаях, когда результаты ОРД являются поводами и основаниями для возбуждения уголовного дела, проблем их имплементации в уголовно-процессуальном поле не возникает ввиду однозначной нормативной регламентации в указанных выше нормах.

Иным образом складывается ситуация с применением результатов ОРД в качестве доказательств. В соответствии со ст. 11 закона об ОРД – данные результаты могут использоваться исключительно в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, но не в качестве доказательств. Как видим, нормативно-правовые акты, регулирующие ОРД, дают «зеленый свет» для использования результатов данной деятельности в процессе доказывания, однако нормы УПК РФ (ст. 89), в свою очередь, блокируют такую возможность. С точки зрения как правоприменителей, так и ученых-процессуалистов, ст. 89 УПК РФ: «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» должна содержать в себе разъяснения порядка и условий использования в процессе доказывания результатов ОРД. Вместе с тем, диспозиция рассматриваемой нормы ограничивает таковое, если данные результаты не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам в соответствии с нормами УПК РФ. Рассматривая упомянутую норму закона, нельзя оставить без внимания слова профессора В.Т. Томина. Ученый, анализируя ст. 89 УПК РФ, приходит к выводу, что: «Заголовок статьи обещает правоприменителю сообщить о процедуре использования результатов ОРД (о чем же еще?), а текст статьи сообщает о категорическом запрете такого использования при условии, вызывающем сомнения и в его целесообразности, и в его законности» [2].

Действительно, противоречивость правового регулирования данного вопроса порождает не утихающую полемику в юридической науке относительно возможности использования результатов ОРД в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Анализ сложившихся в юридической литературе точек зрения относительно использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу, позволил выделить несколько позиций.

О значимости результатов ОРД, как познавательного ресурса говорят такие авторы, как: Азаров В.А., Константинов В.В. [3], Поляков М.П. [4]., Россинский С.Б. [5] и многие другие известные ученые-процессуалисты.

Отметим, что М.П. Поляков высказал следующее мнение: «результаты ОРД должны быть вписаны в систему доказательств и оценены наравне с другими фактическими данными, при этом следователь (дознаватель) или судья выступает в качестве интерпретатора указанной информации для себя и других участников уголовного процесса» [4].

Следует отметить, что в юридической науке есть точка зрения, согласно которой: результаты ОРД доказательствами сами по себе не являются, а используются только как основа для формирования доказательств в уголовном процессе [6]. О.Л. Кузьминой высказана позиция о том, что результаты ОРД необходимо привести к соответствию требованиям процессуального законодательства, которые применяются к доказательствам [7]. Смеем предположить, что указанные мнения ученых основаны на определении Конституционного Суда Российской

Федерации от 04.02.1999 г. № 18-О, в котором детализируется, что результаты ОРМ являются лишь сведениями об источниках фактов, полученных в соответствии с нормами Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», они не являются доказательствами, но могут стать таковыми только после их закрепления в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ [8].

Сторонники антагонистичной позиции, отмечают, что результаты ОРД не могут быть использованы в качестве полноценных средств познания по уголовному делу [9]. Выступая против признания результатов ОРД доказательствами, большинство исследователей обосновывают свою точку зрения тем, что для результатов ОРД не предусмотрены процессуальные гарантии, в отличие от доказательств, полученных на основании норм УПК РФ.

Е.А. Доля, выступая противником использования результатов ОРД в процессе доказывания, комментируя возможность использования их в качестве доказательств, отмечает: «позиция таких авторов ведет в конечном счете к смешению оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, возможности подмены одним видом деятельности другого, что в принципе недопустимо» [10].

Говоря о нецелесообразности преобразования результатов ОРД в доказательства по уголовному делу, В.Ч. Родевич и А.Н. Тукало придерживаются следующего мнения: «например, в деле оперативного учета имеется информация от конфидента, которая отражает обстоятельства доказывания по уголовному делу, однако это не означает, что данная информация будет отвечать требованиям относимости, допустимости, предъявляемым к доказательствам» [11]. Позволим себе прокомментировать высказанную точку зрения и не согласиться с ней, поскольку результаты такого общения в допустимую форму не облекаются.

Итак, прежде всего, следует разобраться кто такой «конфидент»? Смеем предположить, что под упомянутым термином авторы понимают так называемого «информатора», т.е. лицо, предоставляющее какие-либо сведения оперативным сотрудникам. Следует отметить, что дело оперативного учета носит засекреченный характер в связи с чем, не все материалы, находящиеся в нем, подлежат передаче в орган предварительного расследования. Вся информация, получаемая оперативными сотрудниками подлежит проверке, в том числе посредством проведения ОРМ, результаты которых оформляются надлежащим образом и после чего передаются в следственные подразделения. Поэтому, прежде чем информация, полученная от «конфидента», станет доказательством по уголовному делу, она пройдет все необходимые проверки в соответствии с законодательством, регулирующим сферу ОРД.

В юридической литературе высказана проблема «проверяемости» результатов ОРД, которую ученые обуславливают неясностью обстоятельств их получения и невозможностью исследования этих вопросов путем следственных и судебных действий [12]. С.А. Сущенко считает: «…механизм проверки и оценки рассматриваемых результатов вытекает из положений ст. 89 УПК РФ: эти результаты проверяются посредством производства следственных и иных процессуальных действий в порядке, установленном ст. 87 УПК РФ» [13]. Несмотря на

то, что в указанных автором нормах приведенные предписания отсутствуют, высказанная позиция видится вполне логичной ввиду того, что предварительное расследование не ограничивается лишь производством ОРМ в процессе производства следственных действий результаты ОРД, могут подтвердиться, либо же наоборот быть опровергнутыми. Также следует обратить внимание на то, что нормы закона об ОРД при производстве ОРМ, направленных на ограничение конституционных прав личности, предусматривают судебный порядок получения разрешения на его производство. В связи с чем позиция о «непроверяемости» видится спорной.

Исследуя рассматриваемую проблематику, В.С. Балакшин и М.В. Назаров приходят к выводу о необходимости внесения изменений в ст. 74 УПК РФ путем имплементации отдельных результатов ОРД в качестве доказательств. Таких как: снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации, наведение справок [14].

Е.А. Коновалова предложила придавать статус доказательств результатам ОРМ путем вынесения следователем постановления, которое должно соответствовать ч. 4 ст. 7 УПК РФ, т.е. отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности [15].

Судебная практика в настоящее время складывается следующим образом: из материалов уголовного дела № 1-39/2022 следует, что суд при постановке приговора к числу доказательств вины подсудимого отнес материалы ОРД, а именно: протоколы ОРМ «Наблюдение», протокол «Изъятия», протокол «Исследования предметов и документов», протоколы обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Суд счел, что добытые в результате ОРД сведения отвечают требованиям ст. 89 УПК РФ ввиду того, что при их проведении были соблюдены основания и условия, предписанные ст. ст. 7,8 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Следует отметить, что в рамках судебных заседаний вину подсудимый так и не признал, а в период предварительного следствия практически при каждом допросе пользовался ст. 51 Конституции РФ. Приведенный случай является не единичным в судебной практике.

Так, например, в приговоре по уголовному делу №1-171/2024 помимо основных доказательств по делу в качестве таковых были признаны результаты ОРМ «исследование предметов и документов»[16].

Еще ситуация. В рамках приговора №1-246/2021 суд при признании в качестве доказательств показаний свидетелей, акцентирует внимание на том, что они подтверждаются результатами ОРД, содержащимися в материалах уголовного дела[17].

Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации в отдельных решениях допускает возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств с указанием о необходимости проверки законности и обоснованности проведенных ОРМ [18, 19].

Е.Е. Терентьевой по рассматриваемой тематике был проведен опрос практических работников, в частности, сотрудников прокуратуры, по итогам которого автором был сделан вывод что, по мнению опрашиваемых, результаты ОРД могут быть признаны в качестве доказательств по уголовному делу, как иные документы, предусмотренные п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ [20].

Ю.П. Гармаевым и А.П.Макаровым так же был проведен опрос респондентов из числа: оперативных сотрудников, следователей и сотрудников прокуратуры в контексте использования результатов ОРД по делам о взяточничестве в крымском регионе. Проведенный опрос показал следующие результаты: 81 % опрошенных из числа оперативных сотрудников, 65 % следователей и 51 % прокурорских работников, считают, что результаты ОРД имеют ключевое значение в процессе доказывания по уголовному делу и могут быть положены в основу доказательственной базы по уголовному делу [21].

Позиция судов, а также опрошенных практических сотрудников вполне ясна и видится обоснованной в виду некоторых факторов. Итак, обусловлено это, прежде всего, тем, что лица, задержанные с поличным в результате проведения ОРМ, зачастую отрицают свою вину и отказываются от дачи показаний, ссылаясь на статью 51 Конституции РФ, в связи с чем проведение отдельных следственных действий с такими гражданами становится невозможным. Впоследствии, в основу обвинительных приговоров ложатся именно результаты ОРД, либо результаты ОРД становятся «вишенкой на торте» в основном массиве имеющихся доказательств, подтверждающих виновность лица.

Следует акцентировать внимание на еще одном моменте. В результате проведения такого ОРМ, как «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», могут быть изъяты предметы, имеющие значение для будущего уголовного дела, следовательно, данное ОРМ будет являться - единственным источником таких данных по уголовному делу, поскольку произвести законное изъятие каких-либо предметов другим способом не представится возможным.

Так, к примеру, по итогам проведения такого ОРМ, как «прослушивание телефонных переговоров», сотрудники оперативных подразделений в орган предварительного расследования предоставляют стенограмму, отражающую переговоры прослушиваемых. Следователь (дознаватель) в свою очередь в рамках протокола осмотра переписывает содержание стенограммы, предоставленной оперативными сотрудниками. В связи с чем возникает вопрос, а в чем целесообразность затрачивать время и ресурсы на дублирование того, что уже сделали другие сотрудники? Почему результаты следственного действия «Контроль и запись переговоров» могут использоваться в качестве доказательств, а результаты оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров» при их идентичности, нет? Так же следует отметить, что положения ст. 186 УПК РФ и п.10 ч.1 ст.6 ФЗ об ОРД практически идентичны друг другу. В связи с чем возникает вопрос: почему результаты этого ОРМ не могут быть признаны полноценными доказательствами? Помимо сказанного, не стоит упускать из внимания и тот факт, что контроль и запись переговоров вне зависимости от того,

является он ОРМ, либо же следственным действием, в обоих перечисленных случаях осуществляется специализированным оперативно-техническим подразделением.

Обратимся к регламентации рассматриваемого вопроса в нормативно-правовых актах стран СНГ. Так, УПК Республики Беларусь в ч.2 ст. 88 предусматривает в качестве источников доказательств «материалы оперативно-розыскной деятельности».

Статья 101 данного правового акта, в свою очередь, акцентирует внимание правоприменителей, что рассматриваемые материалы могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены при соблюдении законодательства республики, а также оценены в соответствии в порядке, который установлен в нормах УПК РБ.

Часть 4 статьи 104 УПК РБ раскрывает особенности проверки доказательств с точки зрения их анализа, сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела, а также в установлении их источников, получении других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство [22].

До настоящего времени актуальны и справедливы видятся озвученные в юридической литературе мнения. Так, Д.И. Бедняков утверждает: «процессуальная деятельности без применения непроцессуальных методов была бы невозможной, а непроцессуальная деятельность без последующего использования результатов – бесцельна» [23]. Профессор В.Т. Томин тонко замечал: «Уголовный процесс без ОРД – бессилен, но ОРД без выхода через уголовный процесс – бесплодна»[2]. М.П. Поляковым справедливо отмечено: «результаты оперативно-розыскной деятельности есть - готовый информационный продукт, нуждающийся не в трансформации, а в интерпретации [24].

Действительно, не возможность отдельного существования результатов ОРД показывает и анализ следственной и судебной практики. Несмотря на отсутствие в нормах действующего УПК РФ правил признания результатов ОРД полноценными доказательствами, практические работники, «не замечая» отсутствия подобной конструкции, причисляют результаты ОРД к числу доказательств по уголовному делу, ссылаясь на закон об ОРД, а также инструкцию о порядке предоставления рассматриваемых результатов органу дознания, следователю или в суд.

Однако не стоит умалять значимость результатов ОРД для уголовного судопроизводства, поскольку они могут являться единственным подтверждением обстоятельств, подлежащих доказывания. Сложившаяся проблематика, в виде противоречивости и коллизионности нормативного регулирования уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной сфер требует разрешения на законодательном уровне и не утратила своей актуальности.

Предложенные в юридической науке предложения в виде частичного включения результатов ОРД в число доказательств по уголовному делу [14] не ви-

дятся целесообразными, поскольку результаты всех ОРМ могут нести доказательственную информацию в зависимости от сложившейся практической ситуации. В свою очередь, включение некоторых результатов ОРМ в число доказательств породит еще большее количество проблем в практической деятельности и подогреет не утихающую полемику в юридической науке.

Обобщая вышесказанное, отметим, что рассматриваемая проблема может быть решена лишь посредством устранения коллизионности норм ее регулирующих. Видится необходимым внесение изменений в ст. 89 УПК РФ, а именно: детализации требований предъявляемых к результатам ОРД, а также порядка их проверки и оценки.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» СПС: КонсультантПлюс; Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) СПС КонсультантПлюс.

2. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. 2009. 376с.

3. Азаров В.А., Константинов В.В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. 2013. № 11. С. 20-24.

4. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. – Н.Новгород. 2002. 442 с.

5. Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности – доказательства по уголовному делу: только «за» и никаких «против» // Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в сове ремённых условиях» // Иркутск. 2018. Том I. С. 265-271.

6. Ниязов, М. Общие требования допустимости доказательств, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий на стадии доследственной проверки / М. Ниязов // Society and Innovations. – 2023. – Vol. 4, No. 2/S. – P. 90.

7. Кузьмина О.Л. Некоторые вопросы использования результатов ОРД в доказывании по уголовному дел / Материалы международной научно-практической конференции: XI Балтийский юридический форум "Закон и правопорядок в третьем тысячелетии"// Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – С. 31.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М.Б.Никольской и М.И.Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2025).

9. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб: Юридический центр-Пресс, 2006. 449 с.

10.Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009.

11. Родзевич В.Ч., Тукало А.Н. Развитие теоретических взглядов на проблему использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник Академии МВД Беларусь. 2009. № 2.

13. Химичева О.В., Мичурина О.В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие. // Москва. ЮНИТИ-ДАНА. 2014. 287с.

13. Сущенко С.А. О некоторых проблемных аспектах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С.306-312.

14. Балакшин В.С., Назаров М.В. О необходимости дополнения статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новым видом доказательств (результаты оперативно-розыскной деятельности). // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1 (37). С. 5-10.

15. Коновалова Е.А. Вопросы совершенствования деятельности следователя по использованию результатов ОРД в качестве доказательств при расследовании преступлений, совершаемых организованными группами // СПС: КонсультантПлюс.

16. Архив Советского районного суда г. Орла, Орловской области.

17. Архив Заводского районного суда г.Орла, Орловской области.

18. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2025).

19. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2025).

20.Терентьева Е.Е. Правовой статус результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // СПС КонсультантПлюс. 2025.

21. Гармаев Ю.П., Макаров А.П. Проблемы использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве в крымском регионе: анализ результатов анкетирования правоприменителей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 138-141.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295- // «ВедамасціНацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь» от 25 августа 1999 г. – № 28-29. – Ст. 433.

23. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С.80.

24. Поляков М.П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы Международной научно-практической конференции. МГЮА, 2004. С.182-184.

© Семенов Е.А., Назарова М.Д., 2025

EDN: QQMNFK

Сотникова Юлия Николаевна,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук

Использование судами информационных технологий в уголовном судопроизводстве

Аннотация: в работе раскрыты особенности применения судами информационных технологий в уголовном судопроизводстве, выделены направления их внедрения, обозначены преимущества и недостатки технологий в практике их применения. Научная новизна работы заключается в том, что фундаментальных исследований по данной теме нет, а внедрение сервисов в судах продолжается, что вызывает интерес и дискуссии относительно уголовного судопроизводства с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; информационные технологии; видеоконференцсвязь; ГАС «Правосудие».

Вопросу цифровизации уголовного судопроизводства уделяется внимание достаточно длительный период времени. Первые судебные заседания с применением видеоконференцсвязи стали проходить в Российской Федерации более двадцати лет назад, что соответствовало действующему законодательству [4]. Такая правовая дефиниция позволила судам проводить судебные заседания и в период пандемии. В настоящее время большая часть судебных процессов первой, апелляционной и кассационной инстанций проводятся с помощью видеоконференцсвязи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ), что позволяет сэкономить время и материальные расходы. При этом права участников уголовного судопроизводства не нарушаются.

На сегодняшний день можно выделить следующие направления внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство. Так, возможна электронная фиксация хода судебного разбирательства. Участники уголовного судопроизводства наделены правом подать документы в суд в электронном виде, при этом они должны быть подписаны электронной квалифицированной подписью.

На сайтах судов в сети «Интернет» выгружается информация о движении уголовных дел, можно увидеть принятые процессуальные решения по уголов-

ным делам. Такая возможность очень удобна для участников уголовного судопроизводства и судов, поскольку информация открыта, доступна, с ней можно ознакомиться оперативно, не выходя из дома.

Электронное уголовное судопроизводство ведется с помощью Государственной автоматизированной системы (ГАС) «Правосудие». В этой системе содержится информация относительно судебного делопроизводства и статистики; банка судебных данных (судебных постановлений); видеоконференцсвязи. Также в ГАС «Правосудие» имеется Комплексная информационная система судов общей юрисдикции. Она включает внешний и внутрисудебный интернет-порталы[3]. Внешний интернет-портал предназначен для взаимодействия с гражданами, юридическими лицами, государственными структурами.

С помощью системы ГАС «Правосудие» возможны межуровневое и межведомственное взаимодействие, видеоконференцсвязи с СИЗО, аудио- и видеозаписи судебных заседаний, электронный архив и др.

В настоящее время во многих регионах России, в том числе в Ставропольском крае, работает суперсервис «Правосудие онлайн». Данный сервис состоит из 26 подсистем и 49 программных комплексов [2, с. 26-30]. С их помощью возможно автоматическое распределение дел, ведение делопроизводства в электронном виде, направление извещений, принятие электронных документов. Внедряется электронное взаимодействие со службой исполнения наказаний, используются электронные поручения о конвоировании заключенных в судебное заседание.

С июля 2023 года у жителей Ставропольского края появилась возможность обращаться во все суды Ставропольского края через МФЦ. Все хранившиеся в архивах судов Ставропольского края уголовные дела, рассмотренные в период с 1962 по 2007 годы, переведены в электронный вид.

Безусловно, совместная деятельность по применению правовых норм и научных исследований в данной сфере позволит выработать определенные требования к цифровым технологиям, применяемым в уголовном судопроизводстве; возможность их использования в качестве доказательств по уголовным делам.

Рациональным и положительным представляется установление в ч.5 ст. 241.1 УПК РФ права любого участника уголовного судопроизводства принимать участие в судебном заседании путем использования видеоконференцсвязи по его ходатайству или по инициативе суда. Участие свидетелей в судебном разбирательстве с помощью видеоконференцсвязи, проживающих отдаленно, позволяет судам рассматривать уголовные дела, не откладывая их и не нарушая сроки рассмотрения дел.

Допрос эксперта, специалиста по уголовному делу дистанционно, с помощью видеоконференцсвязи, минимизирует процессуальные издержки, а также позволяет назначить судебное заседание на ближайшую дату.

Учитывая все положительные моменты применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве, большое значение уделяется мероприятиям по противодействию незаконной обработке и сбору сведений о гражданах,

в том числе персональных данных граждан на территории Российской Федерации неуполномоченными и неустановленными лицами, а также используемыми ими техническими средствами.

Согласно Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы информационная безопасность судебной системы и формы ее реализации должны сопровождаться принятием адекватных мер, направленных на обеспечение компьютерной безопасности судов всех уровней, защиту информации, используемой в сфере судопроизводства от кибер-атак. Для этого в системе судов создаются службы обеспечения электронной безопасности для предотвращения попыток несанкционированного доступа к электронной информации и ее сбору.

Информационные системы судов должны быть обеспечены криптографической защитой, другими средствами обеспечения безопасности и достоверности электронных судебных процедур. Алгоритмы обработки данных и доступа упорядочиваются, обработка данных обеспечивается на российских серверах с использованием сетей связи российских операторов.

Применение информационных технологий в судах в уголовном судопроизводстве имеет следующие преимущества. Информация, которую необходимо сообщить участникам процесса, быстрее к ним поступает, в судах ведется электронный учет уголовных дел. Это позволяет быстрее найти необходимую информацию.

Вся информация для участников уголовного процесса прозрачна, у них есть возможность увидеть в личном кабинете или на сайте суда, на какой стадии находится уголовное дело, посмотреть принятые судом постановления. Также информационные технологии, такие как ГАС «Правосудие», «Правосудие онлайн» позволяют судам и гражданам экономить время, материальные ресурсы (расходы на проезд, транспортировку, почтовые отправления, бумагу и т.д.).

С использованием автоматизированных систем судам легче планировать время назначения судебных заседаний.

Конечно, можно выделить и недостатки в работе, связанные со сбоем работы систем. Так, в октябре 2024 года ГАС «Правосудие» на какое время прекратило выполнять свои функции из-за кибер-атаки со стороны украинской хакерской группировки.

Необходимо усилить меры безопасности из-за риска кибер-атак. Но есть и такие сложности в дистанционной работе судов, связанные с отсутствием возможности у ряда граждан использовать электронные системы по техническим причинам и необразованностью в данной сфере[1, с. 128-129].

Конечно, информационные технологии полностью не заменят уголовное судопроизводство с личным участием граждан в офлайн формате, они только осуществляют обеспечение судов в различных формах, которые нашли отражение в данной работе.

Полагаем, что создание единого информационного пространства судов всех уровней повысит качество их работы, что также положительно повлияет на участников уголовного судопроизводства. Для оптимизации технологий и воз-

можности создания нового программного обеспечения необходимо изучать положительную и отрицательную практику судов по уголовным делам с применением информационных технологий.

Учитывая стремительное развитие технологий, совершенствование способов доступа граждан к информации о деятельности суда, необходимо создавать и совершенствовать в системах ГАС «Правосудие» и «Правосудие онлайн» обучающие модули, при помощи которых граждане смогут сформировать навыки работы в этих системах. Также немаловажно проводить разъяснительную работу с населением, совместные образовательные и научные мероприятия с учебными заведениями для повышения уровня знаний о цифровом правосудии.

Список литературы:

1. Белякова, А.В. «Цифровое правосудие в России» / А.В. Белякова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. - 2022. - № 5 -С. 128-129.

2. Ермаков, А. В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект/ А.В. Ермаков // Право. Юридические науки. - 2024. - № 4 – С. 26-30.

3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 24.07.2025) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.09.2025).

4. 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28850 (дата обращения: 01.09.2025).

© Сотникова Ю.Н., 2025

EDN: QTGQNZ

Спирин Александр Владимирович,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

О перспективах исследования уголовно-процессуального статуса прокурора

Аннотация: статья посвящена рассмотрению отправных положений исследований уголовно-процессуальной деятельности прокурора с использованием системного подхода и функционального анализа. Автор обращает внимание на перспективность использования понятия «функции» в изучении существующей системы средств уголовно-процессуальной деятельности прокурора, разработке предложений по совершенствованию данной системы. С другой стороны, исследования подобного рода должны учитывать полисемию данного термина.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные функции; прокурор; уголовно-процессуальная деятельность; средства уголовно-процессуальной деятельности; полномочия прокурора.

Исследование уголовно-процессуального статуса прокурора и осуществляемой им уголовно-процессуальной деятельности, равно как и исследования многих иных значимых проблем в сфере уголовного судопроизводства, с точки зрения выполняемых им функций (уголовно-процессуальных функций) позволяет рассмотреть и проанализировать соответствующую деятельность в динамике, обратить внимание на отдельные ее направления, виды, участки. При этом в качестве исследовательского инструментария применяется системный подход, который включает в себя функциональный анализ и предполагает познание функционального назначения, роли и эффективности изучаемой системы и каждой ее части [1, с. 244]. Достижение цели и решение задач такого исследования предполагает необходимость, как представляется, поиска последовательных ответов на несколько ключевых вопросов:

- что понимается в науке под функцией вообще и под уголовно-процессуальной функцией в частности?

- какие основные подходы к определению уголовно-процессуальной функции выработаны уголовно-процессуальной наукой? В чем их достоинства и недостатки?

- как можно определить функцию (функции) прокурора в уголовном судопроизводстве и функции его уголовно-процессуальной деятельности?

- какими факторами предопределяется наличие (существование) конкретных функций прокурора? Что это за функции?

- каково содержание уголовно-процессуальных функций прокурора?

- с помощью каких правовых средств осуществление присущих прокурору функций будет осуществляться наиболее результативным образом?

Последний вопрос в нашем перечне представляет не только теоретический, но и немалый практический интерес, поскольку рассматривая функции прокурора и сопоставляя их с предоставленными ему полномочиями (правовыми средствами) можно дать оценку, насколько эффективной, т.е. позволяющей решить поставленные перед прокурором задачи, является система таких полномочий.

Приступая к исследованию функционального назначения любого участника уголовного судопроизводства, прибегая к приложению в этом исследовании понятия «функции», следует иметь в виду важное обстоятельство. Понятие уголовно-процессуальной функции может быть использовано при исследовании уголовного судопроизводства в целом, а также при изучении уголовно-процессуальной деятельности конкретного субъекта, это два самостоятельных (не совпадающих) направления исследований в науке уголовного процесса [2, с. 165]. Известный советский процессуалист М.Л. Якуб, например, считал, что не следует смешивать понятие процессуальной функции как вида процессуальной деятельности (расследование, обвинение, защита и т.д.) и функцию того или иного участника уголовного судопроизводства (функция суда, прокурора, защитника и т.п.) [3, с. 83-84]. Подобную же позицию занимает современный отечественный ученый, профессор А.А. Тушев: следует четко отделять понятие основных функций уголовного процесса (обвинение, защита, разрешение уголовного дела) от функций его субъектов (в исследовании А.А. Тушева речь шла о прокуроре) [4, с. 34].

Кроме того, как следует из теоретических разработок, применять понятие функции в конкретном исследовании возможно не только к уголовно-процессуальной деятельности в целом (как направление деятельности) и, как указано выше, к уголовно-процессуальной деятельности отдельного участника (например, суда, следователя или прокурора), но даже и к отдельным стадиям (этапам) уголовного процесса (так называемые «частные функции») [5, с. 56-68].

Таким образом, встречая понятие «функции» в том или ином исследовании, мы должны иметь виду присущую соответствующему термину полисемию, следовательно, рассматривать результаты данного исследования под определенным углом.

Так, например, если понимать под функциями направления, виды уголовно-процессуальной деятельности в целом, то классической (и нашедшей в определенной степени закрепление в УПК РФ) в современной российской науке уголовного процесса признается концепция триады функций: уголовное преследование (обвинение), защита и разрешение дела [6, с. 26-27].

Выше нами было указано, что закрепление в действующем УПК РФ уголовно-процессуальных функций произошло «в определенной степени» (например, в п. 45 ст. 5, ст. 15 УПК РФ). Определения понятия, раскрытия его содержания в УПК РФ мы не найдем, но этого и не требуется. Однако, никаких сомнений

в том, какую именно функцию уголовно-процессуальной деятельности (в целом) из входящих в триаду осуществляет прокурор, нет. Это, безусловно, функция обвинения.

Сложнее обстоит дело с определением функции прокурора как участника уголовного судопроизводства. К определенным размышлениям нас должно подтолкнуть содержание ч. 1 ст. 37 УПК РФ: «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». Надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, как бы мы не толковали приведенную норму, это тоже функция прокурора, если, повторим, в качестве функции мы рассматриваем направление уголовно-процессуальной деятельности данного участника. Исчерпывается ли перечень функций прокурора двумя названными в ч. 1 ст. 37 УПК РФ? На наш взгляд, нет. Несмотря на отсутствие прямого упоминания в тексте закона, следует вести речь о наличии, наряду с упомянутыми, функций исследования материалов уголовного дела, правообеспечительной функции, а также функции руководства и контроля деятельности нижестоящих прокуроров. В научной литературе упоминается, но недостаточно регулируется в УПК РФ (для прокурора буквально – лишь намеченное) профилактическое направление. Наличие профилактической функции в деятельности прокурора оправдано публичным интересом, который он отстаивает, а также задачами, возложенными на него государством. Поэтому необходимо закрепление за прокурором соответствующих полномочий как в досудебных, так и в судебных стадиях [7, с. 27-29].

Безусловно, для того чтобы исчерпывающе раскрыть содержание названных выше направлений деятельности прокурора, необходимы дополнительные глубокие исследования, которые представляются многообещающими и продуктивными в плане дальнейшего раскрытия отдельных сторон деятельности прокурора, а также (в перспективе) совершенствования правового регулирование этой деятельности.

Вместе с тем, прямое закрепление в УПК РФ исчерпывающего перечня функций прокурора (как и других участников уголовного судопроизводства) вряд ли оправданно. Это привнесет в Кодекс излишнюю декларативность. На наш взгляд, понятие функции как направления (вида) деятельности служит, в первую очередь, исследовательским инструментом, который позволяет на надлежащем теоретическом уровне обосновать статус того или иного участника уголовного судопроизводства. Что касается содержания ч. 1 ст. 37 УПК РФ, то оно может быть дополнено фразой «и иные направления деятельности».

Таким образом, функциональный подход к рассмотрению уголовно-процессуальной деятельности может применяться с самых разных позиций, любой подход имеет право на существование, позволяя «увидеть» предмет исследования с разных сторон. Но выбирая ту или иную позицию, метод исследования, следует уточнять, что именно подвергается анализу, оценке (сама деятельность или ее

элемент). Иначе возможна методологическая ошибка, заключающаяся в нарушении правил системного выделения элементов исследуемого объекта [5, с. 56-68].

Список литературы:

1. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов / 2-е изд. М.: Аванта+, – 2001. – 560с.

2. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. 2-е изд. / В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, – 2008. – 560 с.

3. Якуб, М.Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб // Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 83-89.

4. Тушев, А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / А.А. Тушев / СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», – 2005. – 325 с.

5. Давлетов, А.А., Азаренок Н.В., Асанов Р.Ш. Проблема функций следователя в уголовном процессе / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок, Р.Ш. Асанов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 56-68.

6. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Курс лекций / А.А. Давлетов. Изд. 7-е. Екатеринбург, – 2020. – 390 с.

7. Спирин, А.В., Шавкунова, Т.А. Заявление об устранении нарушения / А.В. Спирин, Т.А. Шавкунова // Законность. – 2022. – № 7. – С. 27-29.

© Спирин А.В., 2025

EDN: QVIVFY

Степанова Ирина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
Судебной экспертизы и таможенного дела
Тульского государственного университета

Использование специальных знаний при расследовании киберпреступлений, совершённых с использованием служебного положения

Аннотация: в статье исследуются проблемные аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ, совершаемых с использованием служебного положения. На основе анализа судебной практики доказывается, что традиционная компьютерно-техническая экспертиза недостаточна для установления всех элементов состава преступления. Автор обосновывает необходимость применения комплексного подхода, интегрирующего знания в области корпоративной IT-архитектуры, управления доступом и должностных обязанностей для эффективного доказывания умысла и способа совершения деяния.

Ключевые слова: специальные знания; киберпреступность; служебное положение; неправомерный доступ; компьютерно-техническая экспертиза; IT-архитектура; доказывание.

Современный этап развития общества, характеризующийся повсеместной цифровизацией, порождает новую криминальную реальность, в которой традиционные преступные деяния трансформируются, а на смену им приходят новые, высокотехнологичные формы противоправного поведения. Среди них особую латентность, сложность раскрытия и высокую общественную опасность представляют преступления в сфере компьютерной информации, совершаемые так называемыми «инсайдерами» — лицами, которые используют свой служебный статус и легитимный доступ для осуществления неправомерных деяний. Квалификация таких действий по п. «б» ч. 2 ст. 272 УК РФ [1] требует от органов предварительного расследования и суда установления не только самого факта нарушения целостности, конфиденциальности или доступности информации, но и доказательства наличия прямого умысла, а также неразрывной причинно-следственной связи между служебными полномочиями лица и совершенным компьютерным посягательством.

Однако существующая практика использования специальных знаний в рамках уголовного судопроизводства по данной категории дел зачастую оказывается

неадекватной сложности поставленных задач. Сложившийся арсенал процессуальных средств доказывания, центральное место в котором занимает судебная компьютерно-техническая экспертиза, демонстрирует свою методологическую ограниченность при столкновении со спецификой инсайдерских преступлений. Это порождает системные проблемы, приводящие к невозможности изобличения виновных, квалификационным ошибкам и, в конечном счете, к безнаказанности в высоколатентной сфере киберпреступности. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена наличием существенного разрыва — «доказательственного вакуума» — между технической возможностью зафиксировать факт нарушения и правовой способностью квалифицировать его как умышленное преступное деяние, совершенное с использованием служебного положения.

Целью данной работы является комплексный анализ проблем использования специальных знаний при расследовании киберпреступлений, совершаемых инсайдерами, и обоснование необходимости перехода к междисциплинарной модели исследования. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: выявить и детально охарактеризовать ключевые проблемные аспекты традиционной экспертной практики; проанализировать причины их возникновения на примере конкретных уголовных дел; разработать и предложить модель комплексного подхода, интегрирующего знания из различных предметных областей; сформулировать конкретные пути внедрения данного подхода в современную следственную и судебную практику.

Классическая судебная компьютерно-техническая экспертиза (СКТЭ), безусловно, является необходимым инструментом в арсенале следователя по делам о киберпреступлениях. Её методология, основанная на криминалистическом анализе цифровых носителей, данных оперативных журналов (лог-файлов) и сетевого трафика, эффективно решает узкий, но важный круг задач. Она позволяет ответить на вопросы «что произошло?» и «каким техническим способом?»: зафиксировать факт несанкционированного доступа, идентифицировать учетную запись, с которой он был осуществлен, установить точное время, IP-адреса, перечень просмотренных, скопированных или модифицированных файлов [4, с. 271].

Однако при расследовании дел, где подозреваемый изначально обладает легитимным доступом к информационной системе, этого набора данных оказывается критически недостаточно. Центральными для состава преступления становятся вопросы иного порядка: «Имел ли лицо правомерный доступ к конкретным действиям, которые оно совершило?», «В каких именно границах должны были осуществляться его служебные полномочия?» и, что наиболее важно, «Был ли его выход за эти границы умышленным и осознанным?». Ответы на эти вопросы не содержатся в явном виде в бинарных данных на жестком диске или в сетевых пакетах. Они скрыты в более сложном и комплексном контексте, который включает в себя архитектуру корпоративной IT-среды, внутренние регламенты компании и должностные инструкции сотрудника.

Именно эта ограниченность порождает фундаментальную проблему, которую можно обозначить как «технологический разрыв» между техническими доказательствами и их правовой квалификацией. На примере дела № 1-649/2017 (Тюмень) [3] мы видим, что процесс доказывания сопровождался значительными техническими сложностями. Сам по себе факт модификации данных, осуществленной с авторизованного корпоративного аккаунта сотрудника, не свидетельствует однозначно о преступном умысле. В условиях судебного разбирательства такое действие с равным успехом может быть интерпретировано как ошибка, вызванная человеческим фактором, непреднамеренное последствие иных легитимных действий или даже действие, формально не запрещенное в рамках некорректно определенных, но легитимных полномочий. Защита в таких случаях активно использует эту неоднозначность, оспаривая субъективную сторону преступления.

Для более детального понимания сложившейся ситуации необходимо декомпозировать общую проблему на несколько взаимосвязанных проблемных пластов.

Проблема реконструкции цифрового контекста деяния. Действия инсайдера не существуют в вакууме; их смысл и противоправность раскрываются только в контексте конкретной корпоративной IT-архитектуры. Эта архитектура включает в себя сложную систему управления доступом (например, на основе Active Directory, LDAP или иных IAM-систем), политики групповой безопасности, правила сегментации сетей, системы мониторинга и аудита (SIEM). Без специального анализа этой архитектуры невозможно определить, являлись ли действия сотрудника рядовой операцией в рамках его «легитимного периметра» или же представляли собой целенаправленный выход за его пределы, например, путем несанкционированной эскалации привилегий, подбора учетных данных другого сотрудника или эксплуатации уязвимостей в бизнес-логике приложения. Традиционная СКТЭ, как правило, не ставит перед собой задачу реконструкции этого периметра, ограничиваясь констатацией факта действий от имени определенной учетной записи.

Проблема нормативной и регламентной неоднозначности. Вторая группа проблем лежит в плоскости корпоративного управления. Должностные инструкции, внутренние регламенты по информационной безопасности, политики конфиденциальности зачастую сформулированы обобщенно, не содержат исчерпывающего перечня разрешенных и запрещенных действий либо устарели и не соответствуют реально существующей IT-инфраструктуре. Это создает правовую неопределенность и предоставляет защите широкие возможности для оспаривания умысла, ссылаясь на расплывчатость и противоречивость корпоративных правил. Участие нескольких подсудимых усугубляет эту проблему, так как требует индивидуальной оценки умысла каждого, основанной на разграничении их должностных функций, что крайне сложно сделать без тщательного анализа их персональных обязанностей и уровня доступа.

Процессуально-организационная проблема. Существующая процессуальная форма заключения эксперта (ст. 204 УПК РФ) [2] исторически сложилась для отражения выводов в рамках одной узкой экспертной специальности. Она плохо

приспособлена для комплексного отражения выводов, лежащих на стыке технологий, менеджмента и юриспруденции. Попытка включить в одно заключение эксперта-IT-специалиста, эксперта-документоведа и эксперта-экономиста по трудовому праву является процессуально затруднительной. Это приводит к тому, что по делу назначается несколько отдельных экспертиз, выводы которых носят разрозненный характер и не образуют единой, целостной картины происшедшего, которую мог бы легко воспринять суд.

Преодоление указанных системных проблем видится не в усовершенствовании существующих методов СКТЭ, а в качественном пересмотре самого подхода к использованию специальных знаний. Необходим переход от узкоспециализированной экспертизы к междисциплинарному расследованию, которое бы интегрировало данные и методологии из разных предметных областей в единый исследовательский цикл. Такой подход может быть реализован в виде последовательной модели, состоящей из нескольких этапов.

Этап IT-аудита и реконструкции цифровой среды. На данном этапе ключевую роль играет специалист в области корпоративной IT-инфраструктуры и информационной безопасности. Его задачей является не криминалистический анализ носителей, а полноценный аудит и реконструкция цифровой среды организации на момент инцидента. Это включает в себя: анализ систем управления доступом для определения точных прав и привилегий учетной записи подозреваемого; изучение политик групповой безопасности; реконструкцию сетевой топологии для понимания, к каким сегментам и ресурсам сотрудник имел возможность подключиться; анализ журналов систем мониторинга и аудита (SIEM/SOC) для выявления аномальной активности. Результатом этого этапа должно стать техническое заключение, четко определяющее «легитимный периметр» действий сотрудника — набор операций, которые он был правомочен совершать в обычном рабочем режиме.

Этап процедурно-регламентного анализа. Этот этап направлен на преодоление нормативной неоднозначности. Его проводят совместно юрист (например, эксперт в области трудового и корпоративного права) и специалист по документообороту. В рамках этапа осуществляется тщательный анализ всей корпоративной документации: должностной инструкции подозреваемого; трудового договора; внутренних регламентов по информационной безопасности; правил использования информационных ресурсов; положений о коммерческой тайне. Задачей является установление формального соответствия или несоответствия фактических действий сотрудника, выявленных на первом этапе, его закрепленным служебным полномочиям и обязанностям. Этот анализ позволяет дать правовую оценку действиям инсайдера, устраняя почву для споров о «размытости» правил.

Этап синтеза и формирования единой доказательственной картины. Наиболее сложный и ответственный этап, на котором осуществляется синтез данных, полученных на первых двух этапах, а также результатов традиционной СКТЭ. Фактически, создается единая нарративная цепочка, где технические данные («пользователь X в 14:30 выполнил запрос Y к базе данных Z») получают смысловое наполнение через призму корпоративного контекста («запрос Y не входил

в перечень должностных обязанностей пользователя X, согласно его инструкции, и никогда ранее не выполнялся им в рабочем процессе, что свидетельствует об умышленном выходе за пределы легитимного периметра»). Именно на этом этапе действия, носящие технически нейтральный характер, обретают качество умышленных и противоправных.

Очевидно, что предложенная модель наталкивается на определенные процессуальные сложности. Наиболее адекватной формой ее реализации видится использование института комплексной судебной экспертизы (ст. 201 УПК РФ) с привлечением экспертов различных специальностей: IT-эксперта по информационной безопасности, эксперта-документоведа и, при необходимости, эксперта в области экономики труда или корпоративного управления. Альтернативой или дополнением может служить активное использование на предварительном следствии и в суде специалиста (ст. 58 УПК РФ), который мог бы помочь следователю и суду в формулировке вопросов для экспертизы, а также в интерпретации полученных заключений.

Перспективным направлением развития является формализация данного подхода в виде нового рода судебной экспертизы — комплексной экспертизы корпоративных IT-инцидентов, которая бы объединила в себе необходимые методики и компетенции. Это потребует разработки соответствующих методических пособий, подготовки кадров и внесения изменений в ведомственные перечни экспертных специальностей.

Проведенное исследование демонстрирует, что расследование киберпреступлений, совершаемых с использованием служебного положения, уперлось в методологический тупик, вызванный ограниченностью узкотехнического подхода. Эффективное доказывание умысла и способа совершения преступления в условиях, когда злоумышленник действует изнутри защитного периметра организации, возможно лишь путем принципиального расширения понятия «специальные знания» в уголовном процессе.

Предложенный в работе междисциплинарный подход, интегрирующий знания из областей корпоративной IT-архитектуры, информационной безопасности, документооборота и трудового права, позволяет преодолеть «технологический разрыв» и заполнить «доказательственный вакуум». Внедрение модели комплексного исследования, реализуемого в форме судебной экспертизы или деятельности специалиста, будет способствовать не только повышению качества расследования и обоснованности судебных решений по конкретным делам, но и окажет превентивное воздействие, повышая риски для потенциальных инсайдеров. Дальнейшее развитие данного направления является насущной потребностью современного правоприменения в условиях необратимой цифровой трансформации всех сфер общественной жизни.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Приговор Ленинского районного суда города Тюмени от 20.06.2017 по делу № 1-649/2017 // Архив судебных дел и решений: Интернет-ресурс. – URL: https://actofact.ru/case-72RS0014-1-649-2017-2017-06-01-2-0/ (Дата обращения: 15.10.2025).

4. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / [А. Ф. Абдулвалиев и др.; под науч. ред. проф. Е. В. Смахтина, проф. Р. Д. Шарапова, доц. В. И. Морозова]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. — 376 с.

© Степанова И.С., 2025

EDN: QWYOXL

Судницын Алексей Борисович,
начальник кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Запрет на дачу ложных показаний обвиняемым

Аннотация: анализ правовых положений, следственной и судебной практики, а также доктринальных представлений, в т.ч. с позиций духовно-нравственных ценностей рассмотрены ложные показания обвиняемого; сформулированы выводы, в частности предложено исключить возможность дачи ложных показаний обвиняемым, предложены соответствующие рекомендации по усовершенствованию уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: обвиняемый; подозреваемый; ложные показания; ложный донос; лжесвидетельство; злоупотребление правом; уголовно-процессуальная ответственность; уголовная ответственность.

Возможность дачи ложных показаний обвиняемым (здесь и далее под обвиняемым подразумевается и подозреваемый, если иное не оговорено) по сложившемуся в российском уголовном процессе обыкновению рассматривается как реализация уголовно-преследуемым лицом права на защиту. Этому способствовал ряд факторов, в т.ч. отсутствие указанного участника среди лиц, подлежащих ответственности за ложные показания (ст. 307 УК РФ), а также право обвиняемого защищаться средствами и способами, не запрещенными законом (п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Данный подход разделялся и продолжает поддерживаться большинством обвиняемых и их защитников, адвокатов. Так, согласно данным, приведенным Андреевой О.И., практически 100 % проинтервьюированных адвокатов считают возможным использование лжи в качестве защиты [1, С. 77].

Распространенность обозначенной точки зрения имеет место и среди ученых-процессуалистов, подчеркивающих, что право обвиняемого на ложь: естественно вытекает из его права на защиту [2, С. 16]; соответствует субъективному праву обвиняемого как мере возможного поведения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [3, С. 87].

Развитием указанного подхода стала допустимость в качестве метода защиты заведомо ложных показаний обвиняемого, в т.ч. когда он указывает на иное лицо как на преступника. В научных трудах распространенным тому подтверждением является судебное решение, приведенное в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 1997 г., где

было отмечено, что заведомо ложные показания обвиняемого об участии в совершении преступления другого лица не образуют заведомо ложный донос, поскольку были даны с целью уклониться от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения (определение № 1-Д97-16 по делу Незнамова).

Однако реализация указанного права, допускающего ложные показания, как способа защиты, способна привести ко множеству негативных последствий, в т.ч. к уголовному преследованию невиновного.

Многим известен случай, имевший место в 2023 г., когда российскому ученому-гидрологу Цветкову А., обвиненному в совершении убийств 20-летней давности на основе показаний неоднократно судимого Алешина А., указавшего на ученого как на соучастника преступлений, избрали меру пресечения в виде заключения под стражу, длительность которой превысила 9 месяцев. В ходе дальнейшего производства делу уголовное преследование в отношении Цветкова А. было прекращено, а прокуратура принесла публичные извинения [4].

Данный пример, как и ряд подобных, является показательным подтверждением, что итогом допускаемых ложных показаний может стать незаконное и необоснованное обвинение, ограничение прав и свобод личности, что, в соответствии со ст. 6 УПК РФ, должно быть исключено.

Кроме того, учитывая, что в более 80 % случаев при производстве по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях обвиняемые дают ложные показания, отрицая свою вину [5, С. 163], вредность ложных показаний проявляется и воспрепятствовании полному, объективному и всестороннему производству по делу.

Указанное приводит к отвлечению сил, средств органов уголовной юстиции, а также значительно повышает стоимость производства по уголовному делу. Такие последствия лжесвидетельства были ярко продемонстрированы в широко освещенном в средствах массовой информации деле о дорожно-транспортном преступлении Ефремова М., в ходе которого в целях опровержения ложных показаний обвиняемого, исключения основанных на недостоверных сведениях доказательств, представленных стороной защиты, а также ложных показаний свидетелей пришлось проводить дополнительные следственные действия: допросы свидетелей, осмотры видеозаписей, экспертизы в рамках расследования и судебного рассмотрения уголовного дела [6].

Помимо того, следует оговориться, что дача ложных показаний в отдельных ситуациях может образовать признаки преступных деяний, предусмотренных ст.ст. 128.1, 306, 307 УК РФ, что ставит под сомнение довод сторонников допустимости ложных показаний обвиняемого как средстве (способе), не запрещенном законом.

И наконец, допущение возможности дачи ложных показаний обвиняемым, а также их опровержение во многих случаях способно привести к затягиванию производства по уголовному делу, препятствованию защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Подобное положение приводит к негативной оценке деятельности всех правоохранительных органов и судейского корпуса, а также ставит под сомнение справедливость разрешения уголовного дела.

В связи с изложенным следует констатировать, что использование заведомо ложных показаний обвиняемым фактически являются способом противодействия расследованию и судебному производству.

Помимо уголовно-правового и уголовно-процессуального аспектов следует обратиться к общечеловеческим и духовно-нравственным нюансам.

Безусловно, ложь – это феномен, характерный человеку, и оцениваемый в социуме по-разному, как с положительной, так с отрицательной сторон. Многие люди оправдывают свою ложь под различными благовидными предлогами, в том числе стремлением уберечь другого человека от переживаний и страданий. Как итог, ложь воспринимается с положительной стороны. С другой стороны, ложь воспринимается с отрицательных позиций, в частности ввиду того, что вызвана эгоизмом, направлена на получение личной выгоды, закономерно влечет негативные последствия для окружающих.

В распространенных религиозных конфессиях подчеркивается недопустимость лжи: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20:16) – девятая заповедь в христианстве; «Избегайте лживых речей» (Сура «Аль-Хадж», 22:30) – правило поведения в исламе; не вреди другим мыслью, словом или делом (ахимса (ненасилие)); воздерживайся от лжи и невыполнения обещаний (сатья (правдивость)) – социальные обеты индуизма; и т.п.

Отличается оценка лжи и в зависимости от возрастных особенностей. Психологи отмечают, что ложь в детском возрасте явление распространенное, что связывается со взрослением и развитием когнитивных, социально-психологических особенностей. Но при этом детская ложь не абсолютизируется, отмечается важность сохранения и развития у ребенка внутреннего достоинства, уважения к самому себе и другим, воздержание от недостойной лжи ради личной выгоды [7, С. 120].

Логичным и разумным является недопустимость для взрослого поведения, характерного и позволительного ребенку. Тем более в условиях неоднородности современного социума, отсутствия единой для его членов системы моральных норм, принимаемых всеми правил социального взаимодействия, правового нигилизма. В таких условиях, потворствуя лжесвидетельству, мы позволяем участникам безнаказанно лгать в суде, невольно участвуя в разложении нравственности и стимулировании правового нигилизма, хотя действовать необходимо с точностью наоборот.

Нам представляется, что ложь, ложные сведения большинством расценивается как негативное и неэтичное поведение, даже при наличии просоциальных оправданий. А в современном российском обществе существует запрос на открытое, понятное, честное уголовно-процессуальное законодательство и соответствующие правовые отношения [8, С. 168]. В настоящее время, как отмечено в указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», усиливается сплоченность российского общества, укрепляется гражданское самосознание, растет осознание необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, возрастает социальная активность граждан, их вовлеченность в решение наибо-

лее актуальных задач местного и государственного значения. Считаем, что указанные ценности не соотносятся со лжесвидетельством обвиняемого, являющимся способом злоупотребления правами, примером гипертрофированного приоритета прав отдельной личности.

Эта и подобные гарантии ставят под сомнение конституционный принцип равенства перед законом и судом, ставит одних участников уголовного судопроизводства в привилегированное положение по отношению к другим, что вступает в противоречие с общечеловеческими ценностями, особенностями менталитета и мировоззрения российского народа, относящегося традиционно негативно к неправде, неравенству, несправедливости.

В отечественных произведениях регулярно подчеркивались характерные черты русского человека: открытость, честность, стремление к правде, служение общему делу вопреки личным интересам (Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание», «Идиот», Толстой Л. Н. «Война и мир», Пушкин А. С. «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», Некрасов Н. А. «Кому на Руси жить хорошо»). Пример с классическими произведениями актуален и для настоящего времени. Так, для современной молодежи обозначенные ценности не безразличны. По результату данных, полученных всероссийским центром изучения общественного мнения, в тройку приоритетных жизненных ориентиров российской молодежи помимо высокого уровня благополучия, спокойной жизни входит и возможность приносить пользу своему народу [9].

Принимая во внимание изложенное, допустимость дачи ложных показаний обвиняемым усматривается как одно из проявлений внутренних угроз, посягающих на традиционные российские духовно-нравственные ценности (п.п. 84-88), требующее устранения посредством решения задач (п. 93), предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Возвращаясь к уголовно-процессуальным аспектам, необходимо напомнить позицию Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в определении от 4 апреля 2013 г. № 661-О, повторяя о недопустимости любой формы принуждения к свидетельству против самого себя или своих близких, Конституционный Суд отметил, что наделение гражданина правом представлять доказательства в свою защиту от подозрения или обвинения в совершении преступления не означает возможности его реализации незаконными, в том числе преступными, средствами. А подчеркнул, что обвиняемый вправе в целях своей защиты либо хранить молчание, либо давать показания таким образом, чтобы с очевидностью не нарушать права других лиц, не прибегать к запрещенным законом способам защиты.

В связи с чем представляется необходимым пересмотреть ставший распространенным подход, допускающий дачу ложных показаний обвиняемым, который в общих чертах может быть представлен следующим образом.

Среди элементов реализации целесообразно определить обязанности обвиняемого, среди которых установить требование дачи правдивых показаний, с сохранением права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого, своего

супруга и близких родственников (ст. 51 Конституция Российской Федерации), а также право отказаться от дачи показаний (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден об обязанности давать признательные показания, а также о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний. Кроме того, обвиняемому необходимо будет разъяснять ответственность за дачу заведомо ложных показаний.

В случае дачи ложных показаний обвиняемым должны наступать уголовно-процессуальные последствия: изменение ограничений при запрете определенных действий, изменение меры пресечения на более строгую и т.п. в ходе производства по уголовному делу, так и уголовно-правовые последствия: факт дачи ложных показаний должен учитываться при назначении наказания, принимая во внимание личность виновного (ч. 3 ст. 60 УК РФ). В будущей перспективе, как вариант, – введение самостоятельного обстоятельства, отягчающего ответственность.

Кроме того, в случае дачи ложных показаний обвиняемым, связанных с обвинением лица в совершении преступления (оговор), должны наступать уголовные последствия. Предварительно, виды оговоров: 1) соединенный с обвинением лица в совершении преступления небольшой или средней тяжести, 2) соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, 3) соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения, в совершении преступления небольшой или средней тяжести, 4) соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения, в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Следует оговориться, что предлагаемый запрет на дачу ложных показаний не является самоизобличением, свидетельством против себя и не нарушает соответствующие фундаментальные положения ст. ст. 49 и 51 Конституции Российской Федерации. Обвиняемый не принуждается к даче изобличающих его показаний, он свободен в выборе своего поведения и линии защиты: отказаться от дачи показаний или дать признательные показания.

Помимо того, предложение не противоречит, по нашему мнению, ранее определенным позициям Конституционного Суда Российской Федерации, а в целом им соответствует. Кроме того, указанное предложение также направлено на достижение конституционно значимых целей, закрепленных в Конституции Российской Федерации (ст. 55).

Завершая, подчеркнем, что право на защиту не может быть абсолютным, оно не должно осуществляться вопреки интересам других лиц, не правовыми, в частности преступными, средствами. Ложные показания обвиняемого, как и способы злоупотребления правом, противодействия расследованию и судебному разбирательству следует пересмотреть, в том числе с позиций обеспечения общих интересов в уголовном судопроизводстве, традиционных духовно-нравственных ценностей, экономии денежных средств, затрачиваемых на производство по уголовным делам, повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом.

Список литературы:

1. Андреева, О.И. Право обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний – субъективное право или злоупотребление правом? / О.И. Андреева // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2011. – Ч. 51. – С. 76-81.

2. Петрухин, И.Л. Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого / И.Л. Петрухин // Советская юстиция. – 1965. – № 7. – С. 15-17.

3. Касаткина, С.А. Признание обвиняемого : монография / С.А. Касаткина. – Москва, 2010. – 224 с.

4. Российский ученый попал в СИЗО из-за ошибки следствия. Что он пережил за 300 дней ареста? / Лента.Ру // URL: https://lenta.ru/articles/2024/04/03/scientist/ (дата обращения: 01.08.2024).

5. Кулешов, Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения : монография / Ю.И. Кулешов. – Владивосток, 2007. – 295 с.

6. Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 8 сентября 2020 г. в отношении Ефремова М.О. / Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/criminal/details/d5e7b6da-4363-479e-babb-fef181187660 (дата обращения: 01.09.2025).

7. Юркевич, В.С. Феномен лжи в детском возрасте: амбивалентный подход / В.С. Юркевич, И.В. Емельянова // Современная зарубежная психология. – 2020. – Том 9. – № 1. – С. 114-124.

8. Судницын, А.Б. Модернизация досудебного производства: от необходимости к отдельным предложениям / А.Б. Судницын // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 4 (97). – С. 159-170.

9. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде / Акционерное общество «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ) // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 01.09.2025).

© Судницын А.Б., 2025

EDN: RDUQMG

Татьянин Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Удмуртского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

Дискуссионные вопросы использования технических средств и информационных технологий при рассмотрении судом ходатайств следователя о производстве следственных действий

Аннотация: в статье обосновывается нецелесообразность при рассмотрении ходатайств следователя в рамках судебного заседания по вопросу дачи разрешения судом на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы, использовать видео-конференц-связь в целях обеспечения недопустимости разглашения данных досудебного производства. Предлагается исключить возможность аудио- и видео- записи судебного заседания судебного санкционирования, поскольку в нем рассматривается ходатайство следователя, основанное на совокупности имеющихся на определенный момент доказательств, разглашение которых недопустимо, при этом суд принимает решение по своему усмотрению.

Ключевые слова: санкционирование; информационные технологии; суд; следственные действия; судебные решения; видео-конференц-связь.

Одной из современных реалий является широкое распространение использования технических возможностей в различных видах деятельности. В целях обеспечения интенсивности уголовного судопроизводства, сокращения его сроков, качества предварительного расследования и судебного разбирательства законодатель предусматривает возможность использования в ходе предварительного расследования и судебного заседания технических средств и различных информационных технологий. При этом понятие «техническое средство», «информационная технология», «цифровая технология» в УПК РФ отсутствуют, в связи с чем возникает много вопросов о разграничении указанных понятий, а также возможности использования конкретного прибора, средства и т. п. в качестве технического средства или в качестве технологии. Здесь же возникает вопрос о том, кто может и должен при производстве по уголовному делу использовать технические средства и технологии, может ли это делать следователь, судья, адвокат, либо должен обязательно привлекаться специалист или секретарь суда, либо помощник. Если следователь, судья, дознаватель могут их использовать, то

в каком случае, какие, как данное право будет соотноситься с деятельностью специалиста, участвующего при производстве следственных, процессуальных, судебных действий.

Несмотря на огромное количество проблем, связанных с отсутствием четкого регулирования применения технических средств и технологий в уголовном процессе, следует отметить, что они развиваются и активно используются. Обоснованной представляется мнение О.В. Гладышевой, отмечающей, что «...под воздействием стремительно развивающейся цифровизации будет изменяться процессуальный порядок деятельности как в досудебном, так и судебном производстве, за счет системного и последовательного внедрения электронного документооборота, электронного уголовного дела, дистанционного участия в проведении следственных и судебных действий» [2, с. 31].

Следует согласиться, что электронный документооборот несколько сокращает сроки направления и получения документов, однако возникает вопрос о границах дистанционного участия в проведении следственных и судебных действий с применением видео-конференц-связи, целесообразности применения технологий фиксации судебных заседаний и др. Одним из дискуссионных вопросов является возможность использования видео-конференц-связи или видео-аудио-записи при решении вопросов в рамках судебного санкционирования.

Впервые судебное санкционирование было установлено Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., которое обеспечивало судебную защиту основных прав личности – право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность жилища, право частной собственности, право на защиту частной жизни. [6, с. 143-147]. Введение судебного санкционирования в УПК РФ направлено на реализацию назначения уголовного судопроизводства, защиту участников от необоснованного ограничения их прав и свобод. Разделяя позицию авторов, что судебное санкционирования является самостоятельной формой особого производства в уголовном процессе [1, с. 147-152] следует отметить, что законодатель не определил четко порядок его проведения, что приводит к оспариванию законности деятельности следователей при проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы, признанию полученных доказательств недопустимыми.

При принятии УПК РФ для получения судебного решения о проведении следственного действия ходатайство следователя рассматривалось единолично в судебном заседании, однако допускалось участие прокурора, следователя и дознавателя. По мнению Б.Т. Безлепкина, оно проводилось в закрытом порядке, поскольку необходимо было соблюдение следственной тайны, что исключало участие стороны защиты [4, с. 270-271], данный подход представляется обоснованным, поскольку рассмотрение вопроса, изложенного в ходатайстве, связано с получение доказательств на стадии предварительного расследования, соответственно необходимо обеспечить недопустимость разглашения данных досудебного производства, и возможность проведения следственного действия без предварительного уведомления его участников, что позволит сохранить доказательства, особенно если речь идет об обыске, выемке, что невозможно обеспечить, если в судебном заседании будут находится посторонние лица.

Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 6 своего постановления «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ» от 1 июня 2017 года № 19 указал: «Судам следует иметь в виду, что по общему правилу ходатайства о производстве следственных действий рассматриваются в открытом судебном заседании. В случаях, указанных в части 2 статьи 241 УПК РФ, допускается закрытое судебное заседание, о чем судья принимает мотивированное решение». Неразрешенность ряда вопросов судебного санкционирования проведения следственных действий указанным постановлением отмечалась рядом авторов [3, с. 15-19; 7, с. 28-33], Пленум не разрешил имеющиеся проблемы, скорее усложнил их.

Предусмотрев необходимость исследования представленных в суд вместе с ходатайством материалов в открытом судебном заседании, Пленум фактически перенес исследование доказательств по уголовному делу, которое должно проводится после его направления в суд, в досудебное производство, поскольку судебное санкционирование осуществляется в процессе предварительного расследования по уголовному делу. Таким образом нарушается недопустимость разглашения данных досудебного производства. Ни законодатель, ни Пленум ВС РФ не указал о недопустимости применения технических средств и технологий в судебном заседании при рассмотрении указанного ходатайства следователя. Поскольку Пленум указал на открытое судебное заседание, то использование аудиозаписи в процессе автоматически становится допустимым, поскольку любой явившийся человек может для этого использовать различные записывающие устройства, даже если присутствующие будут предупреждены о недопустимости ее применения. Если судебное заседание будет проведено в закрытом процессе, то отсутствие аудиозаписи будет являться одной из гарантий сохранение данных досудебного производства. Аналогичная ситуация возникает и с использованием видеозаписи. Следует отметить, что решение, которое принимается в ходе судебного санкционирования, может быть обжаловано в судебном порядке. Суд апелляционной и кассационной инстанции будет очень тщательно изучать протокол судебного заседания и представленные материалы, которые были положены в обоснование принятого решения. Протокол судебного заседания будет выступать доказательством принятия решения судом [5, с. 66-71]. При наличии аудио-видео- записи информация, содержащаяся в протоколе, должна соответствовать содержанию аудио- видео- записи, в случае их несоответствия возникнет вопрос о нарушении производства судебного санкционирования и решение суда об удовлетворении ходатайства будет признано незаконным и необоснованным. Подобный подход усложняет процедуру рассмотрения ходатайства и получения судебного постановления о проведении следственного действия, ограничивающего конституционны права, что не обеспечивает защищенность участников процесса, а ограничивает возможности своевременно и качественно провести следственные действия.

Возможность рассмотрения ходатайства о проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи вызывает возражение. Считая обоснованным и целесообразным проведение закрытого судебного заседания

при рассмотрении указанного ходатайства, следователь, дознаватель, прокурор могут присутствовать при рассмотрении ходатайства, в случае невозможности участия указанное ходатайство суд может рассмотреть в их отсутствие, полагаю, что для обоснования позиции следователя может вместо него принять участие руководитель следственного органа, а позицию дознавателя представить начальник подразделения дознания или прокурор. Ведение видео-конференц-связи между органами предварительного расследования и судом при рассмотрении вопроса судебного санкционирования представляется необоснованным и с позиций эффективности, и с позиций целесообразности. В указанной ситуации время судебного заседания не сокращается, а увеличивается, поскольку прямая связь между судом и органами предварительного расследования в судебном заседании законом не предусмотрена, в связи с чем следует использовать общий порядок ее применения, что расширяет круг лиц, привлекаемых к проведению указанного заседания. Необходимость фиксации видеосвязи предполагает составление протокола с учетом сделанной записи, ознакомление с ним. При обжаловании проведенного следственного действия, ограничивающего конституционные права, на основе судебного постановления суд апелляционной и кассационной инстанции будут изучать не только протокол, но и видеозапись, при наличии нарушений в результате принятого вышестоящим судом решения проведенное следственное действие будет признано недопустимым доказательством, таким образом использование аудио-видео-записи и видео-конференц-связи при рассмотрении ходатайств в судебном заседании представляется нецелесообразным.

Полагаю, что судебное заседание по рассмотрению ходатайства о проведении следственного действия должно проводится в судебном заседании без использования видео-конференц-связи и аудио-видео-записи. Рассмотрение жалоб на решение суда о производстве следственного действия должно рассматриваться с учетом соблюдения процессуальных требований представления и оформления документов, обоснованность принятого решения судом не должна оцениваться, поскольку решение судья принимает на основе судейского усмотрения. Подобный подход позволит обеспечить сохранение информации, полученной в досудебном производстве, исключит волокиту принятия решений и использование процедуры обжалования для затягивания производства по уголовному делу.

Список литературы:

1. Адильшаев Э.А., Татьянина Л.Г. Судебное санкционирование как особое производство / Э.А. Адильшаев, Л.Г. Татьянина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2011. – № 4. – С. 147-152.

2. Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников / О.В. Гладышева // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 31-34.

3. Ковтун Н.Н. Судебное «санкционирование» следственных действий / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 3. – С. 15-19.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Безлепкин Б.Т. Глава 22. Предварительное следствие // отв. ред. И.Л. Петрухин. – М.: Изд-во Проспект, 2007 – 720 с.

5. Татьянина Л.Г. Место протокола судебного заседания, изготовленного при судебном санкционировании в системе доказательств / Л.Г. Татьянина // На страже закона. – 2023. – № 1 (1). – С. 66-71.

6. Шамардин А.А. Судебное санкционирование по Уставу Уголовного судопроизводства 1864 г. / А.А. Шамардин // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2015. – № 25. – С. 143-147.

7. Шалумов М.С., Маркина Е.А. Следственные действия по решению суда: новое постановление Пленума ВС РФ / М.С. Шалумов, Е.А. Маркина // Уголовный процесс. – 2017. – № 8 (152). – С. 28-33.

© Татьянин Д.В., 2025

EDN: SFQRSV

Татьянина Лариса Геннадьевна,
заведующий кафедры уголовного процесса и криминалистики
Удмуртского государственного университета
доктор юридических наук, профессор

Особенности принятия решения об участии в судебном заседании лица, имеющего психическое расстройство психотического уровня, совершившего преступление, по законодательству РФ и Великобритании

Аннотация: автором обосновано предложение о привлечении на предварительном слушании эксперта-психиатра, который должен раскрыть особенности психического расстройства лица, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, возможность его участия в судебном заседании, целесообразность применения принудительных мер медицинского характера. При нахождении лица на стационарном лечении следует также приглашать лечащего врача, который должен представить картину психического состояния подэкспертного. При назначении судебного заседания участие лица, в отношении которого рассматривается уголовное дело, допустимо только после допроса эксперта, который даст заключение о возможности его присутствия в судебном процессе.

Ключевые слова: судебные решения; психическое расстройство; психотический уровень; судебное заседание; заключение эксперта; допрос психиатра.

Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, нуждающимися в применении принудительных мер медицинского характера, вызывает большое количество вопросов. Следует отметить, что в различных государствах указанное производство имеет особенности, которые представляются целесообразными для изучения и возможного применения на практике.

Вопрос о принятии решения о применении принудительных мер медицинского характера решается в судебном заседании, он может рассматриваться по уголовному делу, поступившему в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, либо с обвинительным заключением. Направление уголовного дела в суд с указанным постановление бывает обусловлено наличием заключения судебно-психиатрической экспертизы, в соответствии с которой будет установлено, что лицо страдает психическим расстройством психотического уровня, в связи с чем нуждается в применении принудительного лечения. Фактически следователь, согласившись с мнением экспертов-

психиатров принял решение о том, что обвиняемый на момент совершения преступления был невменяемым, в связи с чем не может быть привлечен к уголовной ответственности, либо, совершив преступление при наличии нормального психического состояния, в процессе производства расследования заболел психическим расстройством, в связи с чем возник вопрос о нецелесообразности привлечения лица к уголовной ответственности в связи с необходимостью направления его на лечение. В первом случае необходимо прекращение уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступное деяние в состоянии невменяемости, во втором случае целесообразно приостановление производства по уголовному делу в связи с заболеванием обвиняемого и необходимостью применения к нему принудительных мер медицинского характера. Однако у суда остается право при рассмотрении уголовного дела, поступившего с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, принять решение о направлении уголовного дела прокурору для принятия решения о направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением.

Указанное решение суд принимает в случае, если у него возникнут сомнения в заключении судебно-психиатрической экспертизы, в процессе рассмотрения уголовного дела. Законодатель установил право суда принимать решение о возвращении уголовного дела прокурору при проведении предварительного слушания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, если возникает необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера. Законодатель не указал, что выступает в качестве необходимости принятия указанного решения, каким образом устанавливается указанная необходимость, должно ли присутствовать на предварительном слушании лицо, в отношении которого направлено уголовное дело с постановлением и применении принудительных мер медицинского характера, следует ли приглашать эксперта-психиатра, лечащего врача-психиатра в суд для дачи показаний по психическому состоянию указанного лица.

Следователь, не обладая медицинскими знаниями, направляет уголовное дело в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, в которой установлено, что лицо страдает психическим расстройством психотического уровня, представляет опасность для общества и для себя, в связи с чем нуждается в применении принудительного лечения в стационарных условиях. Он не оценивает методы проведения экспертизы, анамнез заболевания, а воспринимает ее выводы как бесспорные, не учитывая возможности симуляции психических расстройств, наличие реактивных состояний, ошибки в диагностике, учитывая полисимптомность психических заболеваний и т. д. Однако при наличии ходатайств участников, связанных с необходимостью проведения повторной судебно-психиатрической экспертизы, наличием заключений специалиста, показаниями свидетелей о поведении испытуемого лица у суда могут возникнуть сомнения о целесообразности назначения принудительных мер медицинского характера при наличии имеющихся в уголовном деле доказательств, либо необходимости проведения повторной судебно-психиатрической экспертизы.

В Великобритании эксперт является особым видом свидетеля, который обладает специальными знаниями и практическим опытом в определенной области [1, с. 47-52]. Несмотря на то, что эксперт имеет процессуальное положение свидетеля, но показания дает только по вопросам, которые связаны с его специальными знаниями. Эксперт-психиатр отвечает только по вопросам, связанным с психическим состоянием изучаемого лица. Главной обязанностью эксперта является оказание содействия суду в вопросах, связанных с его компетенцией.

Допрос эксперта в Великобритании осуществляется в несколько этапов: основной допрос, привлекшей его стороной; перекрестный допрос, проводимый противоположной стороной; повторный вопрос привлекавшей стороной. Интересным моментом является то, что перекрестный допрос является определенным элементом проверки обоснованности и правдивости показаний эксперта. Если эксперт выдержит перекрестный допрос, то его показания приобретают повышенное доказательственное значение [2, с. 109-116; 3].

Для выступления в суде эксперт должен изучить материалы дела, на основе которых составить письменный отчет с ответами на поставленные вопросы и подготовить необходимую документацию. Для этого эксперт должен обследовать подэкспертного, если он находится на лечении, то узнать о лечении и состоянии больного у лечащего врача. Следует отметить, что заключение эксперта имеет большое значение, поскольку от него зависит возможность участия обвиняемого в судебном процессе. В случае, когда эксперт дает заключение о неспособности лица присутствовать в судебном заседании, а противоположная сторона не может оспорить его заключение, то лицо направляют на стационарное лечение [4, с. 37-121].

Внимание, которое отводится экспертам в законодательстве Великобритании, значению их заключений, является положительным опытом [5; 6; 7; 8], поскольку мнение специалистов может и должно опровергаться специалистами, либо бесспорными доказательствами, которые представляет одна из сторон, на основании которых ставится под сомнение заключение эксперта и должна назначаться повторная экспертиза, которую необходимо проводить комиссионным составом экспертов.

Следует отметить, что решение о применении принудительных мер медицинского характера принимается часто судом не по результатам производства предварительного расследования, а в процессе исполнения приговора к осужденному лицу, отбывающему наказание [9, с. 3-6]. Логично возникает вопрос о качестве проведенного психиатрического обследования лица, совершившего преступление, проведенной ему психиатрической экспертизы и качестве судебного рассмотрения уголовного дела.

Профессор В.П. Сербский настаивал на том, чтобы «экспертиза проводилась только в общественных больницах, при этом с наименьшим стеснением. Он требовал, чтобы лица, подлежащие освидетельствованию в суде, предварительно подвергались испытанию в психиатрической больнице» [10]. Разделяя позицию В.П. Сербского, полагаю, что проведение стационарной психиатрической экспертизы позволит обеспечить качество ее проведения, исключит ошибки в диа-

гностике психических расстройств, которые приводят к привлечению к уголовной ответственности и наказанию лиц, совершивших преступления в состоянии невменяемости, что подтверждается в последующем необходимостью замены отбытия наказания направлением на принудительное лечение и прогрессированием у больного психического расстройств. Стационарное исследование особенно необходимо для несовершеннолетних; лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против личности, связанные с аномалиями в половом развитии и связанные с незаконным оборотом наркотиков и др.

Полагаю, что при направлении уголовного дела в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера суд должен назначать предварительное слушание в процессе которого следует вызывать экспертов-психиатров, проводивших исследование лица, в отношении которого проводилось предварительное расследование, который должен дать разъяснения суду о психическом расстройстве больного, в чем заключается опасность его заболевания, возможно ли состояние ремиссии, либо при купировании заболевания его излечение практически невозможно, возможно (целесообразно) приглашение испытуемого в судебное заседания для получения от него объяснений, либо подобная ситуация может негативно повлиять на его психическое состояния.

В случае нахождения испытуемого на лечении в психиатрической клинике на момент проведения предварительного слушания в судебное заседание следует пригласить лечащего врача, который должен будет дать характеристику состояния здоровья больного, прогнозы в его лечении и возможности выздоровления. В указанном случае допрос врача следует проводить в присутствии эксперта-психиатра, который должен дать показания первым и в последующем иметь возможность задать вопросы лечащему врачу. Оценив полученную информацию, суд должен обладать правом направить уголовное в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, либо направить уголовное дело прокурору для составления обвинительного заключения. Полагаю, что в указанном случае необходимо проведение стационарной судебно-психиатрической экспертизы в случае, если первоначальное решение следователем о направлении уголовного дела с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера принималось на основании амбулаторной.

После получения заключения судебно-психиатрической экспертизы и принятия решения о форме окончания предварительного расследования, суд, получив уголовное дело с обвинительным заключением не рассматривает вопрос о вменяемости лица на предварительном слушании, а назначает судебное заседание, в котором участвует подсудимый. Однако суд должен будет допросить экспертов-психиатров о состоянии подсудимого, его заболевании, возможности назначения ему определенного вида наказания с учетом заболевания и возможного рецидива. Для решения вопроса о вменяемости суду следует изучить все имеющиеся в деле судебно-психиатрические экспертизы и допросить лечащего врача-психиатра.

При направлении уголовного дела в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, суд на предварительном слушании выясняет у эксперта-психиатра возможность участия лица в судебном заседании. Если эксперт-психиатр даст заключение о невозможности участия лица при рассмотрении материалов уголовного дела в суде, то суду по аналогии с законодательством Великобритании принимать решение о направлении указанное лицо для оказания ему принудительного лечения, но его участие в судебном заседании в указанном случае должно быть исключено. Полагаю, что в судебном заседании в обязательном порядке должен участвовать представитель лица, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, а также адвокат-защитник. Рассмотрение дела без указанных лиц должно быть недопустимым.

Список литературы:

1. Ручкина Г.Ф., Князева М.В. Судебно-экспертная деятельность Великобритании: закон о судебно-экспертной деятельности как фундамент воссоздания структуры криминалистики и реформирования / Г.Ф. Ручкина, М.В. Князева // Международное публичное и частное право. – 2023. – № 2. – С. 47-52.

2. Журкина О.В. Доказательства в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран / О.В. Журкина // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 3. – С. 109-116.

3. Дуайер Д., Судебная оценка экспертных доказательств / Д. Дуайер. – Великобритания: Издательство Кембриджского университета. – 2008. – 468 с.

4. Шохом Дас Разум преступника и логика преступления: о психиатрии, судах и серийных убийцах / Шохом Дас. – М.: Изд-во АСТ, 2024. – 416 с.

5. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. – М.: «Городец», 1999. – 281 с.

6. Михиенко М., Шибико В. Уголовно-процессуальное право Великобритании, США, и Франции / М. Михиенко, В. Шибико. – Киев, 1988. – 186 с.

7. Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании / Т.В. Апарова. – М.: ИМПЭ, 1996. – 157 с.

8. Ковалев В.А., Чаадаев С.Г. Органы расследования и судебная система Великобритании / В.А. Ковалев, С.Г. Чаадаев. – М., 1985. – 49 с.

9. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … докт. юрид. наук / В.И. Качалов. – М., 2018. – 492 с.

10. Сербский В.П. Об условиях помещения душевнобольных, совершивших преступления, в психиатрические больницы по определению суда и освобождения их. Международный союз криминалистов. Русская группа / В.П. Сербский // Журнал Министерства Юстиции. – 1901.

© Татьянина Л.Г., 2025

EDN: RVZOHK

Удовиченко Виктор Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России

О проблеме тайны в уголовном процессе

Аннотация: проблема следственной тайны в век информационных технологий стоит очень остро, поэтому в статье предложено рассмотреть эту проблему через призму особой служебной тайны. Автором делаются выводы о необходимости дополнения текста процессуального закона термином «следственная тайна».

Ключевые слова: уголовный процесс; защита информации; разглашение данных; следственная тайна; служебная тайна.

Сегодня понятие тайны актуально как никогда, хотя его значение может быть интерпретировано по-разному, в зависимости от контекста. Тайна может быть источником вдохновения, вызовом для разума, а также инструментом для защиты личной жизни и конфиденциальной информации. В современном мире тайна остается одним из ключевых аспектов человеческой жизни, отражая сложность и многогранность нашего мира и сознания.

В общеупотребительном смысле слово «тайна» относится к информации, которая не требует публичного раскрытия. Л.О. Красавчикова определяет тайну как «конкретную информацию о поступках (состоянии и других обстоятельствах) личности – индивида, которая не должна быть раскрыта» [1, с. 119]. И.В. Смолькова считает, что тайна – это «секретная или конфиденциальная информация, которая известна или доверена узкому кругу субъектов, разглашение которой влечет за собой юридическую ответственность» [2, с. 12-13].

В юридической литературе понятие «тайна» раскрывается через детерминацию «информации». Так, федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (пункт 1 части 1 статьи 1).

Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу) ранее определял конфиденциальную информацию, с точки зрения ее формы – письменной документа и выделял два вида доступа к ней: ограниченного доступа – государственная тайна; конфиденциальная информация (ч. 2 ст. 10).

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149–ФЗ классифицировал всю информацию (включая недокументированную) на общедоступную и ограниченного доступа, в зависимости от категории доступа к ней (п. 2 ст. 5).

Бесспорно, необходимость сохранения в тайне данных в уголовном процессе и, в частности, необходимость обеспечения конфиденциальности участников уголовного судопроизводства создает зачастую противоречивые ситуации.

Рассмотрение заявленной проблемы возможно с двух сторон: взаимоотношений между сторонами и ограничения доступа к информации для общественности. В этом контексте в уголовном процессе внешняя тайна охватывает внутреннюю, так как неразглашение данных предварительного расследования касается не только конкретных лиц, но и их защитников.

Тайна играет важную роль в уголовном процессе, поскольку ее сохранение является обязательным условием для обеспечения справедливости и независимости судебного разбирательства. Сведения, полученные в ходе следствия или допроса, могут содержать конфиденциальную информацию о личной жизни или других обстоятельствах, которые должны оставаться в тайне. Поэтому соблюдение тайны является неотъемлемым аспектом процесса, который обеспечивает защиту интересов сторон и сохранение принципов законности и справедливости.

Основные положения тайны в уголовном процессе включают:

1. Презумпцию невиновности. Подозреваемый или обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в суде. Поэтому информация о подозреваемом или обвиняемом должна оставаться в тайне до вынесения судебного решения. Законодательство Российской Федерации не запрещает прокуратуре и следственным органам давать информацию в СМИ о ходе и результате расследования уголовных дел. Однако, согласно статье 15 Конституции РФ, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, телефонную и иную переписку. Если информация, содержащая ФИО обвиняемого, место работы, механизмы совершения преступления, и объем причиненного ущерба, является конфиденциальной информацией или относится к сфере личной жизни человека, прокуратура и следственные органы не имеют права ее разглашать. Если же информация не является конфиденциальной или не относится к сфере личной жизни, то она может быть разглашена в СМИ. Однако, в случае, если обвиняемый не давал согласия на публикацию информации о себе, размещение такой информации в СМИ может быть рассмотрено как нарушение его прав на неприкосновенность личной жизни и репутации.

2. Конфиденциальность. Информация, полученная в ходе следствия или допроса, должна быть доступна только участникам уголовного процесса.

3. Соблюдение процессуальных прав. Каждая сторона имеет право на защиту своих интересов и конфиденциальность информации, связанной с делом. Нарушение тайны может привести к нарушению прав сторон и искажению справедливости процесса.

4. Сохранение доверительности. Сведения, полученные в ходе уголовного расследования, могут содержать лично важную информацию, которая должна оставаться в тайне для защиты личности и интересов участников процесса.

В свою очередь, целесообразно уделить внимание классификации тайны, которая имеет прямое отношение к уголовному процессу:

1. Адвокатская тайна. По своей сущности адвокатская тайна является основополагающим принципом адвокатской деятельности, что по совокупности может означать независимость и принципиальность адвокатов в рамках осуществления своей деятельности.

В свою очередь, адвокатская тайна имеет свои основные цели, которыми являются: доверие между адвокатом и его клиентами, защита интересов клиента, не раскрывая конфиденциальность полученной от клиента информации. Нормативно адвокатская деятельность регламентирована Федеральным законом № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а адвокатская тайна заключена напрямую в Кодексе профессиональной этики адвокатов.

2. Судебная тайна. В сущности, состоит из служебной информации, полученной в ходе изучения и рассмотрения уголовного дела. Источниками такой информации могут быть как сами материалы дела, так и лица, предоставляющие показания суду. Но есть и специальные виды тайны: «тайна совещания судей» (ст. 298 УПК РФ), «тайна совещания присяжных заседателей» (ст. 341 УПК РФ). Здесь следует отметить уникальную процедуру, предусмотренную ч. 2 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, когда судья обязан нарушить тайну следствия, удостоверив личность свидетеля, но провести допрос в условиях исключающих визуальное наблюдение, знакомясь до начала допроса с данными лица сохраненными в тайне. Сама процедура такого ознакомления не регламентирована в тексте закона, не совсем ясно должен ли при этом присутствовать только один судья или совместно с секретарем судебного заседания. Однако протокол судебного заседания информации об оригинальных данных такого свидетеля содержать не должен, что, впрочем, не отражено в тексте приведенной статьи.

3. Следственная тайна. Несмотря на то, что в ст. 5 УПК РФ нет отдельного понятия «следственная тайна», оно упоминается в той или иной форме. Например, ч. 4 ст. 96 УПК РФ апеллирует «…к тайне факта задержания»; ч. 2 ст. 144 УПК РФ упоминает о «…сохранении в тайне источника информации»; ст. 161 УПК РФ закрепляет недопустимость разглашения данных предварительного расследования (не используя при этом термин «тайна»); ч. 9 ст. 166 УПК РФ регламентирует принятие решения о сохранении в тайне данных о личности. Свидетельствует ли это о постановке законодателем узкого подхода к определению следственной тайны, куда необходимо включать только названные случаи? Очень интересно, что ответственность по ст. 310 УК РФ наступает только в том случае, если лицо специальным образом предупреждено о недопустимости разглашения данных предварительного расследования в порядке ч. 3 ст. 161 УПК РФ. Таким образом, законодатель пошел по пути использования избирательного подхода к следственной тайне. Как видно, субъект расследования должен сам определить брать подписку о неразглашении или нет. Однако такой подход не меняет правовой сути возникших отношений. Более того, ч. 4 ст. 161 УПК РФ прямо закрепляет перечень сведений, на которые не распространяется запрет на предание гласности данных предварительного расследования. К числу таковых,

в частности, относятся сведения о нарушении закона органами государственной власти и их должностными лицами; сведения, распространенные следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иным публичным способом; оглашенные в открытом судебном заседании.

Однако все это не способствует решению вопроса, связанного с обеспечением тайны следствия. Решение такой проблемы только с помощью действующих уголовно–процессуальных средств невозможно. Необходимо обеспечить полную конфиденциальность информации ограниченного доступа. Поэтому не случайно в статье 9 части 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» также упоминается профессиональная и служебная тайна.

В качестве подтверждения профессиональной тайной является адвокатская тайна, так как адвокатом она была получена в ходе выполнения своих обязанностей.

Поэтому тайна следствия и тайна судебного разбирательства должны относиться к категории служебной тайны. Такая позиция подтверждается разновидностью служебной тайны, как особого вида служебной тайны впервые упомянутой в Перечне сведений конфиденциального характера (утв. Указом Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера»), который до сих пор остается актуальным.

Таким образом, следственная тайна - это любые сведения связные с выполнением следователем и дознавателем своих полномочий предусмотренных уголовно процессуальным законодательством. Подобный подход требует закрепления в ст. 5 УПК РФ. Само же соблюдение тайны в уголовном процессе играет важную роль в обеспечении справедливости и законности. Нарушение тайны может повлечь за собой серьезные последствия, как для участников процесса, так и для общества в целом. Поэтому соблюдение принципов тайны является необходимым условием для эффективного и справедливого уголовного разбирательства.

Список литературы:

1. Красавчикова Л.О. Личная жизнь под охраной закона. – М., 1983. – 163с.

2. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.09 / Акад. управления МВД России. - Москва, 1998. 40 с.

©Удовиченко В.С., 2025

УВТ: BEVJSM

Удодов Григорий Александрович,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

О перспективных направлениях уголовно-процессуального сотрудничества в странах БРИКС

Аннотация: в предлагаемой статье автор анализирует современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального сотрудничества стран БРИКС. Рассматриваются правовые основы, ключевые формы взаимодействия и системные барьеры. Предложены конкретные меры по оптимизации сотрудничества, включая унификацию правовой базы, создание совместных следственных групп и цифровизацию взаимодействия.

Ключевые слова: БРИКС; уголовно-процессуальное сотрудничество; транснациональная преступность; взаимная правовая помощь; экстрадиция; совместные следственные группы.

В современной геополитической реальности объединение БРИКС играет все более значимую роль, выступая не только как экономический, но и как важный субъект международных отношений и безопасности. Формирование многополярного миропорядка и усиление транснациональных угроз, таких как организованная преступность, киберпреступность, терроризм и коррупция, обуславливают настоятельную необходимость консолидации усилий государств-участников в противодействии этим вызовам.

Однако развитие полноценного уголовно-процессуального сотрудничества в рамках БРИКС сталкивается с фундаментальным противоречием. С одной стороны, существует объективная потребность в тесной совместной работе правоохранительных и судебных систем, а с другой - этому препятствуют серьезные барьеры, включая глубокие различия в национальных правовых системах, приоритет государственного суверенитета и влияние изменяющихся политических факторов. Именно это противоречие и определяет актуальность данного исследования.

Целью настоящей статьи является систематизация и углубленный анализ ключевых, как действующих, так и перспективных, направлений уголовно-процессуального сотрудничества между странами БРИКС. Для достижения этой цели поставлен ряд взаимосвязанных задач: во-первых, рассмотреть существующую нормативно-правовую базу, регулирующую такое сотрудничество; во-вто-

рых, выделить и охарактеризовать основные практические направления взаимодействия; в-третьих, проанализировать проблемные аспекты и вызовы, возникающие в каждой из этих сфер; и, наконец, определить перспективы развития и возможные пути оптимизации сотрудничества для повышения его эффективности в борьбе с транснациональной преступностью.

Ключевые направления уголовно-процессуального сотрудничества стран БРИКС формируются на основе многоуровневой системы договоров. В современной практике сотрудничества можно выделить несколько ключевых направлений. Взаимная правовая помощь [1] по уголовным делам реализуется через центральные органы - чаще всего Генеральные прокуратуры [2] или Министерства юстиции - и включает выполнение поручений о производстве отдельных процессуальных действий, таких как допросы, обыски, выемки и наложение ареста на имущество.

Экстрадиция лиц для привлечения к уголовной ответственности имеет свою специфику в рамках БРИКС, где проблема невыдачи собственных граждан компенсируется возможностью уголовного преследования на территории государства гражданства. Однако в отечественной научной литературе присутствует некоторый оптимизм в отношении перспектив его реализации. Так, по мнению В.Э. Карповича - «Именно механизмы выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора позволяют экстрадировать лицо, совершившее преступление, и привлечь его на основе имеющихся доказательств к уголовной ответственности или исполнить уже вынесенный судом приговор» [3, с. 55].

Перспективным также может стать вопрос исполнения приговоров иностранных судов [4], включая не только передачу осужденных для отбывания наказания, но и признание решений о конфискации имущества. Кроме того, возможной формой сотрудничества могут выступать совместные следственные группы для расследования сложных транснациональных дел, что подтверждается успешным опытом создания таких групп между Россией и Китаем - в областях борьбы с терроризмом, контроля за оборотом наркотиков и международного розыска [5], [6], [7].

Важным направлением может являться обмен оперативной информацией и передовым опытом, который реализуется через различные формы взаимодействия, такие как работа в рамках профильных рабочих групп, проведение международных конференций и организация совместных учений. По мнению В.Н. Карагодина, - «Интерес представляют возможности использования искусственного интеллекта для обобщения и систематизации, собранной при расследовании преступлений» [8]. Данное направление может оказать решающее значение для единых подходов к противодействию преступности.

Несмотря на развивающееся сотрудничество, его практическая реализация в рамках БРИКС сталкивается с рядом системных проблем и вызовов. Значительные правовые барьеры создают принцип невыдачи собственных граждан, которого придерживаются Россия, Китай и Бразилия, а также существенные различия в основаниях для производства ключевых процессуальных действий, таких как арест и обыск, и несовпадающие подходы к критериям допустимости доказательств.

Эти правовые сложности усугубляются организационными и языковыми барьерами, к которым относятся сложные и длительные процедуры направления и исполнения международных запросов, а также языковые трудности, требующие перевода объемных процессуальных документов, что в совокупности значительно замедляет проведение совместных расследований и оказание правовой помощи.

На основании проведенного анализа считаем допустимым предложить ряд рекомендаций по решению проблем уголовно-процессуального сотрудничества в рамках БРИКС. В правовой сфере необходимо инициировать разработку многосторонней Конвенции БРИКС о правовой помощи по уголовным делам, которая унифицировала бы процедуры взаимной помощи, экстрадиции и передачи осужденных, а также разработать модельные законодательные акты для гармонизации национальных норм, касающихся оснований для следственных действий и критериев допустимости доказательств.

Одновременно в организационной сфере следует учредить постоянно действующий координационный орган - Совет руководителей правоохранительных ведомств БРИКС - и создать единую защищенную информационно-коммуникационную платформу для прямого обмена запросами и электронными доказательствами, что сократит время на бюрократические процедуры.

В практической плоскости важно стимулировать создание постоянных совместных следственных групп по приоритетным направлениям борьбы с преступностью, разработать общие образовательные программы для сотрудников правоохранительных органов и на регулярной основе проводить совместные учения по расследованию транснациональных преступлений. Реализация этих мер позволит перевести сотрудничество стран БРИКС на качественно новый уровень, значительно повысив его эффективность в противодействии общим угрозам.

Список литературы:

1. Глава Минюста предложил создать единую интернет-платформу правовой помощи для БРИКС. // Интерфакс [Электронный ресурс] Доступ: https://www.interfax.ru/russia/982639 (дата обращения: 15.10.2025).

2. Генпрокуратура подготовила соглашение о взаимодействии в БРИКС по возврату преступных активов. Интерфакс [Электронный ресурс] Доступ: https://www.interfax.ru/russia/987681 (дата обращения: 15.10.2025).

3. Карпович В. Э. Особенности правового регулирования выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора за преступления отмывания денег и финансирования терроризма в государствах БРИКС / В. Э. Карпович // Российский следователь. – 2025. – № 1. – С. 50-55.

4. Ким В.В. Перспективы международного сотрудничества пенитенциарных систем стран БРИКС // Вестник Кузбасского института. 2016. №2 (27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-penitentsiarnyh-sistem-stran-briks (дата обращения: 15.10.2025).

5. В Китае заявили, что правоохранители КНР и РФ поддерживают эффективное сотрудничество // ТАСС [Электронный ресурс] Доступ: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20909795 (дата обращения: 15.10.2025).
6. Россия и Китай будут вместе бороться с наркотрафиком из Афганистана. // Российская газета [Электронный ресурс] Доступ: https://rg.ru/2010/11/24/narkotiki-anons.html (дата обращения: 15.10.2025).
7. Состоялось заседание рабочей группы по сотрудничеству МВД России и МОБ КНР в борьбе с транснациональной организованной преступностью. // МВД Медиа [Электронный ресурс] Доступ: https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-zasedanie-rabochey-gruppy-po-sotrudnichestvu-mvd-rossii-i-mob-knr-v-borbe-s-transnatsiona/ (дата обращения: 15.10.2025).
8. Карагодин В. Н. Возможности международного сотрудничества при проведении научных исследований транснациональной киберпреступности // Проблемы правовой и технической защиты информации. – 2024. – № 12. – С. 25-30.

© Удодов Г.А., 2025

EDN: ARAHUK

Хелефов Адам Магамедмирзеевич,
секретарь судебного заседания, юрист третьего класса
Санкт-Петербургского городского суда

Личность мошенника в сфере цифровых технологий как обстоятельство, подлежащее доказыванию по уголовному делу

Аннотация: в настоящее время все с более масштабными последствиями совершаются преступные деяния посредством цифровых технологий. Такие хищения повсеместны. С каждым днем все серьезнее становится угроза как личной финансовой безопасности наших граждан, так и экономической безопасности государства в целом. В этой связи, понимая, что личность субъекта преступления входит в предмет доказывания по уголовному делу и в обязательном порядке подлежит установлению, мы решили данное исследование посвятить именно этому вопросу. Установление личности преступника выступает гарантом успешной раскрываемости и рассмотрения в суде деяний, квалифицируемых по ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, поэтому исследование данного вопроса представляет научный и практический интерес.

Ключевые слова: мошенничество; цифровые технологии; личность преступника; субъект преступления; доказывание; предмет доказывания; свойства личности субъекта.

«Одной из особенностей развития современного общества является нацеленность на цифровизацию всех сфер его жизни. Однако не всегда потенциал информационно-телекоммуникационных технологий используется исключительно в правовом поле. Очевиден факт активизации использования таких возможностей для реализации различных вариантов деструктивного поведения лиц, склонных к противоправному образу жизни» [1, с. 15]. Мошенничество с использованием информационных технологий приобретает все более вредоносный формат, жертвами преступлений становятся добропорядочные граждане. С каждым днем увеличиваются обманы и злоупотребления доверием посредством «фишинга», социальной инженерии, просьбы проголосовать за ребенка в конкурсе, за лечащего врача, родственника, через чувство тревожности, вызванного информацией о том, что родственник в тяжелой ситуации и необходимы средства на лечение, на закрытие долга, посредством вредоносных цифровых вирусов, через онлайн-покупки, через поддельный «интернет-магазин», «сим-свопинг», криптомошенничество и другие средства.

Мошенничество в сфере информационных технологий квалифицируется по ст. 159.6 УК РФ. В этой связи, учитывая, что деяния, совершаемые посредством цифровых способов, относятся к латентным, мы обратились к статистическим данным, представленным в официальных источниках. В частности, за 2024 год осуждено по ч. 1 ст. 159.6 УК РФ – 0 человек, по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ – 2 человека, ч. 3 ст. 159.6 УК РФ – 8 человек, ч. 4 ст. 159.6 УК РФ – 7 человек [2]. Понимаем, что резонанс фактов с каждым днем становится все актуальнее, однако, раскрываемость данных преступлений свидетельствует об установлении всего лишь объекта и объективной стороны состава.

Проблематика расследования преступлений, которые совершаются посредством обмана, злоупотребления доверием через цифровые технологии, видится в слабой изученности личности преступника, а как известно, личность, форма вины, обстоятельства, которые способствовали совершению преступления конкретным лицом, входят в главный факт предмета доказывания по уголовному делу [3, с. 57], являются теми обстоятельствами, которые должны быть установлены органами уголовного преследования в рамках возлагаемого бремени доказывания.

Интерес представляет то, что еще из сочинений А.Ф. Кони можно увидеть следующие изречения, которые характеризуют корыстолюбивых преступников, что свойственно и современным мошенникам: «Стоит припомнить образ его жизни в последние годы, его скупость, его скаредность, по выражению одного из свидетелей. Всякий скупец страдает своего рода ослеплением. Он меряет одним масштабом и свое золото, и свои дни. Ему обыкновенно кажется, что по мере того, как растет это золото, растет и количество дней, отсчитанных судьбой» [4, с. 135]. Современные ученые полагают, что личность, которая причастна к действиям мошеннического характера, характеризуется тремя группами индивидуальных свойств: дефектами индивидуального правосознания; патологией потребностной сферы личности; дефектами в личностных установках [5, с. 17-21].

В научной литературе предлагаются классификации лиц, которые имеют причастность к совершению мошенничества посредством цифровых технологий. К примеру, выделяют следующие четыре группы, которые характеризуют личность преступника: «во-первых, те лица, которые в силу должностного положения и уровня в коммерческой структуре имеют доступ к соответствующей информации, как в отношении самой организации, так и ее клиентов, владея компьютерными программами и доступом к личным данным, например, главные бухгалтеры, сотрудники кредитных организаций, работающие с соответствующим программным обеспечением; во-вторых, посредством перевыпуска «симкарт», имея возможность доступа к мобильному банку, который привязан к номеру телефона, совершают мошенничество продавцы-консультанты соответствующих магазинов, центров; в-третьих, соучастники тех лиц, которые создают и распространяют вредоносное программное обеспечение, которые оказывают содействие в обналичивании похищенных денежных средств; в-четвертых, лица, которые имеют причастность к созданию, распространению, загрузке на телефонные средства вредоносное программное обеспечение, которое дает возможность получить доступ к мобильному банку» [3, с. 62].

«Лица, совершающие мошенничество, обладают такими качествами, как: общительность; способность быстро вступать в контакт с людьми; наблюдательность; способность влиять на людей; организаторские способности; решительность; способность располагать к себе людей; осторожность; способность разбираться в людях; внимательность; ясность, критичность ума, изобретательность; способность ориентироваться в сложной и быстро меняющейся обстановке, разыгрывать определенные роли; болтливость, развитое воображение; склонность к противоправной деятельности, опыт совершения правонарушений; судимость в прошлом и устойчивые контакты с лицами, составляющими криминогенную среду, посещение мест концентрации лиц, представляющих оперативный интерес. Мошенники стремятся внушить своим потенциальным жертвам чувство полного доверия и лишь после этого приступают непосредственно к обману» [7].

Кроме того, современный мошенник, не выходя из привычных бытовых условий, без визуального контакта с потерпевшим, владея познаниями цифровых технологий, приносит материальный ущерб в особо крупных размерах, что в рамках уголовного законодательства позволяет квалифицировать преступные деяния, как тяжкие и особо тяжкие. Однако, предприняв попытки анализа уголовных дел, мы пришли к выводу, что сложно сформировать обобщенный портрет цифрового преступника. Каждая личность обладает присущими ей индивидуальными характеристиками и доступными ей способами совершения преступных деяний. Более того, поскольку данные преступные деяния относятся к латентным, да и не всегда следователи имеют право делиться материалами уголовных дел, находящихся в их производстве, для использования в научных целях, сложно определить с точностью характерные черты и качества, способствующие совершению мошенничества. Поэтому мы можем высказать пожелания проведения аналитической работы нашими органами уголовного преследования. Думается, что формируемые обзоры помогут построить целесообразный алгоритм доказывания при расследовании преступного деяния. Например, из сообщения В.А. Колькольцева ясно, что цифровой преступности свойственна групповая форма совершения преступлений. Так, руководитель отметил: «Сотрудники Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Главка по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области задержали группу местных жителей от 19 до 23 лет, подозреваемых в мошенничестве. Они подыскивали граждан, готовых предоставить свои банковские карты, обналичивали и переводили денежные средства зарубежным сообщникам» [7]. Таким образом, мы понимаем, что преступления, совершаемые в соучастии характеризуются формой вины с прямым умыслом, что свидетельствует об устойчивости преступной группы, продуманности способов совершения преступных деяний. Данные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нюансы помогают грамотно квалифицировать преступное деяние, а значит, способствуют законному, обоснованному и справедливому рассмотрению уголовного дела в суде с соразмерным наказанием.

Список литературы:

1. Харина, Е.А. К вопросу об эффективности расследования мошенничества в сфере компьютерной информации / Е.А. Харина // Российский следователь. – 2025. – № 8. – С. 15-19.

2. Судебная статистика Российской Федерации [Электронный ресурс] // https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--1ai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=medm7y6imp33813729 (дата обращения: 16 августа 2025 г.).

3. Бадзгарадзе, Г.Д. О характеристике личности субъекта мошенничества в сфере компьютерной информации / Г.Д. Бадзгарадзе // Криминалистъ. – 2022. – № 4 (41). – С. 56-63.

4. По делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова. Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи / А.Ф. Кони. – М.: Эксмо, 2018. – 640 с.

5. Пирожков, В.Ф. Криминальная психология / В.Ф. Пирожков. – М.: Ось-89, 2001. – 704 с.

6. Ганиева, И.А. Личность преступника, совершающего дистанционное мошенничество [Электронный ресурс] / И.А. Ганиева // https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-sovershayuschego-distantsionnoe-moshennichestvo?ysclid=megqlruz3t21047138 (дата обращения: 18 августа 2025 г.).

7. Владимир Колокольцев сообщил о задержании предполагаемых участников международной группы интернет-мошенников [Электронный ресурс] // https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/51092371?ysclid=mgrvsjc49265263396 (дата обращения: 15 октября 2025 г.).

© Хелефов А.М., 2025

EDN: AQQYOK

Холзода Умед Хол,
МВД Республики Таджикистан

В отношении мигрантов в законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан необходимо предусмотреть новую меру пресечения – передачу под надзор полиции (милиции)

Аннотация: миграционная политика требует обеспечения соблюдения прав иностранных граждан, в том числе подозреваемых, обвиняемых. Одним из существенных ограничений прав передвижения и соблюдения миграционного законодательства в части пребывания на территории государства является институт мер пресечения. Автором обосновывается необходимость дополнения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан новой меры пресечения – передачей под надзор полиции (милиции).

Ключевые слова: меры пресечения; заключение под стражу; иностранный гражданин; ограничение прав.

Регулирование миграции является одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности и защиты прав человека в Российской Федерации и Республики Таджикистан. В связи с этим возникает вопрос определения правовых основ для применения меры пресечения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Реализация этих мер может столкнуться с ограничениями, связанными с правовым статусом лица, его миграционным положением и международными обязательствами государств. Применение меры пресечения является одним из важных инструментов уголовного процесса. Для иностранных граждан и лиц без гражданства их правовой статус приводит к ряду ограничений, которые могут негативно сказаться на их процессуальных и конституционных правах. Применение к мигрантам самой строгой меры пресечения при совершении преступлений средней тяжести вызывает беспокойство обоих государств. Так, в результате исследования Е.А. Семенова и Е.Ю. Замуруевой приводится практика, свидетельствующая о том, что в условиях роста миграции и борьбы с преступностью в отношении мигрантов преимущественно избирается заключение под стражу [1, с. 280-281]. В Российской Федерации были внесены изменения 28 февраля 2025 года в ст. 108 УПК РФ, расширяющие основания применения иных мер пресечения к иностранным гражданам, предусмотрев не только место жительства, но и место пребывания на территории государства. Требования учета Федерального закона от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О ми-

грационном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (п. 4(2)).

В Республике Таджикистан также одним из направлений политики провозглашено урегулирование миграционных процессов и защита законных интресов как граждан страны, так и граждан других государств, прибывших на законных основаниях на территорию Таджикистана. Правительство страны еще в 1998 году приняло Конвенцию государственной миграционной политики, законы «О миграции», «О правовом положении иностранных граждан в Республике Таджикистан, «О беженцах», «О лицензировании отдельных видов деятельности», иные нормативно-правовые акты, в том чиле Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2023 года № 309 принята и утверждена «Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года». Должная защита прав мигрантов – основная задача в миграционной политике. Ежегодно около 500 тысяч трудоспособных граждан выезжают на временную работу за рубеж. Основной принимающей страной трудовых мигрантов из Республики Таджикистан является Российская Федерация. К сожалению, чаще всего в отношении лица, совершившего преступление, избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, что обосновывается не только предупреждением факта покинуть территорию государства, в котором осуществляется предварительное расследование, но и предупреждением совершения административных правонарушений, влекущих выдворение на основании решения суда в связи с административным штрафом и перевезением в Республику Таджикистан. Так, в названное государство в 2022 году было выдворено только из города Санкт-Петербурга 1534 человека, в 2023 году – 2154, в 2024 году – 1168[1].

Однако, согласно международным обязательствам России и практике Европейского суда по правам человека, применение таких мер должно быть соразмерным, обоснованным и временным. Основания для применения мер пресечения в отношении мигрантов должны быть оформлены в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, а сами меры пресечения предусмотрены с целью предотвращения укрывательства подозреваемого или обвиняемого, воспрепятствования расследованию, совершения повторных преступлений и обеспечения исполнения приговора. В ином случае ставится под угрозу соблюдение процессуальных прав мигранта [2]

Если обратиться к опыту Республики Таджикистан, касающемуся ограничений и запретов, действующих в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, то при выборе и применении мер пресечения действует ряд следующих ограничений. В частности, существует риск побега со стороны мигрантов. То есть, органы суда и предварительного следствия при применении более мягких

[1] Данные приведены из статистики Службы регистрации и учета Министерства внутренних дел Республики Таджикистан.

мер учитывают, что у мигранта, совершившего преступление, нет постоянного места жительства, что повышает риск его побега, и это приводит к предпочтительному применению, как и в России, заключения под стражу. Также, что касается ограничения меры пресечения в виде залога, то она в отношении мигрантов вообще не применяется. Высказывая свое мнение, основанное на опыте работы следователем органов внутренних дел Республики Таджикистан, скажу, что на практике использование залога для мигрантов затруднительно, так как к ним не относятся как к надежным лицам, имеющим постоянный источник доходов и имеющих имущество, на территории государства, производящего расследование, которое бы выступило предметом залога. Работодатель же (принявший мигранта на работу), не хочет выступить собственником имущества, передаваемого в качестве предмета залога.

В связи с отсутствием контроля и возможности судебного контроля, применение меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении мигрантов ограничено из-за отсутствия у них постоянного места жительства. Даже если у мигранта есть постоянное место проживания, но его родиной является другое государство, органы суда или предварительного следствия сомневаются и не рискуют применять меру пресечения в виде домашнего ареста, а наоборот, как можно скорее применяют меру пресечения в виде заключения под стражу.

Еще одно обстоятельство, которое ограничивает возможности в отношении мигрантов, – это трудности в получении информации о личности иностранных граждан, поскольку во многих случаях личность мигрантов в полном объеме не удается своевременно установить до решения вопроса об избрании меры пресечения, поэтому к ним применяется заключение под стражу.

Важность соблюдения миграционного законодательства в обоих рассматриваемых государствах бесспорна и напрямую зависит от своевременности информирования правоохранительных органов о фактах привлечения иностранного гражданина к уголовной или административной ответственности. Еще в 1998 году в своем Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации назвал приоритет уголовного процесса перед иными административными мерами, если они затрудняют правосудие (Постановление от 17.02.1998 г. № 8-П).

Изучив уголовные дела в рамках подготовки диссертационного исслеования на тему «Запреты и ограничения в системе мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан», создается впечатление, что суды, видя, что преступление, пусть и небольшой или средней тяжести, совершено мигрантом, автоматически делают вывод о возможности его побега. При этом индивидуальные обстоятельства не оцениваются, и не учитывается наличие у мигранта семьи, детей, постоянной работы и стабильного проживания в стране. Безусловно, мигранты, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, должны быть заключены под стражу, чтобы предотвратить причинение вреда другим гражданам. В этом нет никаких сомнений. В некоторых случаях мигранты содержатся под стражей несколько месяцев без доступа к юридической помощи, то есть без предоставления защитника, так как он не может обеспечить прибытие на юридическую консультацию переводчика, что противоречит ст. 48 Конституции РФ.

Для обеспечения своевременного информирования соответствующие службы по контролю соблюдения миграционного законодательства предлагаем вернуть в перечень мер пресечения Российской Федерации и Республики Таджикистан, ранее известную российской истории меру пресечения – передачу под надзор полиции (милиции), которая включает Миграционные службы. Учитывая тенденции цифровизации такой надзор может быть установлен в виде электронного наблюдения. Это обеспечит своевременное информирование в случае совершения мигрантом новых правонарушений и исключит депортирование, когда это усложнит производство по уголовному делу.

Список литературы:

1. Семенов, Е. А., Замуруева, Е. Ю. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении иностранных граждан / Е. А. Семенов, Е. Ю. Замуруева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 2(103). – С. 278-287.

2. Юнусов, М. Д. Обеспечение прав подозреваемого (обвиняемого) в досудебном производстве по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в Республике Таджикистан и Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения / М. Д. Юнусов // Закон и право. – 2024. – № 10. – С. 278-285.

© Холзода У.Х., 2025

EDN: CLCLOW

Хорев Михаил Владимирович,
доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела
Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук

Международное сотрудничество в сфере получения электронных доказательств: новые вызовы и процессуальные механизмы

Аннотация: в статье анализируются актуальные проблемы и трансформация процессуальных механизмов международного сотрудничества в условиях цифровой эпохи. Автор исследует системные вызовы, связанные с юрисдикцией, скоростью доступа к данным и защитой прав личности, которые обусловлены распространением облачных технологий, шифрованием и трансграничным характером киберпреступности. Проводится сравнительный анализ традиционных инструментов, таких как договоры о взаимной правовой помощи (MLA), и новых моделей, включая прямое взаимодействие с интернет-провайдерами. Особое внимание уделяется критическому разбору таких инициатив, как Cloud Act (США). Делается вывод о необходимости формирования гибкой многоуровневой системы сотрудничества, сочетающей международные договоры, принцип взаимного признания и прямые каналы связи между правоохранительными органами и технологическими компаниями.

Ключевые слова: международное сотрудничество; электронные доказательства; киберпреступность; Cloud Act; Будапештская конвенция; юрисдикция; облачные данные; право на неприкосновенность частной жизни.

Цифровая трансформация общества привела к парадигмальному сдвигу в природе преступной деятельности. Подавляющее большинство уголовных дел, от мошенничества до терроризма, сегодня содержат цифровой след, зачастую расположенный на серверах в другой стране. Это делает традиционные механизмы международного сотрудничества, рассчитанные на индустриальную эпоху, малоэффективными. Скорость, объем и виртуальная природа электронных доказательств вступили в противоречие с медлительными, бюрократизированными процедурами взаимной правовой помощи. Таким образом, актуальность темы обусловлена насущной потребностью модернизации правовых инструментов для противодействия современным угрозам. Как справедливо отмечают некоторые учёные, при нынешних быстрых темпах развития и применения информационных технологий состояние кибербезопасности во многих странах будет видоизменяться, а количество киберпреступлений — неизменно возрастать, широко распространяясь во все сферы жизни страны[1, с.399].

Преступления в области компьютерной безопасности представляют собой общественно-опасные деяния, совершаемые в сфере информационных процессов и посягающие на информационную безопасность деяния, предметом которых являются информация, электронные базы данных, социальные аккаунты, серверы государственных и коммерческих организаций, банковские счета, почтовые адреса и т.д.[2, с.93].

Широкий охват населения и всех областей жизни информационными технологиями спровоцировал стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием этих же технологий. Уже обыденностью стало онлайн-мошенничество, кража денежных средств физических и юридических лиц с использованием информационных технологий, незаконный оборот наркотиков и оружия в киберсфере, онлайн-сексуальная эксплуатация детей, изготовление и оборот детской порнографии, торговля персональными данными и конфиденциальной корпоративной информацией, пропаганда деструктивной идеологии, манипулирование информацией (распространение фейков)[3, с.24-25].

Традиционный механизм международного обмена информацией в рамках борьбы с преступностью в информационной среде, основанный на двусторонних и многосторонних договорах, сталкивается с рядом непреодолимых препятствий в цифровую эпоху.

Во-первых, процедура обращения в соответствующие органы иностранных государств может занимать от нескольких месяцев до нескольких лет, в то время как электронные доказательства (логи, IP-адреса, содержимое аккаунтов) могут быть удалены или перемещены в считанные часы.

Во-вторых, классическая доктрина территориального суверенитета требует обращения к государству, на территории которого физически расположен сервер. Однако с распространением облачных технологий данные одного пользователя могут быть распределены по десяткам юрисдикций, что делает определение места нахождения данных фикцией и порождает конфликт юрисдикций.

В-третьих, ряд стран (например, Китай, Россия) приняли законодательство, обязывающее компании хранить данные о своих гражданах на территории этих государств и запрещающее передачу данных иностранным правоохранительным органам без разрешения местных властей. Это создает правовой тупик для следователей, особенно в условиях геополитической напряжённости.

Достаточно перспективными в этой связи выглядят формирующиеся в последнее время новые модели взаимодействия правоохранительных органов с поставщиками услуг по хранению и обработке данных. Так, Закон CLOUD (Clarifying Lawful Overseas Use of Data) позволяет властям США выдавать ордер на доступ к данными, хранящимся у американских компаний (Microsoft, Google, Facebook), независимо от их физического местонахождения. Одновременно он разрешает правительству заключать соглашения с иностранными государствами, позволяя их правоохранительным органам напрямую запрашивать данные у американских провайдеров, минуя государственные структуры.

Данная модель создает прецедент экстерриториального применения национального законодательства, что оспаривается многими государствами (в том

числе и Российской Федерацией) как нарушение суверенитета. С другой стороны, она решает проблему скорости доступа к данным.

Ещё одним вариантом решения проблем обмена информацией может стать создание сети неформальных контактов в рамках Будапештской конвенции, что позволяет осуществлять оперативный неформальный обмен информацией между правоохранительными органами. Хотя этот механизм эффективен для получения технической информации, он не подходит для получения доказательств, требующих судебного разрешения, так как может нарушать требования допустимости.

Новые механизмы порождают серьезные риски для прав человека. Прямые запросы к провайдерам, минуя контроль со стороны судебных органов страны местонахождения данных, ослабляют гарантии защиты частной жизни, закрепленные в национальном законодательства и международных правовых актах.

Традиционный принцип, требующий, чтобы деяние являлось преступлением в обеих юрисдикциях, может игнорироваться при прямом взаимодействии, что ведет к риску преследования за действия, не являющиеся правонарушением в стране пользователя.

Кроме того, доказательства, полученные через прямые каналы, могут быть признаны недопустимыми судом, если процедура их получения нарушила нормы уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, международное сотрудничество в сфере получения электронных доказательств переживает сложный переходный период. Традиционная система обмена информацией более не отвечает вызовам времени. Как справедливо отмечает А.А.Бессонов, «всему мировому сообществу следует работать над созданием более безопасной цифровой среды за счёт улучшения её прозрачности и повышения ответственности операторов, оказывающих соответствующие услуги, что возможно осуществить исключительно путём государственно-частного партнёрства» [4, с.29]. Новые модели предлагают более быстрые и гибкие механизмы, но порождают новые риски для государственного суверенитета и прав человека.

Перспективным направлением видится формирование гибридной, многоуровневой системы. Ее основу должно составить международное соглашение, основанное на принципе взаимного признания судебных решений, но с надёжными механизмами защиты прав личности и разрешения юрисдикционных конфликтов. Только такой комплексный подход позволит эффективно противостоять транснациональной киберпреступности, сохраняя при этом верховенство права и фундаментальные свободы.

Список литературы:

1. Мусаева У.А., Нгуен Т.Б., Нгуен Т.Х.Ч., Светличный А.А., Толстухина Т.В., Тью В.Х. К вопросу о создании цифровой криминалистической модели для сбора электронных доказательств при расследовании киберпреступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 398-411.

2. Зеленкина О. Ю. Особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 92–100.

3. Бессонов А.А. Новый технологический уклад как вызов современной правоохранительной системе // В сборнике: Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России). сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: в 3 ч.. Москва, 2025. С. 23-31.

4. Бессонов А.А. Киберпреступность: тенденции и перспективы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 3 (45). С. 23-30.

© Хорев М.В., 2025

EDN: CJYRCI

Цыреторов Алексей Иванович,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Судебная экспертиза как инструмент обеспечения и защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве

Аннотация: в статье рассматривается проблема отсутствия в отечественном уголовном судопроизводстве действенного механизма, способного не допустить осуждения несовершеннолетних, не способных в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими по причине отставания в психическом развитии. Автором предлагается закрепление в законодательстве обязательной комплексной психолого-психиатрической экспертизы в случае, если подозреваемый несовершеннолетний является сиротой, в том числе социальной, что позволит избежать объективного вменения.

Ключевые слова: права несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве; комплексная психолого-психиатрическая экспертиза; следственные действия; обязательное назначение судебной экспертизы; эффективность расследования; отставание несовершеннолетнего подозреваемого в психическом развитии.

Основоположник критического рационализма Карл Раймунд Поппер утверждал, что наука начинается с проблем [3, с. 370]. Некоторые проблемы, несовершенства уголовно-процессуального законодательства в силу своей очевидности являются предметом многочисленных исследований, другие находятся в тени, поскольку в полной мере проявляются уже за рамками уголовного судопроизводства. К последней категории можно отнести проблему отсутствия действенного механизма, способного не допустить осуждения несовершеннолетних, не способных в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими по причине отставания в психическом развитии. Применительно к несовершеннолетним осужденным к отбыванию наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях, обозначенная проблема особо ярко проявляется именно на стадии исполнения наказания, когда воспитатели и психологи, взаимодействуя с вновь прибывшим осужденным обнаруживают у последнего не просто низкий образова-

тельный уровень и узкий кругозор, но и слабое представление о правилах общежития, а по некоторым признакам - серьёзное отставание в психическом развитии.

Законодатель, установив возраст уголовной ответственности 16 лет (по некоторым преступлениям - 14 лет) исходил из того, что ко времени достижения указанного возраста у несовершеннолетнего должна сформироваться способность осознавать в момент совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Другими словами, несовершеннолетний должен понимать, где проходит граница между шалостью и преступлением, отдавать отчет своим действиям. В ряде случаев в силу проблем с психическим здоровьем или по иным причинам, несовершеннолетний по своему уровню развития может не соответствовать календарному возрасту: в теле 16-летнего юноши может находится 12-летний подросток. Как справедливо указывает В.С. Голдобина, «несмотря на то что способность осознавать характер своих поступков и руководить ими может быть непосредственно связана с психическим здоровьем субъекта, определяющее значение имеет установление способности к осознанно-волевому поведению и ее реализации в определенной уголовно-правовой ситуации. Факторами же, влияющими на эту способность, могут быть, по ее мнению, не только состояние психического здоровья, но и наличие отдельных психических состояний, личностных особенностей, экстремальных ситуаций. Среди них можно выделить: отставание несовершеннолетнего в психическом развитии, являющееся следствием педагогической запущенности, не правильного воспитания и не связанное с психическим расстройством [2, с. 85].

Недостаточность уровня интеллектуального и/или волевого развития несовершеннолетнего означает, что он во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в момент их совершения, и следовательно в соответствии с частью 3 статьи 3 УК РФ он не должен подлежать уголовной ответственности, поскольку не является субъектом преступления. Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» обязывает при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии несовершеннолетнего, назначить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о его психическом состоянии и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. При этом перед экспертами должен быть поставлен вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста.

Приведенная правовая позиция Верховного Суда РФ фактически не решает рассматриваемую нами проблему поскольку назначение психолого-психиатрической экспертизы отнесено на усмотрение следователя, суда. В перечне случаев обязательного назначения судебной экспертизы рассматриваемый случай не содержится. Учитывая, что «семейное неблагополучие является одной из

основных причин, определяющих состояние и динамику преступного поведения несовершеннолетних» [1, с. 11], зачастую не следует ожидать со стороны его родителей или иных законных представителей заинтересованности в судьбе несовершеннолетнего. По мнению В.С. Голдобиной именно недостатки педагогического воздействия на несовершеннолетнего часто являются причиной отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, поскольку в результате педагогической запущенности происходит искажение механизма социализации, нарушение социальной адаптации, при которой, несмотря на отсутствие патологических изменений интеллектуально-волевой сферы и болезненных особенностей личности, поведение несовершеннолетнего нарушается, существенно отклоняется от нормы [2, с. 83]. К сожалению, мы вынуждены констатировать критическую ситуацию, когда родители или иные законные представители, обязанные осуществлять воспитание несовершеннолетнего, не только не смогли выполнить эту важнейшую задачу, но и вероятнее всего проявят полное безразличие к защите прав и интересов несовершеннолетнего, главным образом не продемонстрировав процессуальную активность.

Закономерно возникает вопрос: каким образом в отечественном уголовном судопроизводстве применительно к описанной ситуации мы можем избежать человеческого равнодушия? Карл Поппер полагал, что «самый важный аспект социальной жизни в том, что нам нужны не столько хорошие люди, сколько хорошие учреждения» [3, с. 570]. В этой фразе «хорошие учреждения» мы интерпретируем широко, подразумевая под ними и правовые институты. Мы считаем целесообразным закрепление в законодательстве обязательной комплексной психолого-психиатрической экспертизы в случае, если подозреваемый несовершеннолетний является сиротой, в том числе социальной. В рамках указанной экспертизы необходимо ставить вопрос о достижении несовершеннолетним уровня интеллектуального развития, достаточного для несения уголовной ответственности. Согласимся, что предложенное решение по своей сути противоречиво, и его, учитывая некомплект следователей, будет сложно реализовывать. К тому же среди процессуалистов можно встретить настороженное отношение к вопросу расширения перечня обязательного назначения экспертиз. Так, А.Р. Шарипова полагает «что отказ от обязательного назначения экспертиз, что попытка расширить их перечень могут одинаково негативно повлиять на судебную практику» [4, с. 201]. Надежда в решении этой проблемы, по ее мнению, больше на здравый смысл.

Тем не менее, мы считаем, что нам не следует бояться оказаться в затруднительном положении. Как известно динамика преступности несовершеннолетних в России показывает устойчивую положительную тенденцию и предложенный подход будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства, поскольку в описанных случаях обязательная судебная экспертиза позволит исключить случаи объективного вменения.

Список литературы:

1. Агафонов Ю. А., Ильяшенко А.Н. Факторы семейного неблагополучия в генезисе преступного поведения несовершеннолетних // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 11-17.

2. Голдобина В.С. Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, как основание и условие освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 85.

3. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. / К.Р. Поппер. – М.: «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.

4. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: монография. – Москва: Проспект, 2023. 320 с.

© Цыреторов А.И., 2025

EDN: DBAVXN

Шадрин Виктор Сергеевич,
профессор кафедры управления следственной деятельности
(Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Уголовно-процессуальная политика России и ее современные приоритеты

Аннотация: в статье рассматриваются понятие уголовно-процессуальной политики, ее роль в формировании уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, а также актуальные приоритеты уголовно-процессуальной политики, обусловливающие необходимость корректировки действующего уголовно-процессуального закона в направлении большего соответствия современного российского уголовного судопроизводства уголовному процессу континентального типа при сохранении существующего относительно высокого уровня обеспечения прав личности, вовлекаемой в производство по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; государственная, правовая и уголовная политика; совершенствование УПК РФ.

Как показывает история человечества, уголовное судопроизводство в разные эпохи и в разных странах проявлялось в различных формах, которые могли с течением времени претерпевать существенные трансформации, вплоть до корректировки задач, принципов и иных ключевых компонентов уголовно-процессуальной деятельности. Подобные изменения всегда, так или иначе определялись уголовно-процессуальной политикой конкретного государства в данный исторический момент его существования.

Обычно определение понятия "уголовно-процессуальная политика" выводится, используя метод анализа, из понятий "государственная политика" - "правовая политика" - "уголовная политика". Если уголовная политика является неотъемлемой частью правовой политики [1, 8], то уголовно-процессуальная политика, в свою очередь, является частью политики уголовной наряду с другими составляющими этой политики, включая политику уголовно-правовую, уголовно-розыскную, уголовно-предупредительную и уголовно-исполнительную [2, 70].

Формирование уголовно-процессуальной политики зависит от многих факторов. На ее содержание и состояние может влиять внутреннее и международное

положение страны, преобладание в обществе и государстве на данном этапе их развития определенных представлений о должном балансе личных и общественных интересов, определении новых приоритетов в области общественной безопасности и борьбы с преступностью и т.д. Н.Г. Стойко отмечает, что содержание данной политики состоит из ряда уголовно-процессуальных стратегий, определяемых различными неотложными потребностями общественной жизни. К ним могут относиться: 1) защита прав и свобод обвиняемого, 2) судебное преследование, 3) социальная поддержка жертв преступлений; 4) обеспечение рациональности и эффективности уголовного судопроизводства, 5) примирение. Они могут быть по-разному значимы для уголовного судопроизводства и его участников в данный исторический период. Их координация (возможно, уместнее говорить – сосуществование) происходит путем чередования, усиления одних и ослабления интенсивности других, расширения или сужения сферы их применения и т.д., в зависимости от конкретной социальной ситуации [3, 292].

Перефразируя известное утверждение о том, что истина всегда конкретна, можно сказать, что политика любого государства в любой исторически значимый отдельный период его существования всегда достаточно специфична, имеет свои особенности, характерное именно для данного периода своеобразие. Политика, в том числе уголовно-процессуальная, современного российского государства также отличается в настоящее время своими характерными чертами, которые необходимо учитывать, чтобы понять происходящую на наших глазах перманентную трансформацию отечественной системы уголовного судопроизводства.

На протяжении уже более трех десятилетий Россия переживает сложный, напряженный и не всегда предсказуемый период преобразования в государство, основные параметры которого как демократического и правового определены Конституцией Российской Федерации, что неразрывно связано с фундаментальными изменениями в экономике, идеологии и политике страны и касается всех отраслей российского права, включая право уголовно-процессуальное, воплощенное в настоящее время в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ).

Принятие УПК РФ, как известно, вызвало неоднозначное отношение к нему со стороны различных представителей отечественной уголовно-процессуальной науки и правоохранительных органов, для чего имелись как субъективные, так и объективные основания. Судя по всему, он создавался как закон опережающего действия, то есть как модель уголовного процесса, которую еще предстояло апробировать и применить к реальным уголовно-процессуальным отношениям в уголовном судопроизводстве, хотя необходимые предпосылки для этого в организационной и кадровой деятельности судебных и правоохранительных органов, в психологии судей, прокуроров, дознавателей, следователей, в правовом сознании населения еще не созрели.

Новый уголовно-процессуальный закон, введённый в действие уже без малого четверть века назад, главным отличительным признаком которого явилось обеспечение вовлекаемым в производство по уголовным делам лицам более зна-

чительного, чем когда бы то ни было ранее, уровня защиты от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, как выяснилось, оказался сверхновым в современной России и с самого начала его применения был критически воспринят большинством правоприменителей со стороны правоохранительной системы государства и значительной части представителей науки уголовного процесса. Включая тех, кто в целом приветствовал преобразование российского уголовного судопроизводства в соответствии с Конституции Российской Федерации, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью. В известной мере это явилось следствием недостаточной осмотрительности создателей УПК РФ, отсутствием у них ясного представления о реальной выполнимости его предписаний в правоприменительной практике. Одной из причин отмеченного, стало, очевидно, завершение подготовки текста УПК в форсированном темпе.

В настоящее время представляется возможным констатировать накопление в сфере уголовно-процессуальной политики потенциала для совершенствования действующего уголовно-процессуального закона с учетом существования преобладающей тенденции сохранения и укрепления принадлежности отечественного уголовного судопроизводства к уголовному процессу континентального типа при одновременном сохранении достигнутого на сегодняшний день относительно высокого уровня обеспечения прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в качестве его участников. Указанные обстоятельства предопределяют необходимость обратить внимание прежде всего на следующие новоявленные особенности УПК РФ, которые подлежат устранению или существенной корректировке в приоритетном порядке:

- аморфность определения назначения уголовного судопроизводства, в котором отсутствует даже упоминание о его роли как формы применения уголовного закона, имманентно обуславливающей необходимость уголовного преследования и изобличения предполагаемых виновных в совершении преступлений лиц с обязательным, разумеется, предоставлением им достаточно надежных гарантий от необоснованного уголовного преследования и не вызываемого необходимостью процессуального принуждения (ст. 6 УПК РФ);

- отказ от изложения в уголовно-процессуальном законе требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления, что можно расценивать как завуалированное освобождение органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, от обязанности достижения по уголовному делу объективной истины, без чего неизбежно усиление угрозы привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных лиц:

- провозглашение не характерного для отечественного уголовного судопроизводства как процесса континентального типа и не соответствующего действительности распространения состязательности на все стадии уголовное процесса, включая досудебное производство (ст. 15, п. 56 ст. 5 УПК РФ).

Следует заметить, что с некоторых пор вектор уголовно-процессуальной политики, характеризующий роль уголовного судопроизводства в обеспечении безопасности общества и государства стал ощутимо усиливаться, в чем немалую

роль сыграли и продолжают играть решения Конституционного Суда Российской Федерации и изложенные в них правовые позиции относительно содержания и применения норм действующего уголовно-процессуального права [4, 159]. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, Постановление Конституционного Суда от 8 декабря 2003 г. № 18-П о возможности возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, не устранимые в судебном разбирательстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия. На практике предоставление судам указанной возможности не без оснований было воспринято как завуалированное восстановление известного советскому уголовному процессу института возвращения уголовного дела судом на дополнительное расследование. На основании изложенной в данном Постановлении правовой позиции в ст. 237 УПК РФ неоднократно вносились изменения и дополнения (в 2003, 2008, 2013 гг., последнее из них – Федеральным законом Российской Федерации от 21.07.2014 г. № 269-ФЗ). В результате в настоящее время не только существенно расширился круг оснований возвращения уголовного дела прокурору, но и стало обычным, что возвращаемые прокурору дела в настоящее время «транзитом» направляются в органы предварительного следствия и дознания для дополнительного расследования.

При определении современных, актуальных приоритетов уголовно-процессуальной политики России следует принимать во внимание Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором, в частности подчеркивается, что национальная безопасность обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов, среди которых фигурирует… «реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина» [5]. Тем самым подчеркивается, что все конституционные ценности в настоящее непростое время, включая статус личности и достигнутый на данный момент уровень ее правового обеспечения, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, вполне сохраняют свое значение.

Одновременно необходимость упрочения национальной безопасности предрасполагает к усилению мер по своевременному выявлению и достойному наказанию виновных в любых посягательствах на основы конституционного строя и иные ценности, особо значимые для России и ее граждан, предусмотренные в качестве таковых Уголовным кодексом Российской Федерации. Свою немалую роль в этом призвано сыграть обеспечение средствами уголовного судопроизводства неотвратимости уголовной ответственности, чему в последнее время не без оснований придается повышенное значение [6, 131]. При этом реалии текущего момента обусловливают необходимость принятия во внимание и иных приоритетов уголовно-процессуальной политики, обусловленных государственной

политикой России как внутри страны, так и на международной арене. К числу таких приоритетов в настоящее время относится обеспечение обороноспособности государства и достижение целей Специальной военной операции, создающее основания для некоторого ограничения принципа неотвратимости уголовной ответственности в виде прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 28.2 УПК РФ в ред. Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ).

Список литературы:

1. Малышева О.А. Уголовная политика: содержание и эффективность. – Рязань, 2005. – 186 с.

2. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. – СПб, 2003. – 562 с.

3. Стойко Н.Г. Современная уголовная политика и уголовный процесс: стратегический подход и его реализация // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3 (14). – С. 289–296.

4. Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса. – СПб, 2010. – С. 157–170.

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

6. Алешина М.Д. Проблема законодательного игнорирования идеи неотвратимости наказания в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 2 (73). – С. 126–131.

© Шадрин В. С., 2025

EDN: DIETMO

Шалагина Зинаида Андреевна,
инспектор отделения планирования учебного процесса отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Санкт-Петербургского университета МВД России

Доступ к правосудию - принцип уголовного процесса

Аннотация: статья посвящена вопросам обеспечения права личности на доступ к правосудию в уголовном процессе. Рассмотрены различные точки зрения ученых относительно понятия «доступ к правосудию». Выдвинута гипотеза и обоснован вывод о том, что доступ к правосудию представляет собой принцип уголовного процесса, который до настоящего времени не получил своего официального закрепления.

Ключевые слова: доступ к правосудию; право на доступ к правосудию; принципы уголовного процесса; стадия возбуждения уголовного дела; стадия предварительного расследования.

В правовом государстве вопросы обеспечения доступа к правосудию при реализации уголовного судопроизводства занимают особое положение, поскольку речь идет в первую очередь о конституционных правах личности.

В ст. 52 Конституции Российской Федерации [1] закреплено право личности на доступ к правосудию, однако законодатель не раскрывает, что следует понимать под таким доступом. Это вызывает дискуссии среди научного сообщества, в том числе отсутствие единой позиции в рамках уголовного судопроизводства. Так, Л. А. Воскобитова считает, что доступ к правосудию представляет собой принцип уголовного процесса, где обеспечение доступа к правосудию есть первоначальный этап реализации судебной власти [3, с. 15].

Л. С. Мирза придерживается аналогичной позиции о том, что доступ к правосудию входит в общую систему принципов уголовного процесса и указывает на то, что этот принцип просто еще не получил своего официального закрепления в законодательстве [7, с. 35-36].

В свою очередь Т. Г. Бородинова рассматривает доступ к правосудию в качестве возможности заинтересованного лица обратиться в суд [2, с. 90].

В. В. Иванов и К. Л. Литвиненко рассматривают данный правовой феномен в виде гарантии судебной защиты лица [4, с. 6; 6, с. 29] и т.д.

Рассматривая позиции ученых относительно сущности такого правового феномена, как доступ к правосудию, на наш взгляд, следует выделить одну общую черту, которая выражается в обеспечении реальной возможности заинтересованного лица в случае необходимости обратиться за судебной защитой своих прав и

свобод. Однако, обращению в суд предшествуют соответствующие обязательные подготовительные этапы: обращение с заявлением о совершенном преступлении, регистрация сообщения и рассмотрение материала доследственной проверки, принятие процессуального решения и т.д.

Представляется, что понятие доступа к правосудию следует рассматривать в его широком понимании, то есть в качестве не закрепленного принципа уголовного процесса, работа которого начинает осуществляться уже на стадии возбуждения уголовного дела.

В этой связи, попробуем обосновать данную гипотезу путем соотношения правового феномена «доступ к правосудию» с основными признаками правового принципа.

К. Б. Калиновский в свое время выделил пять основных признаков, по которым можно определить принцип отрасли права:

1) это общее руководящее начало;

2) выражает суть и определяет устройство процесса;

3) нормативный характер, который выражен в виде общего требования с определяющим значением для большинства норм отрасли права;

4) сквозной характер действия;

5) самостоятельность содержания [5].

Итак, действительно доступ к правосудию в уголовном процессе – это общее руководящее начало (идея), выражающееся в эффективном обеспечении для заинтересованного лица возможности обратиться в суд за защитой своих прав и свобод. Данное начало закреплено в Конституции Российской Федерации (ст.ст. 46, 52, 118) и распространяется на все уголовно-процессуальное право (ч. 1 ст. 15) [1], то есть носит нормативный характер в виде общей нормы. Кроме того, право на доступ к правосудию это универсальное право, которым наделены как потерпевший, так и обвиняемый (см. признаки № 1, № 3).

Доступ к правосудию представляет собой феномен, который выражает суть, определяет устройство уголовного процесса на его досудебных стадиях. Каждая стадия уголовного процесса – это правовая ступень, которая приближает заинтересованное лицо к процедуре рассмотрения судом уголовно-правового спора по существу (см. признак № 2).

Соответственно доступ к правосудию носит сквозной характер, то есть является общепроцессуальным и «работает» как на стадии возбуждения уголовного дела (прием и регистрация заявления о преступлении, рассмотрение материала проверки, принятие итогового процессуального решения по итогам процессуальной проверки и т.д.), так и на стадии предварительного расследования (возбуждение уголовного дела, наделение лица процессуальным статусом, сбор и анализ доказательств, принятие итогового процессуального решения по результатам расследования и направление уголовного дела надзирающему прокурору для проверки законности принятого решения и т.д.) (см. признак № 4).

Доступ к правосудию обладает самостоятельностью содержания, выступая регулятором уголовно-процессуальных отношений на стадии возбуждении уголовного дела и на стадии предварительного расследования (см. признак № 5).

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что доступ к правосудию представляет собой институциональный принцип уголовного судопроизводства, закрепленный в Конституции РФ, позволяющий каждому беспрепятственно обратиться в суд и заключающейся в гарантии прав заинтересованного лица, потерпевшего от общественно опасного деяния или от злоупотреблений и противоправных деяний должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, защитить свои права и законные интересы и компенсировать причиненный в результате таких деяний ущерб посредством правосудия.

.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (ред. от 01 июля 2020 года) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445; 2014. № 31. Ст. 4398; 2020 № 31. Ст. 4398.

2. Бородинова, Т. Г. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты / Т. Г. Бородинова // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 11. – С. 89-92.

3. Воскобитова, Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис… докт. юрид. наук : 12.00.09 / Воскобитова Лидия Алексеевна. Москва, 2004. – 55 с.

4. Иванов, В. В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту : автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.09 / Иванов Вячеслав Васильевич. Самара 2004. – 22 с.

5. Калиновский, К. Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства – есть принцип уголовно-процессуального права // Состояние и перспективы развития правовой науки : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета, Ижевск, 30-31 марта 2006 года. Ижевск, 2006. URL: https://www.iuaj.net/node/838?ysclid=mgcmwstbwf700897962 (дата обращения 31.08.2025).

6. Литвиненко, К. Л. Обеспечение права граждан на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Литвиненко Кристина Леонидовна. Москва, 2012. – 182 с.

7. Мирза, Л. С. Доступ к правосудию : Уголовно-процессуальные аспекты : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мирза Лилия Сергеевна. Москва, 2004. – 220 с.

© Шалагина З.А., 2025

EDN: FKTMGY

Шунк Виктория Эдуардовна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики,
кандидат юридических наук

Порядок проверки в уголовном процессе материалов оперативно-разыскной деятельности на предмет наличия оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий

Аннотация: автор обосновывает необходимость наличия в материалах, поступивших в следственные органы от оперативных подразделений, подробных и проверенных данных о ранее совершенном преступлении, сведения о котором являются основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Это связано с тем, что соответствующие данные обосновывают законность проведения оперативных мероприятий и содержат сведения о преступлении, по которому необходимо принять процессуальное решение. Автор приводит подробный алгоритм действий следователя при проверке поступивших материалов.

Ключевые слова: уголовный процесс; оперативно-разыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; недопустимые доказательства.

Наличие оправдательных приговоров и решений о прекращении дел по реабилитирующим основаниям по уголовным делам, где обвинение базировалось фактически на результатах оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), а следственные действия являлись фактически производными, вновь [1, с. 9] заставляет обратиться к вопросам о порядке проверки следователем результатов данной деятельности на предмет наличия изначально оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) . Этот вопрос является более проблематичным по сравнению с проверкой наличия провокации при наличии основания для проведения ОРМ, но именно отсутствие оснований для проведения ОРМ становятся причинами вынесения оправдательных приговоров.

Так, согласно определению Верховного Суда РФ от 29.10.2013 № 11-Д13-33, которым уголовное дело в отношении М. прекращено за отсутствием состава преступления, «заявление Ф., написано лишь 25 августа 2011 г., а из представленных суду доказательств следует, что фактически ОРМ в отношении М. были начаты 19 августа 2011 г. с участием оперуполномоченного Ф., а затем продолжены 20 и 25 августа 2011 г. с участием Ф., действовавшей по просьбе самих оперативных сотрудников, т.е. до появления процессуального основания». Аналогичную позицию по отсутствию основания для проведения ОРМ можно найти

в апелляционном приговоре Костромского областного суда от 30.09.2020 (дело № 22-643), которым Х. оправдан в связи с отсутствием состава преступления. Так, в данном приговоре суд указывает «… основанием для проведения в отношении Х. ОРМ являлась оперативная информация о предыдущем получении им взяток и о его склонности к совершению подобных преступлений. … Однако они (оперативные сотрудники) не смогли сообщить никаких сведений о том, сколько раз, когда именно, от кого конкретно, при каких обстоятельствах и в каком виде и размере Х. получал взятки». Еще одним примером может послужить постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 № 77-2651/2023, которым обвинительный приговор отменен, а дело в отношении лица прекращено за отсутствием состава преступления, указано, что «в рапорте оперуполномоченного … о поступлении оперативной информации о том, что мужчина по имени (имя) осуществляет установку контрафактного программного обеспечения … не имеется сведений ни о времени поступления данной информации, ее содержании, ни о том, какое контрафактное программное обеспечение реализовывалось, когда и кому. … В судебном заседании, будучи допрошенными в качестве свидетелей, оперуполномоченный и врио начальника ОЭБ и ПК не смогли пояснить об основаниях проведения ОРМ,…При таких обстоятельствах вызывает сомнение наличие оснований и правомерность действий сотрудников правоохранительных органов и (ФИО), которые при отсутствии достоверной информации о занятии Щ.Р.АБ. противоправной деятельностью, связанной с установкой и хранением контрафактного программного обеспечения, своими действиями фактически сформировали у него умысел на совершение преступления».

В изученных и иных судебных решениях констатируется факт того, что оперативные сотрудники дают показания о том, что невозможно раскрыть источник, от которого поступила информация о совершении разрабатываемым лицом преступления, так как источник является конфиденциальным. В ряде случаев и не требуется раскрытия источника, а в ряде случае источник сам должен быть привлечен к уголовной ответственности или освобожден при наличии к тому оснований, если он являлся субъектом уже совершенного преступления. Например, взяткодатель, который рассказал о переданной взятке. В соответствии со ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения о лицах, оказывающих содействие органам ОРД на конфиденциальной основе, представляются прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности.

Если же конфиденциальный источник не является участником совершенного преступления, то оперативные сотрудники, при получении от него информации о совершенном преступлении в последствии разрабатываемым лицом должны получить данные о событии уже совершенного преступления: время, место, способ деяния, в отношении кого было совершено преступление, очевидцы данного преступления, материальные объекты, на которых могли остаться следы

совершенного преступления. Это связано с разными правовыми обстоятельствами:

1) оперативные подразделения исключат оговор со стороны лица, сотрудничающего на конфиденциальной основе. Отсутствие конкретных данных о уже совершенном преступлении и начатая оперативная разработка лица по большому счету может расцениваться как злоупотребление ничем не отличающееся от репрессивного характера действий государственных органов, характерных для определенных исторических периодов нашего государства и ряда отдельных стран с антидемократическими режимами;

2) полученные данные необходимо проверить чтобы подтвердить ранее совершенное преступление и обеспечить законность в проведении ОРМ в отношении разрабатываемого лица. Проведение ОРМ без проверки поступившей информации о ранее совершенном преступлении можно по аналогии сравнить с возбуждением уголовного дела без проведения процессуальной проверки, по поступившему сообщению о преступлении;

3) по полученным данным в отношении ранее совершенного преступления необходимо так же принять итоговое решение. В противном случае в действиях оперативных сотрудников можно рассматривать признаки укрывательства преступления, если речь идет о тяжком преступлении или о превышении полномочий в части непринятия мер по установлению ранее совершенного преступления. И если разрабатываемое лицо ранее совершило преступление, то необходимо проводить процессуальные действия для привлечения лица к уголовной ответственности и за это преступление тоже. Следственная и судебная практика знает примеры привлечения к уголовной ответственности лиц за ранее совершенные преступления, сведения о которых были получены спустя продолжительный период времени.

Обосновав, почему оперативные сотрудники обязаны получить подробную информацию о ранее совершенном преступлении и проверить ее, обратимся теперь к действиям следователя по проверке поступивших материалов ОРД на предмет наличия основания для проведения ОРМ. И этот порядок будет касаться именно тех случаев, когда в представленных материалах будут отсутствовать подробные данные о ранее совершенном преступлении и материалы по проверке этого ранее совершенного преступления. Акцентируем внимание, что именно сведения о ранее совершенном преступлении, а не готовящемся или совершаемом. В данной статье речь идет непосредственно о проверке основания для проведения ОРМ поэтому мы исключим аспекты связанные с проверкой наличия провокации, хотя при отсутствии основания для проведения ОРМ, факт провокации будет с высокой долей вероятности.

Если в поступивших материалах отсутствуют данные о ранее совершенном преступлении, следователю необходимо опросить сотрудника оперативного подразделения о том:

1) какие конкретно данные были сообщены конфидентом о ранее совершенном преступлении: дата или период преступления, время совершения, какие действия совершило лицо, в отношении кого?

2) кто являлся очевидцем данного преступления и где могли быть оставлены следы ранее совершенного преступления?

3) какое ценное имущество было получено в результате совершенного преступления?

4) проводилась ли проверка данных о ранее совершенном преступлении? Если нет, то почему?

5) какая информация получена в ходе проверки данных о ранее совершенном преступлении?

6) составлен ли рапорт об обнаружении признаков ранее совершенного преступления? Если нет, то почему?

В том случае, когда оперативный сотрудник пояснит, что он не получал от конфидента никаких конкретных данных и не проверял их, а также если сообщит, что конфидент не пояснил ничего конкретного по тем обстоятельствам, которые он выяснял у него, можно констатировать, что проведенные ОРМ являлись незаконными. Помимо этого, если конфидент сообщил только о якобы ранее совершенном преступлении, а не готовящемся, то проведение таких ОРМ как «Проверочная закупка» или «Оперативный эксперимент» могут быть оценены как провокация преступления, что запрещено оперативным подразделениям. Аналогичной позиции придерживался П.С. Яни [2, с. 95-103]. Если же проводятся иные ОРМ, например, «Прослушивание телефонных переговоров», «Наблюдение», то и в этом случае не исключается провокация.

Вместе с тем, поскольку предмет данной статьи обозначен и раскрыт, то в случае отсутствия данных о ранее совершенном преступлении можем прийти к выводу о незаконном проведении ОРМ в отношении разрабатываемого лица в связи с чем возможны два варианта разрешения ситуации:

1) материалы необходимо вернуть в оперативное подразделение с указанием о необходимости получения сведений о ранее совершенном преступлении, проведении мероприятий, направленных на его документирование и регистрации данного преступления;

2) решение вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Напомним, что в тех случаях, когда изначально отсутствовала информация о совершенном преступлении высока вероятность провокации, а значит формирование умысла у лица осуществлялось исключительно под воздействием оперативных сотрудников. Таким образом отсутствует субъективная сторона преступления.

Если не проверять тщательным образом поступившие материалы на предмет наличия оснований для проведения ОРМ, то это может приводить к вынесению судебных решений, аналогичных тем, которые указаны в первой части настоящей статьи.

Список литературы:

1. Вытовтов А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2020. – 23 с.

2. Яни П.С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. – № 1. – С. 95-103.

© Шунк В.Э., 2025

EDN: ESWUKP

Юшина Кристина Александровна,
преподаватель кафедры специальной подготовки
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова

Анализ современных проблем назначения и производства судебных экспертиз в отношении живых лиц

Аннотация: в статье с учетом действующего уголовно-процессуального законодательства проводится анализ проблем, возникающих при назначении и проведении экспертиз в отношении живых лиц. Отдельно уделяется внимание постановке вопросов о проведении исследования, обеспечению прав обследуемых лиц, являющихся участниками уголовного процесса, в контексте достижения назначения уголовного судопроизводства, а также ошибкам, которые допускаются экспертами при проведении исследования.

Ключевые слова: судебная экспертиза; постановление о назначении судебной экспертизы; эксперт; заключение эксперта; участники уголовного судопроизводства.

В практике органов предварительного расследования и экспертных подразделений, проводящих исследования живых лиц, являющихся участниками уголовного процесса, имеются проблемы, существенно снижающие качество и результативность производства экспертиз, делающие невозможным использование заключения эксперта в качестве доказательства по делу.

Одной из распространенных проблем является формальный подход следователя, дознавателя, суда к этой процедуре, постановка перед экспертом типовых вопросов, взятых из справочников, руководств, не учитывая специфику конкретной экспертной задачи. Например, в случае получения потерпевшим черепно-мозговой травмы, вследствие совершения преступного деяния, выразившейся в потере памяти, помутнении сознания или иными сопутствующими нарушениями, в постановлении целесообразно ставить вопрос о возможной продолжительности нарушения сознания и потери памяти потерпевшего, что не всегда делается на практике. Постановка такого вопроса требуется для назначения комплексной судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертизы, а не повторной судебно-психиатрической экспертизы (для оценки всех произошедших изменений головного мозга за период травматического состояния) и судебно-медицинской экспертизы (для установления тяжести вреда здоровью). Производство именно комплексного исследования позволит установить взаимосвязь психического расстройства потерпевшего с полученными травмами [1, с. 9].

Встречаются ситуации, когда задаются вопросы, не имеющие отношение к делу («на всякий случай») [2, с. 34]. Это влияет на «увеличение сроков производства судебной экспертизы, а информативность и доказательственное значение заключения не меняются» [3, с. 145].

Изначальное решение экспертом некорректно поставленного или неверного вопроса может способствовать получению ошибочного вывода, либо отражать несущественные для дела факты.

Поэтому при постановке вопросов для производства судебной экспертизы в отношении живых лиц необходимо пользоваться общепринятыми правилами постановки вопросов, к которым относятся следующие:

1. вопросы формулируются конкретно, корректно, в краткой форме;
2. вопрос должен ставиться исходя из обстоятельств происшедшего преступного события, а также индивидуальных особенностей объекта исследования;
3. в вопросе не допускается использование слов с двойным и более значением;
4. не допускается постановка вопросов в общеизвестной для следователя, дознавателя, прокурора и суда области знаний [4, с. 16-17].

При назначении судебных экспертиз в отношении живых лиц необходимо учитывать и оценивать реальные обстоятельства, на основании которых выбирается наиболее подходящий вид исследования. Так при неправильной оценке эмоционального состояния свидетеля или потерпевшего, сохранности его памяти, индивидуально-личностных особенностей, нежелании сообщать известные обстоятельства в практике может приниматься необоснованное решение о назначении судебно-психиатрической экспертизы в отношении этого лица. «Такое достаточно часто происходит при совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, когда потерпевшая стыдится рассказывать какие-либо подробности о случившемся и меняет свои показания по ходу расследования» [5, с. 528]. В подобных ситуациях целесообразно назначать судебно-психологическую, либо комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, поскольку именно в рамках этих исследований будут получены ответы на требующиеся вопросы.

Обращает на себя внимание проблема, связанная с некачественной подготовкой материалов для производства судебной экспертизы в отношении живых лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства. Здесь можно обозначить два аспекты. Первый аспект заключается в том, что лицу или органу, назначившему исследование, сложно определить, какая именно информация будет использована экспертом для проведения экспертизы и дачи заключения. Поэтому необходимо собрать и предоставить все документы, характеризующие лицо, которое будет подвергаться обследованию. Представляется, что в подобной ситуации возможно консультирование с экспертом относительно определения достаточного количества характеризующих документов.

Второй аспект напрямую касается деятельности эксперта. Для объективного и полного проведения исследования важно, чтобы у экспертов была реальная возможность самостоятельно восполнять недостающую информацию за счет

проведения бесед с самим обследуемым, и с его близкими родственниками и лицами, которые могут привлекаться в качестве его законных представителей. Особенно это актуально, если обследуемое лицо является несовершеннолетним. По мнению О.Г. Дьяконовой следует на законодательном уровне закрепить «право эксперта, проводящего экспертное исследование, ходатайствовать о проведении беседы с близкими родственниками и законными представителями обследуемого лица в целях получения информации, имеющей значение для дачи заключения» [6, с. 9-10]. Представляется, что такое нормативное нововведение положительно отразится на проведении экспертных исследований и составлении заключений.

Правоприменительная практика показывает, что в ходе проведения судебных экспертиз в отношении живых лиц экспертом могут допускаться отдельные ошибки. В самом общем виде «экспертные ошибки представляют собой суждение эксперта либо его действия, которые не соответствуют объективной действительности и не позволяют достичь цели исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения» [7, с. 157]. Экспертные ошибки чаще всего обнаруживаются при оценке заключения лицом или органом, принявшим решение о проведении экспертизы.

Всего выделяется три вида экспертных ошибок:

- гносеологические (могут заключаться в неправильном познании сущности, свойств и признаков объекта исследования, либо при оценке результатов исследования и составлении заключения);

- деятельностные (могут представлять собой нарушение предписанного алгоритма действий по исследованию объекта, неправильном применении средств, без которых невозможно объективно провести исследование и т.д.)[8, с. 24-26];

- процессуальные (заключаются в нарушении экспертом требований уголовно-процессуального закона, а также в нарушении процедуры проведения исследования). Так, например, на рассмотрении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ находилась апелляционная жалоба обвиняемого в покушении на убийство в составе группы лиц по предварительному сговору Щербакова О.В. В жалобе излагалось ходатайство о признании недопустимым доказательством заключения эксперта из-за того, что судебно-медицинская экспертиза проводилась не профессиональным судмедэкспертом (хирургом центральной больницы), а также из-за несвоевременного ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта (эти процедуры осуществлялись в один день). Верховный Суд не усмотрел процессуальных нарушений во времени ознакомления с процессуальными документами, но усмотрел нарушение в компетентности эксперта, вследствие чего дело было направлено на новое судебное рассмотрение [9].

Ошибки могут иметь объективный характер и не зависеть от эксперта, как от субъекта, проводящего исследование (применение неисправных приборов ввиду отсутствия других, несовершенство используемой методики и др.), или же субъективный характер (зависеть от образа мышления или действий эксперта, например, поверхностное производство исследования, эмоциональное напряжение и др.).

Таким образом, в практической деятельности органов предварительного расследования и экспертных подразделений, назначающих и проводящих судебные экспертизы в отношении живых лиц, имеются проблемы, отражающиеся на качестве и результативности производства исследований и их последующем использовании в процессе доказывания по делу. Ряд проблем обусловлен формальным подходом органов и должностных лиц к этой процедуре, заключающимся в постановке перед экспертом типовых вопросов без учета специфики конкретной экспертной задачи; некачественной подготовкой материалов, предоставляемых в распоряжение. Некоторые проблемы связаны с отсутствием регулирования на законодательном уровне отдельных вопросов (возможность эксперта самостоятельно восполнять недостающую информацию посредством проведения бесед с самим обследуемым, и с его близкими родственниками и иными лицами и др.). Отдельные проблемы возникают в деятельности эксперта при проведении им исследования (экспертные ошибки: гносеологические, деятельностные и процессуальные). Эти проблемы оказывают негативное влияние на правоприменительную практику, поэтому они должны быть устранены, посредством внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон и повышения требований к качеству деятельности органов предварительного расследования и экспертов.

Список литературы:

1. Чикунова К.С. Актуальные проблемы, возникающие при производстве судебно-психиатрической экспертизы свидетелей и потерпевших // Юридический факт. 2020. № 112. С. 8-10.
2. Карлов В.Я. Судебная экспертиза в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие / В. Я. Карлов; Моск. акад. экономики и права. - М.: Экзамен, 2008.
3. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: Учебник для вузов. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов и др. - М.: Норма, 2003.
4. Использование специальных медицинских знаний при расследовании преступлений: справочно-информационные материалы. / Ч.1 Назначение медицинских судебных экспертиз и исследований / Курск, ОБУЗ «Бюро СМЭ», 2013.
5. Мозяков В.В. Руководство для следователей / Под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005.
6. Дьяконова О. Г. Процессуальные проблемы назначения и производства психиатрических и психологических экспертиз по уголовным делам в отношении живых лиц: автореф. дис. … канд. юр. наук. – Оренбург, 2008.
7. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Закон и право, 2001.
8. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. – Москва : Проспект, 2014.

9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 № 72-АПУ16-5СП [Электронный ресурс] // URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31032016-n-72- apu16-5sp/ (дата обращения: 15.01.2023).

© Юшина К.А., 2025

EDN: ESCDJJ

Якубук Владислав Владимирович,
заместитель начальника юридического управления
Государственного пограничного комитета Республики Беларусь

Прокурорский надзор и процессуальный контроль за законностью решения об отказе в возбуждении уголовного дела

Аннотация: в настоящей статье рассмотрено содержание осуществляемого прокурорского надзора, ведомственного и судебного процессуального контроля в отношении решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Автором исследованы некоторые проблемные вопросы правового регулирования и правоприменительной практики такого надзора и контроля, предложены необходимые меры по их эффективному разрешению.

Ключевые слова: уголовный процесс; отказ в возбуждении уголовного дела; прокурорский надзор; процессуальный контроль.

Отказ в возбуждении уголовного дела является итоговым решением первоначальной стадии уголовного процесса, завершающим всестороннее исследование проверяемого деяния и прекращающим проведение уголовно-процессуальной деятельности в связи с выполнением ее задач. В связи с принятием такого решения применяются определенные уголовно-процессуальным законом исключающие возможность возбуждения уголовного дела основания (в Республике Беларусь – обстоятельства). В силу требований законодательства обоих стран применение отдельных нереабилитирующих обстоятельств влечет необходимость регистрации и учета преступлений. Принятое постановление также может создавать правоотношения и в других отраслях права, влиять на осуществление ряда других процедур (процессов) и выносимые в них решения, например, повлечь наступление гражданско-правовой ответственности при заявлении гражданского иска пострадавшим лицом к установленному проверочными мероприятиями причинителю вреда, принятие мер по реабилитации лица (в частности, восстановлению его на работе (службе) после увольнения в связи с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности), возникновение права у лица, в отношении которого принято процессуальное решение, на ознакомление со сведениями, полученными в связи с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, при вынесении процессуального решения по фактам безвестного исчезновения граждан (фактически специального производства в Республике Беларусь по розыску пропавших, ведущегося уголовно-процессуальными средствами в случаях непосредственного отсутствия сведений о совершении в отношении исчезнув-

ших противоправных деяний) – необходимость осуществления дальнейших действий заинтересованных лиц при установлении гибели (смерти) пропавшего (в частности, инициирование гражданского судопроизводства для объявления решением суда гражданина умершим). В связи с изложенным, правовое значение рассматриваемого процессуального решения и возникающие при его вынесении правоотношения имеют значимые последствия для всех заинтересованных граждан и юридических лиц как в сфере уголовного процесса, так и вне ее. Тем самым, особую значимость при вынесении названного постановления приобретает выполнение требований о соблюдении его законности и обоснованности. В качестве непосредственной гарантии защиты прав лиц, затрагиваемых принятием такого решения, выступает регламентированное УПК осуществление прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля за его вынесением.

При изучении научной литературы по данному вопросу определено, что учеными-процессуалистами в основном исследовались вопросы прокурорского надзора и процессуального контроля решений и действий последующих стадий уголовного процесса, содержание определенного законодателем такого надзора и контроля непосредственно в отношении решения об отказе в возбуждении уголовного дела комплексно и детально не изучалось, системное теоретическое осмысление возникающих в правоприменительной практике проблемных вопросов по данному поводу не производилось, что определило необходимость настоящего исследования.

Так, О.В. Химичевой указывается на целостный взаимодополняющий системный характер такой контрольно-надзорной деятельности как самостоятельной функции управления и неотъемлемого вида уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой указанными органами и должностными лицами в целях обеспечения законности уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 51–54, 59, 329]. Непосредственно в качестве содержания процессуального контроля и надзора в ходе досудебного производства указанным автором указывается система «процессуальных действий и решений по проверке уголовно-процессуальной деятельности, выявлению, анализу и устранению нарушений уголовно-процессуального закона» [1, с. 329–330]. Следует отметить, что конкретное содержание указанной деятельности определяется нормами законодательства и положениями правовых актов соответствующих государственных органов.

При непосредственном исследовании соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля О.В. Химичевой указывается в качестве разграничения этих форм их разные уставные задачи, «характер процессуальных полномочий», положение в системе государственных органов. В частности, ведомственный контроль осуществляется путем руководства подчиненными, прокурорский надзор – надзора за процессуальной деятельностью, судебный контроль – рассмотрения жалоб. При этом, по ее мнению, прокурорский надзор осуществляется за всей процессуальной деятельностью органов уголовного преследования, в том числе процессуальным контролем, обе эти проверочные формы имеют разный статус, сущность и средства осуществления, однако одновременно выполняют функцию уголовного преследования. В свою очередь, по мне-

нию О.В. Химичевой, судебный контроль не подменяет и не дублирует прокурорский надзор, однако ограничен только пределами рассмотрения жалобы и осуществляется в период ее рассмотрения, не имеет права личной инициативы и функционирует только в порядке определенной процедуры, что лишает этот контроль оперативности реагирования. Также названным автором отмечается, что для осуществления судебного контроля в сравнении с другими формами контрольно-надзорной деятельности созданы «наиболее благоприятные условия для <…> установления истины», в полном объеме воплощается принцип состязательности сторон [1, с. 229–230, 298, 331–332, 335]. В настоящем исследовании следует также отметить указываемую этой ученой тенденцию постепенного расширения полномочий субъектов процессуального контроля путем их исключения из полномочий прокурора [1, с. 213]. Так, в частности, с момента создания Следственного комитета Республики Беларусь полномочия прокурора во многом пересмотрены с целью их перераспределения в пользу руководителей следственных подразделений.

Необходимо также указать и специфику белорусской национальной регламентации уголовно-процессуальной деятельности, предоставляющей прокурору возможность самостоятельного осуществления уголовно-процессуальной деятельности в качестве органа уголовного преследования, в отличии, например, от Российской Федерации, что определяет, в том числе, и необходимость осуществления им руководства процессуальной деятельностью нижестоящего прокурора, наделяет прокурорский надзор отдельными функциями ведомственного контроля и одновременно лишает права на применение ряда надзорных полномочий (например, одновременного внесения требований нижестоящему прокурору как органу уголовного преследования). Следует отметить, что решение законодателя Российской Федерации об исключении возможности осуществления прокурором функции уголовного преследования, концентрации всех ресурсов прокуратуры в уголовном процессе на выполнении надзорных функций, по нашему мнению, может не в полной мере решать задачу оптимального использования государственных ресурсов и при этом сужает возможность самостоятельного оперативного исправления прокурорами допускаемых органами уголовного преследования ошибок при осуществлении досудебного производства, например, путем личного вынесения законных и обоснованных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

В качестве ведомственного процессуального контроля в отношении следователей и дознавателей С.А. Табаковым указывается регламентированная «уголовно-процессуальным законом деятельность руководителя следственного органа (начальника органа дознания, начальника подразделения дознания)» по проверке «законности и обоснованности процессуальных решений», руководству и принятию «мер по организации предварительного следствия (дознания), а также применению полномочий, направленных на устранение выявленных нарушений закона» с учетом необходимости соблюдения и обеспечения процессуальной самостоятельности следователей (дознавателей) [2, с. 49, 57, 81]. Также С.А. Табаковым указывается на дифференциацию положениями закона компетенции прокурора с учетом объекта надзора (орган дознания или следствия), что определяет

правовую неоднозначность в связи с одинаковыми требованиями к их процессуальной деятельности [2, с. 68]. Так, положениями уголовно-процессуального закона Республики Беларусь прокурору предоставлено право дачи обязательных для исполнения письменных указаний о производстве следственных и других процессуальных действий только органам дознания и нижестоящему прокурору. Право дачи следователям обязательных для исполнения письменных указаний предоставлено только Генеральному прокурору и его заместителям, прокурорам областей (г. Минска) при отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, что вызывает обоснованное предложение о необходимости расширения указанных полномочий прокурора.

Судебный контроль на стадиях досудебного производства, по мнению О.В. Химичевой, состоит в «осуществлении судом системы проверочных мероприятий, носящих предупредительный и правовосстановительный характер, в целях обеспечения законности и обоснованности решений и действий <…>, ограничивающих <…> права и свободы граждан» [1, с. 270].

При исследовании содержания ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора следует указать что в ходе их осуществления могут исследоваться как имеющиеся в материалах проверки доказательства, так и приниматься меры по получению (истребованию) других необходимых в целях проверочной деятельности процессуальных источников доказательств, исследоваться материалы, которые не исследовались в ходе проведенного уголовного процесса и не отражены в материалах проверки, но имеющие значение для правильного принятия процессуального решения. Однако при этом, по нашему мнению, не могут устанавливаться новые обстоятельства, может лишь признаваться, что вынесенным процессуальным решением, например, неправильно установлены определенные обстоятельства, не приняты во внимание определенные факты, выводы органа уголовного преследования, положенные в основу принятого решения, опровергаются иными имеющимися доказательствами. Тем самым, пределы такой проверочной деятельности ограничены исследованием и оценкой доказательств непосредственно проверяющим субъектом, единоличной его оценкой законности и обоснованности вынесенного процессуального решения по письменным материалам (как имеющимся в материалах проверки, так и дополнительным) и не могут оценивать новые доказательства, что объективно может требовать дополнительной процессуальной деятельности.

В свою очередь, осуществление судебного контроля не ограничено исследованием только письменных материалов, суд также может заслушать объяснения участвующих в рассмотрении жалобы заинтересованных лиц и принять во внимание мнения других участников судебного заседания. При этом, в ходе судебного заседания процессуальная деятельность не осуществляется в полном объеме, как, например, в ходе судебного следствия, объем судебного разбирательства ограничен проверкой законности и обоснованности вынесенного процессуального решения. Вместе с тем, при рассмотрении жалобы осуществляется одновременная оценка собранных в материалах проверки доказательств, самого вынесенного постановления, дополнительно полученных процессуальных ис-

точников доказательств и объяснений заинтересованных лиц. В ходе этой деятельности, по мнению автора, также могут устанавливаться новые обстоятельства, влияющие на законность и обоснованность вынесенного процессуального решения. При этом, исследование и оценка доказательств, законности и обоснованности вынесенного процессуального решения осуществляется всеми участниками судебного заседания, однако решающее значение в разрешении жалобы имеет только судебная оценка, отражающаяся в выносимом судом постановлении. Таким образом, судом осуществляется последовательный анализ процесса проведенного уголовного преследования на основании материалов проверки, оценка дополнительных доказательств, полученных объяснений и мнений участников судебного заседания, сопоставление своих выводов с сформулированными в рассматриваемом постановлении выводами органа уголовного преследования и разрешение рассматриваемой жалобы по существу.

В связи с ограниченностью объема исследования в настоящей работе нами не проводилось теоретическое осмысление заложенного правоприменителем правового смысла непосредственно в широкий перечень нормативных предписаний законодательства обоих стран по рассматриваемому вопросу, освещены только наиболее существенные теоретические подходы к исследуемой проблематике, рассмотрено содержание надзорной и контрольной деятельности в отношении названного процессуального решения.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательства и непосредственно в правоприменительной деятельности, а также в качестве основы для дальнейших правовых исследований.

Список литературы:

1. Химичева, О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2004. – 402 с.

2. Табаков, С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2009. – 225 с.

© Якубук В.В., 2025.

EDN: EGLLWR

Агаркова Анастасия Павловна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России;
Зотов Дмитрий Алексеевич,
курсант факультета (артиллерии ВДВ и морской пехоты)
Михайловской военной артиллерийской академии

Научный руководитель:
Кетенчиева Елена Сергеевна Старший,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Использование следователем специальных знаний о девиантности несовершеннолетних в рамках расследования преступлений

Аннотация: в статье рассматривается вопрос как следователь может использовать знания о девиантном поведении несовершеннолетних в своей профессиональной деятельности. Автор обращает внимание на причины такого поведения, а также предлагает обратить внимание следователям на детерминанты преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние; подростки; преступность; девиантное поведение; следователь; расследование преступлений.

Согласно данным МВД РФ, за первые три месяца 2025 года зафиксировано увеличение числа преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации [7], в том числе в 5904 зафиксированных правонарушениях, участниками выступали несовершеннолетние, что превышает аналогичный период предыдущего года на 27,5% [5]. Необходимость в рассмотрении вопроса использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершённых с участием несовершеннолетних, обусловлена спецификой психики подростков и детерминант, влияющих на них.

Для рассмотрения данного вопроса обратимся к терминологии.

Рассмотрим такое понятие, как «девиация», то есть отклонение от нормы поведения в различных видах и формах [3].

В научных работах, посвященных изучению девиации, используется целый ряд терминов. Считаем важным, четко разграничить эти понятия. Мы предлагаем рассматривать «девиацию», как наиболее общую категорию, отражающую сам феномен отклонения.

Термин «девиантность» обозначает состояние индивида, участвующего в девиации, а «девиантное поведение» – конкретные поведенческие акты, проявляющиеся в этом состоянии.

Универсальность термина «девиация» подчеркивается его широким охватом, включающим в себя разнородные явления, чьи особенности в данном контексте также зависят от ситуации и конкретики. В качестве иллюстрации, современные молодежные движения и субкультуры могут рассматриваться как разновидности девиации, несмотря на их уникальную природу и роль в обществе. В связи с чем возникает вопрос о том, как и почему несовершеннолетний стремится к общественно опасному поведению.

Изучив литературу, мы выявили несколько причин среди которых:

- Пагубное влияние семьи на воспитание и становление личности несовершеннолетнего. Семья – это первая и главная школа жизни для человека. Именно в семье закладываются основы личности, формируются социальные навыки и ценности. Семья служит мостом между ребенком и обществом, где он учится взаимодействовать с миром, усваивая и применяя полученные знания [6, 8]. Современная психология подтверждает, что семейная атмосфера оказывает огромное влияние на адаптацию и психическое благополучие человека. Как отмечает В. С. Чернявская, восприятие мира ребенком начинается с восприятия семьи, что подчеркивает важность позитивного семейного образа [9]. Неблагоприятные семейные условия часто приводят к формированию негативных черт личности. Хотя направленность личности может меняться на протяжении жизни, ее фундамент – основные интересы, ценности и цели – закладывается в раннем детстве, в семье, и на этапе индивидуализации, как считает П. П. Баранов [4].

Исходя из этого следует, что в неблагополучной семье риски склонения детей к девиантному поведению выше. Поскольку неблагополучие семьи связано с отсутствием денежных средств, постоянного места работы или же с наличием разного рода зависимостей, что в значительной степени влияет на уровень жизни всех членов семьи [9, с. 2]. Зачастую подросток с целью удовлетворения своих потребностей совершает кражи, так как семейного бюджета не хватает. Кроме того, нередки случаи, когда родители в этих семьях прямо и косвенно принуждают детей к совершению правонарушений и преступлений. Дефекты личностного развития, случившиеся с подростком в детстве, чаще всего отражаются на всем его дальнейшем жизненном пути. При выявлении данной детерминанты следователю необходимо продумать детальный план взаимодействия с отделом по делам несовершеннолетних и социальной защиты населения, а также учитывать эти данные о личности при проведении следственных действий.

- Отрицательное влияние на несовершеннолетнего в ближнем окружении. Влияние сверстников – один из ключевых факторов, способствующих проблемному поведению подростков, включая употребление алкоголя и наркотиков,

агрессию и противоправные действия. Международные исследования подтверждают эту закономерность в разных странах. Однако остается вопрос: являются ли асоциальные сверстники причиной такого поведения, или же подростки с подобными наклонностями просто ищут друг друга? Теория самоконтроля предполагает, что выбор асоциальных друзей отражает уже существующую склонность к риску и низкий уровень самоконтроля (гомофилия – «подобное к подобному») [1]. В то же время, теории социального научения, например, дифференциальная ассоциация, утверждают, что общение с девиантными сверстниками может спровоцировать развитие такого поведения. Исследования показывают, что время, проведенное с друзьями-правонарушителями, предсказывает вовлечение в преступления [2]. Это говорит о том, что негативные тенденции, начавшиеся в подростковом возрасте, часто сохраняются и во взрослой жизни. Таким образом, роль сверстников в подростковой делинквентности многогранна: одни подростки сознательно выбирают асоциальные компании, другие же поддаются влиянию уже имеющегося у их друзей девиантного поведения. Эти данные следователь должен учитывать при рассмотрении вопроса о соучастии в преступлении иных лиц.

- Влияние среды молодёжи. Не смотря на благополучие семьи или же сверстников, несовершеннолетний склоняется к девиантному поведению. Зачастую это связано с культом молодёжи. К примеру, мода на жестокость в отношении животных или же мода на вандализм, а также на употребление наркотических средств. Всё это и многое другое не смотря на несовместимость ценностных ориентаций подростка, может повлиять на него. Зачастую несовершеннолетний совершает действия, которые ему не свойственны с целью добиться уважения или авторитета среди сверстников или же просто потому, что подражает какой-то знаменитости, которое совершает данные действия и транслирует в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Таким образом, девиантное поведение несовершеннолетних представляет собой сложную и многоаспектную проблему, обусловленную целым рядом факторов. Неблагополучная семейная обстановка, оказывающая определяющее влияние на формирование личности, негативное воздействие сверстников, подталкивающих к рискованным и противоправным действиям, а также влияние современной молодежной среды с ее культом жестокости и подражанием девиантным образцам, создают благоприятную почву для совершения правонарушений.

Осознание причин, лежащих в основе девиантного поведения, позволяет наметить план профилактической деятельности следователя.

Эффективная деятельность следователя по расследованию преступлений с участием несовершеннолетних требует комплексного подхода, объединяющего усилия государственных органов, социальных служб, образовательных учреждений, правоохранительных органов и общественности.

Список литературы:

1. Hoffman B.R., Monge R.P., Chou C.-P. & Valente T.W. Perceived peer influence and peer selection in adolescent smoking // Addictive Behaviors. 2007. № 32.
2. Regnerus M.D. Friends' influence on adolescent theft and minor delinquency: A developmental test of peerreported effects // Social Science Research. 2002. № 31
3. Апинян Г. В. О понятиях «девиация», «девиантность», «девиантное поведение» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №118. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatiyah-deviatsiya-deviantnost-deviantnoe-povedenie (дата обращения: 02.09.2025).
4. Баранов П. П., Курбатов В. И. Юридическая психология. М., 2003. - 530 с.
5. Бастрыкин рассказал о резком росте подростковой преступности в 2025 году. URL: https://www.vesti.ru/article/4525293 (дата обращения: 04.08.2025).
6. Жуковская Е. В., Громова Т. В. Влияние семьи на формирование личности ребенка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №12-2 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semi-na-formirovanie-lichnosti-rebenka (дата обращения: 04.08.2025).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - март 2025 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/64450541/ (дата обращения: 04.08.2025).
8. Смирнова Л. Я., Николаева Н. В., Никоноров А. А. Семья как фактор формирования личности несовершеннолетнего преступника // Криминологический журнал. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-faktor-formirovaniya-lichnosti-nesovershennoletnego-prestupnika (дата обращения: 04.08.2025).
9. Чернявская В. С., Силич А. А. Образ семьи у детей дошкольного возраста из семей разных типов // Концепт. 2015. № 6. 98 с.

© Агаркова А.А., Зотов Д.А., 2025

EDN: BGIQIY

Бачо Ирина Игоревна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Процессуальный статус «заказчика» в уголовных делах о незаконной банковской деятельности

Аннотация: в статье рассматривается одна их основных проблем при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 172 УК РФ, а именно правильная квалификация действий «заказчика» обналичивания и транзитирования денежных средств и определение его процессуального статуса. Исследуются следственные подходы определения роли «заказчика»: от свидетеля до исполнителя самостоятельного преступления. Выявляются плюсы и минусы каждого подхода и как итог формируется предложение единого стратегического подхода определения процессуального статуса «заказчика» незаконной банковской деятельности.

Ключевые слова: незаконное обналичивание; незаконное транзитирование; незаконная банковская деятельность; процессуальный статус; «заказчик»; обнал.

По статистическим данным ГИАЦ МВД России в 2024 году 5,5% от числа всех преступлений составляют преступления экономической направленности. Всего выявлено 105,4 тыс. преступлений данной категории. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) в 2024 году составил 295,7 млрд. рублей [1].

Если сравнить период январь-июль 2024 года и 2025 года, то в 2024 году экономических преступлений выявлено - 73 842, а в 2025 году - 74 919, что естественно свидетельствует о росте [2].

На сегодняшний день одним из самых распространенных преступлений в финансовом секторе является незаконная банковская деятельность. При этом основным способом осуществления незаконной банковской деятельности является обналичивание и транзитирование денежных средств. Данный вывод сделан не только на личном практическом опыте деятельности автора исследования, но и подкреплен статистическими данными Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2014-2024 гг., при анализе которых складывается картина, что 96,6 % преступных деяний по ст. 172 УК РФ связаны с незаконным обналичиванием и транзитированием денежных средств [3].

Перед теневой индустрией экономического рынка стоит две основные задачи. Первая – превратить криминально полученные наличные денежные средства в «чистый» безнал, лежащий на расчетных счетах «белых» юридических

лиц, другими словами, легализовать (отмыть) преступные доходы. И вторая, совершенно противоположенная – получить «черный нал», даже с легально заработанных денежных средств. Современный российский бизнес всегда нуждался и будет нуждаться в неучтенной наличке, ведь она используется для выплаты заработной платы в конвертах, найма «дешевой рабочей силы» (мигрантов), откатов и взяток, в общем для всех расходов, которые невозможно провести официально через расчетные счета и отчитаться за них.

Поэтому инициатором и главным выгодоприобретателем всех схем незаконного обналичивания денежных средств является «заказчик». Именно без денег «заказчика» само существование «обнальных схем и площадок» теряет весь смысл.

Стоит отметить, что термин «заказчик» является исключительно профессиональным сленгом, который используется правоохранительными органами для обозначения роли участников в незаконной банковской деятельности. Итак, «заказчик» — это физическое лицо, которое выступает конечным бенефициаром и инициирует незаконное обналичивание и транзитирование денежных средств с целью получения наличных.

Но, несмотря на непосредственно главную роль в преступлении, процессуальный статус «заказчика» вызывает множество дискуссионных вопросов в следственной практики.

В следственной практики, при расследовании данной категории уголовных дел, можно столкнуться с тремя вариациями процессуального статуса «заказчика», которые будут кардинально различаться между собой [4].

Итак, рассмотрим данные варианты:

1. «Заказчик» в статусе свидетеля. Сразу отметим, что применение эмпирического метода при сборе сведений об основных проблемах, возникающих при доказывании незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств, показал, что 83% следователей органов внутренних дел отмечают, что чаще всего «заказчик» в уголовном деле фигурирует именно в качестве свидетеля. Это вариант является самым распространенным и наиболее выигрышным для следствия, при условии, что «заказчик» активно содействует следствию, дает признательные показания, подробно рассказывает каким образом связывался с «обналищиками», какой процент платил за услуги и каков механизм передачи наличных денежных средств, а также изобличает всех лиц, которые оказывали ему данные незаконные услуги и предоставляет фиктивные договоры, товарные накладные, платежные поручения и т.д.

Если рассматривать данный вариант с точки зрения тактики расследования преступлений, предусмотренных ст. 172 УК РФ, то стратегически он является эффективным. Следствие получает практически неопровержимые доказательства виновности лиц, участвующих в незаконной банковской деятельности и оказывающих услуги по обналичиванию и транзитированию денежных средств. Однако, если посмотреть с другой стороны, рынок «обнала» работает по общему принципу экономики: «есть спрос – есть предложение». И «заказчик» является главным участником экономических отношений, в данном случае не законных. Поэтому без «заказчика» существование данного преступления невозможно. И

оставлять лицо, которое играет одну из главных ролей в преступлении в статусе свидетеля, по своей сути несправедливо. Поэтому рассмотрим второй вариант процессуального статуса «заказчика» [5].

2. «Заказчик» в статусе соучастника преступления.

Из видов соучастников, закрепленных в ст. 33 УК РФ, в теории «заказчик» может выступать в роли «подстрекателя» или «пособника».

Если рассматривать роль «подстрекателя», то на практике это недоказуемо, так как «заказчик» своими действия должен склонить лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или иным способом. На практике совершения незаконной банковской деятельности это невозможно, так как «обнальные площадки» существует опосредованно, и они лишь предлагают свои услуги, а не создаются под конкретного «заказчика».

Что касается роли «пособника», то это наиболее реалистичная квалификация действий «заказчика». По своей сути он содействует совершению преступления, предоставляет необходимую информацию, расчетные счета, документы и т.д. Однако основная проблема при данном подходе заключается в доказывании умысла «заказчика» именно на соучастие в незаконной банковской деятельности. Ведь преступный умысел у каждого участника свой, у «обнальщика» - извлечение дохода от оказания услуг по обналичиванию и транзитированию денежных средств (процент от «обнала»), а у «заказчика» - получение наличных денежных средств или необоснованной налоговой выгоды. Отсутствие единой цели делает конструкцию соучастия по ст. 172 УК РФ невозможной. Соответственно действия «заказчика» должны квалифицироваться самостоятельно.

3. «Заказчик» в роли исполнителя самостоятельного преступления.

В данном варианте «заказчик», применительно к ст. 172 УК РФ чаще всего остается в статусе свидетеля, но его самостоятельные действия квалифицируются по другим статьям УК РФ. Так, например, «заказчик» совершает преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов). Перечисляя безналичные денежные средства на расчётные счета номинальных юридических лиц по фиктивные договорам, «заказчик» умышленно снижает налоговую базу. При установлении «обнальной площадки», и полной схемы обналичивания и транзитирования денежных средств, данное преступление легко доказуемо.

В случае, если безналичные денежные средства, которые «заказчик» хочет конвертировать в наличные, были получены преступным путем, то есть в результате совершения другого преступления, например, мошенничества, то их дальнейшее обналичивание при помощи услуг «обнала» является классической легализацией и квалифицируется по ст. 174.1 УК РФ.

Также в зависимости от обстоятельств, действия «заказчика» также могут быть квалифицированы по ст. ст. 159, 204, 291 УК РФ и т.д.

При таком подходе все участники экономических отношений не остаются безнаказанными. «Обнальщики» несут ответственность за незаконную банковскую деятельность, а «заказчики» - за налоговые преступления, мошенничество, коррупцию и т.д.

Таким образом, на основании вышеизложенного при расследовании уголовных дел, связанных с незаконным обналичиванием и транзитированием денежных средств, и при определении процессуального статуса «заказчика», наиболее эффективно придерживаться следующей стратегии:

1. Действия организаторов, исполнителей и всех активных участников незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств квалифицируются по ст. 172 УК РФ (при необходимости в совокупности с другими статьями УК РФ).
2. В отношении «заказчика» выделить материалы и провести проверку для принятия решения по ст. ст. 144-145 УПК РФ.
3. В рамках расследования преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, «заказчик» находится в статусе свидетеля, так как его действия не образуют состав данного преступления [6].

Правоохранительные органы, Росфинмониторинг, Банк России и иные заинтересованные организации ведут постоянную борьбу и незаконным обналичиванием денежных средств. Однако, единственное, к чему привела такая борьба – это удорожание услуг «обнала». Обнальщики вынуждены придумывать разнообразные способы и схемы, чтобы запутать следы транзакций и остаться незамеченными.

Но, за хорошие услуги «заказчики» готовы платить любые деньги. Ведь для них важно не только получить наличные, но самое главное не иметь проблем с законом. А с учетом сложившейся практики, при которой в уголовном деле, связанном с незаконной банковской деятельностью «заказчик» находится в статусе свидетеля, формирует чувство безнаказанности. Как уже было отмечено выше, теневой рынок работает по принципу «спрос=предложение», а без отсутствия практики привлечения к уголовной ответственности «заказчика» по ст. 172 УК РФ, спрос будет всегда. Поэтому так важно выработать единую тактику и стратегию расследования незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств, при которой «заказчик» в обязательном порядке понесет уголовную ответственность.

Список литературы:

1. Состояние преступности по статистическим данным ГИАЦ МВД России за январь-декабрь 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf, (дата обращения 06.09.2025).
2. Состояние преступности по статистическим данным ЕМИСС Государственная статистика за январь-июль 2022-2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36222 , (дата обращения 09.09.2025).
3. Статистические (архивные) данные Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2014-2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/?id=79, (дата обращения 09.09.2025).

4. Алексеева Д. Г. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность / Д. Г. Алексеева, И. Е. Михеева, Т. П. Суспицына // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 962-970.

5. Гармаев Ю. П. Типичные заблуждения относительно незаконного обналичивания денежных средств. Опровержение заблуждений / Ю. П. Гармаев, Н. В. Поляков // Евразийская адвокатура. - 2022. № 2(57). С. 44-50.

6. Овчинников Д. К. Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность в контексте противодействия криминальному обналичиванию денежных средств / Д. К. Овчинников // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4(52). С. 140-144.

© Бачо И.И., 2025

EDN: DCUXPU

Васенин Тимофей Александрович,
слушатель института – факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Санкт – Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Андреева Екатерина Юрьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

Использование защитником средств аудио-фиксации в ходе следственных действий

Аннотация: в статье автор рассматривает отдельные вопросы по поводу законности применения защитником технических средств при производстве следственных действий, в том числе со ссылками на судебную практику.

Ключевые слова: технические средства; защитник; следователь; следственные действия.

В настоящее время в российском обществе активно протекает процесс цифровизации, что не может не затрагивать уголовно-процессуальную сферу, например, деятельность таких участников уголовного процесса, как следователь, дознаватель, защитник, подозреваемый и обвиняемый. В тоже время, уголовно-процессуальное законодательство не лишено пробелов, поскольку в УПК РФ и иных нормативно-правовых актах нет прямого ответа на вопрос, касаемого применения технических средств во время следственного действия конкретным участником уголовно дела, в частности на стадии предварительного расследования.

Так, согласно положениям, ч. 6 ст. 164 УПК РФ следует, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства. Однако, в данной норме отсутствует конкретное указание каким участником уголовного процесса могут применяться технические средства, что само по себе создает проблему толкования законодательства, поскольку следователь, исходя из указанного положения зачастую полагает, что данное использование технических средств является его единоличным полномочием. Однако защитник, имея намерение применить техническое средство может ссылаться на то, что законодатель не запрещает ему использование технических средств при производстве следственных действий.

Вместе с этим, согласно п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» защитник вправе фиксировать с помощью технических средств информацию, содержащуюся в материалах дела. Исходя из указанной нормы нельзя сделать однозначный вывод, касаемый применения технических средств защитников в ходе производства следственных действий, поскольку данный пункт не обозревает данное суждение. Исходя из логики, защитник, используя такое техническое средство, как встроенную камеру смартфона, в процессе ознакомления со всеми материалами уголовного дела, либо после производства отдельного следственного действия поступает абсолютно законно. Однако, при ином толковании указанного положения можно сделать вывод, что информация, полученная в ходе допроса, очных ставок и иных следственных действий, содержится в материалах дела, то есть данную информацию защитник вправе фиксировать при помощи технического средства и во время самого следственного действия, при помощи, например, диктофона.

Необходимо отметить, что защитник, применяя технические средства, в частности, средство аудиофиксации, в том числе при производстве допросов и очных ставок, получает ряд законных преимуществ, таких как: возможность фиксации хода следственного действия, в том числе фиксация процессуальных нарушений, производимых следователем; возможность последующего анализа и интерпретации полученной информации; а также возможность использования аудиозаписей в качестве доказательств в суде. Помимо вышеперечисленного нужно добавить, что защитник, используя с разрешения следователя средства аудио-фиксации, помимо вышеуказанных целей (преимуществ) достигает также цель психологической дестабилизации следователя при производстве следственных действий, что само по себе не может не иметь позитивные тенденции по уголовному делу для подозреваемого/обвиняемого, поскольку следователь, проводя то или иное следственное действие готовится к нему, тщательно проецируя его ход и возможные действия (противодействия) подозреваемого/обвиняемого. При этом, любое неожиданное решение стороны защиты может застать, в особенности молодого следователя, врасплох.

Помимо указанного, необходимо отразить, что аудиозапись следственного действия, произведенная защитником, действительно может служить гарантом законности и независимости расследования, а также способом защиты прав подозреваемого/обвиняемого. Также, в практике немало прецедентов, когда сторона защиты избирает тактику отказа от ранее данных показаний подозреваемого/обвиняемого, основываясь на том, что на подозреваемого/обвиняемого было оказано давление со стороны следствия во время, либо перед того или иного следственного действия. Однако в данном случае суд, обозревая протокол следственных действий, установив, что в следственном действии применялось техническое средство, например, аудио-фиксации со стороны защиты, впоследствии может принимать более обоснованное решение, выдвинутых в сторону органов предварительного следствия обвинений.

Так, согласно исследованию, проведенному Рагулиным А.В. следует, что 76% из 500 опрошенных им адвокатов указали, что сталкивались с необоснован-

ными, по их мнению, запретами следователей или судей на применение технических средств для фиксации хода следственных и процессуальных действий. Данное исследование подтверждает, что защитник, возбуждая перед следователем ходатайство о применении им технических средств должен быть готов к его отказу. Также, Рагулин А.В. отмечает, что зачастую адвокаты-защитники считают подобные запреты на применение технических средств являются незаконными [1, с. 9]. Указанную позицию также поддерживает Козлов Ф.В., который считает, что следователь, запретив защитнику применять техническое средство, по сути воспрепятствует его законной деятельности [2, с. 236]. Однако, защитник, применив техническое средство, в виде аудиозаписи, в теории может заявить ходатайство о приобщении аудиозаписи к следственному действию, однако на практике данное ходатайство едва ли будет возбуждаться защитником перед следователем, поскольку последний, используя технические средства, например, видеосъемку, обязан хранить видеозапись при уголовном деле.

Помимо вышеуказанного необходимо изучить вопрос дисциплинарного воздействия на действия защитника. Так, Совет Адвокатской палаты города М. решил: прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А., основанного на обращении руководителя следственного органа, в котором последний указал, что адвокат, будучи защитником по уголовному делу осуществлял аудиозапись следственного действия, не реагировав, при этом, на замечания следователя, касающиеся законности проведения указанной аудиозаписи. [3, с.22].

То есть, следователь, запретив применение технического средства защитником, столкнулся с проблемой, в виде отказа защитника выполнять, по мнению следователя, его законное требование, в связи с чем им составлено и отправлено соответствующее обращение. Также, в итоговом документе комиссией отмечено, что доводы руководителя следственного органа со ссылкой на ч. 6 ст. 164 и ч. 4 ст. 189 УПК РФ о том, что необходимость и порядок применения технических средств при производстве следственных действий определяются следователем, в связи с чем именно в компетенции следователя находится вопрос о возможности применения технических средств иными лицами, участвующими в следственном действии, основаны на неверном понимании и толковании уголовно-процессуального закона. [4]. В данном случае указанный вывод комиссии носит противоречивый характер, поскольку исходя из данного суждения адвокат-защитник имеет право на применении технических средств в ходе следственных действий, что само по себе можно расценивать, как «неверное понимание и толковании уголовно-процессуального законодательства», поскольку указанная позиция абсолютно полностью противоречит позиции органов предварительного расследования.

Имеет место быть иной пример из практики, в том числе судебной. Так, защитник Г. перед проведением допроса сообщила следователю о своем намерении использовать техническое средство (диктофон), после чего в течение одного часа от следователя было получено постановление о полном отказе в удовлетворении ходатайства, в котором последний прописал, что лишь следователь решает вопрос о применении технических средств в конкретном следственном Далее,

защитником Г. в порядке ст. 125 УПК РФ была подана жалоба в суд, в которой она указала, что следователь не вправе запрещать защитнику использование технических средств при производстве следственных действий, а также защитник Г. сослалась на положения, закрепленные в ст. 53 УПК, которые позволяют защитнику применять любые средства и способы защиты, не запрещённые законодательством. В ответ на данную жалобу суд оставил ее без удовлетворения, сославшись на то, что ни в одном законе не указано, что адвокат-защитник полномочен применить технические средства в ходе производства следственных действий, без заявления соответствующего ходатайства следователю и получения его удовлетворения. Также, необходимо отметить, что на судебное заседание помимо следователя явился руководитель следственного органа, который также приводил доводы, относительно законности действий его подчиненного, сославшись при этом на ст. 38 УПК РФ. После чего, защитником Г., при поддержке адвокатской палаты была подана апелляционная жалоба в суд. Вместе с этим, адвокатская палата сослалась на прецедент, отраженный выше в настоящей статье. По итогу суд отменил решение первой инстанции, а также указал, что действия следователя в силу разъяснений Пленума ВС, изложенных в Постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», не относятся к действиям и решениям должностных лиц, подлежащим обжалованию в порядке ст. 125 УПК, поскольку не порождают последствий, выходящих за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ к правосудию. Также, суд отметил, что согласно действующего УПК обвиняемый и защитник имеют право вносить письменные замечание в протокол следственных действий, реализуя тем самым право на защиту [5].

Помимо вышесказанного, описывая вышеуказанный пример из практики, нельзя не добавить заявление члена Комиссии по защите прав адвокатов, а также человек, оказавший содействие защитнику Г. в апелляционной инстанции, который в одном из интервью заявил, что защитники сталкиваются с запретом использования технических средств, при производстве в следственных действиях, а также добавил, что лично он не ставит в известность следователя об использовании диктофона.

Подводя общий итог следует, что защитник, осознавая более чем реальный отказ следователя на применение им технических средств вынужден попросту не сообщать следователю о своем намерении их применении и фиксировать ход следственного действия «в тихую», ибо позиция Адвокатских палат и самих защитников основана на оказании доверителю квалифицированной юридической помощи. Также защитник, понимая, что в случае обнаружения следователем незаконной, по мнению последнего аудио-фиксации, приведет лишь к квалификационной комиссии, по итогам которой защитника могут и не наказать вовсе, основываясь на приведенной в указанной статье практике. В то же время следователь, отказывая защитнику в применении технических средств, считает указан-

ный отказ абсолютно законным, а уличив защитника, использовавшего технические средства, считает необходимым направить в адрес адвокатской палаты представление по факту нарушения закона защитником. Все вышеперечисленное лишь обнажает проблему, не разъясненную законодателем, так как наделив полномочиями защитника на использование технических средств с разрешения следователя по конкретным случаям, когда данное применение будет являться обоснованным, либо же наделив полномочиями на применение технических средств только следователем может решить проблему, являющейся предметом настоящей статьи. Также, исходя из вышеуказанных примеров из практики необходимо сделать вывод, что спор между следователем и защитником, касаемый применения последним технических средств в настоящее время остается открытым и актуальным.

Список литературы:

1. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2012. - № 2 (25) – С. 8 – 12.

2. Козлов, Ф. В. Актуальные аспекты проблемы воспрепятствования правоохранительными органами деятельности адвоката-защитника по фиксации хода следственного действия при помощи технических средств по уголовному делу / Ф. В. Козлов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 41 (383). — С. 236-238.

3. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс. 2019. N 9. С. 21–23.

4. Необоснованность дисциплинарных обвинений, выдвинутых в отношении адвоката, исходя из отсутствия законодательного запрета защитнику применять технические средства при проведении следственных действий. // Адвокатская палата г. Москвы: [сайт]. – 2019. – URL: https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/solutions/5921/ (дата обращения: 10.08.2025).

5. Оснований для применения диктофона нет. // Федеральная Палата Адвокатов Российской Федерации: [сайт]. – 2020. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/osnovaniy-dlya-primeneniya-diktofona-net/ (дата обращения: 11.08.2025).

© Васенин Т.А., 2025

EDN: ETFKMY

Гладышева Валерия Витальевна,
курсант факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт–Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Брянская Елена Васильевна,
доцент кафедры уголовного процесса Санкт–Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Ошибки следственных органов и процессуальные средства их выявления в процессе доказывания по уголовному делу

Аннотация: в данной работе рассмотрена актуальность и проблематика следственных ошибок. Выявлены основные принципы уголовного судопроизводства, которые нарушаются в процессе предварительного расследования, изучены основные понятия по теме, классификация следственных ошибок, а также средства их выявления. Разобраны средства выявления следственных ошибок в процессе доказывания.

Ключевые слова: следственные ошибки; прокурорский надзор; ведомственный контроль; судебный контроль; диагностика следственных ошибок; нейтрализация следственных ошибок; средства восполнения и исправления.

Преступление – это виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) под угрозой наказания [8]. Оно является самым серьёзным деянием, за которое физические лица несут уголовную ответственность. Очень важно выявлять, раскрывать и предупреждать уголовные преступления, поскольку они нарушают права человека, общества и государства.

Очень важную роль в процессе доказывания по уголовному делу играет должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Например, к нему относятся следователи Органов внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации и органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Их основная задача состоит в осуществлении предварительного расследования по уголовным делам. В свою очередь предварительное расследование производится для выявления, собирания доказательств и установления виновности или невиновности физического лица.

Следователь – это должностное лицо, участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществляющий свои полномочия на основе законодательства Российской Федерации, а в частности на основе Уголовно–процессуального кодекса (далее – УПК РФ). Цели, задачи и полномочия следователя указаны в ст. 38 УПК РФ.

Большую часть времени следователь занимается проработкой следственных версий и формированием доказательственной базы по уголовному делу. В процессе собирания доказательств, сотрудник сталкивается с различными сложностями, которые носят двойственный характер: с одной стороны, процессуальный, с другой – этический [10, с. 180].

Процесс доказывания один из важнейших этапов в производстве по уголовному делу. Доказательства помогают выявить истинную сущность, цели и мотивы преступления, поведение подозреваемых и обвиняемых. Тем не менее, к примеру, не все вещественные доказательства могут быть использованы при судебном разбирательстве в пользу защиты или обвинения, поскольку не всегда соблюдается процессуальный порядок. Российское законодательство строго регламентирует их соблюдение, приобщение к материалам уголовного дела, и то какие доказательства могут быть приняты судом, а какие будут отвергнуты и признаны недопустимыми, так как нарушают процессуальный порядок, права и свободы участников производства.

В свете семантического понимания недопустимыми доказательствами являются нарушения норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства, что влечёт за собой признание недопустимыми полученных таким путём доказательств. Это свидетельствует о факте нарушения принципа законности [11].

Ошибки могут совершаться на различных стадиях и разными органами уголовного производства. Классификацию следственных ошибок изучали такие ученые как В.И. Власов, Ю.В. Голик, В.Н. Григорьев, В.В. Золотых, А.Д. Назаров.

Под следственной ошибкой в своем докторском исследовании на тему: «Следственные и судебные ошибки и уголовно–процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы» А.Д. Назаров понимает «Не содержащее признаков уголовно–наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно–процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства и объективно препятствующее его нормативно–заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения)» [6, с. 10].

Следственная ошибка – это погрешность следственных органов, нарушение ими процессуальных действий и порядков, предусмотренных УПК РФ, УК РФ

и другими нормативно правовыми актами (далее – НПА), а также неполнота выявленных доказательств и отсутствие объективности.

В своей работе «Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы» А.Д. Назаров изучил множество подходов к определению классификаций ошибок как следственных, так и судебных. Проанализировав все материалы, он выявил основные виды следственных ошибок [6, с.10].

Основная классификация – в зависимости от сущностной характеристики ошибок: ошибки, выразившиеся в неполноте, односторонности и необъективности исследования обстоятельств уголовного дела (пробелы предварительного расследования; пробелы судебного следствия); ошибки, выразившиеся в несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия); ошибки, выразившиеся в существенных нарушениях уголовно–процессуального закона; ошибки, выразившиеся в неправильном применении уголовного закона [6, с. 10–11].

В зависимости от движения уголовного дела: ошибки допущенные на стадии возбуждения уголовного дела; ошибки стадии предварительного расследования уголовного дела: ошибки производства дознания по уголовному делу; ошибки предварительного следствия; ошибки при назначении судебного заседания по уголовному делу, в том числе при проведении предварительных слушаний по делу; ошибки при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции по существу; ошибки при рассмотрении уголовного дела в порядке апелляции; ошибки при рассмотрении уголовного дела в порядке кассации; ошибки при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора (здесь также можно говорить об ошибках «старой» и «новой» процедур надзора); ошибки при производстве по новым или вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному делу; ошибки при исполнении приговора по уголовному делу [6, с. 53–54].

Тогда как, при наличии вероятности возникновения следственных ошибок всегда есть способы их выявления, устранения и приобщения к уголовному делу для соблюдения законности и правопорядка. Изучив материал, научные статьи и нормативно правовые акты можно выявить общие действия по устранению следственных ошибок:

- диагностика следственных ошибок. В рамках диагностики осуществляется пристальное исследование материалов уголовного дела, выражающееся в поиске и оценке следственных ошибок, что в последующем способствует разработке программы устранения ошибок [1, с. 111].

- нейтрализация следственных ошибок. Устранение следственной ошибки, что связано с установлением факта допущения ошибки, определения правовых оснований для устранения следственной ошибки [1, с. 111].

Органы уголовного преследования, имеющих полномочия для выявления и противодействия следственным ошибкам, играют важную роль в прозрачности уголовных дел. Данные органы способны независимо и объективно рассматривать то, что не замечено на первый взгляд. Сюда можно отнести полномочия по надзору со стороны прокуратуры, ведомственного контроля, судебного контроля

и самоконтроля сотрудников следственных органов. Далее более подробно рассмотрим каждый из вышеупомянутых контролей.

Во-первых, надзор со стороны органов прокуратуры. В соответствии с ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурор правомочен: проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства; требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия; истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ; возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков [9].

В случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться с требованием об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа [9].

Получается, прокурор при осуществлении своих полномочий имеет право на следующие действия: отменять незаконные или необоснованные постановления следователя о возбуждении уголовного дела, об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, о приостановлении уголовного дела, возвращать уголовное дело на дополнительное расследование и так далее [7, с. 148; 9].

Во-вторых, ведомственный контроль регламентируется в соответствии с ч. 1 ст. 39 УПК РФ, так руководитель следственного органа в праве: изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству; отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; отменять по находящимся в производстве подчинённого следственного органа уголовным делам незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя (дознавателя) другого органа предварительного расследования; отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ; отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего руководителя следственного органа в порядке, установленном УПК РФ [9].

На основе ч. 4 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа рассматривает в срок не позднее 5 суток требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства, а также письменные возражения следователя на указанные требования и сообщает прокурору об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении допущенных нарушений либо выносит мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора, которое в течение 5 суток направляет прокурору [9].

В-третьих, судебный контроль. Судебные органы имеют большой объем задач и обязанностей, среди них очень важное место занимает контроль за иными организациями, которые являются участниками судопроизводства [5, с. 22].

Устранение ошибок в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций осуществляется: в рамках пересмотра уголовного дела, осуществления судебного следствия, обеспечение прений сторон, последнего слова подсудимого, а так же в рамках кассационной инстанции и в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ проведение исследования представленных материалов уголовного дела, аргументаций кассационных и надзорных жалоб и представлений [1, с. 113].

В-четвертых, контроль со стороны защитника: написание жалоб, направленных с целью пресечь действия (бездействия) следователя; написание ходатайств в надзорные и контрольные органы, структуры; защитник имеет право присутствовать в проведении допросов; имеет право знакомиться с материалами дела, а также подавать официальные запросы для их предоставления [1, с. 113].

В-пятых, самоконтроль сотрудников следственного отдела: изучение и своевременное ознакомление с официальными документами, законодательством, проверка их новизны; обращение к более опытным сотрудникам за советом или помощью, в целях перенимания опыта у старшего поколения; своевременное повышение квалификации и уровня образования, прохождение дополнительного обучения в рамках профессии, чтобы соответствовать занимаемой должности и быть более компетентным в своей сфере деятельности; тщательное изучение материалов уголовного дела, обработка и анализ всех вещественных доказательств.

А также не мало важную роль играет взаимодействие правоохранительных органов, когда за советом можно обратиться к опытным экспертам, следователям-криминалистам, компетентным специалистам. Большое количество полномочий и обязанностей, возлагаемых законодательством Российской Федерации, предполагает особую ответственность перед гражданами и надзорными органами, поскольку наличие ошибок в уголовном процессе обусловливается различными факторами, например: человеческим, коррупционным, некомпетентностью сотрудников. Именно поэтому нашим законодательством предусмотрены средства их выявления и исправления следственных ошибок. Таким образом гарантируется соблюдение законности, защита прав, свобод и законных интересов граждан, а также точное выполнение основных принципов уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Ахмедов, У.Н. Правовые последствия и пути устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Воронеж: Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 110-115.

2. Ахмедов, У.Н. Современная оценка и критический анализ следственных ошибок: сложности формирования дефиниции и отграничения от существенных нарушений уголовно–процессуального закона. Воронеж: Вестник ВИ МВД России. 2021. № 4. С. 170-176.

3. Баранов, А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения / А.М. Баранов. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1996. 109 с.

4. Галимов, Э.Р. Ведомственный контроль и прокурорский надзор за деятельностью следователя М.: Право и практика. 2018. № 4. С. 176-180.

5. Давыдова, И.А. Судебный контроль в уголовном процессе. М.: Юнити-Дана, 2009. 847 с.

6. Назаров, А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно–процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дисс. …док. юрид. наук / А.Д. Назаров. Санкт–Петербург: Санкт–Петербургский государственный университет, 2017. 745 с.

7. Пилипенко, М. В. О проблемах процессуальной самостоятельности следователя / М. В. Пилипенко // Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения : сборник материалов III Международной студенческой научно–практической конференции, Курск, 15 апреля 2016 года / Отв. ред. Рябинина Т.К.. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. С. 146-151.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) Официальный интернет–портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 16.06.2025).

9. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) Официальный интернет–портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 16.06.2025).

10. Чистилина, Д.О. Роль следователя в процессе доказывания. Орёл: Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 179-186.

11. Энциклопедический словарь–справочник руководителя предприятия. М.: Книжный мир. Лукаш Ю.А. 2004 г. [Электронный ресурс] // Академик URL: https://glossary_of_director.academic.ru/ (дата обращения: 06.06.2025).

© Гладышева В.В., 2025

EDN: DMTLGG

Гуц Алексей Юрьевич,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Правовая природа вещественных доказательств, связанных с использованием средств индивидуальной мобильности в уголовном судопроизводстве

Аннотация: в статье рассмотрены эволюция понятия вещественных доказательств и особенности его применения в отношении средств индивидуальной мобильности (СИМ). Научная новизна состоит в обобщении историко-правового развития института вещественных доказательств и формулировке авторского определения СИМ как вещественного доказательства с учётом двойственной природы этих устройств и современных нормативных изменений.

Ключевые слова: вещественные доказательства; средства индивидуальной мобильности; электросамокат; уголовный процесс; доказательства; правовая природа.

Понятие вещественных доказательств формировалось постепенно в ходе развития уголовно-процессуального законодательства. Официальное закрепление вещественных доказательств в качестве самостоятельного вида доказательств произошло с принятием Устава уголовного судопроизводства в 1864 году [1]. В статье 371 Устава вещественные доказательства были прямо выделены в отдельную категорию с перечислением их возможных видов (орудия преступления, подложные документы, окровавленные предметы и др.). Тем самым законодатель признал особую доказательственную значимость предметов, связанных с преступлением, заложив основы классического понимания вещественных доказательств.

В дальнейшей эволюции законодательства понятие вещественного доказательства последовательно уточнялось. Однако современное российское законодательство сохранило преемственность: часть 1 статьи 81 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) относит к вещественным доказательствам «любые предметы», имеющие значение для уголовного дела, включая: орудия и следы преступления, объекты преступного воздействия; преступные доходы; иные предметы и документы, способствующие обнаружению преступления и выяснению обстоятельств дела [2]. К таким предметам относятся рассматриваемые далее средства индивидуальной мобильности (СИМ). Таким образом, закон определяет вещественные доказательства через

наличие материального объекта, связанного с преступлением, и указывает критерии такой связи. Хотя прямая дефиниция в УПК РФ отсутствует, перечисленные критерии фактически очерчивают содержание данного понятия.

Развитие понятия вещественных доказательств неразрывно связано с осмыслением их правовой природы – сущности, назначения и роли в доказательственном процессе. Вещественное доказательство, применительно к СИМ, обладает двойственной природой: с одной стороны, это объективный материальный объект, существующий независимо от сознания человека, с другой – носитель информации о событии преступления. Эта дуалистическая характеристика обуславливала дискуссии в теории доказательств и повлияла на эволюцию определения вещественных доказательств.

Традиционный подход акцентировал материальную сущность вещественных доказательств. Многие классики уголовного процесса определяли их именно через предметно-вещественный признак. Например, М.С. Строгович предлагал понимать вещественное доказательство предельно широко – как «любую вещь, которая в соответствии с установленными процессуальным законом условиями может служить доказательством по делу, то есть быть источником установления факта и тем самым устанавливать существенные для дела обстоятельства» [3, с. 241].

Важно учитывать и процессуальный аспект правовой природы вещественных доказательств. Некоторые учёные специально включают в определение указание на процессуальную форму: например, Е.В. Брянская дефинирует вещественное доказательство как «любой объект материального мира, обладающий признаками или свойствами носителей доказательственной информации, полученный и приобщённый к уголовному делу в установленном законом порядке» [4, с. 52–53]. Это подчёркивает, что помимо свойств самого объекта, для признания его вещественным доказательством необходима определённая юридическая процедура. Любой предмет, в том числе средство индивидуальной мобильности, обретает статус вещественного доказательства только после вынесения постановления о его приобщении к делу (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Данная правовая природа означает, что эволюция понятия «вещдока» шла не только от расширения круга охватываемых объектов, но и от совершенствования процессуальных гарантий их надлежащего обращения.

Таким образом, правовая природа вещественных доказательств – как материальных носителей информации, официально вовлекаемых в процесс доказывания – предопределяла развитие их понятия. Благодаря осознанию этой природы закон и доктрина пришли к современному пониманию: вещественное доказательство – это материальный объект, имеющий непосредственную связь с событием преступления и содержащий сведения о нём, статус доказательства которому придаётся только посредством процессуального закрепления. [5, с. 189]. Именно такая сущность определяет устойчивость данного института к появлению новых видов носителей информации.

Стремительное распространение СИМ (электросамокатов, электроскейтов, гироскутеров, моноколес и пр.), в последние годы поставило вопрос: насколько

существующее понятие вещественных доказательств охватывает эти новые объекты и не требуется ли его переосмысление? Появление СИМ, обладающих специфическими свойствами, с одной стороны обогатило практику новыми видами вещественных доказательств, с другой – выявило некоторые пробелы в правовом регулировании и организации работы с такими доказательствами.

До недавнего времени правовой статус СИМ был неопределённым: в правилах дорожного движения и законодательстве они прямо не упоминались. Пользователи электросамокатов не считались ни водителями транспортных средств, ни пешеходами, что затрудняло привлечение виновных к ответственности за ДТП с их участием [6, с. 47]. Это также отражалось на обращении с вещественными доказательствами: например, возникали споры, считать ли изъятый электросамокат «орудием транспортного преступления» либо обычным вещественным доказательством. Лишь с октября 2022 г. на законодательном уровне введено официальное определение СИМ как разновидности транспортных средств – соответствующие изменения в Правила дорожного движения РФ вступили в силу 1 марта 2023 г. [7]. В результате правовой статус СИМ в сфере дорожного движения прояснился. Тем не менее, на уровне уголовного права и процесса дискуссии сохранились. В частности, до сих пор спорным оставалось, как квалифицировать преступления с использованием СИМ и как поступать с самими устройствами.

Несмотря на новые вызовы, институт вещественных доказательств в целом оказался способен охватить средства индивидуальной мобильности без радикального изменения своих оснований. Современное законодательное определение вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ) формально включает СИМ на общих основаниях – как предметы материального мира, отвечающие указанным критериям. Электросамокат или моноколесо, использованные для совершения преступления (например, наезд на потерпевшего) либо являющиеся предметом преступного посягательства (например, кража устройства), безусловно подходят под законные признаки вещественного доказательства (как орудие преступления либо объект, на который были направлены преступные действия). Более того, СИМ могут сохранять на себе следы преступления – скажем, биологические следы при ДТП, механические повреждения – что укрепляет их доказательственное значение. Практика подтверждает, что электросамокаты уже стали обычным элементом доказательной базы по уголовным делам разных категорий (ДТП, кражи, причинение вреда здоровью и др.). Так, зафиксированы случаи, когда электросамокат конфисковывался судом как орудие преступления (например, умышленного наезда) либо возвращался законному владельцу как похищенное имущество.

Обобщая, можно заключить, что появление средств индивидуальной мобильности не изменило радикально доктринальное понятие вещественных доказательств, но стимулировало его развитие и конкретизацию. СИМ органично вписались в классическую концепцию вещественных доказательств как материальные объекты – носители информации о преступлении. В то же время их технические особенности потребовали уточнить отдельные аспекты правоприменения: от хранения и экспертизы до процессуального оформления результатов их

исследования. Учитывая выявленную двойственную природу, автор предлагает следующее определение.

Средство индивидуальной мобильности как вещественное доказательство – предмет материального мира, представляющий собой индивидуальное транспортное средство (электросамокат, моноколесо или иные аналогичные устройства), связанный с событием преступления, а именно: использовавшийся в качестве орудия совершения преступления, либо являющийся предметом преступного посягательства или носителем следов преступления, и официально приобщённый уполномоченными органами к материалам уголовного дела в установленном законом порядке для исследования обстоятельств данного преступления.

Данное определение отражает как вещественно-материальную, так и информационно-процессуальную сущность СИМ в уголовном судопроизводстве. Во-первых, акцент сделан на материальной природе – СИМ обозначен как физический объект, транспортное средство. Во-вторых, подчеркнута его связь с преступным событием (факт использования, нацеленности преступления или наличия следов), что соответствует критериям относимости, закреплённым в законе. В-третьих, указано на необходимость официального процессуального решения о приобщении – без этого предмет не приобретает статус вещественного доказательства, каким бы значимым он ни был фактически. Таким образом, определение учитывает правовую природу вещественного доказательства, сложившуюся исторически, и специально применяет её к средствам индивидуальной мобильности.

Историко-правовой анализ показал, что понятие вещественных доказательств возникло и развивалось в ответ на потребности практики доказывания, эволюционируя от узкого перечня «улик» в XIX веке до широкой современной дефиниции, охватывающей любые материальные носители информации о преступлении. На всех этапах его развития проявлялась связь с правовой природой вещдоков: осознание того, что вещественное доказательство – прежде всего носитель фактических данных, – привело к расширению понятия и включению новых видов объектов. Появление средств индивидуальной мобильности стало очередным этапом этого развития. Электросамокаты и им подобные устройства, с одной стороны, подтвердили универсальность классического определения вещественных доказательств, вписавшись в него без изменений: они являются материальными объектами, связанными с преступлением, и потому могут быть вещественными доказательствами наравне с любыми другими предметами. С другой стороны, техническая сложность и массовое распространение СИМ потребовали уточнить условия обращения с ними в уголовном процессе и стимулировали обновление нормативных и методических подходов. Правовая природа вещественных доказательств – как объективных и неповторимых источников доказательственной информации – остаётся фундаментальной ценностью, обеспечивая надежность установления фактов. Средства индивидуальной мобильности, обладая двоякой сущностью (вещественной и цифровой), расширяют доказательственные возможности, но не меняют основы уголовно-процессуального доказывания. Законодательство и практика в ответ на новые вызовы развивается эво-

люционно: корректируются правила хранения и исследования, даются необходимые разъяснения, но сама дефиниция вещественного доказательства сохраняет преемственность. Следовательно, концепция вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации демонстрирует достаточную гибкость, чтобы интегрировать современные технические объекты, не утрачивая своей правовой природы и назначения.

Список литературы:

1. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе. – Т. 39. – СПб.: Сенатская типография, 1867. – Ст. 41409**.**
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Строгович, М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. – 1946. – 310 с.
4. Брянская, Е.В. Вещественные доказательства и их процессуальное значение / Е.В. Брянская. – М.: Эксмо. – 2018. – С. 52–53.
5. Россинский, С.Б. Размышления о сущности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 176-197.
6. Аюпова, Г.Ш. Квалификация дорожных происшествий с участием электросамокатов: пробелы законодательства / Г.Ш. Аюпова, И.С. Макеева // Российская юстиция. – 2022. – № 11. – С. 47.
7. Правила дорожного движения Российской Федерации: утв. Постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 23.10.1993. № 1090 (в ред. от 06.10.2022). // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993. – № 47. – Ст. 4531.

© Гуц А.Ю., 2025

EDN: CJKNZM

Даршт Яна Романовна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений по работе с личным составом
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Шалагина Зинаида Андреевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Проблема перегруженности судов РФ при рассмотрении уголовных дел

Аннотация: в данной статье рассматривается актуальная проблема увеличенной нагрузки суда на стадии судебного разбирательства. В суд часто поступают дела даже незначительного характера, поэтому на этапе рассмотрения большая часть из них прекращается из-за недостаточности обстоятельств для квалификации в качестве преступления. Стоит рассмотреть возможные пути разгрузки судов в целях повышения эффективности их работы, снижения финансовых и физических затрат.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; перегруженность судов; судебное разбирательство; прекращение уголовного дела; не реабилитирующие основания.

В соответствии со статьей 8 УПК РФ правосудие осуществляется только судом, поэтому главным участником судебного разбирательства является суд. Он является вершиной правовой системы по отношению к другим правоохранительным органам, а также обладает исключительными полномочиями в уголовном процессе. Поскольку на современном этапе количество направляемых материалов и уголовных дел для рассмотрения судом увеличивается, то возникла проблема перегруженности судов, что неразрывно связано с обеспечением конституционного права личности на доступ к правосудию. Как отмечает Шалагина З.А., на стадии возбуждения уголовного дела высокую роль играет судебный контроль, который является гарантией обеспечения доступа личности к правосудию [4, С. 164].

О перегруженности судей также свидетельствуют официальные данные. Так, за прошедшие 12 месяцев 2024 г. в суды первой станции поступило 651 тысяча уголовных дел, окончено производством 670 тысяч дел в отношении 679 тысяч лиц. По данным Обзора статистических данных ВС РФ за 2024 г. произ-

водство по 8-ми уголовным делам было прекращено, 7 уголовных дел возвращено прокурору без рассмотрения, также отменены обвинительные приговоры в отношении 45 лиц, что составляет 5,8 % от количества рассмотренных дел (данный показатель меньше предыдущего года на 0,8 %) [6]. Мы видим, что на практике уголовные дела чаще всего не прекращаются на стадии предварительного расследования, что способствует повышению нагрузки на аппарат суда.

Рахманов М.А. и Шумов П.В., анализируя высокий уровень нагрузки судей, пришли к выводу, что он в 3-5 раз превышает норму [2, С.213]. Значительно усложняет работоспособность суда перегруженность и растущее количество материалов и дел. Согласно статистике, за 9 месяцев 2024 г. российские суды рассмотрели около 34 млн дел, что на 19% больше прошлого года. Увеличение материалов может негативно отразиться на качестве работы судов и их успеваемости.

Таким образом, причинами перегруженности судей являются:

1. Направление большого количества материалов без достаточной доказательственной базы;
2. Направление значительного количества дел, не имеющих состава преступления;
3. Из первой причины вытекает вторая - затягивание сроков рассмотрения дел из-за недостаточной информации по существу дела;
4. Сложность процедуры рассмотрения и разрешения уголовных дел, из чего следует другое обстоятельство:
5. Нехватка судей. За декабрь 2024 г., некомплект судей в России составил примерно 20% от общего числа. В арбитражных судах нехватка кадров составила 29% судей, в судах общей юрисдикции - 18%, среди мировых судей - 13% [7].

Рассмотренные выше причины могут привести к следующим последствиям:

1. Повышение невнимательности при рассмотрении материалов;
2. Снижение качества принятых решений;
3. Затягивание процесса рассмотрения;
4. Увеличение сроков ожидания;
5. Формирование негативного отношения со стороны участников;
6. Уменьшение количества разрешенных дел;
7. Отток судей;
8. Увеличение финансовых и физических затрат на процесс.

Приведенные последствия могут отрицательно отразиться на работе судебной системы, поэтому есть необходимость принять меры для разрешения разбалансировки в системе.

В целях снижения сил и средств государственных органов многие дела рассматриваются в упрощенном порядке. Особенностью рассмотрения уголовных дел в сокращенном, упрощенном порядке является то, что, как правило, основание, дающее возможность на рассмотрение уголовного дела в данных порядках, либо прекращения уголовного дела по не реабилитирующим основаниям, возникает уже в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Не реабилитирующими являются такие обстоятельства, которые не исключают виновность лица в совершении преступления, то есть, фактически человек

признается виновным в совершении преступления, но наказание к нему не применяется. У него не возникает право на возмещение ущерба от расследования преступления, он не получает права на реабилитацию.

Из этого следует, что решение о прекращении уголовного преследования могло быть принято в момент принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела без ущерба для охраняемых законов интересов общества и государства.

Следующей мерой может быть расширение судейского штата, но на современном этапе она будет крайне затратной. Рахманов М.А. и Шумов П.В. считают, что разгрузить судей можно и без увеличения численности [2, С. 214]. Например, передать ряд обязанностей их помощникам, а именно, возвращение искового заявления в случае неуплаты государственной пошлины. Распределение задач позволит рациональнее использовать имеющиеся ресурсы и средства.

Рассмотрим еще одну точку зрения на данную проблему одного ученого Градского В.Е. Он предлагает больше активизировать в уголовном судопроизводстве институт медиации, который активно применяется заграницей. Медиатор, по его мнению, занимался бы урегулированием юридических споров, например:

1. Оказание помощи в юридических вопросах;
2. Организация переговоров между сторонами;
3. Анализ имеющейся информации по делу;
4. Побуждение к совместному решению участниками [3, С. 11].

Из функций видно, что медиатор не представляет интересы ни одной из сторон, а направляет их на разрешение конфликта. Таким образом, часть конфликтов можно было бы направлять медиатору на рассмотрение и разрешение.

Таким образом, рассмотренный комплекс мер по поддержке судов должен облегчить их работу, освободить от ненужной рутины, направить больше сил именно на рассмотрение серьезных дел, улучшить состояние российского правосудия, а также снизить финансовые затраты государства на уголовно-процессуальную деятельность.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный Кодекс [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.07.2025).

2. Рахманов М.А., Шумов П.В. Нагрузка на судей и качество судопроизводства // Бюллетень науки и практики. 2019. Т.5. №10, 215 с.

3. Градский В.Е. Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России, №1. 2022. 14 с.

4. Шалагина, З. А. Проблемы обеспечения доступа к правосудию на стадии возбуждения уголовного дела / З. А. Шалагина // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 161-167. – EDN NNIWLL.

5. Доклад Председателя Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 11.07.2025).

6. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2024 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс] URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 11.07.2025).
7. Адвокатская газета Орган Федеральной Палаты адвокатов РФ [Электронный ресурс] URL: https://www.advgazeta.ru/ (дата обращения: 12.07.2025).

©Даршт Я.Р., 2025

EDN: HJMICA

Джанболатов Арсен Эльбрусович,
студент факультета подготовки специалистов для судебной системы Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Зейдлиц Евгения Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Нейрокогнитивная экспертиза в уголовном судопроизводстве: перспективы внедрения

Аннотация: статья посвящена анализу правового тупика, сложившегося в практике применения полиграфа в российском уголовном доказывании. В качестве выхода из сложившейся коллизии предлагается смена технологической основы психофизиологических исследований — переход к концепции судебной нейрокогнитивной экспертизы, основанной на методе регистрации когнитивных вызванных потенциалов (P300).

Ключевые слова: доказывание; судебная экспертиза; полиграф; уголовный процесс.

Современная система доказывания в российском уголовном процессе сталкивается с фундаментальным правовым и методологическим парадоксом, наиболее ярко проявляющимся в практике применения психофизиологических исследований. С одной стороны, силовые ведомства, такие как МВД и ФСБ, не только активно используют полиграф, но и закрепили «психофизиологическую экспертизу» в ведомственных перечнях родов судебных экспертиз (Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511; Приказ ФСБ России от 23.06.2011 № 277). С другой стороны, судебная система в лице своей высшей инстанции последовательно и системно отвергает саму возможность использования полиграфа в доказывании. Эта позиция была в очередной раз подтверждена в Обзоре судебной практики № 1 (2025), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ, а именно в п. 46 [4, с. 68-69], где прямо указано, что проверка объективности показаний с использованием полиграфа уголовно-процессуальным законом не предусмотрена, а полученные сведения не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам статьей 74 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Данная коллизия порождает системную правовую неопределенность

и дискредитирует саму идею объективного психофизиологического исследования.

Фундаментальная причина, по которой заключения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа отвергаются судами, лежит не в юридической, а в научной плоскости. Данный метод основан на регистрации периферических реакций вегетативной нервной системы: изменения частоты сердечных сокращений, дыхания, кожно-гальванической реакции. В его основе лежит допущение, что ложь вызывает у человека психологический стресс, который, в свою очередь, порождает эти измеряемые физиологические сдвиги. Таким образом, полиграф измеряет не ложь как таковую, а ее предполагаемое следствие — психофизиологическое возбуждение [2, с. 223-224]. Именно эта опосредованность и делает выводы эксперта-полиграфолога вероятностными, на что последовательно указывают суды, например, такие выводы сделаны в Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 06.03.2013 № 32-О13-5. Кроме того судебная практика констатирует, что результаты таких исследований «нельзя признать научно обоснованными ввиду отсутствия специально разработанной достоверной методики, исключающей вероятностный характер высказанных суждений», такие выводы, например, отражены в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2021 по делу № 77-375/2021.

В отличие от этого опосредованного подхода, современные нейротехнологии предлагают новые инструменты, формирующие основу для нейрокриминалистики. Наибольшей объективностью и криминалистической значимостью обладает метод регистрации когнитивных вызванных потенциалов мозга, в частности, волны Р300. В отличие от полиграфа, измеряющего неоднозначные реакции стресса, данный метод в научной литературе характеризуется как «детектор знания». Данный феномен представляет собой объективный, непроизвольный всплеск электрической активности в теменно-центральных областях коры головного мозга, возникающий примерно через 300 миллисекунд после предъявления субъективно значимого и редкого стимула. В научной литературе Р300 признается объективным «электрофизиологическим маркером» высших интегративных функций мозга, который отражает процессы опознания и оценки важности информации [3, с. 81]. Применение этого метода позволит решить главную проблему, на которую указывает Верховный Суд: перейти от попытки подменить оценку достоверности показаний, что является исключительной компетенцией суда, к предоставлению суду объективных данных о наличии или отсутствии в памяти человека информации («идеального следа») о событии преступления.

В криминалистическом применении используется строго регламентированная методика, известная как «Тест на скрываемую информацию» (Concealed Information Test, CIT) [6, с. 117]. Испытуемому предъявляется серия нейтральных, нерелевантных стимулов (например, изображения разных ножей), среди которых скрыты «проверочные» стимулы — изображения или слова, обозначающие ключевые детали преступления (например, фото орудия убийства), известные только причастному лицу и следствию. Мозг человека, для которого проверочный стимул является знакомым и значимым, автоматически генерирует волну Р300, в то время как на нейтральные стимулы такой реакции не возникает.

Это позволяет объективно зафиксировать наличие в его памяти «идеального следа» преступления, не вторгаясь в оценку правдивости показаний [6, с. 125].

Другое направление, функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), измеряет когнитивное усилие мозга, исходя из гипотезы, что ложь и (или) сокрытие информации требует большей умственной нагрузки, чем воспроизведение правды [1, с. 227]. Однако, поскольку повышенная активность префронтальной коры может быть связана с решением любой сложной умственной задачи, данный метод на текущем этапе развития также содержит элемент интерпретации, что делает его менее однозначным для криминалистических целей по сравнению с методом Р300.

Несмотря на технологические перспективы нейронаук, их интеграция в уголовный процесс невозможна без преодоления серьезных правовых барьеров, которые уже стали непреодолимым препятствием для полиграфа. Проблема заключается в конфликте между ведомственными актами и фундаментальными нормами федерального законодательства, регулирующими доказывание и экспертную деятельность.

Первым и основным является процессуальный барьер, заложенный в УПК РФ. Как неоднократно указывали высшие судебные инстанции, сведения, полученные с помощью полиграфа, не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам статьей 74 УПК РФ. Перечень видов доказательств, приведенный в данной статье, является исчерпывающим. Наиболее близкая по форме правовая конструкция — «заключение и показания эксперта и специалиста» (ст. 80 УПК РФ) — на практике оказывается неприменимой. Суды отказываются признавать заключение полиграфолога полноценным заключением эксперта, поскольку сама процедура его получения не урегулирована уголовно-процессуальным законом. Любая новая методика, не имеющая прямого законодательного регулирования своей процедуры, столкнется с аналогичным препятствием, так как ее результаты будут расцениваться как полученные с нарушением установленного УПК РФ порядка и, следовательно, являться недопустимыми на основании ст. 75 УПК РФ.

Второй барьер — методологический. Он связан с требованиями Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (далее – ФЗ «О ГСЭД»). Согласно статье 8 данного закона, заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить его обоснованность и достоверность на базе общепринятых научных и практических данных. Судебная практика показывает, что именно отсутствие единой, утвержденной на федеральном уровне и научно подтвержденной методики является одним из главных оснований для отказа в признании выводов полиграфолога научно обоснованными [5, с. 30].

Для успешной и правомерной интеграции нейротехнологий в уголовный процесс требуется комплексный подход.

Одним из элементов реформы должно стать создание единого научного стандарта для нового вида исследований. Чтобы выводы эксперта соответствовали требованию статьи 8 ФЗ «О ГСЭД» об опоре на общепринятые научные данные, необходима разработка, апробация и утверждение на федеральном

уровне единой, проверенной научной методики проведения нейрокогнитивных исследований. Это позволит устранить главный упрек судов в адрес полиграфа, связанный с отсутствием достоверной и общепринятой методологии. На основе этой единой методики должна быть введена и соответствующая экспертная специальность с едиными программами аттестации. Это необходимо для подтверждения высочайшей компетенции экспертов в соответствии со статьей 13 ФЗ «О ГСЭД» и снятия любых сомнений в их квалификации. Хотя смежные специальности, такие как «Исследование психологии человека» или «Психофизиологические исследования», уже существуют, нейрокогнитивная экспертиза требует особых, междисциплинарных знаний в области нейрофизиологии, статистического анализа биосигналов и криминалистики. Кроме того, учитывая сложность и значимость таких исследований, целесообразно на уровне акта Правительства РФ отнести данный род экспертизы к проводимым исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями, по аналогии с судебно-психиатрической экспертизой, а именно внести дополнения в Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р.

Кроме того, важным направлением является создание специальных процессуальных гарантий на уровне федерального законодательства. Как показывает практика полиграфа, общих норм для регулирования столь специфического исследования может быть недостаточно. Чтобы исключить любые сомнения в законности и конституционности предлагаемой нами процедуры, необходимо на уровне УПК РФ закрепить особый процессуальный порядок назначения и производства такой экспертизы.

Таким образом, российская система доказывания находится на важном этапе своего развития. Путь, основанный на субъективных психофизиологических интерпретациях, олицетворяемый полиграфом, демонстрирует свою процессуальную несостоятельность, что подтверждается устойчивой судебной практикой. В то же время достижения нейронауки открывают возможности для принципиально иного подхода, основанного на объективной фиксации «идеальных следов» в памяти человека. Дальнейшее изучение и осмысление этих возможностей является необходимым условием для гармоничного развития доказательственного права. Продуманное и комплексное правовое регулирование в этой сфере способно не только разрешить существующие противоречия, но и открыть новую страницу в истории отечественной криминалистики.

Список литературы:

1. Алферова, Е. В. Нейроправо: достижения в области нейронауки, и их применение в криминологии, криминалистике и правосудии. (Обзор) / Е.В. Алферова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2023. – № 2. – С. 217-227.

2. Емельянова, Н. В. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам / Н.В. Емельянова, О.П. Копылова // Science Time. – 2015. – № 12 (24). – С. 222-227.

3. Игнатова, Ю. П. Когнитивные вызванные потенциалы: Р300 в нейрофизиологии и клинической практике / Ю.П. Игнатова, И.И. Макарова, К.А. Страхов // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 80-91.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/practice/34367/ (дата обращения: 01.09.2025 г).

5. Федосеева, Е. Л. К вопросу о применении полиграфа в доказывании по уголовным делам / Е.Л. Федосеева // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2 (34). – С. 28-32.

6. Farwell, L. A. Brain fingerprinting: a comprehensive tutorial review of detection of concealed information with event-related brain potentials / L.A. Farwell // Cognitive Neurodynamics. – 2012. – Vol. 6, № 2. – P. 115-154.

© Джанболатов А.Э., 2025

EDN: FYDTCK

Дорофеев Иван Вячеславович,
слушатель факультета подготовки курсантов (слушателей)
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Кузьмина Ольга Леонидовна,
начальник кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Трансформация досудебной стадии уголовного процесса в контексте становления информационного общества

Аннотация: статья посвящена влиянию цифровизации на уголовно-процессуальное законодательство России. Рассматриваются проблемы адаптации законодательства к новым технологиям, риски манипуляций цифровыми доказательствами и недостаточная подготовка сотрудников правоохранительных органов. Предлагаются меры по модернизации УПК РФ и повышению квалификации кадров.

Ключевые слова: цифровизация; законодательство; заявление; доказательств; преступность; модернизация.

Начало нового этапа в современной России связано с внедрением современных технологий в жизнедеятельность граждан и государства в целом.

Безусловно, возникает вопрос: как цифровизация может затронуть уголовно-процессуальное законодательство? Уголовный процесс является фундаментом, который закрепляет основы реализации защиты прав и свобод граждан. В 2012 году Правительство Российской Федерации постановлением от 27.12.2012 № 1406 утвердило Федеральную целевую программу «Развитие судебной системы на 2013-2024 годы»[1]. В данной программе обозначены основные цели и задачи, направленные на улучшение качества правосудия Российской Федерации. Необходимо выделить, следующие приоритетные направления: - существенное улучшение доступа к информации о деятельности государственных органов; - совершенствование системы размещения судебных решений с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Модернизация уголовного процесса в условиях цифровизации затрагивает как досудебное, так и судебное производство. Досудебное производство, включающее возбуждение уголовного дела и предварительное расследование, является основополагающей стадией, предназначенной для установления обстоятельств преступления, выявления виновных лиц и принятия решения о передаче дела в суд. Его цель - обеспечить законность, обоснованность уголовного преследования и создать условия для справедливого судебного разбирательства. В контексте цифровой трансформации особое внимание следует уделить стадии возбуждения уголовного дела, как отправной точке всего уголовного процесса

В условиях глобальной цифровизации изучение и адаптация международного опыта в области внедрения цифровых технологий в досудебное уголовное судопроизводство представляется важным фактором для повышения эффективности и качества правосудия в Российской Федерации [2, с. 56]. Ряд зарубежных государств демонстрирует активное применение цифровых инструментов на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, что позволяет существенно сократить сроки расследования, повысить раскрываемость преступлений и обеспечить соблюдение прав участников процесса

Так, Китайская Народная Республика, являясь одним из лидеров в цифровизации государственного управления, активно внедряет технологии искусственного интеллекта, больших данных и облачных вычислений в деятельность правоохранительных органов. В частности, система «Skynet» представляет собой широко развернутую сеть камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, интегрированную в централизованную базу данных, что обеспечивает оперативное выявление и отслеживание подозреваемых, а также превенцию преступлений. Платформа «Urban Brain», система управления городским хозяйством, объединяющая данные из различных источников, позволяет анализировать информацию в режиме реального времени и прогнозировать возникновение преступлений. Кроме того, в КНР активно развивается электронное судопроизводство, позволяющее осуществлять подачу документов в электронном виде и отслеживать ход рассмотрения дела онлайн.

В Соединенных Штатах Америки цифровые технологии также находят широкое применение на всех этапах уголовного судопроизводства. Правоохранительные органы используют специализированное программное обеспечение для анализа больших объемов данных, включая телефонные звонки, электронную переписку и данные социальных сетей, с целью выявления связей между преступниками и раскрытия преступлений. Активно применяется технология использования дронов для оперативного получения фото- и видеоматериалов с мест происшествий, особенно при расследовании сложных и масштабных преступлений. Системы распознавания лиц и отпечатков пальцев широко используются для идентификации подозреваемых и установления их причастности к преступлениям.

Анализ международного опыта позволяет выделить следующие ключевые направления внедрения цифровых технологий в досудебное уголовное судопроизводство: создание централизованных баз данных о преступлениях и преступ-

никах; внедрение систем электронного документооборота; использование специализированного программного обеспечения для анализа данных; применение современных технических средств для проведения следственных действий; разработка стандартов использования цифровых доказательств; обеспечение защиты прав граждан.

Адаптация положительных практик зарубежных стран к российской правовой системе является перспективным направлением повышения эффективности и качества досудебного уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации [3, с.31]. При этом необходимо учитывать специфику российской правовой культуры, а также необходимость обеспечения баланса между эффективностью расследования и соблюдением прав и законных интересов граждан.

Цифровизация, как магистральное направление развития современного общества, оказывает существенное влияние на все сферы деятельности, в том числе и на сферу уголовного судопроизводства.

Одной из ключевых проблем является обеспечение допустимости доказательств, полученных с использованием цифровых технологий. Современные технические средства позволяют легко манипулировать информацией, создавать подделки и фальсификации. Это ставит под сомнение достоверность электронных документов, аудио- и видеозаписей, цифровых следов, извлеченных с компьютерных устройств и из сети Интернет. Для решения данной проблемы необходимо разработать четкие и унифицированные стандарты фиксации, хранения и проверки подлинности цифровых доказательств, а также ввести обязательную сертификацию технических средств, используемых в процессе их получения.

Вторая проблема – недостаточная квалификация следователей и дознавателей в области информационных технологий. Необходимо также привлекать к участию в расследовании специалистов в области информационных технологий (ITспециалистов, экспертов-криминалистов), обладающих необходимыми знаниями и опытом.

Третья проблема – недостаточное нормативное регулирование использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) не в полной мере отражает специфику работы с цифровыми доказательствами и не содержит четких правил проведения следственных действий в киберпространстве. Это создает правовую неопределенность и затрудняет работу следователей и дознавателей. Необходима модернизация УПК РФ с целью включения в него положений, регулирующих порядок получения, хранения, исследования и использования цифровых доказательств, а также проведения следственных действий в сети Интернет.

Четвертая проблема – обеспечение защиты персональных данных и прав граждан при использовании цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Сбор и обработка цифровой информации о гражданах должны осуществляться с соблюдением требований законодательства о защите персональных данных. Необходимо разработать механизмы контроля за использованием цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, чтобы исключить злоупотребления и нарушения прав граждан.

Решение обозначенных проблем требует системного и многоаспектного подхода, охватывающего не только совершенствование нормативной правовой базы, но и повышение профессиональной компетентности следователей и дознавателей, оснащение правоохранительных органов современными техническими средствами, внедрение надежных технологий защиты персональных данных и активное повышение уровня осведомленности граждан об их правах и возможностях в цифровой среде. Эффективное использование цифровых технологий в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации возможно лишь при условии комплексного решения этих взаимосвязанных задач, что, в свою очередь, приведет к повышению качества расследования преступлений, обеспечению безусловного соблюдения прав граждан и укреплению законности и правопорядка в стране.

Список литературы:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 «О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» // СПС «КонсультантПлюс», 2025.

2. Архипов Д.Н. К вопросу о применении информационных технологий в досудебном производстве уголовных дел // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 56–61.

3. Бунин М.В. Доказывание в цифровом пространстве : российский и европейский опыт : учебно-методическое пособие. — СПб. : Юридический центр, 2023. — 250 с.

© Дорофеев И.В., 2025

EDN: JZVINZ

Дубский Матвей Андреевич,
студент юридического факультета
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии

Научный руководитель:
Александрова Наталия Сергеевна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент

Способы обеспечения и защиты прав участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации

Аннотация: в статье рассматриваются основные способы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации, способы защиты ими своих прав и реализации своих обязанностей. Затрагиваются возможные улучшения уголовного процесса для более эффективного взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Работа представляет научно-практический интерес для разработки мер по усовершенствованию уголовного законодательства в свете развития научно-технического прогресса.

Ключевые слова: конституционные права; цифровизация; уголовный процесс; электронная цифровая подпись; мессенджер «MAX».

Одним из приоритетных направлений реформирования современной системы уголовного процесса является цифровизация, поскольку со стремительным развитием технологий появляются все более эффективные способы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Актуальность данной темы обусловлена постоянной необходимостью разработки правовых механизмов ускорения этапа досудебного разбирательства. Целью исследования выступает развитие концепции электронного уголовного дела и предложений по внедрению новых механизмов регулирования уголовного судопроизводства в условиях цифрового трансформирования государственных органов и структур власти в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 [1] и Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 [2].

Проблемы защиты прав участников уголовного процесса не раз рассматривались в научной литературе, так, Е.А. Логинов [3] в своей работе рассматривает

уголовно-процессуальную защиту потерпевшего и возмещение ему вреда, а концепции модели электронного уголовного дела рассматривали С.В. Зуев, Н.А. Моругина [4], О.В. Кузьмина [5], А.С. Каменев [6] и многие другие ученые.

Уже в настоящее время, учитывая тенденции цифровизации, государственные органы постепенно внедряют электронный документооборот, заменяя таким образом старый, основанный на бумажных носителях. Срок предварительного следствия устанавливается ст. 162 УПК РФ [7], по общим основаниям, предварительное следствие должно быть окончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела, в большинстве случаев продляемый руководителем следственного органа ввиду массивной загруженности. Для разгрузки «рядового» следователя видится необходимым рассмотрение возможности внедрения использования систем видео-конференц-связи для взятия объяснений у свидетелей и иных участников предварительного следствия и допроса участников уголовного судопроизводства, находящихся в силу командировок или личных причин за территорией подследственности следственного органа / за территорией страны, через внедрение процесса взятия объяснений / допроса лиц в видео-конференц-связи и последующим удостоверением протокола следственного действия электронной цифровой подписью (далее – ЭЦП) без участия следователя/дознавателя, на территории подследственности которой находится лицо (в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ), с вынесением соответствующего постановления за подписью руководителя следственного органа / органа дознания [7]. Внедрение в процессуальные документы возможность заверять ЭЦП, безусловно, упростит взаимодействие со стороной защиты и иными участниками уголовного судопроизводства, обеспечив своевременную информированность сторон о ходе предварительного следствия и реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства [7]. Это также обеспечит гуманизацию уголовного судопроизводства, поскольку позволит лицам, имеющим инвалидность, травму или физические ограничения в силу возраста не тратить время и силы на дорогу, а предоставлять нужную информацию дистанционно. При проведении следственных действий обязательно применение видеозаписи, в последующем материалы видеозаписи приобщаются к протоколу соответствующего следственного действия.

В рамках данной темы исследования возникает вопрос об обеспечении способов видео-конференц-связи, о зашифрованном подключении участников уголовного судопроизводства и предоставлении документов, необходимых для приложения к протоколу следственного действия, а также документов, необходимых для подтверждения личности лица. Более того, говоря о цифровизации, встает вопрос о защите от технологий «DeepFake» на базе искусственного интеллекта, способных вводить в заблуждение онлайн [8]. Как ни странно, оптимальным может стать адаптация и доработка недавно вышедшего мессенджера «MAX», активно продвигающимся в государственных структурах [9]. Действительно, создание подобной платформы является прорывом в сфере цифровизации, уже сейчас мессенджер поддерживает подключение двойной аутентификации в Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) «Госуслуги» (далее – «Госуслуги»). Реализация защищенных каналов видео-конференц-связи на

базе мессенджера, привязанного к аккаунту «Госуслуг», решит проблему идентификации личности. Более того, это упростит документооборот, подтверждение личности будет возможно через паспорт, выгруженный на «Госуслугах», а иные документы, прикладываемые к протоколу следственного действия, могут быть высланы в зашифрованном канале, созданном на время проведения следственного действия, а также заверены ЭЦП. В мессенджере «МАХ» предусмотрена защита от технологий «DeepFake», что при активном взаимодействии с государственными органами, позволяет реализовать видео-конференц-связь на основании принципов осуществления уголовного судопроизводства и защиты конфиденциальности.

В дальнейшем предполагается создание нормативно-правовой базы для регуляции видео-конференц-связи через взаимодействие привязанного к обязательной идентификации личности мессенджера с участниками уголовного судопроизводства, а также реализация на базе платформы следственных действий для создания более эффективного механизма взаимодействия участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, внедрение подобных механизмов обмена информацией между участниками уголовного процесса в условиях цифровизации позволит своевременно выполнять следственные действия и обеспечивать достижение основных целей уголовно-правовой политики Российской Федерации.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 [Электронный ресурс]; // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.10.2025).;
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024
3. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]; // Официальный сайт Президента России [Офиц. сайт]. URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 17.10.2025).;
4. Логинов Е.А. Некоторые проблемы защиты прав участников уголовного процесса в России и зарубежных стран // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальная защита потерпевшего и возмещение ему вреда: проблемы и пути их решения, защита прав участников уголовного процесса». М.: Московская академия следственного комитета РФ. 2018. — С. 37-42.;
5. Моругина Н. А., Зуев С. В. Электронное уголовное дело: теоретическая модель [Электронный ресурс]; // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. №. 3. С. 83-94. [Офиц. сайт]. URL: https://vestnikkui.ru/ru/nauka/ (дата обращения: 17.10.2025).;
6. Кузьмина Ольга Владимировна, Скотникова Марина Михайловна Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс [Электронный ресурс]; // Вестник КГУ. 2024. №4. [Офиц. сайт].
7. URL: https://vestnik.kosgos.ru (дата обращения: 17.10.2025).;

8. Каменев Александр Сергеевич Перспективы внедрения электронного уголовного дела и его влияние на осуществление функции защиты [Электронный ресурс]; // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2022. №4. [Офиц. сайт]. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 17.10.2025).;

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. N 52 (часть I) ст. 4921 [Электронный ресурс]; // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.10.2024).;

10. Ефремова Марина Александровна, Русскевич Евгений Александрович Дипфейк (deepfake) и уголовный закон [Электронный ресурс]; // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. №2 (56). [Офиц. сайт]. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 17.10.2025).;

11. MAX: что известно о новом приложении VK и аналоге WeChat [Электронный ресурс]; // Российский медиа-холдинг «РБК» [Офиц. сайт]. URL: https://trends.rbc.ru (дата обращения: 17.10.2025).

© Дубский М.А., 2025

EDN: HMUVLF

Евтуховская Олеся Александровна,
адъюнкт
Санкт-Петербургского университета МВД России

Взгляд на формы участия сведущих людей в отечественном уголовном судопроизводстве: от прошлого к настоящему

Аннотация: вопрос форм использования специальных знаний и познаний является фундаментальным и дискуссионным в юридической науке. Отсутствие единого подхода к их классификации, терминологическая неопределенность и отсутствие признания доказательной силы каких-либо форм вовлечения сведущих лиц в судопроизводство кроме судебной экспертизы создают сложности в правоприменительной практике и являются источником оживленных диспутов.

Необходимость законодательной проработки широко используемых на практике, но не урегулированных форм (например, заключения специалиста) необходима для прогрессивного развития законодательства и повышения эффективности борьбы с преступностью.

Ключевые слова: формы специальных знаний; формы специальных познаний; специальные знаний и специальные познания сведущих людей; уголовное судопроизводства.

Практика привлечения сведущих людей для содействия раскрытию и расследованию преступлений охватывает уже ни одно столетие. Во времена законодательного господства Устава Уголовного судопроизводства и предшествующих ему нормативных правовых актов четкая дифференциация специальных знаний по форме использования не проводилась, однако, важное их функциональное разграничение уже зарождалось. Экспертиза в тот период еще не отличалась строгой регламентацией, а консультации специалиста и специальные исследования послужили прообразом современного деления на процессуальные и непроцессуальные формы.

Господство признания вины над иными видами доказательств к коим относилось и заключение эксперта, отсутствие достаточного нормативного определения и методического сопровождения деятельности сведущих людей позволяло проявлять все разнообразие творческого подхода сведущих лиц в решении задач судопроизводства.

Советский период отличался доминированием единственной процессуальной формы — экспертизы, однако лишенной независимости и состязательности. Заключение эксперта носило обвинительный уклон и обладало непререкаемой

доказательной силой, поглощенной идеологической и процессуальной формальностью. Непроцессуальные формы были дискредитированы. Реформы постсоветского периода привели к отказу от монополии экспертизы, назначаемой следствием, и переходу к состязательной модели, предполагающей равные возможности сторон использовать весь спектр форм для обоснования своей позиции.

Как и в предыдущие столетия, в современных реалиях необходимость вовлечения сведущих людей для содействия правосудию обусловлена разными причинами: невозможностью правомочных субъектов судопроизводства обладать знаниями в областях науки, техники, искусства и ремесла и других областях, которые по объективным причинам необходимы для установления обстоятельств произошедшего; «возможностью более быстро и менее затратно по времени удовлетворять свою потребность в специальных знаниях путем получения письменных (заключения) и устных (показания) суждений по различным вопросам, в том числе для определения необходимости проведения экспертизы (первоначальной, повторной, дополнительной, комплексной)» [1, с.3]; формированию внутреннего убеждения судьи при вынесении окончательного решения по делу и др.

Степень вовлеченности [1, с.32] субъектов-носителей специальных знаний на том или ином этапе уголовного судопроизводства определяет форму участия сведущих лиц в процессе формирования доказательств и устанавливается непосредственно субъектами их использования.

Сейчас в юридической науке и практике существует сложившаяся система использования специальных знаний и познаний, которая продолжает развиваться под влиянием современных вызовов [2]. Ученые предлагают различные подходы не только к содержательной части понятий «специальные знания» и «специальные познания», но и формам их использования. Разнообразие точек зрения на основания для их классификации, затрагивающие как узкопрофессиональный так и квалификационный подходы, подчеркивают сложность и многогранность явления выделяя расхождение теории и практики их применения.

Существенной проблемой продолжает оставаться отсутствие окончательной четко сформулированной законодательной позиции их регламентации, сформировавшее в теории деление форм на две основные группы: процессуальные и непроцессуальные. В науке давно ведутся активные дискуссии о возможности существования непроцессуальных форм, а их использование нередко трактуют как нарушение процедуры [3, с.73] и роли результатов в доказывании. Однако, потребность в знаниях и познаниях сведущих лиц, находящихся на стыке криминалистики, уголовного процесса и естественных или технических наук очевидна уже на стадии решения о возбуждении или отказа от возбуждения уголовного дела. Необходимость в них не является предметом дискуссий, поскольку «без подобных исследований невозможно обоснованно решить вопрос о возбуждении дела в принципе и правильной квалификации» [4, с.28]. Говорить о процедуре реализации таких знаний всего лишь как о «суждении специалиста», а о результатах как «носящих ориентировочный характер», по нашему мнению, не корректно.

Несмотря на устойчивую практику вовлечения сведущих лиц на стадии досудебного разбирательства, действующее уголовно-процессуальное законодательство, в части 2 статьи 74 УПК РФ, признает в качестве самостоятельных доказательств результаты только двух форм использования специальных знаний: заключения и показаний эксперта и специалиста. Вместе с тем, детальной проработкой процедур отличается лишь заключение эксперта (Гл. 27 УПК РФ), которое теоретики и практики судопроизводства выделяют в качестве основной [5, с.16], традиционной и самой распространенной [6, с.15-18] формы участия сведущих лиц в судопроизводстве.

Известны в современной практике случаи успешного применения форм специальных знаний и познаний, выходящие за рамки общепринятого деления. Такие формы не получили еще своей законодательной регламентации, однако знания и познания сведущих людей, их применяющих, реализуются на практике и являются основой формирования доказательств. В своей публикации А.А. Максуров описывал их как «доступные к использованию в уголовном судопроизводстве» [7]. По нашему мнению, практика использования не должна отставать от теории, а подобные формы значительно расширят возможности установления и доказывания обстоятельств произошедшего. Тенденции современного судопроизводства показывают необходимость расширения форм реализации знаний и познаний сведущих лиц в соответствии с принципами их пользы и целесообразности. В теории и практике судопроизводства вовлечение сведущих людей на каждом его этапе должно отражать современный прогрессивный подход, характеризующийся наряду с регламентацией всего спектра форм активной ролью в них сведущих лиц.

Таким образом, мы можем наблюдать перевес эффективности перед законностью в дореволюционный период сменившийся идеологической законностью в советский период и попытку достигнуть баланс между строгой регламентацией существующих форм и потребностью в быстром и эффективном установлении истины на современном этапе.

Однако, существующий разрыв между теорией и практикой обнажает проблемы не нашедшие по сей день своего окончательного решения. Судебная экспертиза остается единственной основной и универсальной формой вовлечения сведущих лиц в уголовное судопроизводство, вызывающей большее доверие у суда. Прогрессивные шаги в виде расширения полномочий, могущие дать возможность развития института специалиста и усилить состязательность делаются законодателем неохотно. Подобная нерешительность оставляет без внимания значимые виды деятельности сведущих лиц.

Список литературы:

1. Ватутина О.Ю. Заключение и показания специалиста и их использование защитником в доказывании по уголовным делам : дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2025. 224 с.

2. Медиабезопасность в цифровой среде: роль сведущих лиц: монография.- Москва : Проспект, 2024. – 288 с.

3.Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд-во РУДН, 2000: Криминалистика / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. 354 с.

5. Россинская Е.Р., Зинин А.М. Экспертиза в судопроизводстве: учебник/ под ред. Е.Р. Россинской.- Москва: Проспект, 2022. – 416 с.

4. Шамонова Т.Н. Специальные медицинские знания при расследовании преступлений. Понятие, формы, содержание // Судебная медицина и уголовный процесс / под ред. А.В. Смирнова, М.Т. Чернухина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – 166 с.

6. Веренич И.В. Понятие и формы использования специальных знаний при выявлении противодействия расследованию преступлений // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. 2019. С. 15-18: [электронный ресурс] / https://www.iuaj.net/node/2755 (дата обращения 16.09.2025)

7. Максуров А.А. Области применения специальных знаний в уголовном процессе // Российский юридический журнал, № 6, ноябрь-декабрь 2023 г. : [электронный ресурс] / https://base.garant.ru/481273363/

© Евтуховская О.А., 2025

EDN: JSGYOJ

Журавлева Мария Дмитриевна,
слушатель факультета заочного обучения
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Брянская Елена Васильевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Отношение сотрудников следственных подразделений к использованию информационных технологий в расследовании преступлений

Аннотация: в настоящей статье исследуется отношение сотрудников различных подразделений в структуре органов внутренних дел к внедрению в их профессиональную деятельность различных достижений науки в области информационных технологий, в частности – искусственного интеллекта. В ходе проведенного опроса выявляются, какие положительные и отрицательные стороны сотрудники видят в результате информатизации своего труда.

Ключевые слова: предварительное расследование; информационные технологии; искусственный интеллект; эффективность следствия; подготовка кадров.

В современном динамичном мире информация играет одну из центральных ролей не только на государственном уровне – во время важных переговоров, но и в повседневной жизни – в практической деятельности сотрудников различных организаций, в том числе и следственных подразделений.

Для правильной и четкой работы поступающую извне информацию необходимо правильно использовать, хранить и обрабатывать. В данном случае на помощь человеку приходят информационные технологии, которые помогают упростить для сотрудника или обывателя многие процессы по работе с информацией. Процессы информатизации и цифровизации затронули различные аспекты повседневной жизни граждан, ежегодно появляются все новые и новые устройства, а «информационные технологии и искусственный интеллект стали неотъемлемой частью современного мира» [1, с. 591]. Однако существует мнение, что в некоторых сферах следы цифровизации практически незаметны, например, в уголовном судопроизводстве. Например, С.М. Курбатова, А.Г. Русаков, Д.Н. Щедрин в своей работе указывают, что внедрение новых технологических подходов в профессиональной деятельности работников следственных органов

не столь быстро находит применение, а «действующий УПК РФ не готов к подобным изменениям» [2, с. 265].

Тем не менее, не все исследователи проблемы внедрения информационных технологий считают, что отрасль уголовного судопроизводства абсолютно отрезана от технических нововведений и не имеет шанса успеть за ходом времени. К.В. Рыбкина справедливо отмечает: «Современные информационные технологии способны позволить перейти к более совершенным процедурам» [3, с. 233].

В настоящее время существует множество вариантов решения насущной проблемы внедрения в повседневную деятельность сотрудников следственных подразделений информационных технологий. Так, в своей статье А.Н. Калюжный и Н.Г. Шурухнов предлагает создать единую информационно-телекоммуникационную среду; разработать и полномасштабно внедрить использование баз данных; реализовать потенциал аппаратно-программных комплексов «Безопасный город» и т.д. [4, с. 202-203].

Также популярно мнение о том, что в первую очередь при внедрении информационных технологий следует отталкиваться от мыслительных процессов сотрудника и четкого плана действий. Например, Г.М. Меретуков пишет: «Созданию криминалистических программных технологий способствует разработке алгоритмов, используемых совместно с эвристической деятельностью следователя на всех этапах расследования любого вида преступления» [5, с. 83]. Однако оптимистичный вывод автора соседствует и с предостережением: «к сожалению, лишь перечисление существующих технологий не является технологическим процессом, позволяющим оптимизировать деятельность следователя» [5, с. 83].

Вместе с тем, С.А. Рябчиков отмечает пользу и значимость уже используемых информационных технологий, а именно: электронного документооборота, который при правильном применении поможет достигнуть прозрачности, оперативности при расследовании и формирования уголовного дела [6, 91].

Если говорить о внутриведомственном обмене информацией, то, согласно позиции Л.П. Плесневой и А.А. Усачева: «комплексное использование следователем и указанными органами своих, предусмотренных законодательством, полномочий, сочетание уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности дает синергетический эффект, благодаря которому деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию конкретного преступления переходит на новый, более высокий уровень» [7, с. 32-33]. Соответственно, благодаря четкому плану действий и тесному сотрудничеству следственных и оперативных подразделений с использованием достижений в науке возможно быстрое и качественное расследование уголовного дела.

Для оценки отношения сотрудников следственных подразделений был проведен опрос с целью выявления актуальности использования информационных технологий, наличия у сотрудников предпочтений и опасений в их использовании. К опросу были также привлечены сотрудники, только еще планирующие связать свою будущую профессиональную деятельность со следствием (слушатели заочного факультета СПбУ МВД России).

В общей сложности пилотажный опрос прошли 10 человек (5 – действующие следователи, 5 – слушатели без статуса следователей). Было задано 5 вопросов, которые касались уже имеющихся информационных технологий (далее – ИТ) и тех технологий, которые сотрудники видят своими помощниками в ближайшем будущем.

На вопрос о ИТ, положительно влияющих на ход предварительного расследования, большинство отметило: система «Безопасный город», ГАС «Правосудие», система видеоконференций, электронный документооборот (особенно при взаимодействии с другими регионами), фото/видеофиксация для дальнейшей постановки на «ПАРСИВ».

На вопрос о ИТ, которые могли бы оказать положительное влияние на ход предварительного расследования, большинство выделили: создание систем на базе искусственного интеллекта, создание комплексной системы данных о гражданах, повсеместное использование искусственного интеллекта, цифровая фотокамера, доступная информация через электронные системы к сведениям ФНС РФ, банков, операторов связи, справочным учетам МВД РФ и городским камерам, улучшение уже имеющихся систем для более комфортной работы с ними.

На вопрос о том, может ли искусственный интеллект принести пользу в процессе расследования, абсолютное большинство ответило: «Да».

На вопрос об отношении к появлению информационной системы, созданной на основе ИТ, которая поможет молодому следователю разобраться в практическом применении теоретических знаний, большинство также ответило положительно.

На вопрос об отношении к прохождению молодыми специалистами тренингов в специальной информационной системе по работе с различными кейсами/задачами и выявления сильных и слабых сторон у сотрудника однозначного ответа получено не было. Действующие сотрудники настроены не так лояльно к тренингу ИТ, нежели молодые сотрудники, обучающиеся на заочном факультете.

Обобщая полученные ответы, на основании предпочтений опрошенных сотрудников, выявлено, что они знакомы с информационными технологиями, уже нашедшими свое применение в повседневной профессиональной деятельности. Сотрудники также задумываются над тем, что можно было бы улучшить в обозримом будущем для более комфортной и быстрой работы. Тем не менее, в вопросах касательно применения искусственного интеллекта единодушия не наблюдается. Скорее всего, это связано с тем, что не все сотрудники уверены, что искусственный интеллект способен заменить совет живого человека – наставника, коллеги, а также с пониманием того, что на тренинг и дополнительное обучение с привлечением искусственного интеллекта в реалиях современной нагрузки на следственные подразделения времени у молодого сотрудника вряд ли хватит.

В целом можно сделать вывод, что сотрудники следственных подразделений видят положительные и отрицательные стороны использования информа-

ционных технологий, по-разному к ним относятся, и, хотя польза от искусственного интеллекта остается неоднозначной, все понимают, что информационные технологии – это незаменимый помощник в их непростой работе.

Список литературы:

1. Дагаев, М.М. Информационные технологии и искусственный интеллект в жизни человека / М. М. Дагаев // Экономика и социум. – 2024. – № 3-2(118). – С. 590-593.

2. Курбатова, С.М. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве / С. М. Курбатова, А. Г. Русаков, Д. Н. Щедрин // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6(198). – С. 265-267.

3. Рыбкина, К.В. Информационно-коммуникационные технологии в судопроизводстве / К. В. Рыбкина // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2016. – № 23. – С. 232-237.

4. Калюжный, А.Н. Направления использования информационно- телекоммуникационных технологий в ходе раскрытия и расследования преступлений / А. Н. Калюжный, Н. Г. Шурухнов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 4(97). – С. 202-208.

5. Меретуков, Г. М. Криминалистические информационные технологии: постановка вопроса / Г. М. Меретуков // Общество и право. – 2023. – № 4(86). – С. 82-87.

6. Рябчиков, С.А. Организационно-техническое обеспечение деятельности органов предварительного расследования по использованию электронного документооборота в досудебном производстве / С. А. Рябчиков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 4(39). – С. 89-95.

7. Плеснева, Л.П. Совершенствование правовых основ взаимодействия следователя с органами дознания при производстве предварительного следствия / Л. П. Плеснева, А. А. Усачев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2020. – № 4(30). – С. 30-40.

© Журавлева М. Д., 2025

EDN: GWECME

Зайцев Д.,
слушатель факультета заочного обучения
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Тюнин Владимир Ильич,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Особенности квалификации легализации доходов и иного имущества, полученных преступным путем, совершенные группой лиц по предварительному сговору

Аннотация: научная статья представляет собой попытку автора рассмотреть общественную опасность преступлений, предусмотренных ст. 174 и174.1 УК РФ и некоторые вопросы квалификации преступлений, в частности, особенности привлечения к ответственности и квалификации преступлений совершенных организованной группой лиц.

Ключевые слова: легализация доходов; квалификация преступлений; финансовый мониторинг; организованная преступная группа; досудебное соглашение.

Экономика государства – ключевой институциональный элемент, обеспечивающий устойчивое функционирование всех секторов и отраслей, определяющих национальные приоритеты. Системные экономические дисфункции могут привести к дестабилизации общественного порядка и снижению уровня благосостояния граждан.

Коррупция, легализация теневых доходов и отток капитала являются существенными вызовами для экономической безопасности страны. Эти явления подрывают морально-этические основы общества, снижают доверие к государственным институтам и негативно влияют на экономическую стабильность. Они также ухудшают инвестиционный климат, снижая устойчивость национальной экономики.

Незаконные доходы можно классифицировать на две категории. Первая включает средства, используемые для личных нужд, таких как приобретение предметов роскоши или недвижимости. Вторая категория охватывает средства, инвестированные в легальный бизнес с целью получения прибыли. Процесс легализации преступных доходов, известный как отмывание денег, представляет

собой сложный и многоуровневый механизм, требующий комплексного анализа и системного подхода для его эффективного противодействия.

Профессор К.Н. Алешин подчёркивает, что интеграция криминальных активов в легальную экономику представляет угрозу как для национальной, так и для глобальной финансовой стабильности. Легализация теневых доходов является международным преступлением, требующим скоординированных усилий на уровне различных государств и международных организаций для её предотвращения и борьбы с ней [1, с. 159].

Для эффективного противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, требуется комплексный и системный подход, направленный на усложнение данного процесса и снижение его привлекательности для субъектов незаконной деятельности. Данный подход должен включать в себя разработку и реализацию законодательных инициатив, а также создание механизмов для обеспечения эффективного наказания за правонарушения в сфере легализации доходов. Реализация указанных мер способствует формированию устойчивого правового пространства и повышению уровня доверия к институтам правопорядка.

Легализация доходов, полученных преступным путём, известная как «отмывание денег», представляет собой одну из наиболее распространённых форм преступной деятельности, позволяющую криминальным структурам интегрировать незаконно добытые средства в легальную экономику. Усиление финансового мониторинга и контроля существенно ограничивает возможности использования таких доходов, делая процесс легализации критически важным для обеспечения функционирования преступного бизнеса.

Организованные преступные группы, располагающие значительными финансовыми ресурсами, сталкиваются с необходимостью их легализации с целью обеспечения дальнейшего использования и минимизации рисков разоблачения. В данном контексте проблема легализации доходов приобретает особую значимость, требуя разработки и внедрения комплексных мер противодействия.

Противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, предполагает системный и многоуровневый подход, направленный на существенное усложнение данной процедуры и повышение её эффективности. Такой подход способствует формированию правового пространства, в котором уровень доверия к институтам правопорядка будет высоким, а риск использования незаконных финансовых средств – минимальным [2, с. 10-11].

Анализ российского уголовного законодательства в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путём (отмыванию денег), представляет собой сложную и многоаспектную проблему, требующую системного и междисциплинарного подхода. В условиях глобализации финансовых рынков и усложнения механизмов легализации преступных средств данная проблема приобретает особую значимость, что актуализирует необходимость глубокого и всестороннего исследования.

Исследование данной темы имеет ключевое значение для формирования целостного представления о механизмах правового регулирования в сфере противодействия отмыванию доходов. При этом важно учитывать не только уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за легализацию преступных

средств, но и их взаимосвязь с финансовым мониторингом, принципами международного сотрудничества и правоприменительной практикой.

Особое внимание следует уделить квалифицирующим признакам составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Данные признаки, такие как масштаб преступной деятельности, злоупотребление служебным положением, участие организованной группы и другие, существенно усиливают уголовную ответственность за легализацию доходов, полученных незаконным путём.

Необходимо также рассмотреть проблемы квалификации данных деяний, включая дифференциацию составов преступлений и толкование соответствующих норм уголовного и уголовно-процессуального права. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выявить тенденции и особенности правоприменения в данной сфере.

Комплексное исследование данной темы способствует разработке эффективных мер по противодействию легализации доходов, полученных преступным путём, и укреплению правопорядка в экономической сфере.

В рамках анализа российского уголовного законодательства следует отметить идентичность квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ. Это свидетельствует о едином подходе к регулированию ответственности за легализацию преступных доходов, что является важным элементом обеспечения эффективности уголовно-правового механизма противодействия данному виду преступлений [3].

В соответствии с частью третьей статьи 174 и частью третьей статьи 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, осуществляемую организованной группой лиц. Данное деяние представляет собой сложное и многоаспектное общественно опасное посягательство на экономическую безопасность государства и правопорядок, направленное на преобразование имущества, полученного в результате преступной деятельности, в активы, имеющие видимость легитимности.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 32 от 7 июля 2015 года, лицо, принимающее участие в процессе приобретения имущества, добытого преступным путём, и его последующей легализации, подлежит ответственности по статье 174.1 УК РФ. Данное положение акцентирует внимание на установлении факта активного участия субъекта в трансформации нелегально полученных активов в легальные средства, что является ключевым компонентом объективной стороны состава преступления, предусмотренного указанной нормой [4]. В случае, если лицо не принимало непосредственного участия в приобретении имущества, а лишь способствовало его легализации, его действия подлежат квалификации по статье 174 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данный подход к правовой оценке таких деяний представляется обоснованным и коррелирует с фундаментальными принципами уголовного и уголовно-процессуального права, предусматривающими дифференциацию ответственности в зависимости от степени вовлеченности субъекта в преступное деяние.

Учитывая второстепенную роль участников процесса легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества целесообразно использовать весь инструментарий процессуальных средств для изобличения виновных соучастников в совершении преступлений. Одним из таких средств является выделение в отношении такого лица уголовного дела в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренное ст. 56.1 УПК РФ. Такое лицо будет привлекаться к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении активных соучастников, непосредственно совершающих финансовые операции или иные сделки с имуществом приобретенным преступным путем.

Таким образом, законодательство чётко разграничивает ответственность за приобретение имущества, полученного преступным путём, и ответственность за его последующую легализацию, что позволяет учитывать специфику участия каждого субъекта в преступной цепочке. Это способствует более точной и справедливой оценке общественной опасности деяния и индивидуализации наказания [5, с. 46].

В соответствии с российским уголовным законодательством, преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, регламентируется частью второй статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данное деяние определяется как совокупность действий, выполняемых лицами, которые до начала совершения преступления достигли соглашения о совместном его исполнении.

В контексте борьбы с экономической преступностью профессор А. В. Соловьёв указывает, что легализация (отмывание) преступных доходов является типичным примером группового преступления, часто осуществляемого организованными группами или преступными сообществами. Это обусловлено тем, что процесс легализации доходов требует установления многочисленных и сложных контактов между участниками, включая индивидуальных предпринимателей, руководителей юридических лиц и должностных лиц, что свидетельствует о высоком уровне организации и координации действий преступных элементов [6, с. 10].

Процесс легализации доходов, полученных преступным путем, представляет собой сложный и многогранный феномен, характеризующийся высокой степенью организованности и вовлечением различных субъектов. В этом контексте криминальные структуры, координирующие незаконную деятельность, инициируют первичные этапы легализации. Юридические и экономические консультанты разрабатывают изощренные схемы интеграции нелегальных финансовых потоков в легальную экономическую систему. Представители правоохранительных органов, обладающие значительными ресурсами и влиянием, обеспечивают защиту и поддержку участников этих схем. Коррумпированные государственные служащие предоставляют необходимые административные и правовые ресурсы.

Легализация преступных доходов представляет собой комплексное преступление, требующее не только специализированных технических знаний, но и глубокого понимания социальных, организационных и правовых аспектов. Это

не просто механическое перемещение денежных средств в легальную экономическую сферу, а тщательно спланированная и координированная система действий. В связи с этим при расследовании преступлений требуется проводить специальные экспертные исследования, в частности судебно-бухгалтерские экспертизы. Нарушения, связанные с проведением таких экспертиз, зачастую дают повод для подачи жалобы в апелляционную или кассационную судебные инстанции [7].

Анализ судебной практики демонстрирует, что в 15% случаев процесс легализации доходов осуществляется группой лиц. Это обусловлено необходимостью высокой степени координации и взаимодействия между участниками. В большинстве случаев преступные группы самостоятельно занимаются легализацией своих доходов, что позволяет им сохранять полный контроль над финансовыми потоками и минимизировать риски разоблачения. Значительные объемы нелегальных средств требуют применения сложных и многоуровневых схем легализации.

Исследование приговоров по делам о легализации доходов в восьми регионах Российской Федерации за период с 2021 по 2024 год подтверждает, что в подавляющем большинстве случаев данное преступление совершается организованными группами. В 85% дел в легализации участвовали двое и более лиц, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности и координации между участниками.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает дифференцированные меры ответственности за легализацию доходов организованной группой, предусмотренные статьями 174 и 174.1 УК РФ. При квалификации таких действий возникает проблема разграничения ответственности участников группы. В юридической доктрине существуют два основных подхода к решению этой проблемы. Первый подход предполагает, что все члены группы должны быть связаны с преступлениями, ставшими источником легализуемых средств. Второй подход учитывает, что не все участники могут осознавать преступный характер легализуемых финансовых потоков.

Таким образом, легализация доходов, полученных преступным путем, представляет собой сложное и системное преступление, требующее комплексного подхода к его анализу и пресечению. Применение всего спектра мер, направленных на привлечение к ответственности всех участников этого процесса, является ключевым фактором в борьбе с данным видом преступной деятельности.

Список литературы:

1. Алёшин К.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём, как преступление международного характера: дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 183 с.

2. Ганихин, А.А. Легализация (отмывание) имущества, приобретённого преступным путём: финансово-экономический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Ганихин. – Екатеринбург, 2003. – 184 с.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

4. Постановление Пленума ВС РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» (в ред. от 26.02.2019) // Российская газета. № 151. 13.07.2015.

5. Букалерова, Л.А. Особенности квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённого в результате организованной преступной деятельности / Л.А. Букалерова, А.И. Малыгин // Приложение к Российскому юридическому журналу. – 2021. – №3. – С. 44-49.

6. Соловьёв, А.В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Соловьёв. – Волгоград, 2003. – 198 с.

7. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.10.2025 N 77-3079/2025 (УИД 70RS0003-01-2019-004675-24) на приговор по п. п. "а", "б" ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 174.1 УК РФ (незаконная банковская деятельность; легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления).

© Зайцев Д., 2025

EDN: GAAGFI

Иволгина Влада Юрьевна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Использование искусственного интеллекта в процессе реформирования уголовно-процессуальной деятельности следователя

Аннотация: в статье рассматривается цифровизация уголовного судопроизводства в контексте инновационного прогресса. Анализируются возможности и риски внедрения искусственного интеллекта, автоматизации и других технологий для повышения эффективности профессиональной деятельности следствия. Подчёркивается необходимость разработки правовых и этических стандартов, сохраняющих ведущую роль человека в принятии процессуальных решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовный процесс; предварительное следствие; уголовно-процессуальная деятельность; следователь; факторы.

Масштабность и революционный характер инновационного прогресса, по пути которого движется современное общество, способствуют формированию нового мира, которому должны соответствовать все сферы общественной жизнедеятельности, в том числе по обеспечению законности, правопорядка, безопасности населения, государства и т.д., где центральное место отводится уголовному судопроизводству. Внедрение современных цифровых технологий в данную систему происходит достаточно медленно и сталкивается с определёнными трудностями из-за её инерционности и консерватизма. Вместе с тем игнорировать технологические преобразования в обществе становится невозможным, что обуславливает постепенное обновление уголовно-процессуального законодательства с целью адаптации к новым реалиям.

В Российской Федерации, как и во многих развитых странах, реализуются стратегические программы, направленные на построение информационного общества, в котором цифровизация и информационно-коммуникационные технологии выступают системообразующими элементами. Создаются правовые и материальные предпосылки для полноценного использования населением и государственными структурами преимуществ цифровых инноваций. Наиболее важными нормативно-правовыми актами, определяющими данное направление, являются указы Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030

года») [1]; от 9 мая 2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [2].

Активное нормативное регулирование в сфере информационно-цифрового развития ориентировано на внедрение в деятельность правоохранительных органов современных технологий, способствуя модернизации их профессиональной деятельности.

Затрагивая данный вопрос, стоит отметить, что в науке уголовного процесса, ученые и практики ведут интенсивные дискуссии о роли электронных доказательств, путях и ограничениях цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, применении автоматизированных систем, а также возможностях использования искусственного интеллекта (далее – ИИ), виртуальной и дополненной реальности наряду с роботизированными технологиями при расследовании уголовных дел. Обсуждаются не только вопросы эффективности подобных изменений, но также их этичность.

Особое внимание уделяется тому, чтобы интеграция ИИ в работу следственных органов осуществлялась с чётким разграничением задач — тех аспектов работы «машиной» без риска нарушения прав человека, норм морали или угрозы общественной безопасности. Анализируя научные взгляды, можно отметить консенсус относительно необходимости внедрения ИИ при условии строгого соблюдения допустимых границ его применения. Например, в своём докладе Олег Бяхов подчёркивал целесообразность роботизации лишь вспомогательных процедур — автоматизации поиска информации, быстрой обработки данных или проверки соответствия документов процессуальным стандартам — исключая вытеснение человеческого участия из ключевых этапов работы [3, с. 14]. Некоторые исследователи отмечают зависимость применения интеллектуальных систем от эффективности исполнения полномочий сотрудниками следственных органов МВД РФ и недопустимость использования технологий во вред сложившейся процессуальной структуре. Тем не менее современные интеллектуальные алгоритмы уже способны обрабатывать доказательственную информацию, нормативно-правовые акты, выявлять аналогичную судебно-следственную практику по уголовным делам, предлагая возможные пути решения, а также обнаруживать возможные процессуальные нарушения. Их внедрение и апробация может существенно повысить качество уголовно-процессуальной деятельности предварительного следствия. Но, важно учитывать, что потребуется дополнительное обучение сотрудников и сохранение возможности принятия окончательного решения профессионалом, а не машиной.

Применение ИИ способно значительно повысить эффективность в практической деятельности следователей, в частности при проведении следственных действий на различных этапах уголовного судопроизводства и инициации оперативно-розыскных мероприятий. Например, применение интеллектуальных систем, обладающих способностью к автоматическому распознаванию лиц и анализу визуальных данных, способно значительно упростить задачи расследования. Такие технологии позволяют на основе зафиксированных фотоматериалов и видеоматериалов с места происшествия не только восстановить целостную картину событий, но и выявить ранее незамеченные детали, которые могли быть

упущены следователем при осмотре. Вышеуказанные инновационные инструменты также способствуют повышению эффективности использования технических средств фиксации информации (фотосъёмка, видеосъемка, аудиозапись), что может способствовать качественному и эффективному расследованию уголовного дела.

Как уже отмечалось ранее, внедрение ИИ оказывает комплексное и многогранное влияние на уголовно-процессуальную деятельность следователя. В частности, он включает в себя комплекс факторов, сопряженных с ИИ, оказывающих влияние на профессиональную деятельность следователя. Наиболее важными являются позитивные и негативные факторы, под первыми понимаются факторы, повышающие эффективность и качество расследования, заключающиеся в:

- Автоматизации рутинных операций;
- Внедрении новых инструменты раскрытия и расследования преступлений;
- Поддержке принятия решений.

А под вторыми – факторы, создающие риски и процессуальные проблемы:

- Угроза объективности и справедливости уголовного процесса;
- Проблемы с использованием результатов работы ИИ в качестве доказательств;
- Этические и социальные риски.

Данные факторы способны как существенно облегчить, так и усложнить профессиональную деятельность следователя. В данном вопросе актуальной задачей является – не запретить ИИ, а выработать правовые, этические и технические стандарты его применения, которые позволят раскрыть его потенциал, минимизировав при этом риски для прав и свобод человека.

Таким образом, ключевым положением остаётся сохранение ведущей роли человеческого мышления: использование «машинных» алгоритмов следует рассматривать не как угрозу независимости следователя, а как инструмент минимизации человеческой эмпатии. Строгость логики ИИ позволяет исключить влияние эмоционального или личностного отношения при оценке доказательств и принятии решений. Благодаря способности интеллектуальных систем быстро обрабатывать большие объёмы данных, структурировать информацию по уголовным делам и обеспечивать систематизацию материалов расследования значительно облегчается работа следователя, как участника уголовного судопроизводства. Также, важно определить границы между правовой и внеправовой работой, которую может выполнять машина, не нарушая этических норм, прав и свобод человека, не противореча его законным интересам, а также, не угрожая общественной и государственной безопасности.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/;

2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/;

3. Бяхов О. Юриспруденция и искусственный интеллект: наступает эпоха беспрецедентных вызовов // Материалы закрытой экспертной дискуссии клуба «Валдай» и АО «РВК» «Юриспруденция: что ждёт право в эпоху роботов и искусственного интеллекта?». (дата обращения: 15.09.2025).

© Иволгина В.Ю., 2025

EDN: JNWIIY

Киселева Лада Юрьевна,
слушатель факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Кетенчиева Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Обеспечение принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве

Аннотация: в данной статье автором исследуется вопрос реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном процессе. Анализируется правовая природа данного положения, его закрепление в нормативно-правовых актах, а также процессуальный порядок производства следственных действий, связанных с проникновением в жилище. Особое внимание автор уделяет роли судебного контроля как ключевой гарантии прав граждан при ограничении конституционного права на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; принцип; неприкосновенность жилища; судебный контроль; следственные действия.

Неприкосновенность жилища представляет собой один из основополагающих конституциональных принципов уголовного судопроизводства, призванный обеспечить защиту личной и семейной тайны человека. В уголовном процессе указанный принцип выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он защищает частную жизнь человека от незаконного вмешательства со стороны правоохранительных органов, а с другой – обеспечивает баланс между контролем со стороны государства и правами личности.

Для более детального исследования принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве необходимо раскрыть его сущность. Как верно отмечает П.Ю. Тюрин, под неприкосновенностью жилища следует понимать «особое состояние личного, индивидуального и недоступного посторонним места, призванного обеспечить, охранять и гарантировать комфортное проживание, протекание естественно-необходимых процессов, целостность и сохранность информации о частной, интимной стороне лица, его личные и семейные тайны» [1, С. 94].

В 1864 году в Уставе уголовного судопроизводства были закреплены правовые основы неприкосновенности, которые распространялись на дома, помещения и присутственные места. Обыск и выемка в особых зданиях, например, церквях, монастырях уже в тот период требовали присутствие начальства [2, С. 189]. УПК РСФСР 1922 года закрепил принцип неприкосновенности личности, однако его практическая реализация не было полноценной [3, С. 90]. На данный момент, реализация указанного принципа находит свое отражение в ряде аспектов:

1. Закрепление положения в ст. 25 основного закона нашего государства – Конституции Российской Федерации: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нём лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

С.Б. Россинский отмечает, что «указанная норма, закрепляя на концептуальном уровне принципиальное положение о неприкосновенности жилища, предоставляет федеральному законодателю право выбора: а) установить конкретный правовой механизм, позволяющий в определенной сфере государственной деятельности (например, в уголовном судопроизводстве) при наличии соответствующих оснований проводить действия, сопряженные с возможностью проникновения в жилище без получения предварительного судебного решения; б) требовать от своих должностных лиц каждый раз перед совершением подобных действий специально получать предварительное решение суда» [4, С. 226]. Соответственно, ст. 12 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) всего лишь детализирует норму, перечисляя следственные действия, производство которых требует специальных оснований.

2. Осуществление судебного контроля над производством обыска, выемки и осмотра в жилище. Указанные следственные действия должны производиться на основании судебного разрешения, за исключением ч. 5 ст. 165 УПК РФ, однако осмотр жилища может быть произведен также при наличии согласия проживающих в нем лиц. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» конкретизирует указанную норму: при наличии отказа на производство осмотра в жилище хотя бы от одного проживающего в нем лица, следователь обязан получить судебное разрешение.

Ч. 5 ст. 165 УПК РФ подразумевает исключительные случаи, не терпящие отлагательств. При указанных ситуациях следователь сначала производит обыск, выемку или осмотр жилища и только потом получает судебное решение, уведомляя судью и прокурора в течение 3 суток с момента начала следственного действия. К случаям, не терпящим отлагательства, относят обстоятельства: когда задержка в проведении следственного действия может дать возможность подозреваемому скрыться от следствия; опасность потери или уничтожения доказательств, связанных с совершением преступления, является реальной; имеются веские основания считать, что лицо, находящиеся на месте производства следственного мероприятия, скрывает при себе вещи и документы, которые могут иметь значение для расследования уголовного дела.

Судебный контроль заключается в изучении деятельности следователя с точки зрения соответствия его действий нормам права, как в процессе выявления оснований для производства следственного действия, так и непосредственно в процессе его осуществления. Соответственно, лицам, конституционные права и свободы которых были затронуты в ходе расследования, необходимо обеспечить права на участие в судебном разбирательстве и возможность представить свою точку зрения по вопросам, подлежащим обсуждению, а также предоставить суду необходимые доказательства для их тщательного рассмотрения и оценки [5, С. 349].

3. Нарушение процедуры производства вышеуказанных следственных действий, а также процессуального оформления их результатов, влечет признания доказательств недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ. Положения указанной статьи напрямую вытекают из ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, которая устанавливает, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, которые получены с нарушением федерального закона.

Так, в апелляционном постановлении №22-62/2024 от 8 февраля 2024 года суд постановил отменить решение нижестоящего суда о признании законным производства обыска в жилище. Связано это с тем, что лицо, в жилище которого был произведен обыск, не было уведомлено о дате, месте и времени рассмотрения материала, в связи с чем, на судебном заседании не присутствовало. В протоколе проведения обыска нет записи о том, что подозреваемому было разъяснено право ходатайствовать о своем участии в судебном заседании при проверке судом законности произведенного следственного действия.

4. Наличие уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища, предусмотренной ст. 139 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Преступление выражается в проникновении в жилище, если оно совершено против воли проживающего в нем лица. Понятие «жилище», указанное в примечании данной статьи, идентично определению, которое закреплено в ст. 5 УПК РФ. Основным признаком, которым должно обладать жилище, является предназначенность для постоянного или временного проживания, т.е. наличие места, где человек осуществляет или может осуществлять свой быт. Жилище также должно быть физически обособлено от других помещений и общедоступных мест, что обеспечивает приватность и конфиденциальность жизни человека.

Так, в приговоре №1-97/2025 от 27 марта 2025 года лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 139 УК РФ. Обвиняемый, находясь в состоянии алкогольного опьянения на придомовой территории дома, решил незаконно проникнуть в жилище – дом, против воли проживающих в нём и, реализуя свои преступные намерения, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения конституционных прав на неприкосновенность жилища, предусмотренных ст. 25 Конституции Российской Федерации, и осознавая противоправный характер своих преступных действий, разбил окно, через которое незаконно проник в жилище потерпевшего – дом. Своими умышленными преступными действиями обвиняемый причинил последнему материальный ущерб в размере 8 600 рублей.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» конкретизирует, что садовый дом, чердак, веранда, апартаменты в отеле и другие помещения, предназначенные для временного проживания, могут быть квалифицированы по данной статье как нарушение неприкосновенности жилища. Соответственно, данное положение направлено на обеспечение реализации конституционной нормы и распространяет защиту не только на жилище в бытовом смысле слова, но и на другие объекты, фактически используемые для проживания.

Таким образом, основным механизмом реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве является судебный контроль. Он позволяет эффективно предотвращать нарушения закона со стороны правоохранительных органов, а также способствует восстановлению прав лиц, участвующих в уголовном деле.

Список литературы:

1. Тюрин, П.Ю. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища в РФ: дис... канд. юрид. наук / П.Ю. Тюрин - Саратов, 2002. - С. 232.

2. Бельгарт, А.Н. Принцип неприкосновенности жилища в уголовном процессе // Молодой ученый. — 2025. — № 21 (572). — С. 189-191

3. Эляшов, А.Б. Исторические корни развития принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Новый юридический вестник. — 2023. — № 3 (42). — С. 89-92.

4. Россинский, С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 423. – С. 225-235.

5. Оксова Е.А. Проблемы определения пределов судебного контроля как гарантии по обеспечению конституционных прав и свобод личности в уголовном процессе / Е. А. Оксова // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 9(60). – С. 343-351.

© Киселева Л.Ю., 2025

EDN: GDMVGM

Конарева Анастасия Сергеевна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России
(заочная форма обучения)

Научный руководитель:
Назаров Александр Дмитриевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

Ошибки следователя при интерпретации результатов судебных экспертиз: типы и последствия

Аннотация: в статье рассматриваются основные виды ошибок, совершаемых следователями при интерпретации результатов судебных экспертиз, их причины и последствия. Особое внимание уделяется классификации типологических ошибок, а также анализу факторов, способствующих их возникновению. В работе предложены методы профилактики ошибок для повышения качества следственной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс; предварительное расследование; следственная ошибка; судебная экспертиза.

В современном уголовном процессе деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование в форме предварительного следствия – следователей, строится на сборе и оценке доказательств по уголовным делам. В соответствии с ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в качестве доказательств допускаются заключения эксперта и специалиста.

Заключения судебных экспертиз при расследовании уголовных дел имеют важное значение, поскольку они позволяют получить квалифицированные научные и технические выводы, которые значительно повышают эффективность предварительного следствия. Но при этом успешное использование результатов экспертиз во многом зависит от правильной интерпретации выводов должностным лицом, в нашем случае – следователем, которая во многом предопределяет правильность оценки доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и в последующем при рассмотрении уголовных дел в суде.

Несмотря на то, что в настоящее время уровень развития криминалистической науки достаточно высок и широко распространено применение экспертных

методов, ошибки при интерпретации результатов судебных экспертиз остаются одной из острых проблем правоприменительной практики. Такие ошибки могут привести к неправильной квалификации преступлений, ошибочным обвинениям, и в худшем случае – к неправомерному осуждению невиновных лиц, что, в свою очередь, наносит непоправимый вред лицам, участвующим в процессе, и в целом подрывает доверие к правоохранительным органам и судебной системе.

Причин возникновения такого рода ошибок множество: недостаточная квалификация следователей, неправильное толкование экспертных выводов, искажение фактических данных или игнорирование противоречий.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 28 от 21.12.2010 «О судебной экспертизе по уголовным делам» пояснил, что необходимо: «Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле». Таким образом, законодатель прямо указывает на необходимость назначения и производства судебных экспертиз в случаях, когда для разрешения вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных познаний.

Неоспорима роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, ведь ее заключение обеспечивает наличие в деле специальных знаний, которые недоступны лицам, осуществляющим уголовное преследование, и суду. Заключение судебной экспертизы способствует установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, способствует установлению истины и достижению назначения уголовного судопроизводства. С помощью экспертиз также проверяются уже имеющиеся доказательства и строится база, подтверждающая причастность лица к совершенному преступлению, или опровергающая его. Именно поэтому принципиально важное значение имеет правильная интерпретация заключения эксперта в рамках уголовного судопроизводства.

Мы не говорим о важности и значимости правильной постановки вопросов перед экспертом и необходимости строгого соблюдения требований при назначении экспертизы - они очевидны и не являются предметом нашего исследования. В настоящей статье мы рассмотрим важность интерпретации экспертных заключений и возможные ошибки следователей при осуществлении такого рода сложной мыслительной деятельности. Ведь возможные ошибки, допускаемые на данном этапе, могут привести к непоправимым последствиям.

К основным типам неправильной интерпретации экспертных выводов можно отнести следующее:

1. Неправильное понимание экспертных выводов;

2. Недостаточная квалификация следователя, оценивающего выводы эксперта в заключении;

3. Искажение или неправильное толкование данных экспертизы;

4. Недостаточная проверка достоверности или полноты экспертных данных;

5. Ошибки вследствие эмоциональной или субъективной оценки.

Если говорить о первом типе – «Неправильное понимание экспертных выводов», то необходимо отметить деятельность следователя, который может интерпретировать экспертное заключение неверно, неправильно понимая его значение или содержание. Примером может служить принятие экспертных выводов за окончательные факты без учета условий и ограничений. Так, зачастую, эксперты в своих выводах не могут дать однозначного ответа на тот или иной вопрос, поставленный следователем в постановлении о назначении экспертизы, при этом, формулируя свой ответ с использованием таких вероятно-положительных или вероятно-отрицательных фраз (слов) как: «предположительно», «могло быть», «не исключено» и т.п. Следователи могут игнорировать данные вероятностные ответы, воспринимая их как истину, и, одновременно с этим, забывая о том, что заключение эксперта – это не абсолютная истина, а лишь мнение лица, обладающего специальными познаниями и использующего научные методики при даче ответов на тот или иной вопрос. Любой эксперт – это человек, который также может ошибиться. Последствием такой ошибки может быть неправильное установление фактов, имеющих значение для расследуемого уголовного дела.

Рассматривая второй тип неправильной интерпретации – «Недостаточная квалификация следователя, оценивающего выводы эксперта в заключении», изначально предполагается, что следователь и так, если прибегает к помощи эксперта или специалиста, не обладает специальными познаниями в соответствующей области знаний, и, априори, не может оценивать выводы эксперта. А как быть с тем, если в уголовном деле по одному объекту есть два разных заключения эксперта, выводы которых диаметрально противоположны по своей сути? Этим вопросом задаются не только ученые-процессуалисты, но и действующие практические сотрудники, судьи. Так, в своем интервью журналу «Уголовный процесс», заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики им. Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор Т.Ф. Моисеева, отвечая на вопрос журналиста: «Как быть, например, судье, который не является ученым-физиком, химиком или специалистом в естественнонаучной области? Ограничиться контролем формальностей, наличия необходимых сведений в документах экспертизы и только?» ответила, что: «Этот вопрос нам задают судьи на наших лекциях в академии, спрашивая о том, как им оценить две конкурирующие в деле методики. Приходится отвечать, что этого им сделать не удастся никак, потому что для этого они не обладают необходимыми знаниями. Ответ на этот вопрос в какой-то мере попытался дать Пленум в названном постановлении, рекомендовав для оказания помощи в оценке заключения эксперта привлекать специалиста» [1]. Таким образом, можно констатировать факт, что в случае, если в уголовном деле имеется несколько экспертных заключений выводы которых противоречат друг другу, то для их оценки не следует полагаться на собственное внутреннее убеждение в правоте того или иного заключения, а следует обратиться к стороннему специалисту для разъяснения сути имеющихся противоречий.

Анализируя третий тип ошибки – «Искажение или неверное толкование данных экспертизы», необходимо понимать, что такая ошибка может быть допущена следователем в случае неправильной интерпретации или преднамеренного

искажения содержания экспертного заключения. Такая ошибка может проявляться в неправильной трактовке выводов и выделении неподходящих аспектов заключения, с одновременным игнорированием иных фактов, отраженных в заключении. Это может повлечь за собой искажение важных данных и повлиять на формирование ложной или односторонней картины обстоятельств дела. Фактором, влияющим на возникновение такого типа ошибки, может являться предвзятость - когда следователь намеренно использует данные в целях подтверждения своей версии по делу и желает вписать данные экспертизы в свою точку зрения, не учитывая ограничения и условия экспертизы.

Говоря о четвертом типе ошибки - «Недостаточная проверка достоверности или полноты экспертных данных», нельзя не упомянуть такую причину ее возникновения, как ограниченность процессуальных сроков следствия по уголовным делам и имеющуюся загруженность следователя по иным уголовным делам, находящимся в производстве, которые ставят следователя «в рамки» тех самых процессуальных сроков, продление которых, зачастую, бывает проблематичным. Данная ошибка заключается в отказе от дополнительной проверки информации, содержащейся в экспертных заключениях, в случае, если того требует ситуация. Конечно, мы не должны забывать о том, что эксперт при даче заключения дает подписку за дачу заведомо ложного заключения, и при производстве своего исследования руководствуется научно обоснованной методикой его производства, но, как уже было сказано, не всегда следователю необходимо «слепо доверять» заключению эксперта, особенно, если в его выводах имеются противоречия или если выводы не согласуются с иными имеющимися в уголовном деле доказательствами. Следователь, получив заключение, которое может вызывать сомнения по причинам, описанным выше, должен проверить методику экспертизы, источники информации, данные, на которых основываются выводы эксперта, или, если самостоятельных сил и средств для этого недостаточно, может обратиться к иному специалисту для дачи своего рода пояснений по возникшим вопросам. Недостаточная проверка достоверности или полноты экспертных данных может повлечь за собой неправильную оценку обстоятельств расследуемого уголовного дела, что недопустимо в профессиональной деятельности следователя.

Следователь, несмотря на то, что он профессионал в осуществляемой им деятельности, он, в первую очередь, человек со своими личностными характеристиками, темпераментом и эмоциональным фоном. Расследуя то или иное уголовное дело, невозможно полностью оставаться безучастным к обстоятельствам преступления и участникам уголовного судопроизводства. Именно поэтому неправильная интерпретация выводов в заключении эксперта может привести к пятому виду ошибки: «Ошибки вследствие эмоциональной или субъективной оценки». На интерпретацию экспертных данных могут повлиять личные предубеждения, эмоции или предвзятость, однозначно, допущенные неумышленно. Из-за эмоционального отношения к делу или склонности к подтверждению собственной предполагаемой версии преступления, следователь может пренебречь противоречащими выводами, которые вновь могут привести к необъективной оценке доказательств в ходе расследования.

Все вышеописанные факторы, влияющие на правильную интерпретацию выводов в заключении эксперта, необходимо устранять для повышения эффективности деятельности следователя. Выделение и анализ вышеописанных ошибок необходим, в первую очередь, для повышения качества расследования, обеспечения справедливости и достижения назначения уголовного судопроизводства. Обучение и повышение правовой и научной квалификации следователей являются важнейшими мерами для снижения уровня таких ошибок.

Кроме того, высокую значимость роли контрольно-надзорной деятельности в вопросах выявления, исправления и предупреждения ошибок на досудебных стадиях подчеркивал А.Д. Назаров: «в теории и на практике одним из основных инструментов в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок на досудебных стадиях классически принято считать контрольно-надзорную деятельность прокурора, судьи, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания» [2, с. 198]. Таким образом, осуществляемые ведомственный контроль и процессуальный надзор обеспечивают, в том числе, и правильную интерпретацию экспертных данных. Они позволяют устанавливать соответствие действий следователя в рамках расследуемых уголовных дел правильности понимания и оценки экспертных заключений, регулярные проверки позволяют своевременно обнаружить и исправить ошибки, допущенные следователями. Все это способствует более эффективному расследованию и минимизации негативных последствий от неправильной интерпретации выводов в заключениях экспертов.

Список литературы:

1. Уголовный процесс: Типичные ошибки при назначении, производстве судебной экспертизы и оценке ее результатов: электрон. журн. 2017. № 8. URL: https://www.ugpr.ru/article/31-red-tipichnye-oshibki-pri-naznachenii-proizvodstve-sudebnoy-ekspertizy-i-otsenke-ee-rezultatov (дата обращения: 25.10.2025).

2. Актуальные проблемы досудебного производства: монография / Е.С. Алексеева, Е.Ю. Андреева, В.И. Безрядин, Ф.Ю. Васильев, Е.А. Гордеева, О.И. Даровских, В.Л. Кудрявцев, Э.К. Кутуев, Н.В. Лантух, М.А. Макаренко, А.Д. Назаров, Ю.А. Огарь, О.С. Поликарпова, А.Б. Судницын, О.А. Чабукиани, О.Р. Шепелёва. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. – 240 с.

© Конарева А.С., 2025

EDN: GGINDP

Коростошевская Габриэлла Александровна,
слушатель института – факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Санкт – Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Андреева Екатерина Юрьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

Осмотр мобильного телефона в следственной практике: проблемные аспекты

Аннотация: в статье автор рассматривает отдельные вопросы осмотра мобильного телефона следователем в рамках производства предварительного расследования. Рассматривается дискуссия относительно судебного санкционирования осмотра мобильного телефона.

Ключевые слова: предварительное расследование; следственные действия; осмотр; осмотр мобильного телефона.

В настоящее время сложно представить людей, не использующих мобильные телефоны не только как средство связи, но и как некий мини- компьютер, содержащий в себе массу важной информации, программы для организации досуга и т.д. С развитием технологий функционал смартфонов лишь расширяется, делая их подобными стационарным компьютерам, нередко даже превосходящими их.

Однако мобильные телефоны не всегда используются исключительно для совершения правомерных действий. Функционал смартфона, программы, которые можно на него установить, помогают и тем лицам, которые совершают или намереваются совершить преступление.

Например, как справедливо отмечают А.Н. Колычева и В.В. Швырков, сбытчики наркотических средств переходят от практики непосредственной передачи таких средств к сбыту через интернет-ресурсы: открывают интернет-площадки в скрытых сетях, пользуются «защищенностью» алгоритмов шифрования мессенджера Telegram и т.п. [1, с. 184].

В связи с распространённостью как преступлений в сфере оборота наркотиков, так и использования мобильных телефонов в совершении таких преступлений изучение информации, находящейся в смартфоне лица, совершающего преступление, имеет большое значение для производства по уголовному делу.

Самой большой проблемой в рамках осмотра мобильного телефона является его неурегулированность на законодательном уровне. Соответственно, возникает вопрос о том, какой порядок проведения осмотра смартфона при производстве по уголовному делу является наиболее законным.

Данный вопрос связан с тем, что доказательство для приобщения его к материалам уголовного дела должно обладать свойствами допустимости, относимости и достоверности. При этом свойство допустимости непосредственно связано с законностью получения такого доказательства, поскольку в соответствии со ст. 75 УПК РФ, если при получении доказательств требования УПК РФ были нарушены, такое доказательство недопустимо.

Как правило, в следственной практике осмотр, поскольку отдельного следственного действия для него не предусмотрено, производится по правилам осмотра предметов. При этом по сути своей отличается от обычного осмотра, связанного с изучением и фиксацией физических свойств объекта.

К.И. Сотников указывает, что тактика проведения осмотра смартфона состоит из ряда этапов: наружного осмотра с установлением функционала; осмотра и изучения содержимого; фиксацию, копирование значимой информации и её изъятие [2, с.312].

Таким образом, исследованию, фиксации и изъятию подлежит и информация, которая находится в памяти мобильного устройства. И именно это действие уже длительное время подвергается дискуссии среди теоретиков и практиков уголовного процесса в части необходимости судебного санкционирования такого действия.

Мобильный телефон содержит ту информацию, которая относится к охраняемым законом тайнам – тайна переписки, семейная тайна, возможны и врачебная, адвокатская тайны и т.д. Как известно, процессуальные действия, которые ограничивают конституционные права граждан, требуют вынесения решения суда для их совершения (например, ст. 185 УПК РФ).

В связи с этим появилось три основных позиции: решение суда для осмотра мобильного телефона не нужно [3, с.56]; решение суда нужно в любом случае [4, с.129]; решение суда нужно в отсутствие согласия владельца телефона [5, с.108].

В первом случае считается, что судебное санкционирование не требуется, потому что осмотр мобильного телефона производится после того, как он был изъят при производстве иных следственных действий, с которыми либо санкция уже получена, либо не требуется.

Во второй позиции ссылаются на нарушение конституционных прав владельца телефона (указанных ранее тайн), в связи с чем как раз и требуется санкция суда.

Представители третьей точки зрения считают, что доступ к информации, содержащейся в памяти устройства, нарушает конституционные права граждан, однако предполагается, что при согласии владельца мобильного телефона на проведение осмотра устройства судебное санкционирование нецелесообразно и приводит к излишним процессуальным издержкам.

Представляется, что истребование санкции суда в каждом случае осмотра

мобильного телефона приведёт к большим процессуальным издержкам. Во-первых, это будет большой нагрузкой на суды, во-вторых, будет занимать большое количество времени, которое особенно важно при производстве предварительного расследования.

В качестве варианта можно предложить компромиссное решение: санкция суда необходима в тех случаях, когда отсутствует согласие собственника устройства, телефон был изъят в ходе проведения действий, не требовавших санкции суда, а владельца телефона всё же возможно установить. При этом на такое действие следует распространить положение ч. 5 ст. 165 УПК РФ с возможностью получить санкцию суда позднее в ситуациях, не терпящих отлагательств.

Нынешние законодательство и судебная практика не содержат конкретных указаний на то, как должен производиться осмотр мобильного телефона, тем более – требуется или не требуется решение суда для его производства. При этом следственная практика также не отличается единообразием, хотя большинство всё же склоняется к тому, что решение суда для осмотра смартфона не требуется.

Например, Н.Н. Гаас указывает, что в Алтайском крае следователи Алтайского линейного управления МВД России получают санкцию суда, а остальные следственные подразделения ни согласия собственника, ни судебного разрешения на осмотр мобильного телефона не получают [6, с.30].

Подводя итог рассмотрению вопроса осмотра мобильного телефона, следует отметить необходимость внесения законодательных изменений, направленных на урегулирование данного вопроса. В противном случае будет продолжаться состояние отсутствия единообразной следственной и судебной практики разрешения вопроса законности производства осмотра мобильного устройства.

Список литературы:

1. Колычева А.Н., Швырков В.В. Процессуальный порядок и тактические особенности производства следственного осмотра мобильного телефона, при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения). В 2-х частях, Орёл, 11 октября 2024 года. – Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2024. – С. 184-192.

2. Сотников К.И. О пределах следственного осмотра и исследования цифровой информации средств мобильной связи // Криминалистика - наука без границ: традиции и новации : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года / Сост.: А.Р. Акиев, Т.А. Бадзгарадзе. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 311-315.

3. Виноградова К.А., Савина Л.А. Изъятие и осмотр мобильных телефонов и находящейся на них электронной информации по преступлениям, совершенным военнослужащими // Вестник военного права. – 2019. – № 2. – С. 55-58.

4. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Выемка и осмотр электронных устройств //

Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 125 – 131.

5. Родивилина В.А., Цуканов Н.Н. Изъятие и осмотр мобильного телефона как электронного носителя информации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2019. – № 4 (91). – С. 107-114.

6. Гаас Н.Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. – №4. – 2019 г. – С. 28-32.

© Коростошевская Г.А., 2025

EDN: GIXDJI

Лебедева Кристина Александровна,
курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Шалагина Зинаида Андреевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

Проблемы и перспективы интеграции инновационных технологий в методологию судебно-экспертной деятельности

Аннотация: данная работа посвящена исследованию основных аспектов внедрения современных технологий в деятельность судебных экспертов. Изучены конкретные способы интеграции инновационных технологий в производство судебных экспертиз, а также выявлены перспективы и основные проблемы, которые препятствуют на данный момент времени повсеместному внедрению технологий искусственного интеллекта, 3D-технологий при назначении и производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза; инновационные технологии; искусственный интеллект; 3D-технологии; судебно-экспертная деятельность.

В целях технологической модернизации Министерством внутренних дел Российской Федерации был разработан проект Концепции научно-технической политики МВД России до 2030 года. Помимо общих положений и целей данного проекта, одним из наиболее приоритетных направлений является внедрение информационных и телекоммуникационных технологий, выражающиеся в развитии электронного документооборота, искусственного интеллекта, 3D-технологий и др. [1, С. 4].

Развитие научного и технологического процесса, одним из направленных воздействий которого является интеграция новых технологий во все сферы общественной жизни не обходит стороной и правоохранительную деятельность, в частности, осуществление правосудия.

В этой связи колоссальную роль играет совершенствование способов и методов производства судебных экспертиз. Рассматривая данный аспект в исторической ретроспективе следует отметить, что изначально проведение экспертизы обуславливалось исключительно медицинскими критерием, направленным на установление способа совершения преступления, орудия преступления, а также

характеристике подозреваемого или обвиняемого и непосредственно самого потерпевшего [2, С. 101].

С учетом глобальной цифровизации общества производство судебных экспертиз представляется одним из наиболее востребованных следственных действий при расследовании преступлений, а также затрагивает колоссальное количество видов (родов) судебных экспертиз, о чем свидетельствуют показатели, приведенные в ходе Всероссийского совещания руководителей федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, которое состоялось 23 апреля 2025 года. По итогам данного мероприятия было выявлено, что сравнении со статистическими данными за 2023 год по количеству проведенных судебных экспертиз и экспертных исследований данные показатели превысили 22 % на период 2024 года.

Рассматривая аспект внедрения новых технологий в судебно-экспертную деятельность, наиболее перспективными направлениями являются:

1) применение 3D-технологий;

2) внедрение технологий искусственного интеллекта, искусственных нейронных сетей;

3) использование нанотехнологий [3, С. 87].

Относительно применения 3D-технологий проведено значительное количество научных исследований. Так, предполагается возможность внедрения программ 3D-моделирования, с помощью которых судебный эксперт сможет проанализировать механизм следообразования и его условия, сравнительное исследование модели следа, экспериментального образца и следообразующего объекта путем импорта в программу готовых трехмерных моделей или воссоздания обстоятельств события [4, С. 93].

Помимо внедрения программ 3D-моделирования для изучения следов и механизма их образования все больший отклик находит технология трехмерной фотограмметрии. При использовании таких технологий возможно сохранить информацию о внешнем строении объектов, которые в дальнейшем могут либо претерпеть каки-либо изменения или разрушиться [5, С. 120]. После сохранения информации об исследуемом объекте возможно их дальнейшее изучение экспертом в электронном виде, а также работа с информацией непосредственно в информационном пространстве. Также возможность печати на 3D-принтере и представление объекта в физическом виде, что может быть использовано в качестве натурного образца, представлено в зале судебного заседания для наглядности обстоятельства расследуемого события. Но наиболее перспективным, на наш взгляд, представляется использование данной технологии для реконструкции произошедшего происшествия или преступления.

Так, благодаря интерактивной 3D-модели места происшествия эксперты, следователи, суд и иные субъекты уголовного судопроизводства, участвующие в процессе осуществления судебных экспертиз, будут иметь наиболее полное представление об обстановке в момент происшествия, включая месторасположение объектов, в нем участвующих и динамики произошедших событий. Именно

такой способ интеграции современных технологий в судебно-экспертную деятельность окажет положительное воздействие на анализе собранных доказательств, поспособствует выявлению взаимосвязей, которые не были получены в ходе проведения следственных действий, так как осмотр места происшествия, допрос, освидетельствование и др.

Особенность в использовании искусственного интеллекта заключается в том, что такого рода технологии способны осуществлять значительное количество операций в информационном пространстве. С учетом его способностей возможно объединение всех информационных систем по отдельным видам судебных экспертиз в единую систему. Как указывает А. И. Хмыз, это поспособствует автоматизации решения задач в области судебно-экспертной деятельности, оформления заключения эксперта, создания и использования информационно-справочных и поисковых систем при производстве исследования, что окажет положительное воздействие не только на конкретное экспертное учреждение, но и на производстве судебной экспертизы по отдельному делу [6, С. 226].

Таким образом внедрении технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность положительно скажется на информационном обеспечении (обработка больших объемов данных и систематизация информации), документообороте, а также поспособствует выявлению закономерностей и прогнозировании событий.

Использование нанотехнологий и их дальнейшая интеграция в область судебно-экспертной деятельности, находит отражение преимущественно в трудах зарубежных исследователей и характеризуется относительной сложностью в привлечении отечественных специалистов той или иной направленности. Тем не менее, использование именно данного направления окажет положительное воздействие не только на процесс проведения экспертиз, но и будет активизировать проведение иных следственных действий. Например, использование дактилоскопических порошков, в состав которых входят наночастицы, при осмотре места происшествия и отдельных предметов, документов. Также наночастицы могут найти широкое распространение в проведении экспертиз, направленных на определение ДНК человека.

Несмотря на то, что внедрение новых технологий подразумевает колоссальное количество достоинств существуют и проблемные аспекты в возможности их применения.

Как отмечают А. Д. Филимонов, А. А. Роднёнок для внедрения 3D-технологий в деятельность судебных экспертов на первый план вытекает существенный недостаток, который заключается в высокой стоимости аппаратов, а также непосредственно самих исследований, приложений, программ и многих других дополнений, необходимых для проведения полноценного исследования [7, С. 76].

Помимо этого, работа с новыми технологиями требует наличие определённых знаний. В связи с этим существует необходимость в обучении сотрудников экспертных учреждений навыкам работы с инновациями, прохождение курсов для повышения квалификации [8, С. 53]. Несмотря на то, что данный аспект представляет некоторую сложность в организации проведения дополнительных

тренингов и иных видов занятий, это положительно скажется на эффективности выполняемых экспертами рутинных задач и позволит своевременно производить экспертизы.

В свою очередь, применение искусственного интеллекта для проведения судебных экспертиз чревато наступлением таких негативных последствий, как возникновение ошибок в заключении эксперта, недостаточная обработка данных. Так, одно из уголовных дел, связанное с ошибочным заключением искусственного интеллекта приобрело большой резонанс. Суть дела заключалась в том, что в 2023 году в аэропорту Домодедово был задержан ученый-гидролог А. И. Цветков, которого привлекли в качестве подозреваемого по делу об убийстве двадцатилетней давности, из-за того, что система распознавания лиц, использовавшая технологии искусственного интеллекта нашла частичное совпадение, составлявшее 55% с фотопортретом предполагаемого убийцы. В результате проведения колоссального количества судебных экспертиз было установлено, что Цветков не причастен к инкриминируемому преступлению [9, С. 7].

Данный пример доказывает то, что использование искусственного интеллекта не совершенно и влечет значительное количество ошибок, которые могут негативно повлиять не только на результат проведения судебной экспертизы, но и может послужить поводом для нарушения, закреплённых законодательством Российской Федерации, правовых норм.

Так, на основе вышеизложенного примера из практики следует акцентировать внимание на то, что в действиях сотрудников правоохранительных органов явно отмечается нарушение доступа к правосудию, которое выразилось в том, что, основываясь на заключении искусственного интеллекта сотрудники правоохранительных органов возбудили уголовное дело по делу об убийстве. Но согласно букве закона, данное действие было неправомерным, поскольку согласно статье 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, для возбуждения уголовного дела основанием служит наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В случае с Цветковым следует констатировать, что его права и свободы были существенно нарушены. Это свидетельствует о нарушении его конституционного права на доступ к правосудию. Здесь при обеспечении доступа к правосудию заинтересованное лицо столкнулось с неравным балансом своих правовых возможностей и правовых возможностей должностных лиц [10, С. 62]. Поэтому для внедрения при раскрытии преступлений технологий, связанных с использованием искусственного интеллекта, требуется огромный вклад исследователей для предотвращения совершения ошибок и возможности своевременного их устранения в случае их допущения.

Также, следует отметить, что при введении инновационных технологий в производство и организацию судебных экспертиз в качестве технического средства, необходимо соответствие одному из основополагающих требований в данной области — достоверности получаемых результатов [11, С. 163]. С учетом того, что соблюдение данного требования является наиболее трудным в плане разнообразности применяемых средств и методов, а также дифференциации под-

ходов, его соблюдение с использованием современных технологий позволит экспертам проводить исследования, результаты которых будут наиболее точными и объективными.

Помимо этого, именно повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта, применение 3D-технологий и других нанотехнологий позволит решить наиболее значимую проблему в уголовном судопроизводстве, которая заключается в длительности проведения тех или иных видов судебных экспертиз. В связи с тем, что новые технологии на данный момент времени не находят широкого распространения в деятельности правоохранительных органов в целом, весь объем работы ложится на судебных экспертов, экспертов и иных лиц, которые привлекаются в установлении того или иного обстоятельства по уголовному делу. Именно это сказывается на сроках проведения судебных экспертиз, а вследствие этого факта продлению сроков предварительного расследования.

Список литературы:

1. Несмиянова И. О. Применение информационных технологий в производстве трасологических экспертиз: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Москва, 2021. С. 30.

2. Глебова Ю. В. Применение современных технологий в судебно-экспертной деятельности России / Ю. В. Глебова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 38 (485). — С. 101-103.

3. Неретина Н. С. Инновационные технологии в судебно-экспертной деятельности // Вестник Университета О. Е. Кутафина. 2022. № 2 (90). С. 82-90.

4. Naether, S., Buck, U., Campana, L., Breitbeck, R., & Thali, M. The examination and identification of bite marks in foods using 3D scanning and 3D comparison methods // International journal of legal medicine. 2012. Vol. 126 (1). С. 89-95.

5. Полякова А. В. 3D-технологии в судебно-экспертной деятельности // Юридические исследования. 2023. №7. С. 117-125.

6. Хмыз А. И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2022. №5. С. 224-227.

7. Филимонов А. Д., Роднёнок А. А. Возможности применения новейших технологий в судебно-следственной и экспертной практике // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. № 1 (21). 2023. С. 73-79.

8. Волохова О. В. Инновационные подходы к судебной экспертизе в уголовном процессе: перспективы и проблемы / О. В. Волохова // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2023 года. – Москва: Московская академия следственного комитета, 2024. – С. 50-53.

9. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Анализ судебной практики установления обстоятельств в случаях противоправного распространения генеративного контента, созданного с помощью технологий искусственного интеллекта // Юридические исследования. № 11. 2024. С. 1-25.

10. Шалагина З. А. О некоторых аспектах совершенствования процедуры обеспечения доступа к правосудию на стадии возбуждения уголовного дела / З. А. Шалагина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1(58). – С. 60-64.

11. Кольтяпин И. А., Чеснокова Е. В. Искусственный интеллект в судебной автотехнической экспертизе // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. Т. 17. № 3. 2024. С. 158-165.

© Лебедева К.А., 2025

EDN: GMDYQA

Вяльдина Полина Александровна,
студент юридического факультета
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии;
Лифанов Андрей Андреевич,
студент юридического факультета
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии

Научный руководитель:
Ронжина Нина Алексеевна,
старший *преподаватель кафедры*
государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии

Обеспечение прав участников уголовного процесса при применении принудительных мер медицинского характера: проблемы реализации и пути совершенствования

Аннотация: статья посвящена исследованию механизма обеспечения прав участников уголовного процесса при применении принудительных мер медицинского характера (ПММХ). Научная новизна работы заключается в комплексном анализе существующих правовых пробелов и разработке предложений по их устранению.

В ходе исследования выявлены существенные проблемы правоприменительной практики: формальный подход судебных органов, отсутствие четких временных ограничений применения мер, недостаточная обоснованность экспертных заключений. Авторами предложены конкретные пути совершенствования правового регулирования, направленные на обеспечение баланса между защитой общественных интересов и соблюдением прав личности.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; права участников процесса; уголовный процесс; процессуальные гарантии; защита прав; лица с психическими расстройствами.

В современных условиях возрастает актуальность применения принудительных мер медицинского характера к лицам с психическими расстройствами, совершившим преступления, что обусловлено статистически зафиксированным увеличением количества данных правонарушений.

Анализ специфики рассматриваемой категории лиц показывает, что они характеризуются непредсказуемостью поведенческих паттернов и неспособностью к социальной адаптации, что в совокупности с аномалиями психического развития создаёт повышенную вероятность совершения тяжких деяний. При этом у данных субъектов отсутствует способность к адекватной оценке противоправности своих действий и их последствий, что существенно повышает риск рецидива противоправного поведения.

ПММХ представляют собой особую форму государственного принуждения, применяемую судом к лицам с психическими расстройствами независимо от их волеизъявления или волеизъявления их законных представителей (ст. 97 УК РФ). Правовой механизм их применения строго регламентирован уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, обеспечивая соблюдение принципов законности, обоснованности и гуманизма.

Целевое назначение ПММХ, согласно ст. 98 УК РФ, заключается в достижении ремиссии психического расстройства, существенном улучшении психического состояния лица и предупреждении совершения новых общественно опасных деяний. Важно подчеркнуть, что ПММХ носят исключительно лечебный и профилактический характер (ст. 99 УК РФ), а их применение возможно только при наличии угрозы причинения вреда самому лицу или существенного ущерба интересам общества и государства: «Применение ПММХ обусловлено необходимостью устранения психического расстройства, препятствующего осознанию лицом фактического характера и общественной опасности совершенных им действий» [1].

Таким образом, анализ института ПММХ демонстрирует необходимость комплексного подхода к регулированию применения данных мер, сочетающего медицинскую и правовую составляющие при строгом соблюдении баланса между защитой общества и правами личности.

Правовой механизм применения ПММХ основан на установлении невменяемости или на наличии психического расстройства, требующего лечения. Для определения невменяемости требуется наличие хотя бы одного признака, относящегося к медицинскому критерию (наличие у лица хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики), и одного признака, относящегося к юридическому критерию (неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие медицинского критерия).

Поскольку лица, к которым применяются ПММХ, могут причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, необходимо доказать обстоятельства совершенного деяния, связанные с личностью лица, психическим состоянием, опасностью, характером деяния (ст. 434 УПК РФ). Прекращение, продление и изменение применения принудительных мер медицинского характера судом осуществляется по представлению учреждения, которое осуществляет принудительное лечение, основываясь на заключении комиссии психиатров. В том случае, если будет установлено, что лицо не представляет по своему психическому состоянию опасности, суд прекращает производство о приме-

нении принудительных мер медицинского характера, ставит вопрос о разрешении уголовного дела по существу, при этом может как применить данные меры вместе с наказанием, так и не применять.

Поэтому применение ПММХ требует строгого соответствия юридическому и медицинскому критериям, качественных экспертных заключений, комиссии психиатров, оценки опасности для общества или для самого лица.

Возрастание актуальности применения ПММХ обусловлена увеличением числа общественно опасных деяний, совершаемых лицами, имеющими психические расстройства. Исследование материалов судебной статистики о применении ПММХ в Российской Федерации показывает, что ПММХ применяются довольно часто.

В 2021 году число осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, составляет 565317 человека, 7642 лиц, в отношении которых были применены ПММХ, что составляет 1,352% от общего числа.

В 2022 году – 578774 человека, 7835 из них не несли уголовной ответственности, по причине применениям к ним ПММХ, соответственно 1,354% от числа осужденных по приговорам.

В 2023 году – 555742 человека, применены ПММХ в отношении 7797 лиц, что в процентном соотношении составляет 1,403%.

В 2024 году число лиц по основной статье в рамках преступлений, совершенных по статьям 105-361 УК РФ, в отношении которых были применены ПММХ, составляет 7516 человек. Согласно статистическим данным за 2024 год число осужденных по основной статье составляет 512845 человек, без учета числа оправданных по основной статье, дополнительной квалификации и лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены за отсутствием состава, непричастности к преступлению по основной статье.

Таким образом, процент лиц, к которым применены ПММХ составляет примерно 1,466% от общего числа. Исходя из числа лиц, в отношении которых были вынесены обвинительные приговоры, по статистическим данным это 403558 человек, процент лиц, в отношении которых были применены ПММХ процентное соотношение составляет примерно 1,862% [2].

Согласно статическому анализу, можно выделить проблемы, вытекающие из тенденции роста процента лиц, к которым применяются ПММХ. Рост показателя может указывать на возможное возрастание вероятности ошибок в судебно-психиатрической экспертизе и чрезмерного применения мер принудительного характера, а также о усилении роли психиатрического фактора в криминологической обстановке. Поэтому требуется более тесное сотрудничество медицинской и судебной систем в целях предотвращения возникновения ошибок и общественно опасных деяний со стороны лиц, страдающих психическими расстройствами.

При производстве о применении ПММХ важно обеспечить законность их применения, поскольку, этому предшествуют стадии «доследственной» проверки, возбуждения уголовного дела и осуществление предварительного расследования в формах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Ве-

лика вероятность того, что подозреваемый либо обвиняемый[1] не способны самостоятельно реализовывать свои права в уголовном процессе в силу оснований, при которых назначаются меры медицинского характера, и следователь2 может осуществить объективное вменение – привлечь к уголовной ответственности за действия, которые лицо фактически не мог осознавать из-за психического расстройства. Уголовное право рассматривает это как злоупотребление процессуальными полномочиями.

Важно не допускать объективного вменения, поскольку это может существенно нарушать права и законные интересы подозреваемого, обвиняемого, что может образовывать разные составы преступлений, субъектом которых будет является следователь: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ), незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ), незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ). Практика показывает, что нарушения, связанные с необоснованным возбуждением дел, рассматриваются как процессуальные ошибки, устраняющиеся путем отмены решения суда или прекращением дела. Согласно обзору судебной практики: «Объективное вменение, совершенное в форме привлечения невменяемого лица к уголовной ответственности, не фиксируется как состав преступления для следователя» [3]. Отсутствие ответственности следователей в виде прецедентов является фактором риска злоупотреблений и формального возбуждения уголовных дел против психически больных лиц.

Таким образом, выходом из проблемы будет являться обязательная экспертиза при постановке вопроса о привлечении лица с признаками психического расстройства и процессуальная защита прав этого лица.

ПММХ должны быть строго ограничены временем и подлежать периодическому пересмотру, иначе они превращаются в бессрочную форму лишения свободы, что нарушает конституционные основы, поскольку процессуально, предельный срок ПММХ не ограничен, лицо может быть подвергнуто лечению пожизненно. Законодатель не предусмотрел максимального предела срока лечения, что создает риск трансформации лечения в пожизненную меру изоляции. Такой же позиции придерживается А.В.Наумов: «ПММХ превращается в альтернативу пожизненному лишению свободы для психически больных лиц» [4]. Эта проблема подтверждается судебной практикой: в более чем 70% случаев ПММХ автоматически продлеваются, в 80% суды руководствуются формальным выводом экспертной комиссии [5].

---

[1] В редких случаях, на стадии предварительного расследования, возможно предъявление обвинения в порядке 171-172 УПК РФ лицу, которое нуждается в психиатрической помощи и не может самостоятельно реализовывать свои права в полном объеме, что является процессуальной ошибкой, поскольку следователь, дознаватель, при возникновении сомнений во вменяемости либо возможности осуществлять свои права, обязаны назначить судебно-психиатрическую экспертизу на предмет вменяемости в порядке статьи 196 УПК РФ.

[2] Далее под следователем также будет пониматься и дознаватель, действующий в пределах компетенций, предусмотренных действующим законодательством.

Анализ судебной практики применения ПММХ выявляет существенные проблемы правоприменения. В качестве примера можно рассмотреть дело А.П. Габышева – организатора акции протеста против Президента Российской Федерации в форме пешего марша от Якутска до Москвы в 2019–2021 годах. В отношении него неоднократно рассматривался вопрос о применении ПММХ. Судебное производство характеризовалось множественными обращениями в суд по вопросу продления принудительного лечения, без предоставления надлежащей мотивировки. Апелляционная инстанция Приморского края неоднократно отменяла решения первой инстанции, направляя материалы на новое рассмотрение и требуя дополнительных уточнений. В ходе судебного разбирательства были выявлены процессуальные нарушения, связанные с ограничением права на защиту и обеспечением принципа состязательности: «Судом нарушен принцип состязательности, заключение экспертизы не оценено критически, не отражена динамика психического состояния лица» [6].

По результатам рассмотрения апелляционных жалоб суд отменил постановление Уссурийского районного суда о продлении принудительного лечения, что указывает на наличие существенных процессуальных недостатков и недостаточную обоснованность экспертных заключений при первоначальном рассмотрении дела.

Данный пример демонстрирует необходимость совершенствования механизмов контроля за применением ПММХ и повышения качества экспертного сопровождения подобных дел, а также указывает на риски необоснованного применения ПММХ.

Выявленные проблемы ПММХ подчеркивают необходимость комплексного изучения и совершенствования действующего законодательства и правоприменительных механизмов. Авторами предлагается введение предельных сроков применения ПММХ с возможностью продления только по решению суда вышестоящей инстанции, с целью соблюдения принципа правовой определенности, так как в современных условиях отсутствие максимального срока стационарного лечения фактически допускает пожизненное принудительное лечение. Авторы также акцентируют внимание на том, что ПММХ должны быть не только законны, но и обоснованы: лицо, к которому применены соответствующие меры, должно всегда участвовать в судебном заседании, на котором решаются вопросы отмены, продления либо изменения ПММХ. В данном случае актуальным будет предложение обязательного участия лица в заседаниях через видео-конференц-связь, даже при нахождении в стационаре. Необходимым предложением может выступить введение уголовной ответственности за заведомо ложное экспертное заключение в сфере психиатрии (аналогично ст.307 УК РФ), так как причиной ошибочного приговора суда могут стать последствия ошибочной экспертизы.

Список литературы:

1. Саратовский областной суд. Апелляционное постановление от 12 апреля 2022 г. по делу №22-1593/2022 // Официальный сайт Саратовского областного суда. – Дата публикации: 12.04.2022.

2. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2021-2024 годы / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Москва. – 2025. – 125 с.

3. Верховный суд Российской Федерации. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о невиновном причинении вреда и объективном вменении следователями. – 2022.

4. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. / А.В. Наумов – М.: Норма, 2022. – 412 с.

5. Верховный Суд РФ. Определение от 15 апреля 2019 г. №5-КГ19-45 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Дата публикации: 15.04.2022.

6. Приморский краевой суд. Апелляционное постанолвение от 1 июля 2022 г. по делу №22К-3567/2022 // Официальный сайт Приморского краевого суда. – Дата публикации: 01.07.2022.

© Вяльдина П.А., Лифанов А.А., 2025

EDN: APQTNO

Локтева Анна Антоновна,
курсант 304 учебной группы
факультета подготовки следователей
Уральского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Делль Дарья Александровна,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Использование технологий распознания лиц в уголовном процессе (на примере системы «Оплата улыбкой» от Сбербанка)

Аннотация: автор статьи исследует применение технологий распознания лиц в уголовном процессе, акцентируя внимание на проблемах и потенциале их использования, а также приводя в пример коммерческую систему “Оплата улыбкой” от Сбербанка.

Ключевые слова: искусственный интеллект в уголовном процессе; распознание лиц в доказывании; биометрические технологии; цифровая идентификация; система «оплата улыбкой»; персональные данные; законность.

Использование современных компьютерных технологий распознания лиц становится неотъемлемым элементом правоохранительной системы, которые изменяют и модернизируют традиционные подходы к раскрытию и расследованию преступлений. Развитие искусственного интеллекта и биометрических систем открывает новые возможности для идентификации личности и повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Изучив и проанализировав литературу, раскрывающую особенности данных систем, можно выделить проблему в уголовно – процессуальной деятельности, которая заключается в отсутствии нормативной регламентации для получения и использования материалов полученных с помощью данных систем.

Цель данной работы – исследовать процессуальные аспекты применения технологий распознания лиц в уголовном процессе, оценить риски и перспективы их интеграции, а также разработать общие рекомендации по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Технологические основы распознания лиц (принципы работы).

Распознание лиц является одним из важных инструментов автоматического установления человеческого лица. Для эффективной работы сотрудники правоохранительных органов активно используют имеющиеся базы данных для идентификации личности человека, что позволяет ускорить процесс уголовно – процессуальной деятельности, а также увеличить раскрываемость преступлений.

Система распознавания лиц — программа распознавания образов, задача которой состоит в автоматическом выделении лица на изображении и идентификации персоны путем сопоставления и анализа биометрических данных человеческого лица [1].

Простыми словами, это технология, способная сопоставлять человеческое лицо с цифрового изображения или видеокадра с базой данных лиц. Такая система обычно используется для аутентификации пользователей с помощью сервисов проверки личности и работает за счёт определения и измерения черт лица на заданном изображении. Интерес к этим системам очень велик в связи с широким кругом задач, которые они решают.

Современные системы работают с помощью заданных алгоритмов:

1) обнаружение лица (камера фиксирует лицо человека);
2) анализ лица (полученное изображение рассматривается как набор биометрических данных, которые позволяют идентифицировать человека);
3) конвертация данных (биометрические параметры преобразуются в определённый код, который является уникальным для каждого человека);
4) сравнение с базами данных (полученный код сравнивается с существующими базами данных).

Благодаря развитию современных технологий, системы могут анализировать изображения в сложных условиях, например, плохое освещение, изменение ракурса, нечеткость линий.

Сформировав понимание процесса распознавания лиц, перейдём к конкретным примерам. Так, система «Оплата улыбкой», разработанная для клиентов ПАО «Сбербанк», является примером использования указанных технологий в финансовом секторе. Данная система позволяет осуществлять бесконтактные платежи с помощью биометрической аутентификации.

Для того, чтобы воспользоваться функцией банка пользователю необходимо зарегистрировать свои биометрические данные в базу, с помощью приложения «Госуслуги. Биометрия». Клиенту банка необходимо оформить согласие на обработку биометрических данных в указанном приложении, после чего сделать фотографию анфас. Отметим, данная функция является добровольной, что говорит нам о свободном волеизъявлении гражданина и его согласии с последствиями её применения.

Данный сервис демонстрирует высокую точность и скорость обработки данных, что вызывает интерес у граждан. Для того чтобы люди активно пользовались данными услугами, банк предлагает свои условия, например, с помощью системы «Оплата улыбкой» можно оплатить проезд в метро со скидкой, оплатить товары в супермаркете без использования карт и смартфонов.

Все биометрические данные клиентов сервиса «Оплата улыбкой» хранятся в Единой биометрической системе (ЕБС) в зашифрованном виде. Стоит отметить, что биометрические персональные данные физических лиц могут храниться и обрабатываться только в этой государственной информационной системе [2].

Биометрические данные, накопленные в подобных коммерческих центрах, могут стать ценным ресурсом для правоохранительных органов и, в частности, для розыскной и следственной деятельности.

Применение технологий распознания лиц в уголовном процессе: современное состояние и возможности.

Можно выделить три интересных направлений использования технологий распознания лиц в уголовном процессе:

1. Розыскная деятельность позволяет идентифицировать подозреваемых в совершении преступлений и пропавших без вести. Это происходит посредством сравнения изображений с камер наблюдения с базами данных МВД.

2. Рассматриваемая система в процесс доказывания помогает установить участия лица в преступлении, фиксирует присутствие на месте преступления.

3. Криминалистический анализ помогает восстановить внешность преступников с помощью сопоставления с фотографиями из уголовных дел.

Данные технологии активно используются сотрудниками полиции для обеспечения безопасности в общественных местах. Например, системы позволяют идентифицировать преступников.

В уголовном процессе это позволяет:

1) ускорить раскрытие преступлений;
2) предотвратить преступления;
3) верифицировать личность. Например, подозреваемый оплатил проезд в метро с помощью сервиса «Оплата улыбкой», благодаря этому сотрудники могут отследить его дальнейшее передвижение в городе и за его пределами.

Переходя к правовым аспектам и проблемам допустимости доказательств, стоит отметить, что для того, чтобы использовать материалы, полученные с помощью технологий распознания лиц в процессе доказывания, они должны соответствовать нормам УПК РФ и Федеральному закону «О персональных данных».

Можно выделить основные проблемы:

1. Основания для сбора и обработки биометрических данных. В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ биометрические персональные данные представляют собой «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи» [3].

Также необходимо помнить о соразмерности вмешательства в частную жизнь, так как в соответствии со ст. 23 Конституции РФ «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни».

Учитывая указанные положения, можно констатировать, что использование данных, полученных из системы «Оплата улыбкой» без судебного решения или согласия лица, может быть признано незаконным. Массовое использование распознания лиц в публичных пространствах без конкретных оснований может быть рассмотрено как чрезмерное вмешательство. Данные обстоятельства указывают на необходимость судебного контроля в случаях изъятия информации из систем распознавания лица.

2. Доказательства, полученные путем изъятия (снятия) информации через систему «Оплата улыбкой» должны соответствовать критериям допустимости, достоверности, относимости и достаточности. Результат распознания лица не может быть единственным доказательством вины. В данном случае требуется подкрепления другими доказательствами (показаниями лиц, вещественными доказательствами и др.).

Говоря об использовании информации, изъятой (снятой) с систем распознавания лиц, в доказывании преступлений, необходимо определить вид доказательства, которым данная информация будет закрепляться. Представляется верным оформление хода и результатов изъятия информации протоколом выемки, проводимой строго по судебному решению, ввиду очевидного ограничения конституционных прав. В случае игнорирования указанных положений такие доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Другим (на наш взгляд, наиболее удачным) вариантом отражения хода и результатов изъятия информации с систем распознавания лиц является введение принципиально нового следственного действия – снятие информации с технических систем, которое, безусловно, должно сопровождаться правовой регламентацией в виде отдельной статьи в УПК РФ.

Кроме того для внедрения технологий распознания лиц в уголовный процесс необходимо включить комплекс мер:

1. Разработать специализированное законодательство, которое позволит использовать биометрические данные в правоохранительной деятельности, отразив цели и основания использования таких данных, порядок доступа правоохранительных органов к коммерческим базам и процедуру судебного контроля.

2. Для точной и эффективной правоохранительной деятельности необходимо готовить специалистов в области цифровой криминалистики, способными работать с биометрическими материалами.

Таким образом, технологии распознания лиц, включая коммерческие системы «Оплата улыбкой» от Сбербанка обладают значительным потенциалом для развития уголовного процесса, повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Однако их внедрение сопряжено с комплексом правовых, процессуальных и этических вызовов, требующих разумных решений.

Список литературы:

1. Технология распознавания лиц (Введение) // securityrussia.com: Компания Интемс. 2021. URL: https://securityrussia.com/blog/face-recognition.html (дата обращения: 11.08.2025).

2. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405951675/ (дата обращения: 20.08.2025).

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ "О персональных данных" // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 22.08.2025).

© Локтева А.А., 2025

EDN: AIIPWT

Миронова Галина Александровна,
студент юридического факультета
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии

Научный руководитель:
Александрова Наталия Сергеевна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент

Анализ проблем применения запрета на общение с определёнными лицами в рамках запрета определённых действий как меры уголовно-процессуального принуждения

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы применения запрета на общение с определёнными лицами в рамках меры уголовно-процессуального принуждения. Особое внимание уделяется анализу существующих проблем, связанных с введением запрета на общение с определёнными людьми как меры пресечения, а также необходимости введения запрета на приближение как меры, способствующей обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Работа представляет интерес для разработки правовых рекомендаций по совершенствованию применения мер принуждения и повышению их эффективности в уголовном процессе.

Ключевые слова: конституционные права; уголовный процесс; процессуальный статус; меры уголовно-процессуального принуждения; меры пресечения; запрет общения.

Вопрос соотношения прав и интересов каждой конкретной личности с одной стороны и общества в целом с другой, а также поиска разумных пределов вмешательства государства в права и свободы человека и гражданина с целью обеспечения реализации потребностей общества в контексте осуществления уголовно-правовой политики уже многие десятилетия является дискуссионным. В настоящее время, в свете демократизации и гуманизации общества происходит постепенная трансформация всей системы правового регулирования отношений между участниками уголовного судопроизводства, в том числе, и в части, каса-

ющейся уголовного преследования, включающей в себя меры уголовно-процессуального принуждения, призванные обеспечить правомерное поведение подозреваемого или обвиняемого как участника уголовного судопроизводства.

Безусловно, реализация задач органов, осуществляющих уголовное преследования затрагивает интересы частных лиц и частично ограничивает их конституционные права и свободы, что обусловлено самой сутью данных правоотношений, возникающих в результате совершения общественно-опасного деяния, однако, не стоит забывать о том, что и в условиях таких ограничений государство призвано обеспечить максимально возможную защиту участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, справедливо будет заметить, что основной задачей законодателя и правоприменителя является, в том числе, разработка таких мер процессуального принуждения, которые будут обеспечивать превенцию противоправного поведения подозреваемого или обвиняемого лица без применения к ним излишне строгих методов и средств воздействия, позволяющих обеспечить защиту не только их прав и законных интересов, но также прав и законных интересов других участников уголовного процесса, например, свидетелей, потерпевших и др.

Одним из важных изменений в данной сфере стало принятие в 2018 году Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» N 72-ФЗ, который ввел в российскую уголовно-правовую систему новую меру пресечения – «запрет определённых действий» (ст.105.1 УПК РФ)[1]. Подобные меры уже давно применяются в мировой практике, особенно в рамках англо-саксонской системы права, где они нашли отражение в виде судебного запрета, для российской правовой системы они являются условным новшеством. Целью реформ стало увеличение альтернативности мер пресечения для реализации тенденции дифференцированного подхода к определению мер государственного принуждения в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела и особенностей личности, к которой они применяются.

Новой статьёй было введено 6 возможных запретов, которые могут выступать как в качестве самостоятельных мер воздействия, так и дополнительных (в совокупности с домашним арестом или залогом). Наиболее интересными с точки зрения анализа нам представляется предусмотренный п.п.3 п.6 ст.105.1 УПК РФ «запрет общаться с определёнными лицами».

Запрет на общение с определёнными лицами представляет собой меру, направленную, преимущественно, на защиту лиц, располагающих значимой информацией для дела от возможного воздействия со стороны подозреваемого (обвиняемого) и, согласно п.7 ст.105.1 УПК РФ, в постановлении суда об избрании данной меры пресечения должны быть указаны сведения о конкретных лицах, общение с которыми запрещено. Данное обстоятельство обусловлено объективной необходимостью осведомленности подсудимого (обвиняемого) о сути и условиях возложенного на него запрета, однако выполнение положений закона в

этой части может вызывать определенные трудности. Так, например, часто возникает проблема неосведомленности органов предварительного расследования и суда во время вынесения постановления о всех лицах, имеющих отношение к делу, и в отношении которых требуется установление запрета, особенно если решение о данной мере пресечения принимается на начальном этапе расследования, когда весь перечень таких лиц еще не установлен [2]. Безусловно, п.4 ст.105.1 УПК предусмотрена возможность дополнения списка лиц, в отношении которых принята мера о запрете общения, но для этого требуется соблюдение процессуального порядка, т.е. возбуждения нового ходатайства и рассмотрения его судом.

Также возникает вопрос о целесообразности разглашения подозреваемому (обвиняемому) полного перечня данных лиц, особенно в свете реализации программы защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства при сокрытии данных указанных лиц с целью обеспечения их конфиденциальности и безопасности. При разглашении сведений о них в постановлении, выносимом для применения запрета на общение, особенно на ранних этапах осуществления расследования происходит фактическое ограничение их права в дальнейшем обратиться за использованием программы защиты. Кроме того, это может повысить шансы возможного противодействия подсудимого (обвиняемого) реализации судопроизводства.

В рамках изучения этой проблемы возникает вопрос и о достаточности мер запрета только общения для обеспечения защиты свидетеля (потерпевшего, других лиц), обладающих существенной информацией, необходимой для рассмотрения дела. Безусловно, общение, как прямой способ коммуникации является наиболее действующим методом воздействия на личность, особенно с целью склонения к определённой модели поведения в процессе, но нельзя исключать, что психологическое давление может оказываться и иначе – например, путём преследования или запугивания (иными словами – сталкинга), в результате которого у лица может сформироваться чувство психологического принуждения и физического страха, что само по себе является негативно влияющим фактором, даже если не сопровождается действиями по реализации угроз или какими-либо требованиями со стороны преследователя.

Решением данной проблемы видится введение дополнительного запрета в п.п.3 п.6 ст.105.1 УПК РФ, предусматривающего возможность ограничения не только общения, но и приближения к определённым лицам, причем не только напрямую задействованным в уголовном процессе, но и их близким, например, детям, партнеру, родителям, при несоблюдении которого в отношении подсудимого (обвиняемого) будет избираться более строгая мера пресечения (по аналогии с правоприменительной практикой стран англо-саксонской правовой системы, в которой данная мера присутствует в формате охранного ордера), что позволит обеспечить большую безопасность участников уголовного судопроизводства.

О возможности применения подобной политики в отношении ограничения свободы как меры уголовно-правовой ответственности (в целом схожей по своей правовой природе с запретами, устанавливаемыми в качестве меры пресечения)

заявлял в том числе Конституционный суд РФ, особенно касательно преступлений насильственного характера, в ситуациях, когда даже простая встреча с субъектом преступления может быть психологически болезненной для свидетелей и, особенно, потерпевших [3]. Суд обозначил, что применение на данный момент такой меры не представляется возможным, однако, решить этот вопрос может законодатель, совершенствуя регулирование уголовно-правовой системы в России.

Указанные обстоятельства подтверждают, что такая проблема уже давно является актуальной в правоприменительной практике.

Важно учитывать, что при этом существуют также и некоторые неопределённости относительно механизма реализации, которые не позволяют ввести эту меру уже сейчас. Так, одним из актуальных является вопрос определения конкретного расстояния запрета (существуют сложности с определением границ допустимого приближения и из каких соображений их следует изменять – из расстояния, позволяющего физический контакт, либо расстояния, на котором доступно визуальное восприятие). Кроме того, необходимо определить будет ли это расстояние императивно закреплено в УПК РФ, либо же будет определяться судом непосредственно исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела. Также затруднительно добиться в целом фактического исполнения такого запрета, потому что на данный момент не представляется возможным зафиксировать приближение к человеку как к материальному объекту на конкретное расстояние.

Помимо этого, стоит учитывать, что часть преступлений, особенно насильственного характера происходит в бытовой сфере, часто между лицами, проживающими на одной жилплощади, в рамках которой реализация такого запрета труднореализуема. Суть самой меры запрета приближения, что подразумевает необходимость расселения с лицом, с которым запрещено общаться (приближаться). Как указывал Д.А. Шестаков «Люди, склонные к агрессивному поведению, оказавшиеся без дома, создали бы для общества дополнительную угрозу насильственного посягательства» [4]. В такой ситуации целесообразным видится применения к лицу заключения под стражу.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что институт охранного ордера хоть и является необходимым для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, на данном этапе не является соответствующим российской действительности и требует не только длительной и тщательной разработки новых правовых актов, но и модернизации материально-технического обеспечения правоохранительных органов, в силу чего вопрос о его введении в российские реалии остается открытым.

Таким образом, несмотря на очевидные преимущества нововведений, внедрение института запрета определённых действий нуждается в дальнейшей детализации и возможном расширении применяемых мер, а также разработке соответствующих процедур и внедрении современных технологий мониторинга, обеспеченных достаточной материальной базой.

Список литературы.

1. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. N 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.10.2025).

2. Стельмах В.Ю. Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Lex Russica. – 2024. – №8(213). С.19-30 (дата обращения: 10.10.2025).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 N 4-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 06.10.2025).

4. Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014 . – № 1 (32). – С. 13–22. (дата обращения: 09.10.2025).

© Миронова Г.А., 2025

EDN: AHQHNZ

Москаленко Дарья Александровна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

Некоторые аспекты взаимодействия дознавателя с экспертно-криминалистическими подразделениями при расследовании по уголовным делам, возбужденным по ст. 264.1 УК РФ

Аннотация: в статье поднимается проблема использования специальных знаний в процессе взаимодействия дознавателя и специалиста по уголовным делам по ст. 264.1 УК РФ. В том числе, автором рассматриваются как процессуальные, так и непроцессуальные аспекты такого взаимодействия при производстве процессуальной проверки сообщения о преступлении и на первоначальном этапе расследования по уголовному делу.

Ключевые слова: взаимодействие; специалист; дознаватель; следственные действия; доказывание.

Сегодня мы являемся свидетелями стремительного развития научно-технического прогресса, который позволяет непрерывно совершенствоваться автомобильной промышленности. Ежегодно возрастает количество транспортных средств в каждом регионе России, в том числе постоянно повышается спрос не только на личный автотранспорт, но и на услуги каршеринга и средств индивидуальной мобильности. Несмотря на продолжающуюся с 2020-х гг. тенденцию снижения дорожно-транспортной аварийности её уровень в России остается достаточно высоким – каждое девятое (14 403) дорожно-транспортное происшествие (далее по тексту – ДТП) приводит к смертельному исходу [1, с. 4]. При этом отмечено резкое увеличение числа несовершеннолетних погибших (с возраста 15 лет) [1, с. 8].

За 6 месяцев 2025 года почти каждое десятое ДТП (9,4 %) произошло с участием водителей в состоянии опьянения, либо отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Девять из десяти рассматриваемых ДТП (92,8 %, или 4 897) совершено именно такими водителями. На эти ДТП приходится и большинство погибших (92,6 %, или 1 013) и раненых (92,7 %, или 6 456). В каждом пятом ДТП от общего числа происшествий, в которых участвовали водители с признаками опьянения, водители отказались от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (1 045). В 354 ДТП водители находились в состоянии наркотического опьянения. В том числе произошло 296 ДТП, после совершения которых участвовавшие в них водители не выполнили требование Правил дорожного движения о запрете

употребления алкогольных напитков, наркотических или психотропных веществ [2, с. 15].

Статистика наглядно иллюстрирует острую проблему: водители в состоянии опьянения остаются одной из самых значительных угроз безопасности дорожного движения. К сожалению, количество лиц, подвергнутых административной ответственности по ст. 12.8, ст. 12.26 КоАП РФ, имеющих судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264.1, чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, продолжает возрастать.

Таким образом, при производстве доследственной проверки сообщения о совершенном преступлении, полученном из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), которым преимущественно выступает рапорт сотрудника Госавтоинспекции об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, и на первоначальном этапе расследования, дознавателю необходимо обнаружить, изъять, направить на исследование, а затем приобщить к материалам уголовного дела материальные, идеальные и цифровые следы.

В рамках исследования нами изучались материалы 177 уголовных дел за 2022-2025 годы, возбужденные по ст. 264.1 УК РФ на территории Волгоградской, Пензенской, Ростовской областей, Республик Дагестан, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, согласно которым было собрано 138 идеальных, 170 материальных и 93 цифровых следа. При этом, цифровая следовая картина содержит большую часть информации о совершённом преступлении, необходимой для доказывания вины водителя в состоянии опьянения. К таким типичным следам по преступлениям, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ, относятся записи с прибора регистрации информации «Дозор», с регистратора патрульного автомобиля инспекторов, с регистратора, установленного в транспортном средстве подозреваемого (обвиняемого), с комплекса программно-аппаратных средств «Безопасный город», с обычных камер видеонаблюдения близлежащих к месту остановки транспортного средства с нетрезвым водителем сотрудниками Госавтоинспекции.

Необходимость корректной работы с цифровыми и материальными следами преступления для последующего использования их в качестве доказательственной базы по уголовному делу, вынуждает дознавателя активно взаимодействовать с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений. Таким образом, использование специальных знаний при расследовании по уголовным делам об управлении транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, имеет две основные формы: процессуальную и непроцессуальную.

Процессуальное взаимодействие дознавателя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений происходит преимущественно в четырёх направлениях:

1) приглашение специалистов для участия в следственных действиях. В рамках рассматриваемого нами преступления наиболее распространёнными следственными действиями, где требуется специалист являются осмотр места происшествия, изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации, выемка транспортного средства, наложение ареста на транспортное

средство. Согласно п. 23.1 раздела II Инструкции по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учётов органов внутренних дел Российской Федерации дознаватель при наличии оснований, обязан планировать и осуществлять следственные действия, направленные на изъятие предметов и следов, которые могут стать объектами учёта или проверки, либо получение проверочной информации об объектах проверки [3];

2) показания эксперта и специалиста даются для уточнения обстоятельств, входящих в компетенцию допрашиваемого лица с целью разъяснения ранее данного заключения (для судебных экспертиз). Для оценки рыночной стоимости транспортного средства, на которое накладывается арест, в качестве специалиста преимущественно приглашаются сотрудники центров продажи и оценки автомобилей, а не лица, имеющие допуск на проведение товароведческой судебной экспертизы;

3) производство судебных экспертиз. По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, в соответствии с приказом МВД России от 29.06. 2005 г. № 511 [4] и по результатам сбора эмпирического материала по 177 уголовным делам были проведены следующие виды судебных экспертиз: а) судебно-психиатрическая (лицо, управляющее транспортным средством находится в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения) – 13 ед.; для доказывания управления транспортным средством конкретными лицом – б) тканей и выделений человека, животных (исследование ДНК, волос человека, запаховых следов человека) – 3 ед.; в) трасологическая (исследование следов обуви, следов транспортных средств, целого по частям) – 2 ед.; г) биологическая (исследование крови) – 2 ед.; д) дактилоскопическая – 1 ед.; е) технико-криминалистическая экспертиза документов (поддельного водительского удостоверения) – 1 ед. В случаях, когда у дознавателя есть сомнения в юридической силе предоставляемого ему договора купли-продажи транспортного средства, которым управлял подозреваемый при совершении преступления (например, договор датирован днём, предшествовавшим дню совершения преступления), должностное лицо органа предварительного расследования вправе назначить почерковедческую (если договор написан от руки; имеется подпись или дата, выполненные от руки) и (или) технико-криминалистическую экспертизу документов (если он напечатан);

4) заключение эксперта, выдаётся по факту производства судебной экспертизы, приобщается к материалам уголовного дела и является доказательством. Заключение специалиста также является доказательством по уголовному делу.

В свою очередь, непроцессуальное взаимодействие выражается в пяти основных направлениях деятельности: 1) производство предварительного исследования объекта (преимущественно на месте производства следственных действий); 2) консультации по вопросам назначения судебных экспертиз. правильного изъятия и упаковки следов преступления и т.д.; 3) выполнение поручений технического характера при производстве следственных действий; 4) использование средств криминалистической техники; 5) участие специалиста в осмотре места происшествия.

Помимо рассмотренных нами видов взаимодействия дознавателя и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений как на этапе производства процессуальной проверки, так и по возбужденному уголовному делу по ст. 264.1 УК РФ, существует несколько форм применения специальных знаний: 1) самим дознавателем. Например, при необходимости изъятия видеозаписей с прибора регистрации информации «Дозор» дознаватель должен знать о том, что ни он, ни сотрудники Госавтоинспекции, ни кто-либо другой не могут изымать данную видеозапись. В связи с тем, что доказательственное значение данная видеозапись получит только в случае, если она будет изъята в соответствии с требованиями ст. 164.1 УПК РФ специалистом, имеющим допуск на производство компьютерных экспертиз; 2) получение справок, консультация у сведущих лиц, например, по вопросам корректной формулировки вопросов эксперту в постановлении назначения судебной экспертизы или оценки транспортного средства, соответствующей действительной рыночной стоимости; 3) привлечение специалиста к участию в следственном действии; 4) судебная экспертиза.

Таким образом, нами рассмотрены процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний при производстве расследования по уголовным делам, возбужденным по ст. 264.1 УК РФ, как взаимодействие между дознавателем и сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений МВД России. Остро на сегодняшний день стоит вопрос доказательственного значения получаемых следов преступления для быстрого, полного и объективного расследования по уголовным делам об управлении транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

Список литературы:

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. – 148 с.

2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. – 37 с.

3. Об организации использования экспертно-криминалистических учётов органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 10.02.2006 № 70. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29.06.2005 № 511. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Москаленко Д.А., 2025

EDN: GCNZEH

Нафигин Дмитрий Ильдарович,
курсант факультета подготовки факультета подготовки криминалистов
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель:
Чабукиани Оксана Алексеевна,
профессор кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

Риски признания результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми в уголовном судопроизводстве

Аннотация: научная новизна публикации заключается в комплексном анализе современных рисков признания результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми доказательствами на основе новейшей судебной практики Конституционного и Верховного Судов РФ, а также позиции Европейского Суда по правам человека. В работе систематизированы ключевые процессуальные нарушения, ведущие к утрате доказательственной силы результатов ОРД, включая проблемы изменения территориальной подсудности, фальсификации материалов и несоблюдения процедуры санкционирования оперативно-розыскных мероприятий. Особое внимание уделяется противоречиям в правоприменительной практике и способам их минимизации.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности; недопустимые доказательства; оперативно-розыскные мероприятия; судебный контроль; фальсификация доказательств; уголовное судопроизводство; доказательственная сила.

Вопрос допустимости использования в судопроизводстве сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), сохраняет статус одного из наиболее дискуссионных и практически значимых в современной уголовно-процессуальной доктрине. Несмотря на детальное нормативное регулирование основ и пределов оперативно-розыскной деятельности в специальном федеральном законодательстве, правоприменительная практика, в особенности судебная, демонстрирует устойчивую тенденцию к исключению таких данных из системы доказательств по уголовным делам. Основной причиной сложившейся

ситуации выступают системные нарушения как процедуры трансформации результатов ОРД в доказательства, так и материально-правовых норм в процессе проведения самих оперативных мероприятий.

Нарушения часто затрагивают сферу документирования оперативных данных: несвоевременное или неполное оформление рапортов, отсутствие надлежащих постановлений о проведении ОРМ, что лишает материалы процессуальной чистоты. Существенной проблемой является несоблюдение требований законодательства о конфиденциальности лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, что создает риски разглашения государственной тайны и последующего признания доказательств недопустимыми. Перед следствием и судом возникает сложная дилемма: с одной стороны, императивное использования всех доступных инструментов для раскрытия преступления, с другой — необходимость неукоснительного соблюдения конституционных прав и свобод личности. Таким образом, проблема приобретает глубокий философско-правовой характер, балансируя между эффективностью противодействия преступности и ценностями правового государства. Ее решение требует не только повышения уровня юридической грамотности оперативных сотрудников, но и выработки более четких, унифицированных критериев оценки допустимости доказательств со стороны Верховного Суда РФ.

Вопрос о процессуальной легитимности использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в судопроизводстве продолжает сохранять высокую актуальность в современном уголовном процессе. Несмотря на существование развитой законодательной базы, регулирующей ОРД, правоприменительная практика последовательно констатирует устойчивую тенденцию к признанию подобных доказательств недопустимыми. Это обусловлено системным несоблюдением органами, осуществляющими ОРД, как материальных, так и процессуальных норм, что ставит под сомнение законность всего последующего производства по делу.

Ключевым аспектом данной проблемы, как наглядно демонстрирует практика Конституционного Суда РФ (Постановление от 9 июня 2011 г. № 12-П) , выступает требование неукоснительного соблюдения правил территориальной подсудности при получении судебного разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий. В указанном деле доказательства, полученные в результате ОРД, были исключены из доказательственной базы поскольку разрешение было получено в суде другого субъекта Федерации без надлежащего решения Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя. Подобное нарушение было квалифицировано не как процессуальная погрешность, а как посягательство на фундаментальные основы правосудия — право на законный суд (ст. 47 Конституции РФ) и принцип самостоятельности судебной власти. Это создало значительный прецедент, когда формальное получение санкции в ненадлежащем суде приравнивается к ее полному отсутствию.

Проблема придания законной силы результатам оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве претерпела серьезные изменения, превратившись из сугубо процессуальной в фундаментальную конституционно-

правовую. Сегодня решение этого вопроса напрямую зависит от создания действенных гарантий независимости судебной системы и защиты от неправомерного вмешательства в ее работу. Любое отступление от установленных процедур не только наносит ущерб авторитету правосудия, но и ставит под сомнение законность всего обвинительного процесса.

В этих условиях преодоление сложившейся ситуации требует комплексных мер. Одного лишь повышения профессиональной подготовки сотрудников оперативных и следственных подразделений недостаточно. Крайне важна выработка единообразной судебной практики высшими инстанциями, предусматривающей применение строгих санкций за любые нарушения порядка получения судебного разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Особое значение приобретает разработка научно обоснованных подходов к оценке допустимости доказательств, полученных в результате ОРД, базирующихся на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон. Существенным шагом вперед стало бы закрепление в решениях Пленума Верховного Суда РФ четких критериев оценки законности получения доказательств. Эти критерии должны включать проверку правомерности применения специальных технических средств, достоверности информации, предоставленной конфидентами, и соответствия правилам документирования хода оперативных мероприятий. Подобный системный подход позволит достичь необходимого баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой неотъемлемых прав личности, гарантированных Конституцией страны.

Современные исследования в области уголовного процесса (Фильченко А.П., Жандров В.Ю., 2022) подтверждают системный характер фальсификаций в материалах уголовных дел о наркопреступлениях. Анализ следственной практики выявляет устойчивую совокупность характерных признаков, указывающих на возможные нарушения. Среди них выделяются: отсутствие надлежащего документального подтверждения проведения предварительной проверки перед задержанием, привлечение так называемых "представителей общественности", находящихся в зависимом положении от оперативных сотрудников, существенные расхождения во времени и месте между фактическим задержанием и изъятием вещественных доказательств, а также манипуляции с массой изымаемых веществ путем добавления нейтральных наполнителей.

Европейский Суд по правам человека в своем окончательном решении по делу "Борисов против России" (2019) занял принципиальную позицию, прямо указав на недопустимость использования доказательств, полученных с грубыми нарушениями процедуры личного досмотра. Эта правовая позиция подчеркивает актуальность совершенствования национального процессуального законодательства и правоприменительной практики. В частности, требует разработки дополнительных процессуальных гарантий, исключающих возможность несанкционированного вмешательства в права личности на этапе проведения оперативно-разыскных мероприятий. Особое значение приобретает формирование эффек-

тивного механизма судебного контроля за законностью проведения следственных действий, а также внедрение современных средств аудио- и видеофиксации всех этапов задержания и досмотра.

Анализ правоприменительной практики в сфере прослушивания телефонных переговоров (Чечетин А.Е., Шатохин И.Д., 2017) демонстрирует наличие устойчивых системных проблем. К наиболее серьезным из них относятся: регулярное применение так называемого "экстренного порядка" санкционирования (ч. 3 ст. 8 ФЗ "Об ОРД") без последующего получения судебного разрешения в установленный срок; отсутствие в судебных постановлениях конкретных данных о лицах, в отношении которых применяется мера, или номерах телефонов, подлежащих контролю; многократное продление сроков проведения оперативных мероприятий без надлежащего процессуального обоснования; а также серьезные нарушения установленного порядка хранения и уничтожения полученных фонограмм.

Исследование новейшей практики кассационных судов общей юрисдикции (Антонов А., 2021) свидетельствует о формировании единообразного и строгого подхода к вопросам признания доказательств недопустимыми. Основными тенденциями выступают: 1) системный характер нарушений, ведущих к утрате доказательственной силы, преимущественно связанных с игнорированием права на защиту; 2) применение расширительного толкования статуса подозреваемого на основе фактического положения лица; 3) последовательное признание недопустимыми доказательств, полученных на основе непроверяемой "оперативной информации" без надлежащей процессуальной легализации; 4) утверждение в практике принципа "плодов отравленного дерева". Эта практика КСОЮ, развивая позиции КС РФ и ЕСПЧ, формирует важные прецеденты для создания дополнительных процессуальных гарантий и снижения рисков признания результатов ОРД недопустимыми.

Для решения указанных проблем необходима разработка комплексных мер, включающих совершенствование ведомственного контроля за соблюдением процессуальных норм, внедрение современных систем аудио- и видеофиксации, а также формирование единообразной судебной практики, обеспечивающей баланс между интересами оперативно-разыскной деятельности и защитой прав граждан.

Как обоснованно указывают исследователи А.Г. Харатишвили и Е.Е Михайлова (2025) , значительное большинство следователей Следственного комитета РФ (88,9%) используют результаты оперативно-розыскной деятельности напрямую в качестве доказательств несмотря на то, что правовая природа таких материалов требует их обязательной процессуальной трансформации посредством производства следственных действий. Отсутствие единообразного подхода к оценке допустимости результатов ОРД создает серьезные риски их последующего исключения из доказательственной базы на поздних стадиях уголовного процесса, что способно привести к разрушению обвинительной конструкции и нарушению состязательного баланса.

Риски признания результатов ОРД недопустимыми доказательствами коренятся в системных проблемах правового регулирования и правоприменительной практики. Для минимизации этих рисков требуется реализация комплекса мер, включающего: законодательное закрепление четких и исчерпывающих правил изменения территориальной подсудности при санкционировании оперативно-розыскных мероприятий; введение дополнительных процессуальных гарантий против возможных фальсификаций; унификацию судебной и следственной практики процессуальной трансформации результатов ОРД; а также полную и последовательную имплементацию правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в ведомственных инструкциях и методических рекомендациях.

Реализация указанных мер позволит не только снизить риски признания доказательств недопустимыми, но и обеспечить необходимый баланс между эффективностью оперативно-разыскной деятельности и защитой фундаментальных прав личности в уголовном судопроизводстве. Особую важность приобретает разработка детализированного алгоритма процессуальной проверки и преобразования результатов ОРД, который включал бы обязательную документальную фиксацию всего процесса проведения оперативных мероприятий, перекрестную проверку полученных сведений и их обязательное подтверждение доказательствами, полученными в порядке УПК РФ. Такой подход будет способствовать соблюдению принципа состязательности сторон и укреплению гарантий прав участников уголовного процесса.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблема признания результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми доказательствами носит глубоко системный характер и коренится в фундаментальных противоречиях между необходимостью эффективной борьбы с преступностью и безусловным соблюдением конституционных прав личности. Правоприменительная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к исключению таких доказательств из процесса доказывания вследствие существенных нарушений как материального, так и процессуального права. Ключевыми проблемными узлами являются нарушения правил территориальной подсудности при получении судебной санкции на проведение ОРМ, массовые случаи фальсификации материалов, особенно по делам о наркопреступлениях, и системное несоблюдение процедуры легализации результатов ОРД через производство следственных действий. Проблема эволюционировала из сугубо процессуальной в конституционно-правовую, затрагивая гарантии независимости судебной власти и права на законный суд.

Для минимизации обозначенных рисков необходим комплексный, межотраслевой подход. Во-первых, требуется законодательное закрепление исчерпывающих и детализированных правил изменения территориальной подсудности для санкционирования ОРМ, что исключит произвольное толкование и создаст правовую определенность. Во-вторых, необходима выработка Верховным Судом РФ унифицированных, обязательных для применения критериев оценки допустимости доказательств, полученных на основе ОРД, с закреплением их в по-

становлении Пленума. Эти критерии должны включать алгоритм проверки законности использования специальных технических средств, достоверности информации, полученной от конфидентов, и оценки соблюдения всех процессуальных требований документирования. В-третьих, необходимо внедрение дополнительных гарантий против фальсификаций, таких как обязательная аудио- и видеофиксация ключевых этапов проведения оперативных мероприятий (задержания, личного досмотра, изъятия) и создание независимого ведомственного контроля за соблюдением порядка хранения и уничтожения полученных материалов. Наконец, основное значение имеет полная и последовательная имплементация правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в ведомственные инструкции и методические рекомендации для следственных и оперативных подразделений, что обеспечит практическое соблюдение конституционных стандартов справедливого судебного разбирательства.

Проведенный анализ действительно свидетельствует о системном характере проблем, связанных с признанием результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми доказательствами. Указанные противоречия между эффективностью борьбы с преступностью и защитой конституционных прав личности требуют комплексного разрешения.

Предлагаемый межотраслевой подход представляется наиболее перспективным направлением решения данной проблемы. Законодательное закрепление детализированных правил изменения территориальной подсудности способно устранить существующие пробелы в регулировании и предотвратить произвольное толкование норм.

Разработка Верховным Судом РФ унифицированных критериев оценки допустимости доказательств, полученных в ходе ОРД, является своевременной и необходимой мерой. Особую важность имеет включение в эти критерии алгоритмов проверки законности использования специальных технических средств и достоверности информации, полученной от конфидентов.

Внедрение дополнительных гарантий против фальсификаций, включая обязательную аудио- и видеофиксацию ключевых процессуальных действий, соответствует современным тенденциям развития уголовного процесса и способствует обеспечению прозрачности следственных действий.

Последовательная имплементация правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в ведомственные нормативные акты будет способствовать формированию единообразной практики и соблюдению конституционных стандартов справедливого правосудия.

Реализация указанных мер позволит создать сбалансированную систему, обеспечивающую как эффективность уголовного преследования, так и защиту фундаментальных прав личности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Попов В. П. Уголовно-правовая охрана правосудия от фальсификации доказательств // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 293—302.

2. Бастрыкин А.И. Уголовный процесс: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2025. – 890 с.

3. Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Некоторые проблемные вопросы правового регулирования прослушивания телефонных переговоров // Известия АлтГУ. – 2017. – №6 (98).

4. Фильченко П.Ф., Жандров Ю.Ж. Признаки фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности в материалах уголовных дел о незаконном обороте наркотиков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – №1 (60). – С. 148-155.

5. Харатишвили А. Г., Михайлова Е. Е. Доказательственное значение результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном деле // КриминалистЪ. – 2025. – № 1 (50). – С. 103 - 110.

© Нафигин Д.И., 2025

EDN: GMLBNG

Нестеров Вячеслав Сергеевич,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Денисов Сергей Анатольевич,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

Способы фальсификации доказательств в досудебном производстве по уголовным делам

Аннотация: статья содержит в себе позиции ряда ученых о представлении способов совершения фальсификации доказательств по уголовным делам, выделяются структурные элементы способа совершения преступления (формирование умысла, подготовка, непосредственная реализация фальсификации доказательств, сокрытие следов преступления, дальнейшее противодействие следственным органам) и главных видов их непосредственного совершения (интеллектуальный и материальный), а также сложности в доказывании фальсификации доказательств в досудебном производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: фальсификация доказательств; досудебное производство; способ фальсификации доказательств по уголовному делу; структурные элементы; материальная и интеллектуальная фальсификация; доказывание.

Фальсификация доказательств в досудебном производстве по уголовным делам представляет собой серьёзную угрозу для правопорядка и законности в уголовном судопроизводстве. Досудебное производство является ключевым этапом, на котором формируются доказательства, служащие основой для принятия процессуальных решений. Нарушения, связанные с искажением или подделкой доказательств, не только подрывают принципы справедливости и законности, но и могут привести к серьёзным последствиям, включая необоснованное привлечение к ответственности или оправдание виновных.

Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в период с 2020 по 2024 годы по статье 303 УК РФ было осуждено всего 557 человек [9].

Однако, довольно низкий показатель привлечения к ответственности по данной статье объясняется тем, что данный вид преступлений характеризуется

высокой степенью латентности. Так, «как свидетельствует практика, - указывает в своей обстоятельной работе Л.А. Спектор, - рассматриваемые преступления относятся к группе высокой латентности» [8, С. 6]. Более точные данные приводят авторы крупного исследования проблем латентности из НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. По их данным коэффициент латентности преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 303 УК РФ, составляет 33,1 [10, с. 549.] Если использовать критерии отнесения преступлений к категориям латентности согласно классификации, предложенной НИИ Академии Генпрокуратуры России, то в этом случае преступления, предусмотренные ч. 2-4 ст. 303 УК РФ, находятся в категории высоколатентных (коэффициент латентности от 20 до 50).

В первую очередь следует объяснить само понятие «фальсификация». Данное понятие понимается современными специалистами в области уголовного процесса в основном в двух смыслах:

1. Фальсификация – сознательное искажение, изменение фактов, являющихся предметом доказывания по делу, и их передача суду для рассмотрения и оценки [3].

2. Фальсификация – это создание доказательства, т.е. появление доказательства, не существовавшего ранее [5, с. 50].

Верховный Суд Российской Федерации, в свою очередь, характеризуя объективную сторону чч. 1–3 ст. 303 УК РФ, отметил, что она «состоит, в частности, в умышленном приобщении… в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов; внесении… в процессуальные акты, являющиеся источниками доказательств по таким делам, заведомо ложных сведений; подделке ранее приобщенных к делу вещественных доказательств и документов» [4]. Таким образом, позиция теории и судебных органов по вопросу определения термина «фальсификация» в целом совпадают.

Далее следует обратить внимание на способы фальсификации доказательств, классификаций которых в современной специальной литературе насчитывается несколько десятков. К примеру, А. Г. Холевчук в своих трудах выделял следующие основания фальсификации доказательств: по объекту, по виду, по степени сложности, по количеству лиц, по субъекту совершения, по уровню преступных навыков и др. [12, с. 34.].

Интересная дифференциация структурных элементов способа совершения фальсификации доказательств по уголовным делам представлена А.Ю. Сафроновым: «основываясь на специфике рассматриваемой категории преступлений, среди структурных элементов способа совершения преступной фальсификации можно выделить следующие: возникновение умысла на совершение фальсификации исходя из сложившейся ситуации; приготовление к совершению фальсификации (приискание средств, соучастников, создание условий иным образом); непосредственное совершение фальсификации доказательств по уголовному делу и (или) фальсификации результатов ОРД; сокрытие совершенного преступления (в разных формах может осуществляться на любой стадии его совершения); дальнейшее оказание преступного противодействия [6, с. 45].

Предложенная дифференциация структурных элементов способа фальсификации доказательств представляет собой методологически значимую конструкцию, обеспечивающую системно-динамический анализ противоправной деятельности в уголовном судопроизводстве. Её научная ценность заключается в реализации диахронического подхода, рассматривающего фальсификацию как процессуально протяжённый феномен, охватывающий генезис умысла, подготовительные действия, непосредственную реализацию, посткриминальное сокрытие и противодействие раскрытию. Такая модель преодолевает ограничения статичных классификаций, акцентируя взаимосвязь субъективных и объективных факторов на различных стадиях криминальной активности.

Представляется, что все способы непосредственного совершения преступления можно подразделить на две основные группы: интеллектуальный и материальный способ фальсификации. Такое деление на две группы поддерживается большинством ученых [5, 11 и др.].

Данная классификация способов фальсификации доказательств на интеллектуальный и материальный представляет собой методологически значимую конструкцию, обеспечивающую системное осмысление природы и механизмов противоправного воздействия на доказательственную базу. Научная ценность данной классификации заключается в её способности структурировать объект исследования через призму двойственной природы фальсификации: как акта, направленного на искажение информационного содержания (интеллектуальный аспект), так и материального преобразования носителей доказательственной информации (физический аспект). Такое разделение соответствует фундаментальным принципам криминалистической систематики, основанной на дифференциации идеальных и вещественных компонентов преступной деятельности.

Интеллектуальная фальсификация связана с искажением фактов действительности без прямого физического воздействия на документы, которые впоследствии могут стать доказательствами по уголовному делу. В данной ситуации акцент делается на том, чтобы у субъекта преступления присутствовало намерение ввести в заблуждение процесс судебного разбирательства не путем физической подделки, подчистки и т.п., а например, документально оформить имитацию следственного действия без его реального проведения.

Материальная фальсификация, в свою очередь, включает физическое изменение или подделку доказательств, путем дописки, подчистки и прочих видов материальных подлогов.

Стоит обратиться к общей для обоих видов фальсификации доказательств проблеме доказывания – установление вины лица, совершившего преступление. Данная проблема, несомненно, является одной из наиболее сложных в уголовном судопроизводстве. Умысел предполагает осознание лицом общественной опасности своих действий и желание их совершить. На практике же лицо, совершившее преступление, может скрывать свои истинные намерения, не сознаваясь в совершении уголовно-наказуемого деяния. К тому же, в самих материалах уголовного дела может не быть прямых доказательств, которые указывали бы на умысел лица, совершившего преступление.

Применительно к такому преступлению, как фальсификация доказательств по уголовному делу на досудебном этапе, стоит отметить, что сфальсифицированные процессуальные документы, содержащиеся в материалах уголовного дела, по своей структуре и форме визуально могут быть неотличимы от документов, которые были составлены с соблюдением уголовно-процессуального законодательства. По этой и другим причинам следователь может испытывать затруднения при определении умысла лица, совершившего преступление. В связи с этим при определении умысла необходимо четко анализировать как поведение подозреваемого в совершении преступления в досудебном производстве, так и особенности составления документов и выявление несоответствий в материалах дела.

Однако стоит подчеркнуть, что при выявлении незаконных действий при составлении процессуальных документов в материалах уголовного дела, важно определить, как были совершены эти действия – умышленно или по неосторожности. Данный факт важен как при квалификации содеянного, так и при доказывании преступления.

Практика применения по данной уголовно-правовой норме такова, что вина будет установлена лишь в том случае, если виновный сам признаёт свою вину. Однако, это отражает одну из особенностей уголовного процесса, но не исчерпывает всех возможностей доказывания умысла. Признание вины — важное доказательство, но согласно уголовно-процессуальному законодательству, вина должна быть установлена на основании всей совокупности доказательств.

Отсутствие признания не означает невозможность установления вины. Умысел может быть выявлен путём анализа противоречий в материалах дела, сопоставления процессуальных документов с фактическими обстоятельствами, оценки поведения подозреваемого в совершении преступления, а также на основании показаний свидетелей и иных доказательств, указывающих на умышленный характер действий преступника.

Еще одна частая проблема в доказывании фальсификации доказательств по уголовным делам – подделка подписи. На практике один из часто встречающихся способов фальсификации доказательств является оформление неподлинной (поддельной) подписи. Данный факт может быть выявлен в нескольких случаях: при передаче дела в суд; в надзорном органе прокуратуры по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования; при проверке руководителем следственного органа или начальником органа дознания.

Однако, исходя из материалов судебных решений, бывают ситуации, когда лицо, чья подпись могла быть подделана, на судебном заседании заявляет о том, что он переволновался, не различил допрос от объяснения и др. Полагаем, что в данном случае целесообразно учитывать и использовать следующие методы и подходы:

1) При возникновении вопроса о подделке подписи, безусловно, должна быть назначена почерковедческая экспертиза. В рамках данного мероприятия проводится анализ представленных образцов подписей, по результатам которого

подводится вывод о том, присутствуют ли в документе признаки подделки. Проведение данной экспертизы является неотъемлемым мероприятием при расследовании фальсификации подписи в документе, являющимся доказательством по уголовному делу, ведь в рамках данной процедуры учитываются особенности почерка, характер движений при подписании, возможные отклонения от стандартного написания и другие детали. Стоит отметить, что для экспертизы важно предоставить не только спорную подпись, но и ряд свободных и экспериментальных образцов подписи лица для сравнения.

2) Также необходимо учитывать те условия, при которых была поставлена подпись. Если есть основания полагать, что человек находился в состоянии стресса, волнения или иных обстоятельствах, влияющих на моторику руки, это должно быть учтено при экспертизе. Эксперты могут оценить, могли ли такие факторы повлиять на изменение почерка и привести к отличиям от обычного образца подписи.

3) Наконец, целесообразно сопоставить подписи с другими доказательствами (при их наличии) и документами в материалах дела, ведь суд рассматривает не только подпись, но и обстоятельства, при которых документ был подписан. Например, если из материалов дела следует, что человек не мог находиться в определённом месте в момент подписания документа, это косвенно указывает на возможность подделки.

А.Ю. Сафронов, на основе изучения материалов уголовных дел, к основным способам непосредственного совершения преступлений рассматриваемой группы относит: а) недостоверное указание даты, времени, места производства того или иного следственного действия (либо оперативно-разыскного мероприятия); б) внесение в протоколы (бланки объяснений) сведений, о которых не сообщало допрашиваемое (опрашиваемое) лицо; в) внесение изменений в заключение эксперта (специалиста); г) приобщение к материалам дела (материалам проверки) недостоверных документов; д) составление протокола следственного действия или оперативно-разыскного мероприятия при его непроведении; е) преступные манипуляции с вещественными доказательствами (иными объектами материального мира); ж) подделка подписей; з) фальсификация явки с повинной [6]. Из этого можно сделать вывод, что способы фальсификации доказательств являются действительно разнообразными, в связи с чем не представляется возможным определить их четкое количество, а значит и конкретное количество способов совершения данного преступления.

Учитывая разнообразие способов фальсификации доказательств в досудебном производстве по уголовным делам, сложности в доказывании фальсификации доказательств в досудебном производстве по уголовным делам обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, непросто определить, являются ли сфальсифицированные объекты доказательствами по уголовному делу или иными объектами материального мира. Судебная практика свидетельствует о том, что некоторые документы, например, ксерокопии или сведения, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, могут не признаваться доказательствами, что затрудняет квалификацию деяния по ч. 2-4 ст. 303 УК РФ [1].

Во-вторых, сложно отграничить уголовно наказуемое деяние от дисциплинарного проступка. Действия, связанные с получением доказательств с нарушением требований УПК РФ, не всегда могут быть признаны уголовно наказуемой фальсификацией. Разграничение часто зависит от отдельных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, что создаёт неопределённость в правоприменении [2].

В-третьих, неоднозначность судебной практики затрудняет доказывание фальсификации: некоторые суды считают, что несоблюдение порядка получения доказательств не является фальсификацией, тогда как Верховный Суд РФ придерживается противоположного мнения. Это затрудняет прогнозирование исхода дела и выработку единой практики [2].

В-четвертых, возникают споры относительно того, образует ли состав преступления фальсификация доказательств, которые впоследствии были признаны судом недопустимыми и не повлекли общественно опасных последствий [8]. В этой связи следует четко понимать, что состав преступления по ч. 2 ст. 303 УК РФ является формальным, а значит не требует наступления общественно опасных последствий. Законодатель тем самым подчеркивает, что сам факт фальсификации является преступным, так как подрывает саму суть правосудия. Это говорит о том, что признание доказательств недопустимыми не должно влиять на квалификацию преступного деяния.

Таким образом, полагаем, что выводы относительно исследования о способах совершения данного преступления и проблемах его доказывания следует сделать следующие.

Во-первых, структура совершения фальсификации доказательств в досудебном производстве по уголовным делам в контексте изучения способа его совершения включает последовательные этапы: формирование умысла, детерминированного внешними обстоятельствами; подготовительные действия, направленные на обеспечение условий для противоправных действий (например, привлечение соучастников или средств совершения преступления); непосредственная реализация фальсификации доказательств; систематическое сокрытие следов преступления на различных стадиях совершения преступления; а также дальнейшее противодействие следственным мероприятиям, направленных на установление вины преступника.

Во-вторых, современная доктрина дифференцирует способы непосредственного осуществления фальсификации на интеллектуальный (искажение смыслового содержания доказательств без прямого физического воздействия на документы, а, например, через подлог доказательства другим (сфальсифицированным) и материальный (физическое изменение или подделку доказательств, путем дописки, подчистки и др. методов). Данная классификация, получившая широкое признание в научном сообществе, отражает дуализм природы противоправных действий, сочетающих манипуляции как с информационной, так и с материальной составляющей доказательной базы.

В-третьих, доказывание фальсификации доказательств требует тщательного анализа предмета преступления, правильной квалификации деяния, учёта судебной практики и умения выявлять скрытые признаки подлога. Существующие

правовые неопределённости и различия в подходах судов усложняют этот процесс и требуют от следователей высокой профессиональной подготовки и внимательного изучения норм УПК РФ и УК РФ.

Список литературы:

1. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 дек. 2004 г. № 3-О04-42.

2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 авг. 2010 г. по делу № 66-О10-115.

3. Ответственность за фальсификацию доказательств. Разъяснения прокуратуры Тюменской области. Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. // [Электронный ресурс] – URL: https://admin.admtyumen.ru/ogv_ru/society/more.htm?id=12081749@cmsArticle (Дата обращения: 03.09.2025 г.)

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам против правосудия» // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/ (дата обращения: 03.09.2025 г.).

5. Сафронов, А. Ю. Расследование фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности: специальность 12.00.12 "Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность" : дис. на соиск. уч. ст. к.ю.н. / А. Ю. Сафронов. – Москва, 2020. – 263 с.

6. Сафронов, А. Ю. Способ совершения преступления по уголовным делам о фальсификации доказательств и (или) результатов оперативно-разыскной деятельности / А. Ю. Сафронов // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 4(20). – С. 122-127.

7. Свиридов С. В. Квалификационные ошибки, выражающиеся в неверном установлении отсутствия или наличия в деянии признаков состава преступления, предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 198.

8. Спектор Л.А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. … доктора юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. С. 6.

9. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ — URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения 10.01.2025).

10. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011. С. 549.

11. Фальсификация доказательств: нюансы квалификации. Федеральная Палата адвокатов Российской Федерации. // [Электронный источник] URL: https://fparf.ru/news/fpa/falsifikatsiya-dokazatelstv-nyuansy-kvalifikatsii/ (Дата обращения: 03.09.2025 г.) и др.

12. Холевчук, А. Г. Фальсификация как объект криминалистического исследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – С. 34.

© Нестеров В.С., 2025

EDN: IYEDGD

Нисневич Алена Константиновна,
преподаватель кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Даровских Ольга Игоревна,
профессор кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

Цифровые доказательства в современном судопроизводстве: аргументы в пользу формирования новой процессуальной категории

Аннотация: в статье исследуется проблема правового регулирования цифровых доказательств в уголовном процессе. Научная новизна исследования заключается в разработке трехуровневой модели интерпретации цифровых доказательств, интегрирующей технические, семантические и процессуальные аспекты. Автор обосновывает необходимость создания адаптивных механизмов верификации, сочетающих технологическую нейтральность с процессуальной определённостью, и предлагает новый подход к пониманию цифровой целостности доказательств.

Ключевые слова: цифровые доказательства; уголовное судопроизводство; процессуальная допустимость; блокчейн-верификация; криптографическая защита; цифровая криминалистика; электронный след.

Новейшие информационные технологии кардинально меняют характер формирования, хранения и передачи информации, что неизбежно отражается на процессуальных аспектах судопроизводства.

Технологический прогресс приводит к тому, что значительная часть доказательственной базы существует исключительно в цифровой форме. Электронные письма, сообщения в мессенджерах, данные с серверов, цифровые следы в сети Интернет становятся неотъемлемой частью современного судебного процесса. При этом традиционные подходы к пониманию доказательств, основанные на материальном носителе информации, оказываются недостаточными для эффективного использования новых видов доказательств, что, по нашему мнению, является цифровыми доказательствами (здесь и далее под цифровыми доказательствами понимаются электронные данные, имеющие доказательственное значение и используемые в качестве доказательств по уголовному делу).

Судебная практика демонстрирует растущее количество дел, где цифровые доказательства играют решающую роль. Однако отсутствие четкой правовой регламентации их сбора, фиксации и оценки создает существенные препятствия для реализации принципа справедливости судебного разбирательства. Действующее законодательство не успевает адаптироваться к быстро меняющимся технологическим реалиям, что порождает правовую неопределенность.

При всей важности электронных следов для современного расследования преступлений, правовая наука не может прийти к единому терминологическому знаменателю. С одной стороны, как утверждает М.И. Воронин, электронные доказательства представляют собой информацию, которая содержится как в электронных документах, так и на цифровых носителях, и служит основанием для определения наличия или отсутствия значимых обстоятельств при расследовании уголовного дела [1, с. 74]. Вместе с тем, по мнению С.В. Зуева «электронные доказательства включают в себя информацию, представленную в цифровой форме, которая способна устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, хранящуюся на электронном носителе информации и (или) представленную независимо от него» [3, с. 46].

Подобная терминологическая неоднозначность отражает методологический кризис правовой науки, пытающейся адаптировать классические доктрины доказывания к реалиям цифровой эпохи. Если подход М.И. Воронина сохраняет привязку к материальному носителю как гаранту достоверности, то формулировка С.В. Зуева косвенно признаёт самостоятельную ценность цифровых данных вне их «физической оболочки» – что принципиально важно для работы с блокчейн-транзакциями или облачными сервисами. Мы полагаем, что ключевым критерием должно выступать сохранение цифровой целостности (хэш-идентичность, неизменность метаданных), а не форма привязки к носителю. Такой подход позволит учитывать специфику децентрализованных систем, где доказательства существуют в распределённой сети, а не на конкретном устройстве. Однако данная позиция требует пересмотра традиционных процессуальных процедур, что неизбежно порождает сопротивление консервативной части правоприменителей.

Проведённый анализ большого количества научных источников и судебных решений за период 2015 – 2024 гг. выявил фундаментальный гносеологический конфликт между материалистическим и информационным подходами. Первый, отражённый в ст. 84 УПК РФ (иные документы), акцентирует физическую природу носителя, тогда как второй фокусируется на семантической ценности данных. Ярким примером этой коллизии выступают ситуации с VPN-серверами, где следы преступления существуют в форме временных сетевых логов, не соответствующих критериям вещественных доказательств.

Технологической особенностью цифровых артефактов является временна́я нестабильность блокчейн-записей, автоматическая синхронизация облачных хранилищ, анонимизация в TOR-сетях, которые вступают в противоречие с традиционными требованиями к допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ), обусловливая необходимость разработки новых критериев верификации, учитывающих специфику обработки информации в распределённых системах.

Некоторые авторы полагают, что цифровые доказательства представляют собой отдельный источник сведений, которые не могут заменить другие виды доказательств, а лишь дополняют их, в связи с чем такие сведения могут использоваться для вспомогательного подтверждения или опровержения каких-либо фактов [8, с. 2]. Однако данная позиция не учитывает революционный потенциал цифровых технологий, способных не просто дополнять, но и переопределять саму логику доказывания. Цифровые доказательства, выступая в роли «интеллектуального усилителя» традиционного следствия, требуют формирования гибридной парадигмы, где алгоритмы машинного обучения и блокчейн-верификация становятся равноправными участниками процесса установления истины.

По нашему мнению, цифровые доказательства, в своей сущности, представляют динамическую совокупность контекстуализированных данных, чья доказательственная ценность определяется не столько материальной фиксацией, сколько сохранением цифрового континуума – цепочки взаимосвязанных метаданных, алгоритмических паттернов и семантических связей. Их ключевая особенность заключается в способности к мультипликации смыслов: один цифровой артефакт (например, криптовалютная транзакция) может одновременно служить доказательством мотива, способа совершения преступления и круга причастных лиц, в зависимости от уровня анализа.

Принципиальное отличие от традиционных доказательств заключается в нелинейности существования во времени и пространстве. Если вещественное доказательство (нож, документ) имеет чёткую локализацию, то цифровой след в распределённом реестре или облаке существует как сеть зеркальных копий, постоянно верифицируемых алгоритмами консенсуса, что требует смещения акцента с «неизменности» на прослеживаемость изменений – например, через анализ истории Git-коммитов или цепочек блоков.

Таким образом, сущность цифровых доказательств представляет собой алгоритмически опосредованную достоверность, где роль гаранта истинности выполняют не человеческие свидетельства, а криптографические протоколы и механизмы распределённого доверия. Однако новый взгляд на доказательства через призму технологий сталкивается с устоявшейся системой, где окончательное решение остаётся за судьёй, а не за нейросетью. Разрешение данного конфликта служит вызовом для новой доказательственной философии, где «истина» становится не статичным фактом, а верифицируемым состоянием системы.

Современные исследования подчёркивают, что данные в цифровом пространстве существуют в парадоксальном состоянии одновременной стабильности и изменчивости. Такой феномен имеет отражение, например, в работе Решетняка В.И. и Смагиной Е.С. [5], где они отмечают, что цифровые данные обладают особой процессуальной легитимацией, при которой их достоверность определяется документально зафиксированной цепочкой преобразований, включая версии программного обеспечения и протоколы передачи, создавая интересный парадокс: формальная неизменность хэш-сумм сочетается с семантической изменчивостью при интерпретации через различные алгоритмы. Хайрусов Д.С. и Ражабов А.Б. анализируют парадокс цифровых доказательств в судопроизводстве: скриншоты сохраняют формальную идентичность (через хэширование), но их

интерпретация варьируется в зависимости от ПО, используемого для воспроизведения, что создаёт конфликт между технической неизменностью и смысловой пластичностью [7, с. 172]. Вместе с тем, считаем необходимым подчеркнуть двойственность цифровых следов, которые материально фиксируются на носителях, но их доказательственная ценность зависит от алгоритмов анализа и контекста использования [2, с. 326]. Например, IP-адрес стабилен как запись, но его привязка к конкретному лицу может меняться при перераспределении сетевых ресурсов.

В контексте уголовного судопроизводства особое значение приобретает исследование природы цифровых доказательств, которые демонстрируют уникальное свойство – одновременную стабильность и изменчивость. Данный феномен не является лишь техническим аспектом, а представляет собой фундаментальную характеристику современной системы доказывания. В уголовном процессе цифровые доказательства функционируют в двух плоскостях: как неизменные объекты фиксации (хэш-суммы, IP-адреса, записи в электронных базах) и как динамические информационные процессы, чья доказательственная ценность формируется через призму контекста, алгоритмов обработки и сопутствующих метаданных.

Подобная двойственность порождает существенные вызовы для уголовно-процессуальной теории и практики. В частности, возникает необходимость создания специальных процессуальных механизмов работы с цифровыми доказательствами, учитывающих их особую природу. Так, даже при наличии надёжной криптографической защиты электронного документа (например, скриншота переписки) остаётся проблема его корректной интерпретации через различные версии программного обеспечения, что может повлиять на оценку доказательственной базы.

В современном уголовном процессе цифровые доказательства трансформируются из статичных объектов в процессуальные события, развивающиеся во времени. Их юридическая сила определяется не столько первоначальным состоянием, сколько всей цепочкой преобразований и взаимодействий в информационной среде. Это требует разработки комплексных процессуальных подходов, объединяющих традиционные методы фиксации доказательств с современными технологиями анализа цифровых следов.

Таким образом, будущее уголовно-процессуального доказывания связано с формированием интегрированной системы, сочетающей технические методы обеспечения неизменности доказательств с динамическим анализом их контекста. Только такой подход позволит преодолеть существующие противоречия между формальной стабильностью цифровых данных и их содержательной изменчивостью в процессе доказывания.

В научных исследованиях неоднократно подчеркивается, что действующее законодательство не учитывает специфику цифровых данных, что создаёт пробелы в доказывании. Например, К.Б. Калиновский отмечает, что смешение цифровых доказательств с традиционными вещественными или документальными приводит к «процессуальной неопределённости», так как их сбор и оценка требуют принципиально иных методов, включая криптографическое хеширование

и анализ метаданных [4, с. 94]. Попытки «вписать» цифровые доказательства в устаревшие процессуальные рамки не только искажают их природу, но и создают риски судебных ошибок. Если традиционные вещественные доказательства (например, орудие преступления) обладают статичной материальной формой, то цифровые данные существуют в парадоксальном состоянии: их битовая структура может оставаться неизменной (благодаря хешированию), но смысловое содержание – трансформироваться в зависимости от контекста интерпретации (версии ПО, алгоритмов визуализации).

Кроме того, отсутствие чёткого определения цифровых доказательств в УПК РФ затрудняет их допустимость в суде, поскольку судьи вынуждены применять нормы, разработанные для материальных объектов, к информации, существующей в «нематериальной форме» [6, с. 176]. Приведенная правовая неопределённость не только усложняет процедуру доказывания, но и создаёт системный перекос в оценке доказательств. Применение норм, разработанных для материальных объектов (например, изъятие «вещественного носителя» по ст. 177 УПК РФ), к цифровым данным приводит к абсурдным ситуациям: суды требуют «предоставить оригинал» электронного документа, игнорируя, что его «оригинал» – это совокупность битов, распределённых в облачной среде, а не физический артефакт.

В качестве методологического решения предлагается трехуровневая модель интерпретации цифровых доказательств, интегрирующая технические, семантические и процессуальные аспекты. На техническом уровне рассматриваются физические носители и бинарные данные, на семантическом – логически структурированная информация (например, метаданные переписки), на процессуальном – юридически значимые формы фиксации (протоколы, экспертные заключения). Такая классификация позволяет разграничить требования к целостности хэш-сумм и соблюдению процессуальных норм, что особенно актуально для IoT-устройств с их децентрализованной архитектурой.

Начало трехуровневой модели интерпретации цифровых доказательств определяется моментом первичного контакта с цифровым доказательством, то есть «точкой», в которой происходит обнаружение и фиксация материала на техническом уровне, что включает идентификацию носителя и первичное документирование состояния данных. Завершение модели наступает при полной юридической верификации доказательства, что характеризуется оформлением всех необходимых процессуальных документов, подготовкой экспертных заключений и включением доказательственной базы в материалы уголовного дела.

Практическая значимость модели проявляется в возможности стандартизации экспертных исследований по аналогии с ГОСТ Р 7.0.8-2025, а также в разработке протоколов взаимодействия правоохранительных органов с провайдерами цифровых услуг. Ключевым направлением становится разработка гибких систем проверки подлинности цифровых данных, которые должны гармонично сочетать технологическую универсальность с чёткими процессуальными требованиями, вместо того чтобы тратить усилия на поиск единого определения цифровых доказательств.

В современных условиях развития IoT-технологий и децентрализованных систем хранения данных предложенная модель становится особенно актуальной, в связи с тем, что она позволяет преодолеть существующие противоречия между материальным и нематериальным характером доказательств, обеспечивая их достоверность через комбинацию технических и процессуальных методов верификации, что создает основу для эффективного использования цифровых доказательств в уголовном процессе при сохранении фундаментальных принципов правосудия.

Перспективы развития связаны с формированием междисциплинарной методологии, объединяющей юриспруденцию, компьютерные науки и цифровую криминалистику, что предполагает не только обновление образовательных программ, но и институционализацию новых форм взаимодействия между законодателями, правоприменителями и IT-индустрией. Как показывает практика расследования киберпреступлений, именно синергия юридических и технических компетенций позволяет решить проблему насильственного приспособления цифровых доказательств под устаревшие стандарты.

Проведенное исследование показало, что существующая система уголовно-процессуального доказывания требует фундаментальной трансформации в связи с цифровизацией доказательственной базы. Предложенная нами модель способствует устранению противоречий между материальным и нематериальным характером доказательств, обеспечивая их достоверность через комбинацию технических и процессуальных методов верификации. Практическая реализация разработанных предложений создаст основу для эффективного использования цифровых доказательств в уголовном процессе при сохранении фундаментальных принципов правосудия.

Список литературы:

1. Воронин, М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М. И. Воронин // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 7(152). – С. 74-84.
2. Закиян, А. А. Цифровые следы в криминалистике / А. А. Закиян // Молодой ученый. – 2023. – № 23(470). – С. 326-328.
3. Зуев, С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение / С. В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3(26). – С. 46-51.
4. Калиновский, К. Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: динамический или статический подходы / К. Б. Калиновский // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 года / Под общ. редк. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2018. – С. 94-103.
5. Решетняк, В. И. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт) / В. И. Решетняк, Е. А. Смагина. – Москва : Издательский дом "Городец", 2017. – 304 с.

6. Темников, А. С. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы и перспективы использования криптографического хеширования / А. С. Темников // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 3(84). – С. 176-192.

7. Хайрусов, Д. С. Исследование цифровых доказательств в судебном процессе / Д. С. Хайрусов, А. Б. Ражабов, Я. А. Слотина // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 3(60). – С. 171-176.

8. Шаталов, А. С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве / А. С. Шаталов // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 500. – С. 231-237.

©Нисневич А.К., 2025

EDN: KEJYUA

Новосельская Елизавета Романовна,
студент факультета
подготовки специалистов для судебной системы
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»

Научный руководитель:
Конин Владимир Владимирович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

Некоторые вопросы симуляции психического заболевания лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые вопросы симуляции психического заболевания лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, как способ противодействия расследованию преступлений в стремлении избежать наказания. Одновременно с этим предпринята попытка исследовать некоторые аспекты вменяемости лица, привлекаемого к уголовной ответственности, попытки симуляции невменяемости, способы симуляции. Особое внимание уделяется вопросам правильности оценки психического состояния лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и демонстрации того, как симуляция может влиять на расследование уголовного дела.

Ключевые слова: вменяемость; симуляция; судебная психиатрическая экспертиза; противодействие расследованию; вина.

Основная задача, поставленная обществом перед уголовным процессом, – установление всех обстоятельств совершенного преступления с тем, чтобы каждому виновному было назначено справедливое наказание. Ключевым аспектом уголовного процесса является доказывание виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Одним из вопросов, кардинально влияющих на подтверждение или опровержение вины, является вменяемость или невменяемость обвиняемого.

При установлении состава преступления, в каждом случае должен присутствовать обязательный элемент - непосредственный нарушитель права, привлекаемое к уголовной ответственности лицо, то есть субъект преступления. У субъекта, то есть лица, обвиняемого в совершении преступлении, в его действиях в обязательном порядке должны присутствовать все элементы состава преступления, в том числе вина. Вина в уголовном праве подразумевает собой психическое отношение физического лица к совершенному действию или бездействию. В критерии для субъекта, как физического лица, привлекаемого к уголовной ответственности, входит одно из основополагающих качеств как вменяемость, которое тесно взаимодействует с принципом вины. Вина существует в двух формах, в форме умысла и неосторожности.

Руководствуясь Уголовным кодексом Российской Федерации, к уголовной ответственности, может быть привлечено только вменяемое физическое лицо, достигшее соответствующего возраста. Вменяемость, в свою очередь, не имеет в российском уголовном законе четко регламентированного понятия, но при этом в уголовном законе существует определение лица, которое нельзя привлечь к ответственности по причине его невменяемости. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики (ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Однако, это условие, позволяющее избежать уголовного преследования и последующего наказания, привлекает внимание некоторых лиц, совершивших преступления, и подлежащих уголовной ответственности, которые начинают симулировать психическое заболевание либо временное психическое расстройство. Эти действия необходимо рассматривать как противодействие действиям дознавателя либо следователя при производстве предварительного расследования по уголовным делам. Тема противодействия расследованию достаточно активно исследуется науками уголовного процесса и криминалистики, что позволяет выработать рекомендации по преодолению противодействия [1, с. 11-114; 2, с. 129-133; 3; 4, с. 85-89; 5, с. 152-159 и др. авторы].

Соответственно, в выше поставленном вопросе очень важную роль играет судебная психиатрия в качестве оценки психического состояния лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Перед экспертами-психиатрами стоит задача определить психическое состояние обвиняемого, наличие психического заболевания, и соотношение психического заболевания к совершенному преступлению, то есть не только определить порок или его отсутствие, но и его непосредственное отношение к преступному деянию. Вменяемость - это способность субъекта осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействий и руководить ими [6, с. 85]. Руководствуясь вышеуказанным утверждением, невменяемость, в свою очередь, подразумевает собой в

качестве медицинского термина особое состояние психики, препятствующее типичному восприятию реальности, то есть отсутствие качеств, присущих вменяемому лицу.

Некоторые лица, страдающие какой-либо формой психического расстройства, привлекаемые к уголовной ответственности, как стоящие, так и не стоящие на учете в психиатрических диспансерах, после совершения преступлений злоупотребляют своим заболеванием, и ссылаются на невменяемость. Но статья 22 УК РФ устанавливает, что вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. Значение статьи заключается в том, что не каждое лицо, имеющее расстройство, признается невменяемым.

И на этом фоне особое значение приобретают вопросы судебной экспертизы как особого вида уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 16-19; 8, с. 15-18; 9; 10 и др. авторы].

При определении психического статуса лица эксперты-психиатры при проведении экспертизы учитывают многие аспекты: наличие симптомов, психическое отношение лица к деянию, вопрос о наличии порока воли в момент совершения преступления. Эксперты-психиатры выявляет большое количество различных пороков психики человека, которые могут свидетельствовать о нарушении психики.

Психические расстройства обладают рядом медицинских аспектов, таких как (в рамках ограниченного объема статьи будет приведен не полный список):

- нарушение мышления (нарушения познания, которые негативно влияют на речь, содержание мыслей и их последовательность, следствием могут выступать нарушения, которые проявляются, в том числе, в речи и общении);

- нарушения памяти (снижение либо полная утрата функции регистрации, сохранения и воспроизведения информации);

- нарушения восприятия (группа симптомов различного происхождения, при которых нарушается нормальный процесс усвоения и переработки поступающей информации);

- сенестопатии (неприятные, мучительные ощущения в различных частях тела и внутренних органах, не связанные с соматическими патологиями);

- расстройства схем тела (психосенсорные расстройства, при которых искажённо воспринимается размер, масса и форма собственного тела. Одной из причин расстройства схем тела является поражение головного мозга);

- деперсонализация (расстройство самосознания, характеризующееся стойким или периодически возникающим чувством изменения и отчуждения, раздвоения собственной личности, тела, умственных процессов);

- навязчивые состояния (психическое расстройство, в основе которого лежат навязчивые мысли, идеи и действия, возникающие помимо разума и воли человека);

- дереализация (нарушение восприятия, при котором окружающий мир воспринимается как нереальный или отдалённый, лишённый своих красок и при котором могут происходить нарушения памяти).

Необходимо отметить, что при совершении преступления не каждое лицо, имеющее признаки психического расстройства, будет признано невменяемым. В юриспруденции для невменяемости существуют два основных критерия - это интеллектуальный и волевой характер. Волевому признаку присуще отсутствие возможности лица руководить своими действиями. Интеллектуальный принцип подразумевает собой неспособность лица оценивать характер своих действий и их общественную опасность. В судебной практике установлено, что в момент совершения преступления лицо должно быть в невменяемом состоянии, поскольку психическое заболевание, в зависимости от формы, стадии, вида и многих других аспектов не исключает вменяемости. В этом вопросе в качестве субъектов, злоупотребляющих своим положением, могут быть две категории. В первую категорию входят лица, не имеющие задокументированного статуса как лицо, страдающее тем или иным психическим заболеванием, которое может свидетельствовать о невменяемости. В таких случаях обвиняемый под руководством стороны защиты или по своему желанию присваивает себе статус невменяемого посредством симуляции признаков психического недуга или фальсифицирует показания о своем здоровье. Для примера простой симуляции психического заболевания при рецидиве преступления, предусмотренного 158 статьёй УК РФ (кража), в качестве недуга, близко расположенного по смыслу и подходящий к данному составу преступления, можно рассмотреть клептоманию. Прикладывая основные принципы, закрепленные в законе для присвоения статуса невменяемого, складывающегося из мединских и юридических критериев, лицо может соответствовать некоторым квалифицирующим признакам, и вероятно человек, совершивший кражу, будет признан психически больным. В данном случае имеет место неспособность в полном объеме осознавать сущность совершённого противозаконного деяния. Но психиатры утверждают, что таким образом фальсифицировать заболевание невозможно. При этом существует ряд психических расстройств, при которых вменяемость не исключается. В данном аспекте важно не только само наличие недуга, который может носить различный характер, но и непосредственное отношение лица к совершенному деянию. При проведении судебной экспертизы членами психиатрической комиссии, исходя из общих медицинских критериев, будет выявлено наличие симптомов, характерных для лица, страдающего психическим заболеванием. В медицине используются такие признаки, как хроническое и временное состояние заболевания. Хроническое подразумевает постоянное наличие заболевания у человека. Для данного признака характерна шизофрения или биполярное аффективное расстройство. Для временного характерны заболевания, близко связанные с внешними факторами и протекающие периодично и недолго, к примеру, алкогольный делирий (белая горячка) и различные невротические расстройства (не все). В случае обнаружения расстройства, не имеющего отношения к преступлению, это будет учтено судом, при назначении наказания и может служить основанием для назна-

чения мер медицинского характера, принудительной госпитализации. Психическое расстройство, как отмечал Ю.А. Березанцев, в свою очередь, может не противоречить вменяемости. Во вторую категорию симулирующих лиц можно отнести людей, обладающих психиатрическим расстройством, не имеющим никакого отношения к совершенному преступлению или попытки избежать наказания путем симуляции показаний состояния в момент совершения преступления [11, с. 144]. Такая категория лиц, как правило, имеет задокументированный статус психически нездорового человека, как правило, лица, больные шизофренией или любым подобным заболеванием в такой форме, когда болезнь позволяет лицу понимать его положение в пространстве, реальную действительность, осознавать преступность и общественную опасность своего деяния. При психиатрическом освидетельствовании будет исследоваться не только вопрос о наличии заболевания (даже несмотря на фактический документ), но и будет решаться вопрос о влиянии заболевания на совершенное преступление. Если в ходе исследования выяснится, что заболевание никоим образом не способствовало совершению преступления, лицо будет признано на момент совершения преступления вменяемым и будет привлечено к уголовной ответственности.

В течение всего существования правосудия тема о симуляции психического заболевания лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, была и будет актуальна для обсуждения. В наше время в данном аспекте законодательство очень лояльно по отношению к лицам, имеющим психические заболевания, но вопрос о том, имеется ли смысл изменения или даже местами ужесточения существующих норм остается открытым, поскольку рост возникновения новых (тех же старых заболеваний в новом проявлении) психических отклонений и количественный рост старых недугов растет. Важна целесообразность корректировки закона и актуальность предполагаемых изменений к разным категориям лиц, совершающим преступления на почве психического заболевания.

Список литературы:

1. Познухова В. А., Морозова Н.В. Формы противодействия расследованию и методы его преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 4(77). С. 111-114;

2. Конин В.В. Тактика противодействия обвинению и ее субъекты // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права (к 10-летию принятия Конституции России). Материалы международной научн.-практ. конференции, Екатеринбург, 29-30 декабря 2003 г. Екатеринбург, изд-во «Чароид», 2004 г. С. 129-133

3. Флоря Д. Ф. Противодействие расследованию преступлений и пути его преодоления: учебное пособие; Мин-во внутренних дел Российской Федерации, Федеральное гос. казённое образовательное учреждение высш. проф. образования "Орловский юридический ин-т Мин-ва внутренних дел Российской Федерации". – Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 117 с.

4. Безверхов А. Г., Марьина Е.В. Коррупция как криминологическая категория // Уголовное право. 2010. № 6. С. 85-89

5. Виноградова В. А., Абрамкин А. Д. Процессуальные правила допроса несовершеннолетнего потерпевшего, направленные на обеспечение интересов правосудия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 152–159.

6. Осколкова С. Н. Судебная психиатрия для будущих юристов. Москва: ИД Городец, 2021. 423 с.

7. Конин В. В. Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 4. С. 16-19.

8. Калиновский К.Б., Конин В.В. К вопросу о независимости судебного эксперта // Эксперт-криминалист. 2020. № 1. С. 15-18.

9. Россинская Е. Р., Зинин А.М. Экспертиза в судопроизводстве: Учебник для студентов-специалистов, магистров, аспирантов, преподавателей вузов, юристов-практиков. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. 416 с.

10. Россинская Е. Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2025. – 448 с.

11. Березанцев, А. Ю. Судебная психиатрия в 2 т.: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2015. 562 с.

© Новосельская Е.Р., 2025

EDN: KKJSRX

Погорелова Ксения Руслановна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Чабукиани Оксана Алексеевна
начальник кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

Реализация программ восстановительного правосудия при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ

Аннотация: автором рассмотрена возможность применения программ восстановительного правосудия при расследовании изнасилований. В условиях традиционного уголовного судопроизводства потерпевшие не всегда могут участвовать в восстановлении справедливости. Интеграция восстановительного подхода в расследование изнасилований способствует возможности возмещения вреда, причиненного преступлением и предупреждению повторных преступлений. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к внедрению подобных альтернатив в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: программы восстановительного правосудия; потерпевший; жертва изнасилования; уголовно-правовой конфликт; уголовное судопроизводство.

Актуальным остается вопрос борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности, которые не просто затрагивают частные интересы лица и нарушают его права и свободу, но и свидетельствуют о нравственном упадке общества.

Сексуальное насилие, являясь тяжким преступлением, наносит не только физический вред здоровью, а также причиняет морально-нравственные страдания, которые в последствии могут перерастать в психологические травмы, оказывать негативное влияние на психическое здоровье жертвы. Помимо этого, причиняется вред обществу, чувство безопасности у граждан снижается, панические настроения и беспокойство влияют на поведение людей.

Говоря о статистических данных зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилования следует отметить, что за 2020 г. таких преступлений насчитывается 3 535 [1, с. 6], за 2021 г. - 3 457 [2, с. 6], за 2022 г. – 3 311 [3, с. 6],,

за 2023 г. – 3 096 [4, с. 6], за 2024 г. – 3 104 [5, с. 6], за январь-июль 2025 г. зарегистрировано 2 073[6, с. 6] (Рисунок 1). Следует отметить относительно стабильное количество зарегистрированных преступлений данного вида, что свидетельствует о необходимости принятия мер по их снижению.

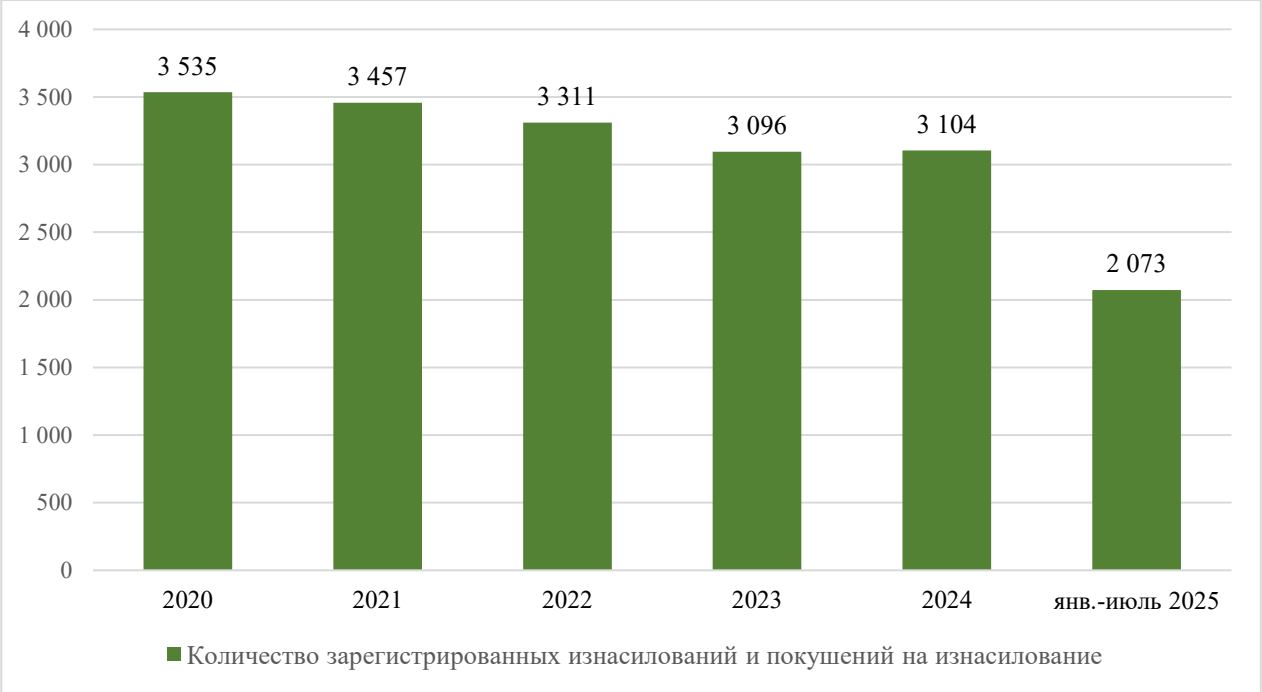

Рисунок 1. Статистические данные количества зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование

Обратимся к данным судебной статистики (Рисунок 2). Для анализа мы взяли период с 2016 года для того, чтобы проследить динамику изменений. Так, в 2016 году количество осужденных лиц по ст. 131 УК РФ от количества осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности составило 35,6%. В 2017 году – 30,8%; в 2018 году – 30,3%; в 2019 году – 27,4%; в 2020 году – 28,2%; в 2021 году – 25,6%; в 2022 году – 24,8%; в 2023 году - 23,4%; в 2024 году – 21,9% [7]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что количество осужденных по ст. 131 УК РФ снижается, как и количество осужденных за изнасилования в рамках преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Анализ позволяет сделать вывод, что с 2017 года происходит снижение показателей и это тенденция наблюдается до 2020 года с 2021 года наоборот возрастают, в 2024 году наблюдается снижение количества рассмотренных дел за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, количества рассмотренных судом дел по ст.131 УК РФ, количества осужденных по ст. 131 УК РФ и количества фигурантов по уголовным делам данного вида.

Обратим внимание на то, что количество лиц по уголовным делам всегда больше, чем количество осужденных лиц. Так, в 2016 году количество осужденных составило 94% по отношению к изначальному числу лиц по уголовным делам; в 2017 году – 88,7%; в 2018 году – 92,7%; в 2019 году – 91,2%; в 2020 году – 91,9%; в 2021 году – 89,5%; в 2022 году – 86,8%; в 2023 году – 85,1%; в 2024

году – 84,4% [7]. Остается открытым вопрос о судьбе остальных подсудимых, учитывая, что процентное соотношение с 2021 года снижается.

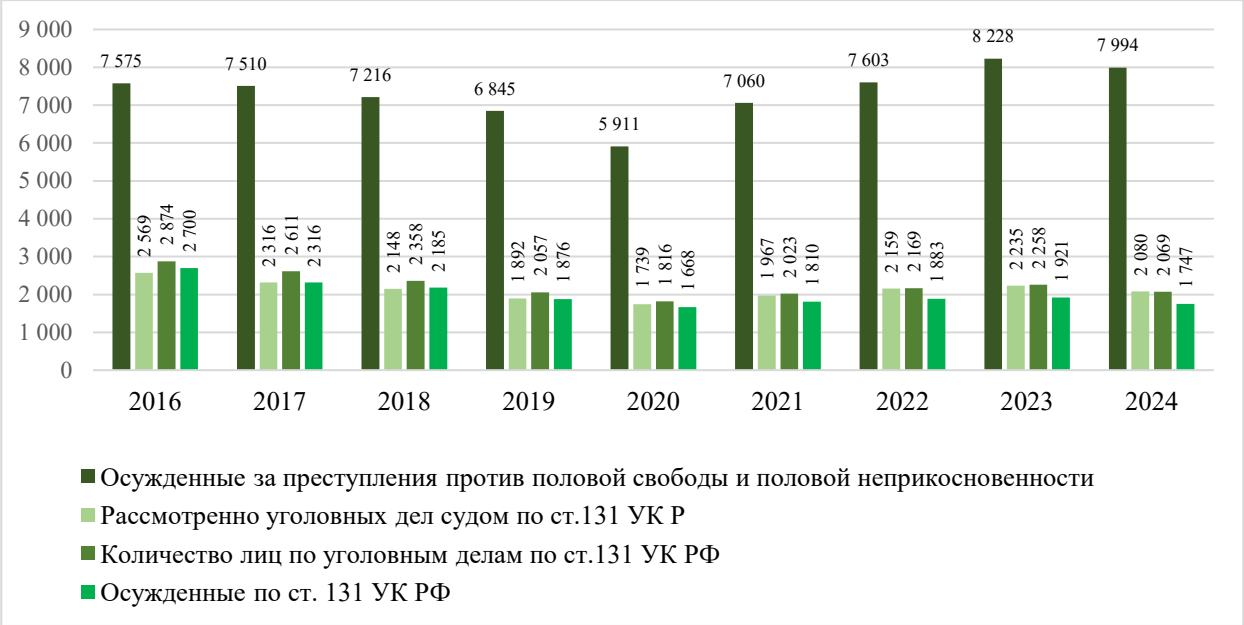

Рисунок 2. Данные судебной статистики о рассмотренных уголовных делах и осужденных лицах по ст. 131 УК РФ

Несмотря на незначительное снижение как зарегистрированных преступлений, так и осужденных по ст. 131 УК РФ, следует помнить о высокой латентности таких преступлений. Потерпевшие от изнасилования ввиду страха, стыда, осуждения со стороны родственников и общества не обращаются в правоохранительные органы и не заявляют о совершении в отношении них насильственных действий. Некоторые жертвы лишь спустя годы готовы рассказать о случившемся, что создает проблемы для органов предварительного расследования в получении доказательственной базы. В данном аспекте особое значение приобретает психологическая поддержка.

Система уголовного правосудия не всегда способна обеспечить в полной мере безопасность, права и законные интересы жертв преступлений. Она в первую очередь ориентирована на установление истины по делу и привлечение виновных лиц к ответственности за содеянное. В результате чего, жертва изнасилования остается наедине со своими проблемами, с чувством уязвимости и недостижения чувства «справедливости» [8, с. 9].

Кроме того, назначение уголовного наказание в виде лишения свободы не гарантирует того, что после освобождения лицо не встанет на преступный путь вновь. Как раз, наоборот, сталкиваясь с различными проблемами, например, трудоустройством или потерей социальный связей, он не в состоянии самостоятельно интегрироваться в общество, ему проще совершить преступление [9, с. 534]. В связи с этим необходим поиск способов полного обеспечения интересов и прав потерпевших от половых преступлений, которые в то же время будут способствовать предупреждению совершения повторных общественно опасных деяний.

Программы восстановительного правосудия стали вариантом реабилитации жертв сексуального насилия. Предыдущие исследования зарубежных авторов акцентировали внимание на том, что жертвы изнасилования сообщали о негативном опыте взаимодействия с системой уголовного судопроизводства [10]. Связано это с тем, что потерпевшие от сексуального насилия сталкиваются со вторичной виктимизацией со стороны правоохранительных и судебных органов, в ряде случае очевидны обвинения жертвы в случившемся, а также равнодушие к эмоциональным переживаниям.

Исследования стран, в которых восстановительное правосудие получило большее развитие, показывают, что 70% потерпевших от сексуального насилия согласились с тем, что все жертвы должны иметь возможность встретиться с виновным лицом; более 60% респондентов отметили, что необходимо предоставить жертвам возможность задать вопросы посредством письменной формы или в ходе восстановительной программы лицу, совершившему в отношении них преступление [11].

Однако существует и противоположная точка зрения, доказывающая, что конференции как одна из программ восстановительного правосудия наоборот могут быть истощающими и травмирующими для потерпевших [12].

Не возражая по существу сказанного, отметим, что необязательно использовать программы, предполагающие личную встречу потерпевшего и лица, совершившего преступление. Существует, к примеру, челночная медиация, предполагающая обмен письмами. Помимо этого, в Аризоне (США) существует практика привлечения представителя, есть кто-то из участников не желает личной встречи.

В качестве позитивного примера следует привести Новую Зеландию, в которой действует проект «Restore». Он специализируется на защите прав жертв сексуального насилия, функционирует совместно с Министерством юстиции, сотрудничает с общественными и некоммерческими организациями [13]. В восстановительной программе, реализуемой проектом, участвует независимое лицо (медиатор), стороны уголовно-правового конфликта, два общественных эксперта (от имени жертвы и от имени лица, совершившего преступление), а также психолог, который наблюдает за эмоциональным состоянием участников.

Следует также отметить, что программы восстановительного правосудия демонстрируют перспективность в снижении уровня рецидивизма среди участников по сравнению с традиционными карательными подходами [14].

На наш взгляд, внедрение восстановительного правосудия в уголовное судопроизводство по делам об изнасилованиях будет способствовать удовлетворению потребностей потерпевших быть услышанными, смягчит вред, причиняемый вторичной виктимизацией, которая возникает в результате состязательного уголовного процесса.

Кроме того, считается, что восстановительное правосудие в целом больше фокусируется на субъективной, а не юридической концептуализации преступления; таким образом, способствуя более целостному пониманию преступления, а

не ограниченному юридическими аспектами [15]. Этот факт может способствовать осуждению насилия способами, которые имеют действительно имеют смысл и способствуют дальнейшему предупреждению подобных преступлений. Помимо этого, программы восстановительного правосудия помогают лицу, совершившему преступление, осознать и признать свою вину.

Говоря о снижении латентных преступлений подобного вида, следует обратить внимание, что применение восстановительного правосудия может быть доступно для лиц, подвергшихся насилию, однако не желающих по ряду причин обращаться к правоохранительным органам и привлекать преступника к ответственности. Безусловно, можно сказать, что в таком случае наблюдается дисбаланс частных и публичных интересов. Вместе с тем, в наибольшем отношении страдают именно частные интересы потерпевшего, которому причиняется вред. В силу того, что программы восстановительного правосудия положительно влияют на снижении рецидива, то можно не беспокоиться о том, что в случае реализации восстановительной программы вне уголовного процесса, мы оставляем преступника безнаказанным. В ином случае, жертва бы вообще не заявила, а риск совершения подобного рода преступлений был бы выше.

Реализация программ восстановительного правосудия по делам об изнасиловании требует огромных ресурсов на подготовку и проведение, привлечение соответствующих специалистов, а также профессиональное обучение должностных лиц правоохранительных и судебных органов, вовлечения общественности и поддержку со стороны публичных органов власти.

Говоря об экономической составляющей реализации восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве, следует отметить, что в России некоторые восстановительные программы осуществляются на безвозмездной основе. Здесь следует отметить Соглашение о межведомственном сотрудничестве в развитии дружественного к детям правосудия в сфере уголовного судопроизводства в Республике Коми [16]. Сторонами данного соглашения выступили правоохранительные органы (Министерство юстиции, Министерство внутренних дел, Управление Федеральной службы наказаний), судебные органы, органы исполнительной власти (Министерство труда, занятости и социальной защиты; Министерство образования и науки), а также другие органы и организации, в том числе Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, Уполномоченный по правам ребенка, Адвокатская палата, Центр медиации при Российском союзе промышленников и предпринимателей.

Внедрение восстановительных программ в уголовное судопроизводство может осуществляться как на досудебных стадиях, так и уже в суде. По нашему мнению, наибольший эффект будет достигнут, когда их реализация начнется на этапе предварительного расследования. Это будет способствовать работе с психоэмоциональным состоянием на ранних стадиях, что может предотвратить дальнейшие негативные последствия.

Видится, что следователь, возбуждая уголовное дело по ст. 131 УК РФ, с согласия потерпевшего сообщает о случившемся в территориальную службу примирения, которая осуществляет восстановительные программы на вверенной

территории. Посредник осуществляет ознакомительные встречи с участниками. В случае согласия обоих сторон начинается восстановительная программа, которая на взгляд специалиста будет являться наиболее эффективной в каждом конкретном случае. В ходе диалога у пострадавшего появляется возможность рассказать о своих переживаниях, у правонарушителя – выслушать и принести извинения, стороны совместно принимают решение о способах заглаживания вреда [17, с. 241].

Следователь, в свою очередь, осуществляет производство по делу в общем порядке. После проведения восстановительной программы территориальная служба примирения направляет соответствующие материалы в орган, осуществляющий расследование по уголовному делу. Следователь направляет уголовное дело вместе с полученными материалами.

Если срок предварительного расследования окончен, а восстановительная программа еще идет, то следователь уведомляет об этом суд и направляет уголовное дело. Территориальная служба примирения в таком случае направляет материалы в суд.

Рассматривая уголовное дело, суд может расценить факт прохождения восстановительной программы для подсудимого следующим образом:

- как обстоятельство, смягчающее наказание;
- как основание для замены уголовного наказания в виде лишения свободы принудительными или исправительными работами;
- не принимать во внимание данное обстоятельство.

Следует отметить огромную роль общественных организаций в помощи потерпевшим от насилия. В России достаточно долгое время функционирует Центр «Сестры», Женский кризисный центр «Китеж», Центр насилия в отношении женщин «АННА», Консорциум женских НКО, которые оказывают психологическую и юридическую помощь.

Для предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы важно, чтобы правоохранительные, судебные органы, институты гражданского общества в лице общественных организаций и некоммерческих объединений взаимодействовали с друг другом. Преступление, квалифицируемое по ст. 131 УК РФ не ограничивается юридической конструкцией, оно затрагивает нравственные устои общества.

Внедрение восстановительного правосудие не замещает собой уголовное правосудие, особенно по тяжким и особо тяжким преступлениям. Но оно важно как для людей, так и для правовой системы, поэтому предлагает эффективные способы реагирования на преступления.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 67 с.

2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 67 с.

3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 67 с.

4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 67 с.

5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 67 с.

6. Состояние преступности в России за январь-июль 2025 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 63 с.

7. Основные статистические показатели состояния судимости в России. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // [] – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8946 (дата обращения: 01.09.2025).

8. Madeline Donaghy. Restorative Justice for Cases of Sexual Violence: A Literature Review. n collaboration with Brisbane Rape and Incest Survivors Support Centre (BRISSC). June 2020. pp.1-20.

9. Погорелова, К. Р. Восстановительное правосудие в аспекте снижения рецидива / К. Р. Погорелова // Санкт-петербургские встречи молодых ученых : Материалы III всероссийского конгресса, Санкт-Петербург, 11 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 533-536.

10. Felson, R., & Pare, P. (2008). Gender and the victim's experience with the criminal justice system. Social Science Research, 37 (1), 202-219. Doi: 10.1016/j.ssresearch.2007.06.014

11. Marsh, F., & Wager, N. (2015). Restorative justice in cases of sexual violence: Exploring the views of the public and survivors. Probation Journal, 62 (4), 336-356. Doi: 10.1177/0264550515619571

12. Wager, N. (2013). The experience and insight of survivors who have engaged in a restorative justice meeting with their assailant. Temida, 11-32. Doi: 10.2298/TEM1301011W

13. Julich, S., Buttle, J., Cummins, C., & Freeborn, E. (2010). An Exploratory Study of Restorative Justice and Sexual Violence. Auckland, New Zealand: Ministry of Justice

14. Latimer, J., Dowden, C., & Muise, D. (2017). The effectiveness of restorative justice practices: A meta-analysis. The Prison Journal, 97(6), 672–694. [Электронный ресурс] – URL: https://doi.org/10.1177/0032885517733438.

15. McGlynn, C., Westmarland, N. and Godden, N. (2012). 'I just wanted him to hear me': Sexual violence and the possibilities of Restorative Justice. *Journal of Law and Society,* 39(2): pp. 213-240/

16. Соглашение о межведомственном сотрудничестве в развитии дружественного к детям правосудия в сфере уголовного судопроизводства в Республике Коми // [Электронный ресурс] – URL: https://rj-rus.ru/wp-content/uploads/2025/04/Soglashenie_o_mezhvedomstvennom_sotrudnichestve_v_razvitii_druzhestvennogo_k_detyam_pravosudiya_v_sfere_ugolovnogo_sudoproizvodstva_v_Respublike_Komi.pdf (дата обращения: 02.08.2025).

© Погорелова К.Р., 2025

EDN: KUBJSC

Райская София Игоревна,
слушатель факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Кетенчиева Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Правовые гарантии субъектам предпринимательской деятельности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по экономическим преступлениям

Аннотация: в данном научном исследовании рассматриваются особенности применения, изменения и продления мер пресечения в процессе расследования экономических преступлений. Основное внимание уделяется анализу процессуальных механизмов заключения под стражу в контексте специфики экономических преступлений. Исследуются правовые основания и критерии, учитываемые при выборе меры пресечения, а также факторы, влияющие на ее последующее изменение или продление. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения баланса между необходимостью обеспечения надлежащего расследования и защитой прав участников уголовного процесса.

Ключевые слова: меры пресечения; экономические преступления; уголовное расследование; индивидуальные предприниматели; правоприменительная практика; заключение под стражу.

В настоящее время государство в полной мере обеспечивает надежную охрану и защиту прав и свобод каждого человека и гражданина, что регламентируется различными нормативно-правовыми актами в данной сфере. Однако в современных условиях, при расследовании преступлений экономической направленности, особую значимость приобретает проблема защиты прав предпринимателей, а также лиц, осуществляющих экономическую деятельность.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью обеспечении баланса между правом гражданина заниматься законной предпринимательской деятельностью, необходимостью обеспечения себя и семьи, экономи-

ческим благополучием региона и мерами обеспечения уголовного судопроизводства. Стоит так же отметить, что рассматриваемые в исследовании меры не должны становиться методами борьбы с конкурентами в экономике.

Государство в настоящее время занимает позицию, которая направлена на развитие малого бизнеса, предоставление определенных гарантий субъектам предпринимательской деятельности. Так, В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно акцентировал внимание на обеспечение прав и свобод предпринимателей: «Избрание мер пресечения в виде домашнего ареста и залога для обвиняемых в преступлениях по экономической сфере будет способствовать дальнейшей гуманизации правосудия», заявил президент Российской Федерации Владимир Путин на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации [1, С. 115]. В рамках своего выступления на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей, который состоялся в апреле 2024 г., Президент Российской Федерации заявил, что государство будет продолжать поддерживать бизнес. В связи с этим поддержка предпринимателей уже не первый год остается одним из приоритетных направлений государственной политики. Так, по состоянию на октябрь 2025 года количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации составило 6 567 005 предпринимателей. За октябрь 2024 года субъектов предпринимательской деятельности составило 6 373 950, тем самым, наблюдается рост количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации, что свидетельствует о положительной динамике развития предпринимательской активности в стране [2].

Глава государства выражает свое стремление к гуманизации правосудия и защите прав предпринимателей через проведение соответствующих реформ, направленных на изменение мер пресечения по экономическим делам. С данной целью 7 июня 2023 г. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации одобрен Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», разработанный Минюстом России. Так, указанный нормативный акт определяет основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

Следуя толкованию ч.1.1 и ч. 1.3 ст. 108 УПК РФ, можно выделить только две категории лиц, на которых распространяется предпринимательские гарантии, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, в пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 судам даны разъяснения в отношении лиц, которые совершили преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Для решения вопроса о том, относится ли деятельность подозреваемого (обвиняемого) к предпринимательской деятельности, необходимо руководствоваться положениями ч. 1 ст. 2 ГК РФ. Принимая во внимание положения п. 8 указанного постановления, к таким лицам относятся индивидуальные предприниматели и члены органов управления коммерческой организации. Тем не менее, А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р. С. Бевзенко, А.Г. Карапетов полагают, что к предпринимательской деятельности не может быть отнесена деятельность так называемых самозанятых,

например, няни, домработницы, репетиторы [4, С. 222]. Исследователи обосновывают свой подход тем, что с точки зрения логики законодательного регулирования было бы несправедливо применять к таким самозанятым лицам повышенные стандарты осмотрительности и ответственности, установленные для предпринимателей. Действительно, применение к самозанятым гражданам повышенных стандартов ответственности и осмотрительности как для предпринимателей может оказаться несправедливым в ряде случаев.Однако в связи с тем, что понятие предпринимательской деятельности является единым как для сфер частноправового, так и публично-правового регулирования, вытеснение по каким-либо соображениям определенной категории лиц из числа предпринимателей неизбежно отразится и на их статусе при решении вопроса об избрании меры пресечения в случае совершения ими преступлений, перечисленных в ст. 108 УПК РФ. Например, можно представить себе ситуацию, при которой риелтор, являющийся самозанятым и регулярно совершающий хозяйственные сделки со своими клиентами, совершает в процессе своей профессиональной деятельности преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ. Принимая сторону А.В. Асоскова, В.В. Байбака, Р.С. Бевзенко, А.Г. Карапетова, мы были бы вынуждены согласиться с тем, что на такого риелтора не распространяются гарантии ст. 108 УПК РФ и он может быть заключен под стражу. Такой подход видится несправедливым, ведь деятельность данного лица может подпадать под критерии предпринимательства.

Помимо этого, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в своем постановлении дает указание, что если преступление совершено в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, то в отношении таких лиц избирать меру пресечения в виде заключения под стражу невозможно. В связи с чем ст. 108 УПК РФ по отношению к предпринимателям становится специальной. Однако в данном случае прослеживается нарушение ст. 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство всех перед законом и судом. Связано это, с тем, что:

1. Преступления в экономической сфере не проявляют высокую общественную опасность для общества, относительно других видов преступлений;
2. В период пребывания лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, в СИЗО его бизнесу может быть нанесен серьезный ущерб. В 2023 году суд Москвы изменил меру пресечения владельцу логистической компании с СИЗО на домашний арест, так как его содержание под стражей привело к разрыву договоров с более чем 50 клиентами и угрозе увольнения 200 сотрудников. Суд признал, что риски для экономики перевешивают необходимость изоляции [3, С. 114].

Следует рассмотреть другие особенности, связанные с мерой пресечения — заключение под стражу.

Условиями избрания меры пресечения в виде заключения под стражу следующие:

1) заключение под стражу избирается только по судебному решению;

2) данная мера пресечения избирается при невозможности применения другой, более мягкой, меры пресечения;

3) наличие подозрения (обвинения) в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Лишь в исключительных случаях, при наличии указанных в законе обстоятельств, мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана при совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет.

4) наличие особенностей заключения под стражу по отдельным категориям уголовных дел и в отношении отдельных категорий лиц.

Так, на текущий момент, при избрании меры пресечения в отношении субъектов предпринимательской деятельности учитывается возможность применения такой меры, которая не помешает им продолжать предпринимательскую деятельность и управлять принадлежащим им имуществом, используемым для предпринимательских целей. Также будет рассматриваться возможность сохранения полномочий по управлению организацией или осуществления коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. При совершении деяний субъектами предпринимательской деятельности, не связанных с предпринимательской деятельностью, следователь в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу должен внести конкретные сведения, подтверждающие эти обстоятельства.

Продление срока заключения под стражу и предварительного расследования свыше двух месяцев возможно только с согласия руководителя следственного органа субъекта РФ и иного приравненного к нему руководителя следственного органа, а также их заместителей.

При расследовании экономических преступлений не следует ограничиваться только следственными действиями, например, допросами, обысками, изъятием документов, так как существуют определенные сложности, которые вызваны:

1. Экономические преступления часто связаны с многоуровневыми схемами, финансовыми операциями, документальными манипуляциями. Требуется экспертиза бухгалтерской отчётности, анализ цифровых данных, что выходит за рамки стандартных следственных действий;

2. Для раскрытия таких дел, связанных с экономической деятельность, важно привлекать налоговые органы, Центральный банк РФ, экспертов в области финансов, которые помогают выявить нарушения в денежных потоках.

При внесении вышеуказанных поправок, законодатели учли несколько важных моментов, которые послужили основанием для введения данной правовой нормы. Среди ключевых факторов, были отмечены: оптимизация расходов на содержание заключенных под стражу, усиление правовой защиты бизнеса, экономическое развитие страны [3, С. 115].

Таким образом, специфика экономических преступлений требует дифференцированного, а также выборочного подхода к выбору мер процессуального пресечения. Существует также, сложность доказательной базы, многоуровневый

характер финансовых схем, а также необходимость сохранения легальной деятельности предприятий, что в свою очередь, определяет приоритет мер, не связанных с изоляцией, что вследствие соответствует принципу соразмерности.

Что касается правовых оснований для избрания мер пресечения, то они должны учитывать не только тяжесть инкриминируемого деяния, но и социально-экономические последствия изоляции предпринимателя.

Список литературы:

1. Зайцев О. А. Проблемы обеспечения прав и свобод предпринимателей при расследовании дел о преступлениях в сфере экономической деятельности //Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2020. – №. 1. – С. 139-143.

2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://rmsp.nalog.ru/index.html (дата обращения 04.10.2025).

3. Барыгина А. А. О предпринимательских гарантиях избрания заключения под стражу по экономическим преступлениям //Вестник экономики и права. – 2025. – №. 107. – С. 113-129.

4. Прилепский Е. Т. Мера пресечения–заключение под стражу по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: сравнительно-правовой анализ //Теория и практика общественного развития. – 2024. – №. 7. – С. 221-226.

© Райская С.И., 2025

EDN: KZKGBX

Рыбина Екатерина Андреевна,
курсант факультета подготовки следователей
Уральского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Кузнецова Елена Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России

Об особенностях заочного обвинения в уголовном судопроизводстве России

Аннотация: статья посвящена исследованию института привлечение лица в качестве обвиняемого заочно, что имеет важное значение для эффективности уголовного процесса. Учитывая, отсутствие четкой законодательной регламентации и неоднозначность складывающейся правоприменительной практики создаются риски для реализации права лица на защиту. В статье проведен анализ проблем и подчеркивается важность соблюдения принципов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; заочное обвинение; досудебное производство; право на защиту; обвиняемый.

В последние четыре года на 40% увеличилось количество случаев заочного судебного разбирательства по уголовным делам [1]. Многие правоприменители считают, что заочное осуждение влияет негативно на действие уголовного процесса, а также вызывает сомнения в правосудии.

Конституционный Суд РФ определяет, что требование очности судебного разбирательства не является абсолютным. Данное право может быть ограничено в конституционно значимых целях, однако, при том лишь условии, что соответствующие судебные процедуры в целом обеспечивают соблюдение конституционных требований справедливого судопроизводства и реализацию задач уголовного права и процесса [2].

В рамках данной статьи предметом исследования будет являться один из правовых институтов досудебного производства - институт привлечения лица в качестве обвиняемого.

Привлечение в качестве обвиняемого, представляет собой выдвижение тезиса (утверждения) органа расследования о совершении лицом преступления, предусмотренного уголовным законом и порождает появление обвиняемого [3, с. 198]. На этом этапе выносится постановление для проведения процессуальных

действий. Предъявление обвинения - это более формальный шаг, когда обвиняемый уведомляется о конкретных статьях обвинения, указывается, в чём именно он обвиняется. Это позволяет обвиняемому знать суть претензий, готовить защиту и участвовать в процессе с пониманием своего правового статуса. Для более точного понимания необходимо знать отличие подозрение от обвинения. Основным отличием является цель процессуальных действий: подозрение отвечает за сбор первичной информации и доказательств для расследования, а обвинение доказывает вину обвиняемого и подготавливает материал для передачи дела в суд. Эти шаги гарантируют защиту прав подозреваемого или обвиняемого, соблюдение принципа беспристрастности и законности в расследовании. Неправильное или незаконное их оформление может привести к отмене решений суда и пересмотру дела.

Значимость темы имеет важное место, поскольку заочное обвинение применяется в случаях, когда обвиняемый скрывается, что способствует затягиванию уголовного процесса, а применение правоприменителями заочного обвинения способствует обеспечению неотвратимости наказания и поддержанию эффективного функционирования уголовного судопроизводства, несмотря на уклонение лица от следствия или суда. При этом важно соблюдать такие принципы уголовного судопроизводства, как принцип законности, принцип осуществления правосудия судом, принцип уважения чести и достоинства личности и другие принципы, регламентированные действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Проблема заочного обвинения в уголовном процессе заключается в отсутствии однозначного регламентированного процессуального порядка предъявления такого обвинения на законодательном уровне, а также открытым остается вопрос формирования единой правоприменительной практики по данному вопросу. Ведь заочное обвинение может лишить обвиняемого возможности предъявления ему обвинения, а также быть допрошенным по существу данного обвинения и в полной мере реализовывать свое право на защиту.

В России институт заочного привлечения лица в качестве обвиняемого получил относительно недавнее развитие и законодательное закрепление. В связи с этим, мнение ведущих российских ученых-процессуалистов по данному вопросу является крайне важным для понимания проблем и перспектив развития данного института.

К примеру, В.М. Бозров – один из наиболее известных российских криминалистов и процессуалистов активно критикует расширение применения заочного производства, указывая на потенциальный риск нарушения права на защиту и презумпцию невиновности. В своих работах он подчеркивает, что такая практика может привести к усилению репрессивности уголовного процесса [4].

Ю.В. Пилипенко – российский ученый, занимающийся вопросами теории уголовного процесса. Его исследования часто затрагивают процессуальные гарантии прав личности. Он также высказывал опасения относительно применения заочного производства, особенно в части соблюдения принципа состязательности [5].

Рассмотрев вопрос с правовой точки зрения можно прийти к доводу о том, что данное явление уголовного процесса позволяет не уведомлять обвиняемого в предстоящем заочном обвинении, но уведомить его защитника следователь обязан. Оспаривание данного правила послужило предметом рассмотрения Конституционного суда РФ. Статья 172 УПК предусматривает, что обвинение должно быть предъявлено не позднее трех суток с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, в присутствии защитника, если он участвует в деле. Уведомление обвиняемого, находящегося под стражей, осуществляется через администрацию СИЗО, а не содержащегося под стражей – в соответствии статьи 188 УПК повесткой Закон не освобождает следователя от обязанности вызвать обвиняемого и его защитника для предъявления обвинения, кроме случаев, когда местонахождение обвиняемого неизвестно. Также статья 172 УПК не допускает отказ от уведомления защитника о постановлении [6].

Практика судов общей юрисдикции складывается в обозначенном КС РФ направлении. Так, в кассационной жалобе на приговор, которым К. осужден по п. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК, защитник указывал, что при возбуждении уголовного дела и его расследовании были допущены существенные нарушения УПК: К. допрошен в качестве свидетеля, ему как свидетелю направлялись повестки, однако в январе 2020 года он объявлен в розыск в качестве обвиняемого, при этом об изменении процессуального статуса осужденный не был уведомлен, чем нарушено его право на защиту. Рассмотрев доводы защитника, суд кассационной инстанции не нашел оснований для их удовлетворения, указав следующее. То обстоятельство, что К. первоначально был допрошен в качестве свидетеля и несколько раз вызывался для допроса в этом статусе, не свидетельствует о нарушении органом следствия уголовно-процессуального закона, поскольку протокол допроса доказательством не признавался, а до 18.06.2020 местонахождение К. известно не было и он к следователю не являлся. Нет нарушений и при предъявлении ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого, поскольку закон допускает предъявление обвинения заочно в случаях, когда лицо скрылось от следствия. После задержания К. 18.06.2020 ему в соответствии с ч. 6 ст. 172 УПК сразу же было предъявлено обвинение, разъяснены процессуальные положения и права, в том числе право на защиту [7].

Следующей особенностью заочного привлечения лица в качестве обвиняемого является наличие защитника. При наличии защитника по соглашению уведомление об обвинении достаточно направить за сутки. Так, В. был осужден за совершенное группой лиц убийство Х., умышленное причинение легкого вреда здоровью С. и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью Е. В кассационной жалобе адвокат Л. обращал внимание на то, что обвиняемый В. и его прежний защитник вопреки требованиям ст. 172 УПК не были уведомлены следователем о предъявлении обвинения. Вместе с тем ВС РФ указал на отсутствие в материалах уголовного дела свидетельств нарушений при предъявлении В. обвинения. Так, в деле имеется копия письма от 22.07.2023, адресованного в следственный изолятор для объявления обвиняемому В., о предъявлении ему обвинения 24.07.2023. Содержание этого извещения соответствует требованиям ч.

1 и 2 ст. 172 УПК. По смыслу ч. 2 ст. 172 УПК целью заблаговременного извещения обвиняемого о дне предъявления обвинения является обеспечение ему возможности самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем. Поскольку на момент предъявления В. обвинения его защитник по соглашению адвокат А. уже участвовал в производстве по уголовному делу (ордер от 24.07.2022), необходимость в предоставлении обвиняемому времени для решения вопроса об участии защитника отсутствовала. При предъявлении обвинения 24.07.2023 ни обвиняемый В., ни его защитник не заявляли о нарушении их прав в связи с отсутствием извещения о дне предъявления обвинения. Не заявляли они об этом и при ознакомлении с материалами уголовного дела после окончания следствия. При таких обстоятельствах доводы кассационной жалобы о нарушении следователем требований ст. 172 УПК признаны необоснованными [8].

В заключении, учитывая вышеизложенное, можно высказать общее мнение об институте заочного привлечения лица в качестве обвиняемого, которое обуславливается осторожностью и ограниченностью применения, усилением гарантий права на защиту, необходимостью строгой регламентации.

Подводя итоги вышесказанному, заочное обвинение является исключительной мерой, применяемой в уголовном процессе, когда привлечение обвиняемого к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве невозможно по объективным причинам. Также его применение должно быть строго регламентировано законом, сопровождаться максимальным обеспечением процессуальных гарантий и не должно становиться обычным явлением, подрывающим основополагающие принципы справедливого уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Электронный журнал «Уголовный процесс». URL: https://e.ugpr.ru/
2. Определения Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2757-О; от 12.05.2016 № 1002-О. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/
3. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие / А.А. Давлетов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 348 с.
4. Бозров, В.М. Проблема справедливости в правосудии по уголовным делам // Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП/UAJ). URL: https://www.iuaj.net/
5. Пилипенко, Ю.В. Цифровое будущее адвокатуры и уголовного судопроизводства в контексте конституционных новелл // Адвокатская палата Воронежской области. URL: https://advpalata.vrn.ru/
6. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 26-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/
7. Определение Первого кассационного суде общей юрисдикции от 24.05.2022 № 77-2507/2022. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://e.ugpr.ru/

8. Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2025 № 74-УД24-13-А5 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://e.ugpr.ru/
9. Махтюк, С.О. Заочное вынесение приговора: восемь вопросов практики // Уголовный процесс. - 2023. - № 12.
10. Махтюк, С.О. Использование и оценка процессуальных решений в качестве доказательств по уголовным делам // Российский следователь. - 2023. - № 2.

© Рыбина Е.А., 2025

EDN: KPEEMD

Семенова Ксения Вадимовна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Кетенчиева Елена Сергеевна
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Расследование киберпреступлений в современных условиях: вызовы, методы и правовые аспекты

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу современных вызовов, методов и правовых аспектов расследования киберпреступлений в условиях интенсивной цифровизации. На основе анализа актуальных научных исследований и официальной статистики автор констатирует резкий рост количества IT-преступлений, особенно в экономической сфере. В работе систематизированы ключевые проблемы, сдерживающие эффективное противодействие киберпреступности: дефицит квалифицированных кадров в правоохранительных органах, быстрое развитие анонимизирующих технологий и наличие существенных пробелов в законодательстве. Делается вывод, что только интеграция правовых, технических и организационных мер позволит адаптировать систему правосудия к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: киберпреступность; расследование преступлений; цифровые следы; деанонимизация; информационные технологии; правовые аспекты; кибербезопасность; социальные сети; доказательства; Уголовный кодекс.

В условиях цифровизации общества киберпреступность приобретает всё более сложные формы, требующие пересмотра подходов к расследованию и противодействию. Анализ научных работ, посвящённых данной проблематике, позволяет выделить ключевые аспекты, определяющие современное состояние и перспективы борьбы с преступлениями в цифровой среде.

Рост киберпреступлений, особенно в экономической сфере, подтверждается статистикой: по данным МВД России, за период с января по октябрь 2024 года 60% тяжких и особо тяжких преступлений совершено с использованием инфор-

мационных технологий, что на 14,6% превышает показатели аналогичного периода прошлого года [3]. Это свидетельствует о необходимости совершенствования методов расследования, адаптированных к цифровой реальности.

Одной из ключевых проблем остаётся недостаток квалифицированных кадров в органах внутренних дел, способных эффективно противостоять киберпреступности. Как отмечают исследователи, решение этой задачи требует не только модернизации образовательных программ, но и пересмотра структуры подразделений, таких как УЭБиПК [3]. Важным шагом может стать создание специализированных центров подготовки, а также тесное сотрудничество с международными правоохранительными структурами для обмена опытом.

Социальные сети и мессенджеры выступают как инструменты совершения преступлений, так и источники доказательств. Их использование в расследованиях требует соблюдения баланса между правами пользователей и оперативно-розыскными интересами. Авторы подчёркивают значимость анализа цифровых следов, включая метаданные, геолокацию и контент, а также необходимость разработки методик фиксации и сохранения таких доказательств [1]. Однако анонимность и шифрование каналов связи осложняют деанонимизацию злоумышленников, что требует применения междисциплинарных подходов, сочетающих технические, правовые и аналитические методы [4].

Значительное внимание в исследованиях уделяется пробелам в законодательстве. Так, отсутствие легального определения «киберпреступления» и специфических норм, регулирующих расследование преступлений с использованием искусственного интеллекта, снижает эффективность противодействия. Идрисов [2] предлагает закрепить понятие киберпреступления в Уголовном кодексе, а также разработать отдельный федеральный закон, аналогичный законодательству о противодействии отмыванию доходов. Это особенно актуально в контексте прогнозируемого роста преступлений, связанных с метавселенной и автономными системами, где традиционные критерии вины и ответственности требуют переосмысления.

Деанонимизация пользователей в цифровом пространстве остаётся сложной задачей, требующей алгоритмов, сочетающих анализ данных, машинное обучение и юридическую легитимность. При этом важно соблюдать принципы пропорциональности вмешательства и минимизации рисков ложных срабатываний. Сотрудничество с провайдерами и использование API для защиты приложений, как предлагается в исследованиях, может стать частью стратегии предотвращения краж персональных данных, которые, по данным МВД, составляют значительную долю киберпреступлений [5].

Расследование киберпреступлений требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, внедрение инновационных технологий и подготовку специалистов. Этот процесс опирается на несколько взаимосвязанных элементов.

Первый элемент – это совершенствование законодательства. Он создает правовой фундамент для раскрытия киберпреступлений. Четкие формулировки составов преступлений в Уголовном кодексе, а также регламентированные процедуры доступа к цифровым доказательствам (например, к логинам провайдеров или данным в облачных хранилищах) легализуют действия следователей. Без этого даже полученные неопровержимые улики могут быть признаны судом недопустимыми.

Вторым элементом, является внедрение инновационных технологий, которые являются техническим ядром раскрытия киберпреступлений. Речь идет о применении передовых инструментов компьютерной криминалистики, для извлечения и анализа цифровых следов, алгоритмов машинного обучения для выявления скрытых связей в данных и платформ для криминалистического анализа больших объемов информации. Именно технологии позволяют преодолеть барьер анонимности и идентифицировать злоумышленника.

Третьим элементом будет подготовка специалистов. Следователи, оперуполномоченные и эксперты должны не только владеть цифровыми инструментами, но и понимать тактики и процедуры хакерских групп, чтобы предугадывать их действия и выстраивать эффективную стратегию расследования.

Заключительным элементом выступает этический контроль за применением инструментов деанонимизации. Баланс между необходимостью установить истину и защитой права на приватность должен быть закреплен в законе и внутренних регламентах, чтобы методы раскрытия не подрывали фундаментальные принципы правосудия.

Таким образом, интеграция правовых, технических и социальных мер формирует единый механизм, где каждый элемент усиливает другой, что и позволяет адаптировать систему правосудия к вызовам цифровой эпохи и эффективно раскрывать даже самые сложные киберпреступления.

Усиление международной координации, разработка методик работы с открытыми источниками и цифровыми доказательствами, а также этический контроль за применением инструментов деанонимизации станут основой для эффективного противодействия киберугрозам. Как показывают исследования, только интеграция правовых, технических и социальных мер позволит адаптировать систему правосудия к вызовам цифровой эпохи.

Список литературы:

1. Баскаков А.И., Рождественская Баскаков А.И., Рождественская Л.Н. Цифровой след как объект криминалистического исследования// Вестник ВНИИ МВД России. 2023. № 4.

2. Идрисов Н.Т. Запрещающие нормы уголовного права как средство противодействия киберпреступлениям// Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 1

3. Наметкин Д.В., Чебайкина Е.И. Некоторые проблемы расследования киберпреступлений в сфере экономики и экономической деятельности// Аграрное и земельное право. 2025. № 3.

4. Овчинников В.В. Оперативно-аналитические средства деанонимизации пользователей в мессенджерах// Информационное право. 2023. № 6.

5. Шевченко К.В., Мигачева В.И. Деятельность прокуратуры по обеспечению национальной безопасности// Право в Вооруженных Силах. 2024. № 2.

© Семенова К.В., 2025

EDN: LBMULY

Сидякова Дарья Николаевна,
слушатель факультета заочного обучения и повышения квалификации
Уральского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Делль Дарья Александровна,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Некоторые проблемы приобретения статуса подозреваемого в порядке пп. 2,3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ

Аннотация: в данной статье основное внимание уделяется процессуальным моментам, связанным с определением статуса подозреваемого, а также правовым последствиям, возникающим из этого статуса. Автор отмечает, что статус подозреваемого является важным аспектом уголовного процесса, так как он непосредственно связан с правами и свободами личности, которые могут быть ограничены в ходе уголовного преследования.

Ключевые слова: процессуальный статус; подозреваемый; фактическое задержание; юридическое задержание; мера пресечения.

Значимость определенности процессуальных моментов, с которыми закон связывает возникновение у лица конкретного процессуального статуса, определяется рядом важнейших факторов. Что же касается статуса подозреваемого, то значимость названного аспекта кратно повышается: подозреваемый является уголовно преследуемым лицом, а потому в отношении него могут применяться принудительные меры, существенным образом ограничивающие его права, свободы и законные интересы. Конечно, степень таких ограничений значительно ниже, чем у лица, имеющего статус обвиняемого по уголовному делу, однако все равно ограничения имеются. Значит, процессуальный момент должен быть точно и ясно сформулирован в законе, не иметь изъянов и не допускать различного толкования.

Вместе с тем соответствующие проблемы имеются в процессуальном статусе подозреваемого.

Как справедливо отмечает Н. В. Машинская, при определении понятия подозреваемого, а также установлении обстоятельств, в связи с которыми лицо приобретает соответствующий процессуальный статус, ситуация обстоит сложнее, чем при определении статуса обвиняемого. Если обвиняемый – это лицо, в

действиях которого имеются признаки состава преступления, т.е. имеются основания для вывода о виновности в совершении преступления на основании собранных по делу доказательств и сформированной убежденности у следователя или дознавателя, то соответствующая убежденность в отношении подозреваемого отсутствует. Именно поэтому приобретению лицом статуса подозреваемого, в соответствии с действующим законодательством, предшествует принятие одного из процессуальных решений, перечисленных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ [1, С.41].

Механизм приобретения лицом статуса подозреваемого на сегодняшний день небезупречен, что прослеживается в ряде положений ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Так, например, лицо приобретает процессуальный статус подозреваемого в связи с применением к нему задержания. При применении данного основания можно говорить о существовании следующих основных проблем:

1) во-первых, возникновение оснований для задержания, по логике, наступает значительно раньше, чем само задержание, а значит, основанием для формирования подозрения служит вовсе не факт задержания, а основания для такого задержания;

2) во-вторых, устанавливая в качестве основания для приобретения лицом статуса подозреваемого факт его задержания, законодатель не конкретизирует, с какого именно момента возникает процессуальный статус. С одной стороны, логично предположить, что данным статусом лицо наделяется при составлении в отношении него протокола задержания – документа, подтверждающегося факт задержания именно по подозрению в совершении преступления (юридическое задержание). Вместе с тем, в п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ указано, что защитник участвует в уголовном деле с момента фактического задержания. Однако, тут возникает вопрос относительно процессуального статуса самого защитника: корректно ли наделять его возможностью защищать права и законные интересы лица, который еще полноценно не является участником предварительного расследования? Склоны полагать, что в данном случае речь идет не о защите прав и законных интересов, а о представлении его интересов посредством оказания адвокатских услуг.

Понятно, что моменты фактического и юридического задержания отличаются и отделены друг от друга во времени: фактическое задержание представляет собой момент ограничения свободы лица, а юридическое задержание означает оформление соответствующего процессуального документа о задержании [2, С. 207]. В ст. 46 УПК РФ не конкретизировано, с каким конкретно моментом связано возникновение процессуального статуса подозреваемого – с юридическим или фактическим задержанием;

3) наконец, определенные критические высказывания вызывает наименование документа о задержании. УПК РФ говорит о том, что юридически задержание оформляется протоколом. Вместе с тем задержание не является следственным действием, а потому логичнее его было бы именовать постановлением. Этим же постановлением можно было бы признавать лицо подозреваемым, однако в настоящее время формальное процессуальное решение о признании за лицом статуса подозреваемого УПК РФ не предусматривается (за исключением

уведомления о подозрении, применяемом при производстве предварительного расследования в форме дознания)

[3, С. 151].

Ряд проблем возникает и при применении основания, связанного с назначением подозреваемому меры пресечения. В соответствии со ст. 97 УПК РФ, мера пресечения применяется в отношении уголовно преследуемого лица, при этом при избрании меры пресечения следователь или дознаватель должны обладать данными не только о том, что данное лицо, вероятно, причастно к совершению преступления, но должны иметь представления о его возможном поведении в будущем, исходя из чего делать вывод о том, требуется ли применение меры пресечения, а также о том, какой достаточной строгостью должна характеризоваться такая мера. Логично предположить, что в этом случае само подозрение возникает до применения меры пресечения. Однако российский законодатель определил основания, следуя обратной, неправильной, логике.

Применительно к названным основаниям для признания лица подозреваемым по уголовному делу возникают и зеркальные проблемы – определения момента прекращения лицом статуса подозреваемого. Понятно, что статус подозреваемого прекращается в том случае, когда лицу предъявляется обвинение – уголовно преследуемый приобретает статус обвиняемого по логике развития предварительного расследования. Однако каким образом должен решаться вопрос о судьбе процессуального статуса в том случае, если подозреваемый освобождается из-под стражи в связи с истечением сроков задержания или отменой меры пресечения – законодатель не указал, равно как и не предусмотрел конкретный процессуальный документ, который прекращал бы статус подозреваемого.

Таким образом, в сфере регламентации возникновения и прекращения процессуального статуса подозреваемого можно выделить следующие основные проблемы:

1) фактически при избрании меры пресечения и принятии решения о задержании подозрение формируется раньше, чем принимается одно из указанных процессуальных решений.

Так, при разрешении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу суд рассматривал ходатайство следователя и оценивал представленные им доказательства в обоснование подозрений лица в совершении преступления. До указанного момента данное лицо не являлось фигурантов уголовного дела, в связи с чем обоснованность подозрения и применения меры пресечения оценивалась судом впервые, т.е. до меры пресечения [4].

То же самое имело место и в ином деле, где ходатайство следователя содержало довод о необходимости заключения под стражу в отношении предположительно виновного в совершении преступления лица [5].

2) задержание оформляется протоколом, в то время как следственным действием не является. Если бы задержание оформлялось постановлением, то этим же постановлением уголовно преследуемому лицу можно было присваивать статус подозреваемого;

3) имеется неопределенность в части определения момента возникновения процессуального статуса подозреваемого при задержании – непонятно, с момента фактического или юридического задержания лицо приобретает статус подозреваемого. Представляется, что возникновение статуса должно связываться с моментом фактического задержания;

4) не определены правовые последствия прекращения задержания и меры пресечения в том случае, когда с ними связано возникновение процессуального статуса – сохраняется ли в указанных случаях статус подозреваемого, каким процессуальным документом должно быть оформлено прекращено статуса подозреваемого.

Список литературы:

1. Машинская Н. В. Проблемы законодательного регулирования оснований приобретения и прекращения процессуального статуса подозреваемого / Н. В. Машинская // Общество и право. – 2023. – № 1 (83). – С. 38-46.

2. Мамедова С. Н. Фактическое и юридическое задержание подозреваемого в совершении преступления. Проблемы теоретического и практического применения / С. Н. Мамедова // Вестник науки. – 2022. – № 12 (57). – С. 205-209.

3. Россинский С. Б. Протокол – лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12 (97). – С. 148-156.

4. Постановление Михайловского районного суда Амурской области от 10 июля 2023 г. по делу № 5-34/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://arbitr.garant.ru/ (дата обращения: 15.05.2025).

5. Постановление Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 15 апреля 2024 г. по делу № 5-215/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://arbitr.garant.ru/ (дата обращения: 15.05.2025).

© Сидякова Д.Н., 2025

EDN: LRAZWC

Филин Марта Владимировна
магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Научный руководитель:
Манивлец Элина Евгеньевна
доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент

Уголовно-процессуальные аспекты расследования преступлений, связанных с донорством и трансплантацией органов и тканей человека

Аннотация: цель исследования — проанализировать специфику уголовно-процессуального регулирования расследования преступлений, связанных с донорством и трансплантацией органов и тканей человека. Научная новизна состоит в выявлении ключевых процессуальных затруднений и формулировании предложений по совершенствованию механизмов доказывания. Практическая значимость выражается в возможности внедрения полученных рекомендаций в деятельность следственных органов при расследовании преступлений указанной категории.

Ключевые слова: донорство и трансплантация; профилактика преступлений; специальные знания в уголовном судопроизводстве; судебно-медицинская экспертиза; доказательства.

Введение. Вопросы трансплантации тканей и органов человека традиционно рассматриваются через призму медицинского и уголовного права. Однако в последние годы особое значение приобретают уголовно-процессуальные аспекты расследования преступлений, связанных с незаконным изъятием органов, поскольку такие дела требуют применения специальных знаний, тщательной фиксации доказательств и взаимодействия между следственными органами, медицинскими учреждениями и экспертными организациями. Особое внимание заслуживает процесс развития деятельности в данной области во время вооруженного конфликта на Донбассе, который длится с 2014 года, и при переходе Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации в качестве субъекта.

В Российской Федерации отношения в сфере донорства и трансплантации органов и тканей регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Законом РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей

человека», а также Приказом Минздрава РФ и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации».

Однако для следственной практики эти нормы имеют особое значение: их нарушение образует состав преступления, а процессуальная деятельность следователя направлена на установление обстоятельств незаконного изъятия органов, источников происхождения биоматериала, а также выявление лиц, допустивших нарушения медицинских и правовых стандартов.

Согласно законодательству, трансплантация органов разрешена только при неэффективности других методов лечения и для сохранения жизни пациента. Запрещено изъятие органов у лиц до 18 лет, кроме костного мозга. Граждане могут заранее выразить согласие или отказ на использование их органов после смерти, а при невозможности согласия пациента его могут дать законные представители.

Изъятие органов из тела умершего допустимо только после официального констатирования смерти и получения согласия самого гражданина либо его родственников. Нарушение этих правил образует не только уголовно-правовой, но и процессуальный аспект расследования — необходимость своевременного назначения судебно-медицинской экспертизы, фиксации состояния тела и условий хранения биоматериала [6].

Изъятие органов без согласия умершего или его близких допускается лишь в целях судебно-медицинской экспертизы по постановлению следователя, утверждённому прокурором. Такая процессуальная процедура обеспечивает баланс между задачами уголовного судопроизводства и уважением к правам личности [2].

Разглашение врачебной тайны, включая информацию о донорах и реципиентах, запрещено и наказуемо по закону. Доступ к таким сведениям возможен только с согласия пациента или его представителя. За разглашение конфиденциальной информации предусмотрены штрафы: для граждан 5-10 тыс. рублей, для должностных лиц 40-50 тыс. рублей или дисквалификация до 3 лет, для организаций 100-200 тыс. рублей. Адвокаты за разглашение данных о донорах и реципиентах наказываются как должностные лица [1]. За причинение вреда здоровью донора или реципиента при нарушении условий трансплантации медицинское учреждение несет материальную ответственность согласно законодательству РФ [3].

Криминологическая характеристика принуждения к изъятию органов для трансплантации. Международная практика показывает, что расследование преступлений в сфере трансплантации требует не только правовых, но и организационно-процессуальных механизмов взаимодействия.

Финансовая мотивация побуждает медицинских работников к злоупотреблениям и сокрытию информации, что затрудняет расследование таких преступлений, отмечает В.М. Тринчук.

Есть предположение, что часть пропавших без вести людей становятся жертвами криминальной трансплантологии. Ежегодно в России объявляют в розыск 100 тысяч человек, 7,4% из них становятся жертвами убийц, и многих не находят, что вызывает опасения о масштабах этих преступлений.

Нелегальный рынок трансплантатов связан с торговлей людьми, включая перевозку нелегальных иммигрантов, рабский труд и прислугу из развивающихся стран, а также детей для незаконного усыновления. Девушек могут вербовать и отправлять под видом престижной работы за границу, а затем заставляют заниматься проституцией и продают для трансплантации органов [7]. Преступления в сфере трансплантологии связаны с организованной преступностью: группировки координируют вербовку, транспортировку и продажу органов через сети врачей и посредников [5].

Дела о незаконном изъятии органов чаще всего возбуждаются по ст. 120 Уголовного кодекса РФ (принуждение к изъятию органов или тканей человека), а также по совокупности с преступлениями против личности (убийство, причинение вреда здоровью, торговля людьми). На досудебной стадии особое значение имеют: установление цепочки передачи органов и медицинских документов; проверка правомерности действий медицинского персонала; фиксация доказательств при осмотре помещений и медицинских учреждений; процессуальное документирование показаний свидетелей и специалистов.

Поищем судебные решения по донорству и трансплантации на сайте «СудАкт.ру». Поиск по ключевому слову «трансплантология» выявил только 1 судебное решение от 16.02.2018 г. по делу № 2-226/2018, вынесенное Центральным районным судом г. Барнаула. При поиске по ключевому слову «донорство» выявлено: 87 решений Верховного Суда РФ; 5 641 решение Арбитражных судов; 21 419 документов судов общей юрисдикции.

При поиске по ключевому слову «донорство» на сайте «СудАкт.ру» следует быть внимательным, так как он выдает судебные документы не только по медицинским, но и по экономическим и транспортным делам. Например, в Постановлении от 28.02.2024 г. по делу № А51-6000/2023 Арбитражного суда Приморского края, недра рассматривается как донор российской экономики [4]. В целях систематизации следственной практики целесообразно доработать федеральную базу судебных решений.

Медицинские документы — одно из ключевых доказательств по уголовным делам данной категории. В ходе предварительного расследования следователь обязан истребовать оригиналы или заверенные копии карт донора и реципиента, журналов процедур, заключений врачей. Для повышения эффективности расследования предлагается разработать процессуальный шаблон «Выдержка из медицинской документации», содержащий основные сведения, необходимые для анализа причин смерти и соблюдения медицинских показаний (Таблица 1).

Таблица 1 - Проект Выдержки из медицинской документации

Выдержка из медицинской документации
по уголовному делу №…

_____ «__» _____ 20__ г

(место составления)

Составил _____
_____
_____

(должность, классный чин или звание, фамилия, имя, отчество)

В материалах уголовного дела _____,
содержаться следующие медицинские документы (перечислить):

_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____

В ходе изучения медицинской документации выявлено, что*:

_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____

Наименование медикамента / / процедуры	Дозировка / /объем / / количество	Место и способ введения	Дата и время

Итоги лечения:

_____
_____
_____
_____
_____

Составил:

_____

(должность,

_____ _

классный чин или звание,

_____ _____

фамилия, инициалы) (подпись)

* Указать информацию о лице (пол, возраст, гражданство), о его медицинских болезнях / травмах (диагноз / диагнозы с указанием даты их установления), о его медицинских показателях (пульс, сатурация (кислород в крови)), о лечение (указать какими медикаментами, когда и в каком количестве лечили, какие и когда делали процедуры и терапию), указать результаты лечения.

Применение специальных знаний требует привлечения судебно-медицинских экспертов и специалистов-медиков. Следователю важно грамотно ставить перед ними вопросы, касающиеся причин смерти, характера повреждений и законности медицинского вмешательства.

Расследование преступлений данной категории требует тесного сотрудничества следственных органов с Минздравом, Росздравнадзором, судебно-медицинскими лабораториями и экспертными учреждениями. Следователи нередко сталкиваются с необходимостью интерпретации сложных медицинских данных.

В этой связи обосновано предложение о введении должности следователя по медицинским делам, обладающего специальной подготовкой в области судебной медицины и медицинского права. Это позволит повысить качество процессуальных решений и снизить количество ошибок при оценке доказательств.

Для повышения эффективности расследования авторы предлагают: закрепить обязательность судебно-медицинской экспертизы по всем делам, связанным с изъятием органов и тканей; предусмотреть в УПК РФ процессуальную форму изъятия биоматериала с участием специалиста-медика; внедрить институт процессуального консультанта-врача при следственных действиях; разработать систему обучения следователей по медицинскому праву и судебной медицине.

В заключение к данной работе необходимо отметить, что уголовно-процессуальное регулирование расследования преступлений, связанных с донорством и трансплантацией органов, требует совершенствования механизмов доказывания, расширения использования специальных знаний и повышения уровня под-

готовки следователей. Реализация предложенных мер позволит повысить качество предварительного расследования и обеспечить надлежащую защиту прав граждан, вовлечённых в сферу трансплантологии.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://ivo.garant.ru/#/document/12125267/paragraph/1/doclist/2377/1/0/0:0 (дата обращения: 14.10.2025).
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/7025 (дата обращения: 14.10.2025).
3. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/136366/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/ (дата обращения: 14.10.2025).
4. СудАкт.ру: судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.10.2025).
5. Торговля людьми с целью извлечения органов и связанные с ней деяния: справочный документ, подготовленный Секретариатом Конференции участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 19 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/WG_TIP_2024/2/CTOC_COP_WG.4_2024_2_R.pdf (дата обращения: 14.10.2025).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.10.2025).
7. Фабрика Т. А. Криминологические особенности незаконного изъятия или использования органов и (или) тканей потерпевшего для трансплантации / Т. А. Фабрика // Вестник Самарского юридического института. – 2011. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-osobennosti-nezakonnogo-izyatiya-ili-ispolzovaniya-organov-i-ili-tkaney-poterpevshego-dlya-transplantatsii (дата обращения: 14.10.2025).

© Филин М.В., 2025

EDN: IUUICO

Фок Светлана Викторовна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт–Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Даровских Ольга Игоревна,
профессор кафедры уголовного процесса
Санкт–Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

Дифференциация досудебного производства Итальянской Республики и Российской Федерации

Аннотация: в статье проведен сравнительно-правовой анализ осуществления досудебного производства Италии и Российской Федерации, в ходе которого выявлены существенные отличия. На основании мнений ученых сделан вывод о трудностях, возникающих при применении в Италии уголовно-процессуального законодательства, а также существовании правовых пробелов.

Ключевые слова: досудебное производство; дифференциация; прокурор, предварительное расследование; стадия; формы.

В Италии, принадлежащей к романо-германской правовой системе, уголовное судопроизводство осуществляется на основании Уголовно-процессуального кодекса (codice di procedura penale) от 22 сентября 1988 г. (далее по тексту УПК Италии) [1]. Дифференцируется на судебное и досудебное производство. Как и в Российской Федерации, досудебное производство выполняет ведущую функцию, поскольку на данном этапе собираются доказательства, необходимые для последующего рассмотрения уголовного дела в суде. При этом, несмотря на имеющие сходства, существует множественные отличия досудебного производства Италии и Российской Федерации.

Так, УПК Италии не предусматривает разделения на дела частного и публичного обвинения, что является следствием обязанности прокуроров в соответствии со ст. 112 Конституции осуществлять уголовное преследование по любому преступлению [2].

Несмотря на то, что формально досудебное производство начинается с момента внесения прокурором в соответствующий реестр сообщения о преступлении, полученного самостоятельно или от полиции, срок предварительного следствия начинает исчисляться лишь с момента внесения в вышеуказанный реестр сведений о лице, совершившем преступление.

Сроки исчисляются в часах, днях, месяцах или годах. Предварительное следствие прокурором должно быть завершено в течение одного года, но если оно проводится по правонарушениям, то срок составляет 6 месяцев, а для наиболее сложных преступлений, составляет 1 год и 6 месяцев. Предусматривается продление указанных сроков, которое осуществляется судом, на основании заявленного прокурором ходатайства. При этом максимальный срок для правонарушений не более 1 года, для общеуголовных не более 18 месяцев, для наиболее сложных преступлений не более 2 лет. Характерно отметить, что в случае неустановления лица, подозреваемого в совершении преступления, прокурор вправе в течение 6 месяцев со дня совершения преступления ходатайствовать перед судом о прекращении дела.

Целью предварительного следствия является установление обстоятельств необходимых для возбуждения уголовного преследования. И несмотря на то, что судебная полиция наделена полномочиями по проведению следственных действий и расследованию, однако действует она лишь по указанию прокурора. В отличие от УПК РФ, в Италии защитник наделен правом производства следственных действий в ходе досудебного производства, но только лишь с целью выявления и получения доказательств в пользу своего подзащитного.

Окончанием предварительного следствия является принятие прокурором одного из двух процессуальных решений: возбуждение перед судом ходатайства о предъявление обвинения (возбуждении уголовного преследования) или о прекращении дела. В случае принятия первого из указанных решений, прокурор обязан уведомить подозреваемого о завершении предварительного следствия, а также о имеющейся возможности на ознакомление подозреваемого и его защитника с документами по проведенному расследованию. Отсутствие указанного уведомления, влечет за собой признание поданного ходатайства в суд недействительным.

Отличаются от Российской Федерации и основания принятия второго из указанных решений. Так, уголовное дело может быть прекращено не только в связи с необоснованностью сообщения о преступлении, но и в случаях совершения преступлений небольшой тяжести или причинения малозначительного ущерба, поскольку такие дела не заслуживают судебного преследования.

Еще одним отличием, является отсутствие в УПК Италии особенностей производств в отношении недееспособных лиц, совершивших преступление или правонарушение, а также несовершеннолетних. В период производства экспертизы, с целью определения психического состояния лица, сроки предварительного следствия приостанавливаются, а прокурор вправе производить только те действия, которые не требуют сознательного участия подследственного. По истечению 6 месяцев, если психическое состояние обвиняемого не изменяется, судом принимается решение об отказе в возбуждении уголовного преследования. При необходимости обязательного лечения лица, совершившего преступление, прокурор в ходе досудебного производства ходатайствует перед судьей о получении постановления о временной госпитализации.

В отношении несовершеннолетних обвиняемых уголовное судопроизводство осуществляется на основании Положения, утвержденного Указом Президента Республики от 22 сентября 1988 г. [3].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Италии отсутствует дифференциация досудебного производства на стадии и формы расследования, но также как и в Российской Федерации в УПК Италии существуют правовые пробелы, а также возникают трудности в его применении на практике.

Как отмечает в своем исследовании Марко Фабри, обязанность прокурора незамедлительного внесения в реестр сообщения о преступлении, вызывает определенные трудности, так как в некоторых городах на каждого прокурора приходится более 5000 дел. Потеря и утрата важной информации, имеющей значение для уголовного дела, по причине бездействия полиции, является следствием законодательно закрепленной обязанности прокурора по руководству расследованием [4].

Каяньелло Микеле, считает, что одной из проблем является начало срока предварительного расследования, ведь отсчет начинается не с момента внесения в реестр сообщения о преступлении, а внесение сведений о лице его совершившим. Предоставление права прокурора ходатайствовать о прекращении расследования при отсутствии достаточных доказательств для эффективного судебного преследования, хоть и было вызвано необходимостью уменьшения количества нерассмотренных дел судами, но в виду отсутствия законодательно закрепления конкретных оснований, предоставляет прокурору свободу действий по выбору дел, заслуживающих судебного преследования [5].

По мнению Франческо Росси, Джулиа Дуколи, Джузеппе Скена «обязательное судебное преследование также неизбежно требует больших финансовых и структурных инвестиций в прокуратуру, а также инвестиций в человеческие ресурсы, по крайней мере, с точки зрения найма персонала и повышения его профессиональной подготовки» [6].

Резюмируя вышесказанное, отмечаем, что отличия досудебного производства Италии от Российской Федерации заключаются в следующем: отсутствует дифференциация уголовного преследования, а также стадии и формы расследования; начало исчисления и срок расследования; уполномоченным лицом на проведение расследования является прокурор, который обладает правом проведения расследования, но не принятием итогового решения; защитник наделен правом производства следственных действий; прекращение расследования возможно даже при установлении лица, совершившего преступление и собранных доказательства его вины лица, но лишь по преступлениям небольшой тяжести или причинении малозначительного ущерба.

Список литературы:

1. Codice di procedura penale 22.09.1988 // Портал действующего законодательства Normattiva [Электронный ресурс]. – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:presidente.repubblica:codice.procedura.penale:1988-09-22;447 (дата обращения: 09.09.2025).

2. Costituzione Della Repubblica Italiana 01.01.1948 // Портал действующего законодательства Normattiva [Электронный ресурс]. – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:costituzione (дата обращения: 09.09.2025)

3. Le disposizioni sul processo penale a carico di imputati minorenni 22.09.1988 // Портал действующего законодательства normattiva [Электронный ресурс]. – URL: https://www.normattiva.it/esporta/attoCompleto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1988-10-24&atto.codiceRedazionale=088G0493 (дата обращения: 10.09.2025).

4. Marco Fabri. Criminal Procedure And Public Prosecution Reform In Italy: A Flash Back // International Journal For Court Administration [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/285752953 (дата обращения: 11.09.2025).

5. Caianiello Michele. Increasing Discretionary Prosecutor's Powers: The Pivotal Role of the Italian Prosecutor in the Pretrial Investigation Phase // Oxford Handbook Topics in Criminology and Criminal Justice [Электронный ресурс]. – URL: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935383.013.122 (дата обращения: 11.09.2025).

6. Francesco Rossı, Giulia Ducolı, Giuseppe Schena. Pre-trial Procedure in Italy // A Comparative Analysis of Pre-Trial Procedure in Europe: The Search for an Ideal Model. Istanbul University Press, 2020. – p.p. 109-132.

© Фок С.В., 2025

EDN: JKRYMW

Черкасова Юлия Александровна,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Волынская Ольга Владимировна,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

К вопросу о важности существования раздела II УПК РФ в контексте исследования категории участников, обладающих неопределённым процессуальным статусом

Аннотация: в статье анализируется роль раздела II УПК РФ в урегулировании процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, а также отмечается, что он (раздел) наделяет участников «определённым» видом процессуального статуса. Автор указывает, что отсутствие четкого статуса у отдельных категорий участников приводит к злоупотреблениям правом и нарушению принципа равенства сторон.

Ключевые слова: злоупотребление правом; классификация; правовая неопределённость; права и обязанности; процессуальный статус; участники уголовного судопроизводства.

В современном уголовном процессе, где соблюдение прав и законных интересов каждого участника является одним из показателей справедливого уголовного судопроизводства, особое значение приобретает чёткое определение процессуального статуса лиц, вовлечённых в сферу уголовного преследования. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда отдельные участники оказываются в зоне неопределённости, не подпадая под строгие рамки, установленные действующим законодательством. Неопределённость в статусе лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, создает серьезные препятствия для обеспечения справедливости и эффективности правосудия.

В связи с этим, особенно актуальным становится вопрос о чёткости и непротиворечивости законодательной базы, регулирующей их положение. Условная

классификация участников, закреплённых в разделе II УПК РФ, является предметом для научных дискуссий, что, по нашему мнению, обусловлено следующими причинами.

Во-первых, дифференцированием только по одному основанию - «в зависимости от реализуемых функций» [1, с. 88; 2, с. 168].

Во-вторых, наличием спорных моментов в отнесении к какой-либо из сторон.

В-третьих, появление в теории уголовно-процессуального права категории, обозначенной как «участники уголовного судопроизводства с неопределённым процессуальным статусом» [3, с. 207] (например, заявитель, залогодатель, статист, поручитель и т.д.).

«Неопределённость» процессуального статуса обусловливается отсутствием лица в перечне, обозначенном в разделе II УПК РФ. В связи с чем возникает вполне закономерный вопрос: если законодатель закрепил в конкретной статье статус участника уголовного судопроизводства и урегулировал его правовое положение в главах 5-8 УПК РФ, можно ли считать, что его статус определённый? Ведь, если обратить внимание, им посвящается целый отдельный раздел, наравне, к примеру, с доказыванием и доказательствами или с мерами процессуального принуждения. Отметим, что у некоторых участников, указанных в разделе II УПК РФ, есть права и обязанности, которые указаны в других главах и разделах, в зависимости, к примеру, от его участия в следственных или иных процессуальных действиях.

Полагаем, что законодатель, закрепляя статус участников уголовного судопроизводства в главах 5-8 УПК РФ, обозначает особое положение для данных лиц. В связи с чем, их процессуальный статус следует рассматривать как определённый.

Возможно предположить, что отсутствие анализируемого выше раздела привело бы к неорганизованности и неопределённости в сфере уголовного судопроизводства, в целом. Наиболее существенной проблемой, по нашему мнению, является то, что граждане, не обладающие юридическим образованием, не смогут найти свои процессуальные права и обязанности, если будут привлечены к производству по уголовному делу. Следовательно, в случае обжалования, представляется вероятным, что участник может остаться неосведомленным о допущенных нарушениях, даже при их наличии. Это обусловлено зависимостью от информации, предоставляемой следователем или дознавателем, что, в свою очередь, приводит к упущению возможности своевременного выявления и оспаривания указанных нарушений.

Отсутствие в УПК РФ раздела II, по нашему мнению, привело бы к следующим последствиям:

1) нарушение конституционных и уголовно-процессуальных принципов (в частности, ст. 11 УПК РФ);
2) несоблюдение гарантий участников уголовного судопроизводства, а также процессуальных прав и обязанностей;
3) потеря доверия к уполномоченным лицам – прокурору, следователю и дознавателю, в том числе, в целом, к системе правосудия;

4) отсутствие возможностей в эффективной защите своих прав и свобод;

5) возникновение сложностей в понимании закона, в частности, для лиц, не обладающих надлежащей квалификацией и образованием.

Законодательное урегулирование процессуального статуса участников уголовного судопроизводства в разделе II УПК РФ позволяет устранить явление, связанное с злоупотреблением правом и неправомерным влиянием на ход судебного разбирательства. Закрепление прав и обязанностей позволяет снизить риск манипулирования процессом уполномоченными лицами при рассмотрении и разрешении уголовного дела. Разграничение элементов процессуального статуса создает целостное представление о предназначении и роли того или иного участника уголовного судопроизводства. Интерпретируя ситуацию с противоположной стороны, в отношении лиц, чьё процессуальное положение не имеет чёткой определённости, наблюдается практика разъяснения следователями и дознавателями прав и обязанностей, схожих правам и обязанностям других участников, например, свидетеля или понятого. Подобный подход, по нашему мнению, следует квалифицировать как неправомерное действие со стороны должностных лиц, поскольку он может вести к размыванию границ процессуальных статусов и, как следствие, к нарушению прав и законных интересов.

Отметим, что разъяснение положений ст. 11 УПК РФ является обязательным, а значит, перед следственным или иным процессуальным действием, следователь или дознаватель обязаны обозначить основные положения их статуса. Возникает вопрос: что должно разъяснять уполномоченное лицо, если у участников с неопределённым процессуальным статусом нет законодательно закрепленных прав и обязанностей? Действительно, с целью реализации уголовно-процессуального принципа, следователи и дознаватели в практической деятельности нашли выход, который обозначен выше. Повторимся, что его правомерность в отношении не урегулированных лиц в разделе II УПК РФ вызывает сомнения.

Подводя итог, отметим, что раздел II УПК РФ играет важную роль в урегулировании процессуального статуса, в частности, устраняет вероятность смешения прав и обязанностей и появления такого явления, как злоупотребление правом, а также обеспечивает равный доступ к справедливому правосудию. Указанная выше категория участников на законодательном уровне такой информацией на обладают, что приводит к применению следователями и дознавателями – аналогии, а также нарушению основных принципов уголовного судопроизводства. Таким образом, в контексте исследования категории лиц, обладающих неопределенным процессуальным статусом, существование раздела II УПК РФ важно в связи с тем, что он (раздел) наделяет участников уголовного судопроизводства определённым видом процессуального статуса.

Список литературы:

1. Кучев, А. В. Понятие и классификация участников уголовного процесса / А. В. Кучев // Уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы сегодняшнего дня : сборник материалов всероссийской студенческой научной конференции, Пермь, 21 декабря 2022 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 87-91.

2. Лагуткина, Н. Б. Классификация участников уголовного судопроизводства / Н. Б. Лагуткина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 1(205). – С. 167-169.

3. Смолькова, И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И. В. Смолькова // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 205-210.

© Черкасова Ю.А., 2025

EDN: JLCXSZ

Шарыпкина Снежана Дмитриевна,
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
Уральского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Леонова Кристина Игоревна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России

Некоторые проблемы назначения и производства экспертизы в уголовном судопроизводстве России

Аннотация: судебная экспертиза является важной составляющей уголовно-процессуальной деятельности, однако в настоящее время наблюдается ряд проблем, связанных с порядком ее назначения и производства, которые оказывают значительное влияние на процесс раскрытия и расследования преступлений. В работе рассматриваются варианты решения указанных проблем, способствующие наиболее эффективному использованию заключения и показаний эксперта в процессе доказывания.

Ключевые слова: экспертиза, специальные знания, частный эксперт, государственное экспертное учреждение, заключение эксперта.

Экспертиза в уголовном процессе играет важную роль в установлении истины по делу, обеспечении принципов законности и справедливости в ходе производства по уголовному делу. Заключения и показания эксперта, как вид доказательств в уголовно-процессуальной деятельности, закреплены в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) [1].

Однако, как показывает следственно-экспертная практика, причиной низкой раскрываемости преступлений является недостаточное и неэффективное использование возможностей судебной экспертизы в процессе доказывания, которое обуславливается несовершенством законодательства в сфере назначения и производства судебной экспертизы.

Как отмечают А.В. Мишин и П.Н. Мазуренко, одной из главных проблем является нарушение нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 195 УПК РФ, которая закрепляет процедуру ознакомления участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы [2, с. 86].

По-нашему мнению, не менее важной проблемой является отсутствие единого стандарта проведения конкретного вида экспертизы, которое приводит к

разнообразию подходов, а вследствие и к ошибкам в заключениях экспертов и их недостаточной обоснованности.

Само понятие «экспертиза» в учебной и научной литературе трактуется как специальное исследование, проводимое компетентным лицом (экспертом) в целях выяснения обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

В свою очередь, судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует наличия специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом лицом, в чьем производстве находится уголовное дело, а также иными участниками уголовного процесса, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [3].

Ее задачей является помощь суду и органам предварительного расследования в правильном разрешении дела, путем привлечения лица, владеющего специальными знаниями в необходимой области, для дачи заключения по возникшим у участников уголовного процесса вопросам.

Получение объективной информации, позволяющей установить фактические данные, имеющие значение для разрешения уголовного дела, является основной целью судебной экспертизы.

Как мы уже отмечали, анализируемое процессуальное действие производится экспертом, то есть лицом, обладающим специальными знаниями и навыками в определенной области науки, техники, искусства или ремесла и назначенным в соответствии с УПК РФ для производства судебной экспертизы и дачи заключений. Эксперт является независимым участником уголовного процесса, выполняющим свои функции объективно и беспристрастно. Его заключение основывается на результатах проведенных исследований с применением специальных знаний, методов и средств экспертного исследования.

Методы, применяемые экспертом в ходе исследования, должны не только соответствовать всем нормам действующего законодательства, но и обладать такими свойствами, как: научная обоснованность, допустимость и объективность.

Стоит отметить, что в Российской Федерации независимость эксперта является весьма субъективным критерием, так как государственные судебно-экспертные учреждения и органы следствия (дознания) находятся в подчинении одного и того же органа власти. Кроме того, независимость частных экспертов может иметь прямую связь с суммой гонорара за проведение экспертного исследования [4, с. 34].

Судебная экспертиза может быть назначена как на стадии судебного разбирательства, так и на стадии предварительного расследования. Стоит отметить, что в случае необходимости незамедлительного проведения экспертизы может быть назначена предварительная экспертиза для избежания порчи доказательств, затягивания сроков и возникновения других обстоятельств, препятствующих своевременному и наиболее справедливому разрешению дела.

По общему правилу на стадии предварительного расследования право назначения судебной экспертизы предоставлено следователю (дознавателю), а на стадии судебного разбирательства – суду, однако законодателем в ст. 196 УПК

РФ закреплены обстоятельства, при которых назначение судебной экспертизы является обязательным, например, для установления возраста подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего.

Решение о назначении судебной экспертизы на стадии предварительного расследования оформляется постановлением следователя (дознавателя), а на стадии судебного разбирательства – определением суда. Данное решение, выраженное в процессуальной форме, является основанием производства судебной экспертизы.

После вынесения соответствующего процессуального документа материалы уголовного дела, необходимые для производства экспертизы, предоставляются руководителю экспертного подразделения или непосредственно частному эксперту, при этом им разъясняются права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ.

Не менее важной является процедура ознакомления подозреваемого обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя с постановлением о назначении экспертизы. Именно на этом этапе могут быть нарушены права, закрепленные в ч. 3 ст. 195 и ч. 1 ст. 198 УПК РФ, так как зачастую следователь (дознаватель) знакомит указанных участников уголовного судопроизводства сразу с двумя процессуальными документами: с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта, проводившего назначенную экспертизу. Указанное присутствует в случаях, когда судебная экспертизы назначается на стадии возбуждения уголовного дела, а заключение эксперта поступает уже на стадии предварительного расследования. Следователь (дознаватель) при вынесении постановления о назначении судебной экспертизы не вправе ознакомить с ним подозреваемого (обвиняемого), защитника или потерпевшего, так как до возбуждения уголовного дела у данных лиц отсутствует процессуальный статус. В результате чего, у вышеуказанных лиц отсутствует возможность ходатайствовать об постановке дополнительных вопросов перед экспертом, либо об их изменении в постановлении следователя (дознавателя) о назначении судебной экспертизы.

Таким образом, происходит нарушение конституционных прав граждан. По нашему мнению, необходимо дополнительно закрепить в ч. 3 ст. 195 УПК РФ обязанность следователя ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы заинтересованных лиц при проверке сообщения о преступлении, в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Эксперт, проводивший экспертизу на стадии предварительного расследования, может быть вызван для участия в судебном разбирательстве, при этом вынесение судом дополнительного определения о назначении экспертизы не требуется.

После выяснения всех обстоятельств дела, имеющих значение для дачи заключения, председательствующий предлагает прокурору, подсудимому, его защитнику и другим участникам судебного заседания подать в письменном виде вопросы, которые они желают поставить перед экспертом.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 (далее - ПП ВС РФ № 28), вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний [5].

Если произвести экспертизу в судебном заседании невозможно, суд может вынести определение о производстве экспертизы в экспертном учреждении и направить туда все необходимые материалы, после чего будет объявлен перерыв либо слушание дела будет отложено до момента получения заключения эксперта.

Апелляционный суд вправе назначить судебную экспертизу в случае, если такая мера необходима для проверки и подтверждения обстоятельств, указанных в жалобе гражданина или в представлении прокурора. При этом порядок назначения экспертизы будет тот же.

В кассационном порядке судебная экспертиза назначается редко, поскольку эта стадия сосредоточена на проверке законности и обоснованности решений судов первой и второй инстанций. Однако, в гл. 37 УПК РФ предусмотрена возможность назначения судебной экспертизы. Стоит отметить, что в надзорной инстанции суд не вправе назначать экспертизы.

Главное отличие заключается в том, что в апелляционном и кассационном порядках экспертиза назначается в основном для проверки ранее допущенных ошибок, тогда как в первой инстанции она назначается для первоначального исследования доказательств.

Порядок производства судебной экспертизы зависит от того, где проводится исследование. Если проведение экспертизы поручено государственному экспертному учреждению, то руководителю данного учреждения направляются все необходимые материалы, в том числе постановление о назначении экспертизы, в свою очередь, руководитель сам назначает лицо, ответственное за производство экспертизы, которое в дальнейшем, в случае нарушения законодательных норм, несет уголовную ответственность, предусмотренную ст. 307 и ст. 310 УК РФ, за дачу заведомо ложного заключения и (или) за разглашение данных предварительного расследования соответственно [6].

В случае проведения исследования частным экспертным учреждением, необходимые материалы передаются лично эксперту, которому также разъясняются его права и ответственность.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что законодатель за последние годы существенно расширил перечень обстоятельств, предусматривающих обязательное производство судебных экспертиз, установил возможность назначения всех ее видов до возбуждения уголовного дела.

Такое положение во многом обусловлено изменением структуры преступности, появлением новых способов совершения и сокрытия преступлений, что, в свою очередь, вызвано научно-техническим прогрессом и закономерным развитием экономической и социально-политической жизни страны. В последние десятилетия существенно повысилась мобильность преступников, их техническая оснащенность.

По результатам исследования института назначения и производства судебных экспертиз была выявлена проблема, существенно влияющие на обеспечение

соблюдения прав всех сторон уголовного процесса — это нарушение процедуры ознакомления участников уголовного процесса с постановлением о назначении экспертизы.

Для решения указанной проблемы необходимо законодательно урегулировать момент, связанный с процедурой ознакомления участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении экспертизы, так как на практике часто встречаются ситуации, когда следователь (дознаватель) знакомит подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других участников одновременно с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта, проводившего назначенную экспертизу, что приводит к нарушению прав указанных участников ввиду нарушения порядка такого ознакомления.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г.№ 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 31.08.2025).
2. Мишин А.В., Мазуренко П.Н. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы: ВЭПС. [Электронный ресурс]. 2017. С. 86-89. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 01.09.2025).
3. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г.№ 28 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 31.08.2025).
4. Боярова М.А. Особенности правового статуса эксперта в рамках уголовного процесса: Известия Института систем управления СГЭУ. 2019. С. 34-36.
5. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 02.09.2025).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 31.08.2025).

© Шарыпкина С.Д., 2025

EDN: JMQAVJ

Шулятицкий Иван Андреевич,
курсант факультета юриспруденции
Дальневосточного юридического института МВД России
имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Горчакова Екатерина Витальевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России
имени И.Ф. Шилова

In dubio pro duriore, или опыт европейского уголовного судопроизводства

Аннотация: в статье была предпринята попытка обобщить точки зрения на возможность приложения принципа швейцарского уголовного судопроизводства in dubio pro duriore на российское законодательство. Были приведены доводы в пользу применения сравнительно-правового метода. Был сделан вывод о целесообразности введения рассматриваемого принципа в толковании, данном в статье, в стадию возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; УПК Швейцарии; интеграция; начало производства по делу; проверочные действия; теория неустранимых сомнений.

Качество современного уголовно-процессуального законодательства часто подвергается критики как со стороны правоприменения, так и со стороны доктрины. А.С. Бахта отмечает, что на сегодняшний день практически все правовые институты и нормы уголовно-процессуального права требуют значительной доработки [1, с. 191]. Особое внимание в науке отводится обсуждению основных начал уголовного судопроизводства: понятие и система принципов уголовного процесса, система стадий, доказательственное право и др. Действительно, невозможно говорить о построении эффективного законодательства, не имея тщательно разработанной доктринальной базы.

В контексте нашего рассуждения актуальным представляется применение сравнительно-правового метода юридической науки. Сущность этого метода заключается в обращении к зарубежному опыту построения правовых систем с целью его применения для создания собственного законодательства.

В уголовно-процессуальной науке ведутся активные дискуссии о применимости сравнительно-правового метода. Доводы его противников, основанные на

стремлении сохранить «самобытность» отечественной доктрины, кажутся некоторой попыткой возврата к изоляционизму советской правовой науки. Однако возможности, которые открываются благодаря данному методу крайне перспективны [6, с. 50].

Обратившись к опыту реформирования уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, мы можем проанализировать возможность осуществления подобных изменений в собственном законодательстве, выделить лишь наиболее эффективные элементы правового регулирования [3, с. 261].

В контексте уголовно-процессуальной науки особенно эффективным представляется обращение к государствам, модель уголовного судопроизводства которых, наиболее похожа на российскую. Опуская государства постсоветского пространства, модели уголовного процесса которых вытекли из Основ уголовного судопроизводства СССР, наиболее интересными для российского правопорядка видятся европейские государства, правовая система которых основана на принципах германского права. К такому выводу мы приходим в связи со схожестью моделей уголовного судопроизводства указанных государств с российской. Некоторые страны указанной семьи полностью или частично сохранили стадию доследственной проверки, или имеют её аналоги, отказались от концепции судебного следствия, имеют похожие черты в части полицейского дознания.

В контексте темы статьи для нас интересен УПК Швейцарии, принятый в 2007 г., и вступивший в силу в 2011 г., который вводит новый принцип in dubio pro duriore («при сомнении — по наиболее строгому варианту»).

В уголовно-процессуальной науке довольно подробно исследован принцип in dubio pro reo («в случае сомнения — в пользу обвиняемого»), который стал частью принципа презумпции невиновности и получил свое отражение в ч. 3 ст. 14 УПК РФ. Швейцарское же судопроизводство пошло по пути введения на равне с принципом in dubio pro reo принципа in dubio pro duriore.

В швейцарском судопроизводстве рассматриваемый принцип работает следующим образом. Если у полиции есть сомнения, начинать ли дознание, то необходимо приступить к его производству. Если прокурор сомневается, нужно ли издать постановление об открытии производства по делу, то он должен его вынести. Если он, исходя из имеющейся доказательственной базы, однозначно не уверен, по каким статьям уголовного закона необходимо предъявлять обвинение, то его следует выдвинуть по более тяжкому из предполагаемых деяний (даже если имеются определенные основания полагать, что обвиняемый, возможно, совершил менее тяжкое преступное деяние).

Моментом начала научной дискуссии о рассматриваемом принципе можно считать статью А.А. Трефилова [7], в которой он предпринял попытку переложить данный принцип на российскую модель уголовного судопроизводства.

А.А. Трефилов видит наличие принципа in dubio pro duriore в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, особенно доследственной проверке, в судебных отдавая предпочтение in dubio pro reo, поскольку несмотря на какую-либо квалификацию действий обвиняемого в досудебном производстве, он считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет

доказана в судебных стадиях процесса в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором.

Так, А.А. Трефилов рассуждает о концепции «квалификации с запасом», ситуация, при которой практические работники квалифицирует деяние по более строгой статье, чем позволяют доказательства для «подстраховки», защиты себя от возвращения дела на дополнительное расследование, поскольку суд всегда может переквалифицировать деяние на более мягкое. Он усматривает в ней проявление того самого in dubio pro duriore, однако согласимся с позицией В.В. Клювганта [5, с. 75], который видит такую концепцию «следственной ошибкой» и отчетливым противоречием принципу законности и одной из задач уголовного судопроизводства, закрепленной в ч. 2 ст. 6 УПК РФ.

Предварительное расследование в той форме, в которой оно присуще российскому уголовному судопроизводству, не позволяет ставить вопрос о «вероятных» обвинительных заключениях, с которыми пришлось бы «разбираться» суду, об отказе от презумпции невиновности в пользу in dubio pro duriore [2, с. 630]. Презумпция невиновности в этом контексте является конституционным основанием судебной системы в Российской Федерации (ст. 49 Конституции РФ).

Процессуалисты сходятся во мнении о наличии in dubio pro duriore в стадии возбуждения уголовного дела и необходимости законодательной регламентации соответствующих норм в УПК РФ. Прежде всего, устанавливая основания для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140) и для предъявления обвинения (ч. 1 ст. 171) УПК РФ предполагает, что степень доказанности вины лица на этот момент может быть меньшей, чем при постановлении обвинительного приговора.

Так, можно говорить о сложившейся на практике квалификации преступлений в постановлении о возбуждении уголовного дела. Л.В. Головко приводит здесь в пример случай взрыва движущегося в людном месте автомобиля, повлекшего гибель людей [4, с. 80]. Даже если исходить из возможности несчастного случая (автомобиль на законных основаниях перевозил взрывоопасные вещества), необходимость предварительного расследования не вызывает сомнений. Мы понимаем, что в начале расследования, при наличии скудной доказательственной базы, мы не можем не иметь в виду все возможные варианты квалификации: террористический акт, убийство по заказу, сопряженное с умышленным или неумышленным причинением смерти иным лицам; халатность, нарушение правил перевозки взрывчатых веществ и т.д. Здесь можно говорить и о скудном спектре процессуальных действий, проведение которых возможно в рамках доследственной проверки, позволяющих более точно установить обстоятельства совершенного деяния, что также часто подвергается критики в процессуальной науке. В этой связи правоприменительная практика исходит из необходимости возбуждения уголовного дела по самой суровой статье УК РФ, в рассматриваемом случае террористический акт (ст. 205 УК РФ).

В частности, А.А. Трефилов говорит о необходимости внесения в Приказ МВД России №38, Генпрокуратуры России №14, СК России №5 от 16.01.2015 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным

исчезновением лиц» указания о возбуждении уголовного дела по статье «Убийство» (ст. 105 УК РФ) как гарантия проведения всего комплекса оперативно-розыскных и проверочных мероприятий.

Для нас также представляет интерес Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» в рамках которого также возможно законодательное регулирование вышеназванных положений.

Мы возвращаемся здесь к широко обсуждаемой проблеме совершенствования стадии возбуждения уголовного дела. Очевидной является необходимость дальнейшей работы над законодательным регулированием вопросов приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях в контексте права граждан на доступ к правосудию. Предлагаем в этой связи имплементацию в законодательство опыта сравнительно-правовых исследований, в частности положений в рамках исследования принципа in dubio pro duriore.

Список литературы:

1. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования как приоритетное направление развития уголовно-процессуальной теории // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №2. — С. 191-195

2. Васильев О.Л. Генезис отечественного предварительного расследования // Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головко. М., 2016. — С. 627 - 636.

3. Головко Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета МГУ. Кн. 11. М., 2009. — С. 260 - 265.

4. Головко Л.В. Принцип in dubio pro duriore и теория неустранимых сомнений, или о пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. 2016. № 8. — С. 72-84.

5. Клювгант В.В. Обвинительный уклон по-латыни (заметки по поводу статьи А.А. Трефилова) // Закон. 2016. N 6. — С. 74 - 78.

6. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран : монография / А. А. Трефилов. — Москва : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2019. — 1024 с.

7. Трефилов А.А. Соотношение принципов in dubio pro reo и in dubio pro duriore в Уголовном процессе Швейцарии и России // Закон. 2016, № 3. — С. 117-123.

© Шулятицкий И.А., 2025

EDN: KYRYBU

Экгардт Анастасия Владимировна,
соискатель Юридического института
Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

Научный руководитель:
Русман Галина Сергеевна,
заведующий кафедрой «Уголовный процесс,
криминалистика и судебная экспертиза»,
доктор юридических наук

К вопросу о выделении уголовно-процессуальных гарантий правосудия из института уголовно-процессуальных гарантий в российском уголовном судопроизводстве

Аннотация: уголовно-процессуальные гарантии – важнейший институт уголовного процесса, посредством которого обеспечивается реализация его назначения. Действующая ранее концепция существования лишь гарантий участников уголовного судопроизводства сменилась дуализмом, при котором сосуществуют частные и публичные интересы, что несомненно отразилось на процессуальных гарантиях. В связи с этим, актуальным становится вопрос выделения гарантий правосудия как отдельного субинститута.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные гарантии; правосудие; субинститут; гарантии участников уголовного судопроизводства; назначение уголовного процесса; баланс интересов.

Уголовно-процессуальные гарантии представляют собой одну из ключевых категорий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Однако, отсутствие законодательных дефиниций, отражающих определение и систему уголовно-процессуальных гарантий предопределило дискуссионность поставленного вопроса. Представители научного сообщества до сих пор не пришли к единому мнению относительно понятия и уголовно-процессуальной пригороды гарантий. Более того, по мере становления и развития научной мысли, а также изменения концепции уголовно-процессуального права, институт уголовно-процессуальных гарантий постепенно начал включать в себя два самостоятельных, но взаимосвязанных субинститута – гарантии участников уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальные гарантии правосудия. В условиях дефицита законодательных и доктринальных положений относительно определения понятия и места уголовно-процессуальных гарантий правосудия, считаем, что

исследование данного вопроса крайне важно как с позиции научного познания, так и с прикладной точки зрения.

На протяжении длительного времени в научном сообществе не было единого подхода к пониманию природы уголовно-процессуальных гарантий. Анализ многочисленных исследований, в том числе, прошлого столетия, позволяет нам выделить три ключевых подхода к пониманию сущности объекта настоящего исследования.

Сторонники первого подхода определяют уголовно-процессуальные гарантии через призму гарантий участников уголовного процесса. Например, соответствующий подход отражен в трудах П.А. Лупинской, которая раскрывает сущность уголовно-процессуальных гарантий как совокупность содержащихся в нормах права правовых средств, обеспечивающих всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности и использовать предоставленные права [8, с. 62]. Данный подход отражает лишь частный аспект уголовно-процессуальных гарантий, чрезмерно сужая их до «служения» интересам каждого отдельно взятого участника уголовного процесса и обеспечения механизма реализации его процессуального статуса. Аналогичное мнение отражено в трудах А.С. Стройковой [11, с. 38], А.Л. Цыпкина [12, с. 22]. А.С. Шаталова [14, с. 235] и других ученых-процессуалистов. На наш взгляд, отождествление уголовно-процессуальных гарантий лишь с гарантиями участников уголовного процесса (отдельно взятой личности) является недопустимым, поскольку такой подход чрезмерно сужает сущность уголовного процесса в целом и искажает его назначение. Рассмотрение сущности уголовно-процессуальных гарантий через призму необходимости защиты и обеспечения процессуального статуса участников неоправданно акцентирует внимание на частном аспекте.

Сторонники второго подхода рассматривают сущность уголовно-процессуальных гарантий через модель единства публичного и частного аспектов. По сравнению с предшествующим подходом, представители данного не отрицают наличие гарантий правосудия, но отрицают необходимость их выделения в качестве самостоятельной категории. По мнению Н.Н. Полянского, более целесообразным было бы устанавливать единую модель уголовно-процессуальных гарантий, в структуре которых гармонично сосуществовали бы как гарантии правосудия, так и гарантии личности. Данный подход объяснялся тем, что указанные виды уголовно-процессуальных гарантий тесно связаны между собой и их разделение не представлялось возможным, поскольку в уголовном процессе действует концепция единства системы гарантий личности и правосудия, поскольку все механизмы уголовного судопроизводства направлены одновременно на обеспечение прав и интересов личности и в то же время на решение задач процесса [9, с. 181]. Аналогичный подход прослеживается также в трудах В.Н. Григорьева [4, с. 69], В.И. Каминской [5, с. 56]. Считаем, что появление такого подхода в XX веке можно считать важнейшим шагом на пути признания учеными и законодателем публичности уголовного судопроизводства. В дальнейшем эта мысль, на наш взгляд, была положена в реформирование уголовно-процессуального зако-

нодательства и разработку субинститутов, направленных на обеспечение и защиту публичных интересов. К числу таких, помимо прочих, относятся уголовно-процессуальные гарантии правосудия. Однако, подход, сформулированный Н.Н. Полянским и в дальнейшем поддержанный другими учеными, едва ли можно признать верным в полном объеме. Мы согласны с мнением о том, что гарантии прав личности в некоторой степени включаются в систему уголовно-процессуальных гарантий правосудия. Однако, отождествлять и подменять данные категории было бы ошибочным, уголовно-процессуальные гарантии правосудия должны выделяться в качестве отдельного субинститута, включенного в состав института уголовного процесса – уголовно-процессуальные гарантии.

Сторонники третьего подхода сформулировали своего рода симбиоз предшествующих подходов и подчеркнули дуалистичность природы уголовно-процессуальных гарантий, то есть их связь как с публичными, так и с частными интересами. Наиболее ярко третий подход проявляется в трудах М.С. Строговича, который подчеркивает, что уголовно-процессуальные гарантии необходимы для правильного расследования и разрешения уголовного дела, то есть для того, чтобы по нему была установлена истина. Исходя из этого, ученым было сформулировано следующее определение: процессуальные гарантии – установленные процессуальным законом средства, которые обеспечивают правильное осуществление по каждому уголовному делу задач социалистического правосудия. Однако, М.С. Строгович указывал не только на публичный характер и значимость уголовно-процессуальных гарантий, но и на их частное предназначение, формулируя, с другой стороны, определение процессуальных гарантий следующим образом: установленные законом средства, которыми охраняются и обеспечиваются права и законные интересы участвующих в уголовном процессе лиц [10, с. 56]. Соотношение частного и публичного аспектов в уголовном судопроизводстве являлось предметом исследования О.Я. Баева, З.Ф. Ковриги, Л.Д. Кокорева, Д.П. Котова, В.А. Панюшкина, В.Я. Понарина, по результатам которого сформулировано следующее определение уголовно-процессуальных гарантий – система правовых средств, установленных и охраняемых законом для надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе, а также осуществления задач судопроизводства по уголовным делам [2, с. 74]. Соответствующая модель определения уголовно-процессуальных гарантий отражена в трудах Н.И. Капинус [6, с. 140], Н.С. Алексеева [1, с. 58], В.П. Божьева [3, с. 74] и других ученых-процессуалистов. Мы разделяем мнения авторитетных ученых, поддерживающих необходимость выделения в системе уголовно-процессуальных гарантий двух самостоятельных, но взаимосвязанных категорий – уголовно-процессуальные гарантии правосудия и гарантии участников уголовного процесса. Вместе с тем, отождествлять их недопустимо, поскольку в таком случае происходит искажение и размытие целей и предназначения уголовного процесса.

Сформулируем определение уголовно-процессуальных гарантий следующим образом: система процессуальных средств (уголовно-процессуальных норм, а также механизмов их реализации), посредством которой достигается назначение и цели уголовного процесса, а также обеспечивается баланс между

частным (обеспечение и охрана прав, интересов участников уголовного процесса) и публичным интересами (отправление справедливого и эффективного правосудия), находящихся под защитой закона и государства. Как мы ранее уже говорили, мы придерживаемся мнения о том, что уголовно-процессуальные гарантии – самостоятельный институт уголовно-процессуального права, внутри которого действует субинститут – уголовно-процессуальные гарантии правосудия.

Переходя к определению последних, отметим, что до сих пор в научном сообществе сущность и содержание уголовно-процессуальных гарантий правосудия должным образом не исследованы. П.Н. Шабанов, Л.В. Шеломанова, анализируя сущность процессуальных гарантий независимости судей (как одного из условий отправления справедливого и эффективного правосудия), определяют их как установленные уголовно-процессуальным законом положения, средства, которые позволяют выполнить назначение уголовного судопроизводства, исключают механизмы подчинения судьи в уголовном процессе, а также обеспечивают свободное и самостоятельное принятие судьями процессуальных решений по уголовному делу на основании и в соответствии с законом и согласно своим внутренним убеждениям, а также устанавливают особую процедуру привлечения судьи к уголовной ответственности в случае допущения последним нарушений, подпадающих под состав преступления [13, с. 24]. Позволим себе не согласиться с представленными точками зрения, поскольку независимость судей, как нам видится, само по себе представляет собой уголовно-процессуальную гарантию правосудия, у которой не могут быть составные гарантии. Однако, подход к сущности данной гарантии кажется нам уместным, поскольку в полном объеме отражает не только содержание, но и значение такой уголовно-процессуальной гарантии правосудия, как независимость судей.

В.А. Лебедев раскрывает сущность гарантий правосудия через призму конституционных процессуальных прав и свобод человека и гражданина, а именно, через право на защиту прав и свобод; право на рассмотрение дела, в том числе судьей, к подсудности которого оно отнесено законом; право на получение квалифицированной юридической помощи; презумпция невиновности; недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление; право не свидетельствовать против себя или близких родственников; право на защиту от обратной силы закона, который устанавливает или отягчает ответственность лица. В.А. Лебедев указывает, что эти права в совокупности гуманизируют правоприменительную сферу, в том числе, правосудие [7, с. 94]. Перечисленные В.А. Лебедевым права и свободы человека и гражданина представляют собой предмет, обеспечивающийся гарантиями участников уголовного процесса. В том случае, если представленные права будут рассматриваться через призму уголовно-процессуальных гарантий правосудия, то можно говорить о возвращении к изначальной концепции единства гарантий правосудия и гарантий участников уголовного процесса, что недопустимо, как мы ранее уже писали. В связи с этим, позволим себе не согласиться с В.А. Лебедевым.

Анализируя представленные мнения, отметим, что уголовно-процессуальные гарантии правосудия как субинститут уголовно-процессуальных гарантий в

научном сообществе не подвергались должному исследованию. В настоящее время существуют лишь фрагментарные исследования, либо труды с комплексным анализом отдельных гарантий правосудия, которые не содержат объемного представления о сущности и природе рассматриваемого нами субинститута. С учетом проведенного анализа сформулируем следующее определение уголовно-процессуальных гарантий правосудия: процессуальные средства, посредством которых достигается справедливое и эффективное рассмотрение и разрешение в соответствующей процессуальной форме вопросов, находящихся в компетенции судов и иных субъектов уголовного судопроизводства, с принятием общеобязательного решения, обеспечиваемого мерами государственного принуждения.

Утверждая то, что уголовно-процессуальные гарантии имеют право на существование в качестве отдельного субинститута, обратимся к нормам УПК РФ. Несмотря на то, что законодатель не оперирует формулировкой «гарантии», считать, что их не существует было бы недопустимым. Анализ материалов судебной практики, а также норм УПК РФ позволил нам выделить ряд уголовно-процессуальных гарантий правосудия: независимость и беспристрастность судей (ч.ч. 1-2 ст. 8.1 УПК РФ); свобода оценки доказательств (ч. 1 ст. 17 УПК РФ); независимость и беспристрастность присяжных заседателей (ч. 1 ст. 332 УПК РФ); тайность совещания присяжных заседателей (п. 5) ч. 1 ст. 333 УПК РФ, ст. 341 УПК РФ); обеспечение доступа к правосудию (ст. 52 Конституции РФ); разумный срок уголовного производства (ст. 6.1 УПК РФ); обязанность судьи выносить решение в совещательной комнате (ст.256 УПК РФ); запрет нарушения тайны сведений, полученных в ходе предварительного расследования или судебного заседания (ст. 161 УПК РФ) и так далее.

Сформулированный нами перечень уголовно-процессуальных гарантий правосудия не является исчерпывающим. Более того, выделенные нами гарантии применимы не только для суда и для присяжных заседателей, привлекаемых в порядке, установленном законодательством для отправления правосудия, но и для органов и должностных лиц, действующих на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, уголовно-процессуальные гарантии правосудия представляют собой самостоятельный субинститут уголовно-процессуальных гарантий, который получил право на существование сравнительно недавно (первая половина XX века). Однако, до сих пор данный субинститут не исследован должным образом и с позиции правового регулирования не оформлен, что обуславливает неопределенность его положения и места в системе уголовно-процессуальных гарантий. Считаем, что уголовно-процессуальные гарантии правосудия имеют важнейшее значение, поскольку уголовный процесс носит ярко выраженный публичный характер. Вместе с тем, в настоящее время наблюдается дисбаланс гарантий личности и правосудия. С целью формирования основы для отправления эффективного правосудия следует сформировать объемную конструкцию, отражающую сбалансированный перечень гарантий личности и правосудия, на котором мог бы строиться современный уголовный процесс.

Список литературы:

1. Алексеев, Н.С., Даев, В.Г., Кокорев, Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1980. – 251 с.

2. Баев, О.Я., Коврига, З.Ф., Кокорев, Л.Д., Котов, Д.П., Панюшкин, В.А., Понарин, В.Я. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве: монография / О.Я. Баев, З.Ф. Коврига, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов, В.А. Панюшкин, В.Я. Понарин, – Воронеж: издательство Воронежского университета, 1984. – 159 с.

3. Божьев, В.П. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. 3-е изд. перераб. и доп / В.П. Божьев. – Москва: изд-во Юрайт 2012. – 542 с.

4. Григорьев, В.Н. Победкин, А.В., Яшин, В.Н. Уголовный процесс: учебник / В.Н. Григорьев. – М.: Эксмо, 2023. – 960 с.

5. Каминская, В.И. В чем значение процессуальных гарантий в советском уголовном процессе / В.И. Каминская // Советское государство и право. – 1950. – № 5. – С. 46-56.

6. Капинус, Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук / Н.И. Капинус. – М., 2001. – 547 с.

7. Лебедев, В.А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты: монография / В.А. Лебедев. – М., 2016. – 411 с.

8. Лупинская, П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп / П.А. Лупинская. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.

9. Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М.: изд-во Московского университета, 1956. – 271 с.

10. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 томах. Том I: основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: изд-во «Наука», 1968. – 470 с.

11. Стройкова, А.С. Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук / А.С. Стройкова. – Ростов-на-Дону, 2005. – 141 с.

12. Цыпкин, А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Министерство высшего образования РСФСР. Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского / А.Л. Цыпкин. – Саратов, 1959. – 337 с.

13. Шабанов, П.Н. Независимость судей в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Шабанов. – Воронеж, 2009. – 24 с.

14. Шаталов, А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебный курс в 3-х томах. Т. I. Общие положения / А.С. Шаталов. – Москва – Великий Новгород, ИД МПА-Пресс, 2012. – 945 с.

© Экгардт А.В., 2025

Научное электронное издание

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы
международной научно-практической конференции
12 декабря 2025 г.

Составители:
Судницын А.Б., Цыреторов А.И., Чабукиани О.А., Даровских О.И., Алексеева Е.С., Кетенчиева Е.С., Погорелова К.Р.

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка *Городовая О. И.*

Системные требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-00277-012-0

9 785002 770120 >

EDN: INCNMN

Подписано к использованию 26.11.2025.
Объем 28,27 усл. авт. л. Заказ № 136/25. Тираж 10 экз.
Санкт-Петербургский университет МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1